eISSN 2592-916X
ISSN 2592-9232

PALLADIUM

ПАЛЛАДИЙ

Brīvās Universitātes Žurnāls • Журнал Свободного университета • Free University Journal # 19 (2026/3)

Специальные операции: выборы и историческая память

СВОБОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
BRĪVĀ UNIVERSITĀTE
RĪGA
freeuniversity.education • freeuniversity.press

PALLADIUM • ПАЛЛАДИУМ • ΠΑΛΛΑΔΙΟΝ
#19 (2026/3)

Специальные операции:
выборы и историческая память

Brīvās Universitātes Žurnāls
Журнал Свободного университета
Free University Journal

СВОБОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
BRĪVĀ UNIVERSITĀTE
RĪGA

Свободный университет работает
при поддержке Zimin Foundation
www.ziminfoundation.org

Palladium • Палладиум • Παλλάδιον

Brīvās Universitātes Žurnāls • Журнал Свободного университета •
Free University Journal

eISSN 2592-916X • ISSN 2592-9232 • DOI: 10.55167/82c438e14763

Все тексты настоящего издания публикуются на условиях лицензии Creative Commons Attribution License 4.0. Рисунок на обложке публикуется на условиях лицензии CC0 1.0 Universal Public Domain Dedication

#19 (2026/3) «Специальные операции: выборы и историческая память»
DOI: 10.55167/d444be87eb4d

Ответственные редакторы:
Елена Лукьянова, Андрей Бузин, Ярослав Савицкий

Рисунок на обложке: М. С.

Директор издательства Владимир Харитонов
Принт-менеджер Таня Рекис

Свободный Университет freeuniversity.education

Издательство Свободного Университета freeuniversity.press

В издательстве Свободного университета вышли в свет книги:

Елена Лукьянова «Конституционные риски 2»; *Елена Лукьянова, Илья Шаблинский* «Авторитаризм и демократия» (2-е изд.); *Ольга Крокинская* «Жизненный мир за закрытой дверью: Университет на карантине и в дистанте»; *Елена Лукьянова, Евгений Порошин* (при участии *Андроника Арутюнова*, *Сергея Шпилькина* и *Екатерины Зворыкиной*) «Выборы строгого режима»; *Elena Lukyanova, Evgeniy Poroshin* with the participation of *Sergey Shpilkin*, *Andronik Arutyunov*, and *Ekaterina Zvorykina* «Maximum Security Elections»; *Анатолий Кононов* «Особое мнение судьи Кононова»; *Михаил Минаков* «Постсоветский человек и его время»; *Елена Лукьянова* «Основной закон. Конституционная теория и российская практика»; *Филипп Кристоф Шмэдеке* «История реалистической теории демократии»

• А также восемнадцать номеров журнала «Palladium»:
#1 «Город как текст» #2 «Современные угрозы свободе» #3 «Социология войны» #4 «Ролан Барт и культура демократического общества» #5 «Мир и война. Двойная оптика» #6 «Государство и война» #7 «Наука и культура в эпоху катастрофы» #8 «Русский мир: история болезни» #9 «Язык и свобода» #10 «Патогенез суверенитета» #11 «Журналистика и образование во время войны» #12 «Язык и свобода II» #13 «Cor iuris» #14 «Нерусский мир» #15 «Право быть: животные в этике и праве» #16 «Сквернословие в современных российских масс-медиа, культуре и политике» #17 «Российские войны: материалы дела» #18 «Сущее и должное: онтология, этика, политика»

Содержание

Специальная выборная операция

6 Дмитрий Орешкин Рутинная катастрофа

9 Елена Лукьянова Выборы без выбора: Как Россия формирует правовую и электоральную легитимность

33 Электронное голосование в России: ситуация на 2026 год

42 Атлас выборов Изменения федерального избирательного законодательства с июля 2021 года по май 2026 года

59 Атлас выборов Партийная система на старте избирательной кампании ЕДГ-2026

68 Атлас выборов Выдвижение и регистрация кандидатов на выборах депутатов Государственной думы, назначенных на 20 сентября 2026 года

107 Атлас выборов Предвыборная агитация и административная мобилизация избирателей на выборах в единый день голосования 20 сентября 2026 года

157 Атлас выборов Боевые действия под покровом ночи

161 Атлас выборов Предварительная оценка выборов, назначенных на 20 сентября 2026 года

173 Александр Баунов Специальная выборная операция. О пяти ингредиентах новых российских выборов

179 Re: Russia Специальная электоральная фальсификация: что говорят результаты думских выборов о политической ситуации в России

195 В. М., В. Н./М. Российские авторитарные выборы: от гибридного к гегемонистскому паттерну

213 Андрей Бузин Что будет дальше с российскими выборами?

233 Дмитрий Козьмин «Идите на» как инструмент стратегического голосования — оценка эффективности

250 Александр Баунов Горизонталь власти

Специальная историческая операция

260 Введение

265 Алеся Маньковская Rus', Russia и Ruthenia: язык, перевод и ретроспективная проекция

291 Евгений Беркович Заложники Второй мировой

305 Ярослав Савицкий Исчезнувший памятник: польская память о советских репрессиях и проблема государственной ответственности в России

362 Юлия Градскова Депортированные в Казахстан народы. Обзор публикаций казахстанских ученых и возможные направления исследования
369 Александра Колесник Пропаганда и присвоение советского рока в России: наследие Виктора Цоя в современных государственных нарративах

Университетская жизнь
394 Конец математики?

Выражение «специальная военная операция», которой принято в официальной российской пропаганде называть войну в Украине, давно вышло за пределы самой войны. Всё, что делает российский режим, зачастую превращается в «специальную операцию»: кампания по ликвидации политической оппозиции, операция по искоренению ЛГБТ-сообщества, кампания по насаждению традиционных ценностей… Не исключение — выборы в российский парламент, масштаб фальсификаций, подтасовок и манипуляций в ходе которых превратил их в настоящую специальную выборную операцию. Не меньший размах и специальный характер часто принимает деятельность государства, направленная на установление режима управляемой исторической памяти. Настоящий номер «Палладиума» и посвящен двум таким специальным операциям — выборной и исторической.

Специальная выборная операция

Рутинная катастрофа

Дмитрий Орешкин
Кандидат географических наук, электоральный аналитик, профессор Свободного университета

2026 год в электоральной летописи России, с одной стороны, продолжил многолетний тренд на снижение качества процедуры и уничтожение ее базового смысла, но, с другой, все-таки оказался точкой качественного перелома. Очередной шаг вниз получился шире и опасней, чем можно было предположить.

Никогда прежде прямые нарушения федерального закона (статья 142 УК РФ, «Фальсификация избирательных документов», санкция до 4 лет лишения свободы) не носили столь демонстративного, откровенного и даже торжествующего характера. Никогда прежде глубоко больной человек, с трудом передвигающий ноги, не получал 99,9% на выборах главы субъекта РФ — даже не ведя избирательной кампании. Никогда прежде в Москве так нагло не переписывали протоколы, перекидывая голоса одной партии в пользу другой. Никогда прежде специалистам по электоральной географии и статистике не ломали кости на третий день после завершения подсчета голосов.

Успешный электоральный обряд 2026 г. закрепил в сознании силовых элит, правящих современной Россией, твердое убеждение, что со страной можно творить всё что угодно и сопротивляться никто не будет. Одновременно с этим (кстати, ложным!) ощущением на противоположном краю политического спектра расширилось и окрепло понимание полной отмороженности путинской власти, с которой не о чем и незачем говорить. Очевидно, это тоже ложное ощущение — хотя эмоционально понятное и даже неизбежное.

С коллективным Путиным — поскольку он контролирует 17 млн квадратных километров территории, обильно насыщенной ядерным оружием, и около 140 млн человек, многие из которых готовы воевать и убивать, — так или иначе говорить придется. Равно как с Ким Чен Ыном или с Лукашенко. Вопрос лишь в подборе адекватного языка слов или жестов. В этом

смысле электоральные результаты 2026 г. оказываются полезными минимум в трех отношениях.

Во-первых, это основа для объективного диагноза степени деградации политического устройства страны в целом и, что не менее важно, ее отдельных регионов. Благодаря состоявшейся электоральной процедуре мы отчетливее понимаем разницу между монолитным политическим ландшафтом, например, Чечни (92,99% за ЕР, 99,85% за Кадырова — что характерно, не наоборот!) и Вологодской области, где раскол элит выразился в цифре 31,1% за ЕР.

Во-вторых, в эпоху ИИ огромный статистический материал, представленный по итогам подсчета (вместе с неустранимыми признаками примитивных подтасовок), становится легко доступным и понятным не только для двух десятков специалистов, но и для тысяч студентов, независимых исследователей или просто заинтересованных людей, которые вольны рассматривать этот цифровой массив под самыми неожиданными углами зрения. Места для прежней наивной веры, что люди «действительно так проголосовали», стало заметно меньше. Это серьезная проблема для властной вертикали РФ, хотя она в своей эйфории старается ее не видеть. Однако червь сомнения тихо точит ее изнутри.

В-третьих, международная составляющая. Хотя коллективный Путин делает вид, что ему глубоко безразлично мнение Европейского союза и всяких прочих развитых стран («Никуда они не денутся! Россия всех заставит с собой считаться!»), в действительности люди из вертикали весьма болезненно сознают второсортность своей легитимности — равно как и действенность международных санкций. Непризнание выборов-2026 со стороны ПАСЕ, предельно экзотичная манера голосования на «присоединенных территориях», когда засекречены адреса избирательных участков, имена членов избирательных комиссий и (что самое смешное!) протоколы голосования — все это превращает электоральный путинский обряд в процедуру не только противоправную, но и откровенно скоморошескую, вроде венчания шута на царство. Дело не только в том, что это не прибавляет престижа российской государственности и «русскому миру», но и в том, что подобные шутовские игри-

ща часто кончаются трагически — в соответствии с «традиционными ценностями». Отвратительный случай с А. Кыневым тому реальное подтверждение.

Короче говоря, разносторонний анализ прошедшей электоральной процедуры с разных точек зрения, с помощью разных подходов — очень актуальная тема для людей, небезразличных к судьбе России — проживают ли они в ее пределах или за рубежом. Нынешний выпуск «Палладиума» обещает быть весьма интересным.

DOI: 10.55167/2dcd069759cb

Выборы без выбора: Как Россия формирует правовую и электоральную легитимность

Елена Лукьянова
доктор юридических наук, профессор Свободного университета

Этот доклад был написан в преддверии выборов в Государственную Думу, прошедших в России 18–20 сентября 2026 года. Казалось бы, анализ рисков жесткий. Некоторые качали головами и говорили, что такого не может быть, что эксперт сгущает краски, что это такая предвзятая «пугалка». Однако по окончании электоральной процедуры, длившейся около четырех месяцев, мы убедились, что оценка рисков оказалась даже мягковатой. Авторитарная российская действительность превзошла все ожидания. В первую очередь по трем направлениям: жестким устранением политической конкуренции, практической ликвидацией общественного наблюдения и невозможностью проверки результатов. Но в целом все предположения, основанные на многолетнем исследовании российской электоральной динамики, были верны.

Основной вопрос: *можно ли считать выборами процедуру, в которой политическая конкуренция, независимое наблюдение, свобода агитации и проверяемость результатов устранены заранее?*

Содержание доклада

1. Последовательное изменение избирательного законодательства.
2. Устранение независимых кандидатов и организаций наблюдения.
3. Репрессии против политических оппонентов до начала кампании.
4. Трехдневное голосование и административная мобилизация.

5. Дистанционное электронное голосование как непроверяемый сегмент результатов.
6. Исключение зарубежных россиян из голосования по одномандатным округам.
7. Правовые последствия проведения выборов на оккупированных территориях.
8. Неконтролируемое голосование и непроверяемые результаты.
9. Критерии, на основании которых ЕС может оценивать легитимность не только результата, но и всего процесса.

Сразу отвечаем на поставленный вопрос.

Процедуру, в которой политическая конкуренция, независимое наблюдение, свобода агитации и проверяемость результатов устранены заранее, невозможно считать выборами по стандартам, установленным демократическими странами. Эта процедура не может быть признана выборами, поскольку в результате ее проведения не может быть сформирован орган, способный независимо осуществлять главные функции парламента: представительство, законотворчество и контроль за исполнительной властью.

В авторитарных системах на выборах власть не меняется. В авторитарных системах выборы являются демонстрацией того, что власть контролирует ситуацию в стране. Помимо этого, целью авторитарных выборов является полное устранение политической конкуренции с целью формирования органа (так называемого парламента), который легитимизирует любые требования авторитарной власти.

Эта цель достигается следующими методами:

1. Последовательное изменение избирательного законодательства.
2. Устранение независимых кандидатов и организаций наблюдения.
3. Репрессии против политических оппонентов до начала избирательной кампании.
4. Трехдневное голосование и административная мобилизация избирателей.
5. Дистанционное электронное голосование как непроверяемый сегмент результатов.

6. Исключение зарубежных россиян из голосования по одномандатным округам (формирование 50% парламента).
7. Проведение выборов на оккупированных территориях, на которых невозможно определить численность избирателей и вести нормальную избирательную кампанию.

Рассмотрим все эти методы подробнее.

1. Последовательное изменение избирательного законодательства и создание специальных правовых условий

Начиная с 2002 года закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» изменялся более ста раз — в него были внесены 1564 поправки, в закон «О выборах депутатов Государственной Думы…» — 752 поправки, в закон «О политических партиях» — 314 поправок. Всего в избирательное законодательство внесли 2630 поправок, из них 166 — с мая 2021 года. Ни одни выборы, начиная с 2002 года, не проводились по тем же правилам, что предыдущие[1]. Менялись не только правила, но и сама избирательная система, а также порядок распределения депутатских мандатов.

Все эти поправки можно отнести к одной из пяти основных групп:

- поправки, ограничивающие свободный и равный доступ к выборам коллективных и индивидуальных участников;
- поправки, ограничивающие равенство субъектов избирательного процесса;
- поправки, направленные на интеграцию избирательных комиссий в систему исполнительных органов власти;
- поправки, нейтрализующие возможности общественного контроля на выборах;
- поправки, трансформирующие избирательную систему в целом и формулу распределения депутатских мандатов.

1. Бузин А. Кто и как меняет избирательное законодательство? URL: https://www.golosinfo.org/articles/144252.

Кроме этого, дополнительно создавался целый комплекс специальных правовых условий для организации и проведения выборов в России:

- блокирование общественных и законодательных инициатив, направленных на модернизацию и усовершенствование избирательной системы;
- толкование избирательного законодательства органами конституционного контроля в ущерб избирательным правам граждан;
- подмена правовых норм квазинормативными актами (инструкциями, методическими рекомендациями и др.) и придание этим актам обязательного характера;
- прецедентные решения судов общей юрисдикции и создание на их основе устойчивой негативной судебной практики применения избирательного законодательства;
- основанное на использовании административного ресурса произвольное правоприменение, не связанное с изменениями в нормативно-правовой базе, но создающее систему деловых обыкновений (обычное право);
- сокращение оснований и возможностей для применения ответственности за нарушения избирательного законодательства;
- изменение смысла и содержания деятельности избирательных комиссий (встраивание комиссий в систему исполнительной власти и наделение их дополнительными внеконституционными полномочиями).

Основные положения авторитарной трансформации избирательного законодательства и избирательных практик постсоветской России подробно описаны в специальном научном исследовании[2].

2. См.: Лукьянова Е. и др. Выборы строгого режима. Как российские выборы стали невыборами и что с этим делать? М., Челябинск: Социум; Свободный университет, 2022. URL: https://www.dropbox.com/s/qj6yof2nfc7ezct/9785244012293.pdf; Lukyanova E. et al. Maximum Security Elections. How Russian Elections Became Non-Elections, and What to Do About It? A Political-Legal Investigation with Elements of Mathematics / Translated by P. Murphy. Rīga: Brīvās

2. Устранение независимых кандидатов и организаций наблюдения

Законодательством созданы максимально благоприятные условия для недопуска политических оппонентов власти к выборам. Начиная с 2006 года постепенно вводились внеконституционные цензы пассивного избирательного права: по иностранному гражданству или виду на жительство, судимости за преступления различных категорий тяжести, привлечению к административной ответственности и причастности к экстремистским и террористическим организациям. Помимо этого, существует ряд официальных избирательных технологий, с помощью которых кандидатов, не прошедших проверку в Администрации Президента, не допускают к выборам. По данным правозащитных организаций «Мемориал» и «ОВД-Инфо», к 2026 году сформировался полный комплекс механизмов, исключающих участие независимых кандидатов в любых избирательных процессах.

По данным движения в защиту прав избирателей «Голос», с 2007 по 2021 год до участия в выборах в России не допустили 120 тысяч (!) кандидатов. Из этого числа только 20 тысяч отказов приходятся на кандидатов от четырех так называемых системных партий, чьи депутаты входят в российскую Госдуму. Остальные 100 тысяч отказов — это самовыдвиженцы или члены независимых партий.

Еще один способ устранения независимых кандидатов от выборов — отказ в регистрации новых политических партий и снятие с выборов действующих политических партий. Например, Алексей Навальный начиная с 2012 года пытался зарегистрировать свою партию и девять раз получал отказ от Министерства юстиции. В августе 2026 года Верховный суд отменил регистрацию на выборах одной из старейших политических партий России — партии «Яблоко».

Основные методы давления

- **Отказ в регистрации.** Избиркомы используют жесткие фильтры, сбор подписей и надуманные предлоги для не-

Universitātes izdevniecība, 2024. URL: https://freeuniversity.press/mse/9789934380341.pdf.

допуска независимых претендентов. Так, в августе 2013 года российский суд отменил регистрацию оппозиционного политика Владимира Кара-Мурзы на выборах в Ярославскую областную думу от партии «РПР-ПАРНАС». Причиной стало наличие у него второго, британского гражданства.

- **Административные и уголовные статьи.** Кандидатов и активистов преследуют по статьям об «экстремизме», дискредитации или демонстрации запрещенной символики. Например, если суд присуждает штраф в 1000 рублей (10 евро) за демонстрацию экстремистской символики (фотография Алексея Навального), то они не могут избираться в течение года[3].
- **Статус «иноагента».** Лица со статусом иностранных агентов или аффилированные с нежелательными организациями законодательно поражены в избирательных правах.
- **Фальсификации и контроль.** Результаты голосования жестко контролируются властями, превращая электоральный процесс в управляемую процедуру.

Вместе с устранением политической конкуренции постепенно ограничивалось, а потом было фактически ликвидировано независимое наблюдение на выборах в России. Это происходило через жесткие законодательные ограничения полномочий наблюдателей, уголовное преследование правозащитников и закрытие главного независимого движения в защиту прав избирателей «Голос». 14 мая 2025 года Басманный суд Москвы приговорил сопредседателя движения Григория Мельконьянца к 5 годам колонии общего режима.

Ограничения независимого наблюдения проходили по следующим направлениям:

- **Сужение прав:** власти ограничили круг лиц, способных вести наблюдение на участках.
- **Исключение статусов:** избирательные поправки лишили права быть наблюдателями доверенных лиц кандидатов и представителей СМИ без специального направления.

3. URL: https://novayagazeta.ru/articles/2026/06/10/seriinye-presledovateli

- **Контроль:** наблюдение фактически перешло под полный контроль Общественной палаты и лояльных структурам власти институтов[4].

В настоящее время общественное наблюдение полностью исключено:

- на оккупированных территориях;
- на избирательных участках за пределами Российской Федерации;
- в отношении голосов, полученных дистанционно (в том числе 3/4 избирателей Москвы).

В остальных местах наблюдение максимально затруднено.

3. Репрессии против политических оппонентов до начала кампании

В России преследование политических оппонентов на выборах носит системный характер: независимых кандидатов и критиков власти массово не допускают до голосования, арестовывают, объявляют «иноагентами» или вынуждают покинуть страну, а реальная оппозиция полностью вытеснена из легального политического поля.

При этом нужно понимать, что участвовать в выборах депутатов любого уровня без сбора подписей в свою поддержку могут только кандидаты от четырех парламентских партий: «Единой России», КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России». Успешно проходят регистрацию 96% кандидатов от этих партий, а у правящей «Единой России» процент допущенных запредельно высок: 99%. А вот от оппозиционной партии «Парнас», например, регистрировали только 60 кандидатов из 100[5]. Летом 2019 года перед выборами в Мосгордуму независимых кандидатов от команды Навального (Ивана Жданова, Любови Соболь и др.) не допустили к голосованию под предлогом брака

4. URL: https://verstka.media/gosduma-uprazdniaet-nezavismoe-nabludenie-na-vyborah

5. URL: https://www.currenttime.tv/a/v-rossii-120-tysyach-kandidatov-ne-dopustili-na-vybory-za-poslednie-14-let-vot-kak-eto-proishodit/31296819.html

в подписях. Это вызвало массовые протесты, за которыми последовала волна уголовных дел.

Из восьми человек, возглавлявших списки партии «Яблоко» на прошлых выборах, уже шестеро больше не смогут участвовать в кампании 2026 года как кандидаты: из-за статуса иноагента или административного штрафа по «экстремистским» статьям[6]. 17 августа 2026 года Псковский городской суд приговорил заместителя председателя российской партии «Яблоко» Льва Шлоссберга к 11 годам и одному месяцу колонии «за дискредитацию вооруженных сил России».

По состоянию на 29 июля 2026 года публично известно минимум о 23 публичных политиках, которые лишились возможности избираться из-за подобных обвинений. В 15 случаях политикам назначали административные наказания за публикацию в интернете фотографий Алексея Навального, символики «Штабов Навального», а также видео с его похорон[7].

Статус иностранного агента используется властями для мгновенного поражения оппонентов в пассивном избирательном праве. Ярким примером в рамках подготовки к выборам в Госдуму стало признание иноагентом экс-кандидата в президенты Бориса Надеждина в июле 2026 года, после чего он был задержан силовиками по обвинению в демонстрации экстремистской символики.

Основными инструментами уголовного преследования стали статьи о «госизмене», «терроризме» и «финансировании экстремизма». Под ударом оказались не только лидеры мнений, но и рядовые граждане. В частности, была развернута масштабная кампания преследования доноров, когда-либо переводивших средства структурам Алексея Навального (ФБК).

Потенциальные организаторы штабов, сборщики подписей и независимые наблюдатели подвергаются обыскам и краткосрочным арестам по сфабрикованным протоколам (например, за «демонстрацию запрещенной символики» или

6. URL: https://www.svoboda.org/a/zachischayut-polyanu-polnostjyu-kak-vlasti-presleduyut-yabloko-pered-vyborami/33757882.html

7. URL: https://editorials.voa.gov/a/editorial-ru-crackdown-on-political-opposition-in-russia/5942797.html

«неповиновение полиции») непосредственно перед объявлением выборов.

Все репрессии, покушение на жизнь и убийство Алексея Навального также связаны с выборами. 25 декабря 2017 года Центральная избирательная комиссия (ЦИК) России отказала Алексею Навальному в регистрации кандидатом на президентских выборах 2018 года. ЦИК сослалась на наличие у политика непогашенной судимости по сфабрикованному делу «Кировлеса». Навальный назвал решение незаконным и объявил «забастовку избирателей». В 2021 году перед выборами в Госдуму сразу после возвращения в Россию из Германии после отравления веществом «Новичок» Алексей Навальный был арестован и отправлен в колонию. В июне 2021 года Мосгорсуд признал ФБК и штабы Навального «экстремистскими организациями». Это сделало любую легальную работу оппозиции невозможной. Госдума экстренно приняла закон, запрещающий причастным к «экстремистским» структурам баллотироваться на выборах любого уровня. Команда Навального была полностью лишена избирательных прав, а её ключевые члены вынужденно покинули страну под угрозой тюрьмы. В преддверии сентябрьских выборов 2021 года полиция устроила массовые обходы граждан, чьи адреса утекли из баз данных сторонников Навального и системы «Умное голосование», с целью предотвратить протестное голосование.

Даже в условиях военной цензуры кандидаты от власти предпочитают не встречаться с реальными конкурентами на дебатах, а более трети независимых кандидатов просто получают отказ в регистрации. Неудивительно, что число желающих принять участие в выборах за последние два года войны снизилось примерно в полтора раза.

4. Трехдневное голосование и административная мобилизация

В июле 2021 года законодатель предоставил избирательным комиссиям, организующим выборы, право принимать решение о проведении многодневного голосования. Впервые этот эксперимент был проведен во время голосования по поправкам к Конституции в 2020 году, когда было понятно, что результаты этого голосования могут оказаться не такими, какие были нуж-

ны власти. Тогда голосование длилось семь дней и проводилось не только в помещениях избирательных комиссий, но и где угодно — на улице, в магазинах, в кафе и пр. Результат эксперимента был признан удачным и рекомендован к дальнейшему внедрению. Теперь в случае необходимости можно «добирать» голоса в любой форме и любым способом: например, проведением многодневного голосования на придомовой территории, в цехе, на работе, то есть где угодно и когда удобно. На практике это также привело к существенному усложнению условий для наблюдения: обеспечить эффективный общественный контроль одновременно в нескольких местах, да еще и в течение нескольких дней попросту невозможно.

Действие авторитарных законодательных поправок было многократно усилено целым набором внеконституционных административных практик, возможность существования которых зачастую была заложена в содержании нормативных правовых актов. В итоге избирательная система России, функционирующая в рамках специально сконструированного под несвободные и несправедливые выборы избирательного права, получила название административно-ресурсной.

В зависимости от конкретных задач в рамках общей цели устранения политической конкуренции специалисты Transparency International — Russia провели их классификацию[8], в соответствии с которой были выделены:

- **регуляторный ресурс**, предполагающий использование полномочий по принятию управленческих решений, которые прямо или косвенно направлены на продвижение конкретных политических интересов (например использование полномочий по антимонопольному регулированию в целях предотвращения слияния компаний в интересах предпринимателя, финансирующего оппозиционную партию);
- **институциональный ресурс**, предполагающий использование труда подчиненных, то есть лиц, находящихся

8. См.: Панфилова Е. А., Шевердяев С. Н. Противодействие злоупотреблению административным ресурсом на выборах: проблемы и перспективы. М.: Де Ново, 2005. С. 9–13.

в служебной зависимости, для поддержки политических целей, которые разделяет руководство;

- **медийный (информационный) ресурс** — использование зависимых средств массовой информации в целях односторонней агитации в пользу проправительственных политических сил;
- **финансовый ресурс** как разновидность административного ресурса, который предполагает использование для предвыборных целей доминирующих политических сил бюджетных средств, средств госкомпаний и публичных внебюджетных фондов и средств частных предпринимателей, зависимых от регуляторного ресурса;
- **силовой и правоохранительный ресурс** — возможность использования правоохранительных и иных силовых органов, наделенных полномочиями по принуждению;
- **судебный ресурс** — особо опасный административный ресурс в ситуации зависимой от исполнительной власти судебной системы, позволяющий легализовать любые правоохранительные, силовые и управленческие практики авторитарных режимов;
- **принудительный ресурс**, который, в отличие от силового, характеризуется обеспечением массовости явки, а также намеренным искажением результатов голосования. Речь идет о централизованной доставке зависимого электората к местам голосования. Наблюдатели постоянно сталкиваются с жалобами на требования руководителей присылать им фотографии с отметкой в избирательном бюллетене. Много жалоб на принуждение к досрочному голосованию и на давление со стороны избирательных комиссий во время выездного голосования на дому. В последние годы в связи с организацией многодневного голосования распространяется практика голосования на рабочих местах под контролем администрации.

Массовое использование всех этих методов является административно-ресурсной избирательной технологией и не позволяет выявить истинные предпочтения избирателей. Выборы в таких условиях не могут считаться свободными и справедливыми.

5. Дистанционное электронное голосование как непроверяемый сегмент результатов

В 2026 году в России произошел ряд событий в области технологий голосования. В марте–мае 2026 года Центральная избирательная комиссия приняла решение о выводе из эксплуатации существующего парка сканеров бумажных избирательных бюллетеней (КОИБ), ссылаясь на их критический износ и недоступность запчастей вследствие западных санкций. При этом ЦИК декларировала намерение перейти на полностью безбумажные системы онлайн-голосования, интегрированные с порталом «Госуслуги» и окологосударственным мессенджером Max.

В то же время федеральные власти отложили планы массового применения дистанционного электронного голосования (ДЭГ) на выборах в Государственную думу в сентябре 2026 года, ссылаясь на риски кибератак в условиях войны в Украине и общественное недоверие. Одной из возможных незаявленных причин может быть сопротивление региональных элит, которых федеральная система ДЭГ лишает контроля над результатами.

Председатель Центризбиркома Элла Памфилова объявила, что ЦИК разрабатывает «абсолютно новые стандарты», используя существующую цифровую инфраструктуру государства.

Экспертные оценки российских платформ электронного голосования

Независимые эксперты и мониторинговые организации неоднократно отмечали фундаментальную ненадежность российских систем электронного голосования.

Анализ российской федеральной платформы электронного голосования, проведенный эстонскими исследователями, показал, что из девяти требований, предъявляемых к системе электронного голосования, эта система не удовлетворяет четырем, частично удовлетворяет одному, удовлетворяет двум при условии добросовестности организаторов выборов и безусловно удовлетворяет лишь двум[9].

9. Russian Federal Remote E-voting Scheme of 2021 — Protocol Description and Analysis // IACR Cryptology ePrint Archive, Report

А именно: отсутствие верифицируемости
и содержательных пересчетов

- **Проблема «черного ящика».** Голоса обрабатываются в закрытом программно-аппаратном комплексе без физического аудиторского следа. Избиратель не может подтвердить, что его голос записан в системе в соответствии с его намерениями.
- **Невозможность реального пересчета.** Без бумажного документального следа (VVPAT) повторный подсчет сводится к перечитыванию потенциально скомпрометированных данных, что делает содержательный пересчет невозможным.

Уязвимости кибербезопасности
и масштабируемые фальсификации

- **Вредоносное ПО и взломы.** Системы уязвимы к программным ошибкам, эксплойтам нулевого дня и удаленным кибератакам, которые могут одновременно изменить сотни тысяч голосов в целых регионах.

Эрозия общественной прозрачности
и гражданского наблюдения

- **Потеря доступа наблюдателей.** Традиционное бумажное голосование может контролироваться гражданскими наблюдателями без специальной технической подготовки. В случае электронной системы широкое гражданское наблюдение становится невозможным, и даже квалифицированные наблюдатели не могут вести содержательный контроль из-за огромного объема операций и отсутствия адекватного доступа. В результате роль наблюдателей сводится к декоративной.
- **Передача полномочий и ответственности ИТ-специалистам.** Электронное голосование передает контроль от избирательных комиссий системным администраторам,

2021/1454. URL: https://eprint.iacr.org/2021/1454.pdf; Juvonen A. Voting Security: Requirements for Electronic Voting Systems. URL: https://www.attejuvonen.fi/thesis-voting-security-2019-10-09.pdf.

частным поставщикам ИТ-услуг и государственным провайдерам услуг связи, которые владеют криптографическими ключами. Роль избирательных комиссий в таком случае сводится к формальному подписанию документов, поступивших извне и недоступных их контролю.

- **Утрата публичных данных.** В российских системах ДЭГ применяется максимально возможная агрегация данных: результаты суммируются по всему избирательному округу, городу или стране. Это исключает анализ результатов по индивидуальным избирательным участкам, который ранее являлся действенным инструментом расследования фальсификаций. Технической необходимости в такой агрегации нет: системы аутентификации позволяют без труда детализировать данные по стандартным избирательным участкам, однако ни на одной платформе это не реализовано.

Принуждение, покупка голосов и утрата тайны голосования

- **Риски дистанционного голосования.** Процедура дистанционного электронного голосования не гарантирует, что избиратель голосовал лично и по собственной воле. Эти опасения подтверждаются наблюдениями: в условиях совмещения электронного голосования с трехдневным голосованием, когда первый день приходится на пятницу, значительная часть голосов поступает в первые часы первого дня, а также наблюдается выраженный пик голосования в полдень — во время стандартного перерыва на обед в организациях.
- **Подконтрольное голосование.** Создаются условия для покупки голосов и голосования под контролем. Так, в 2025 году независимые наблюдатели обнаружили пункты подконтрольного электронного голосования за провластных депутатов на региональных выборах в Московской области.
- **Конфликт аутентификации и анонимности.** Аутентификация через государственные порталы связывает персональные учетные данные с цифровыми бюллетенями, создавая риски отслеживания голосов, давления

со стороны властей и работодателей, а также утечек персональных данных.

Операционная хрупкость

- **Риск масштабных централизованных манипуляций.** В отличие от физического вброса бюллетеней, который требует локализованных усилий и оставляет физические следы, в системе электронного голосования для изменения сотен тысяч голосов может быть достаточно одного действия инсайдера или внешнего злоумышленника. Предупреждением о такой возможности могут служить выборы в Государственную думу 2021 года в Москве, когда после продолжавшегося подозрительно долго — всю ночь — подсчета результатов электронного голосования все лидировавшие в округах оппозиционные кандидаты проиграли выборы.

Особое значение ДЭГ имеет в Москве, в которой насчитывается 13,3 млн постоянных жителей. То есть 1/10 населения России. По официальным данным ЦИК РФ, в Москве зарегистрировано **7 835 409 избирателей**. Москва фактически перешла на систему, где бумажный носитель (бюллетень) выдается только по предварительному заявлению. Избиратель должен заранее зафиксировать свое желание проголосовать бумагой на портале mos.ru или в ТИК, иначе на участке ему будет доступен только электронный терминал. В результате **более** 3/4 избирателей голосуют электронно, а бумажные бланки перешли в разряд исключений.

6. Исключение зарубежных россиян из голосования по одномандатным округам

Государственная Дума Российской Федерации формируется по смешанной избирательной системе: половина депутатов избирается по партийным спискам по пропорциональной системе в едином избирательном округе (включающем всю территорию страны), половина — по одномандатным избирательным округам по мажоритарной системе. Это означает, что при голосовании каждый избиратель должен получить два бюллетеня: для голосования по партийным спискам и для голосования в одно-

мандатном округе. По крайней мере, так проводились выборы депутатов вплоть до избрания нынешнего состава Госдумы, т. е. до выборов 2021 года.

В 2025 году из статьи 12 закона о выборах депутатов Госдумы было полностью исключено положение о приписке зарубежных избирательных участков к одномандатным округам на территории России[10]. В результате граждане России, проживающие за рубежом, **лишены возможности** голосовать за кандидатов по одномандатным округам на выборах в Государственную думу и **участвовать в формировании половины парламента.** Теперь их участие ограничено исключительно голосованием по общефедеральным партийным спискам.

По данным МИД РФ, на учете в консульствах состоят около **2,2 млн человек.** Однако постановка на консульский учет носит уведомительный характер и проводится по инициативе самого заявителя, в то время как реальное количество проживающих за рубежом, уехавших от войны и репрессий россиян оценивается в несколько раз больше, из-за чего учтенная доля составляет лишь малую (и заведомо неполную) часть от их общего числа. Сейчас их условно 5–6 млн, что составляет примерно 5% всех избирателей России.

Вопрос о праве голоса граждан, проживающих за рубежом, в контексте требований Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, практики ЕСПЧ и рекомендаций Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской Комиссии) подробно рассмотрен в Докладе о голосовании за рубежом (CDL-AD(2011)022)[11].

Позиция ЕСПЧ предполагает, что статья 3 Протокола № 1 сама по себе не накладывает на государство позитивного обязательства обеспечить возможность голосования за рубежом.

10. Федеральный закон от 23 мая 2025 года № 115-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» / Собрание законодательства Российской Федерации. 26 мая 2025 года. № 21, ст. 2536.

11. Доклад о голосовании за рубежом утверждён на Совете по демократическим выборам на 37-м заседании (Венеция, 16 июня 2011 года) и Венецианской комиссией на 87-й пленарной сессии (Венеция, 17–18 июня 2011 года).

Тем не менее в случае если возможность осуществления права голоса избирателей, проживающих за рубежом, закреплена в конституции государства, невозможность такого голосования признавалась ЕСПЧ нарушающей статью 3 Протокола № 1.

Российская Конституция напрямую не касается вопроса голосования за рубежом. Тем не менее она (часть 3 статьи 32) устанавливает предельные ограничения активного избирательного права — не имеют права избирать и быть избранными граждане, признанные судом недееспособными или содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда. Часть 3 статьи 55 содержит прямые указания на пределы ограничения прав и свобод человека и цели, в которых допустимы ограничения.

Россия была исключена из Совета Европы и денонсировала Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод. Но Российская Федерация является участником Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках СНГ, статья 2 которой, раскрывающая принцип всеобщего избирательного права, устанавливает, что «каждый гражданин, проживающий или находящийся в период проведения национальных выборов за пределами территории своего государства, обладает равными с иными гражданами своего государства избирательными правами». Поправки 2025 года, лишившие граждан за рубежом права голосовать в одномандатных округах, явно не соответствуют приведённому выше требованию.

17 августа 2026 года глава ЦИК России Элла Памфилова заявила о личной поддержке ограничения избирательных прав для граждан со статусом «иноагента» и выразила серьезные опасения по поводу проведения выборов на участках в «недружественных» странах[12]. Если такие поправки будут приняты в будущем, россияне не смогут реализовать свои избирательные права во всех 27 странах Европейского союза, в Великобритании и еще в 18 странах[13].

12. URL: https://www.dw.com/ru/pamfilova-vyskazalas-za-lisenie-emigrirovavsih-rossian-prava-golosa/a-78406274.

13. Австрия, Бельгия, Болгария, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Кипр, Латвия, Литва, Люксембург,

7. Правовые последствия проведения выборов на оккупированных территориях

Первое и главное, что надо сказать о выборах на оккупированных территориях — они проводятся внутри международно признанных границ Украины. Оценивать голосование на этих территориях и его результаты и признавать их — равносильно нормализации аннексии Россией четырех областей и одной автономной республики суверенного государства. Тем не менее это голосование вносит определенные изменения в состав органа, который в России называют парламентом.

Согласно официальным данным ЦИК РФ, на оккупированных территориях Украины по состоянию на 2026 год зарегистрировано около **5,4 млн избирателей**.

Официальные сведения о численности избирателей распределяются следующим образом:

1. **Четыре «новых» региона (около 3,6 млн человек):**

- «ДНР» (оккупированная Донецкая область) — **1 631 962**
- «ЛНР» (оккупированная Луганская область) — **1 192 009**
- Оккупированная часть Запорожской области — **428 776**
- Оккупированная часть Херсонской области — **340 573**

2. **Крымский полуостров (около 1,8 млн человек):**

- Крым — **1 469 906** (на июль 2026 года)
- Севастополь — **343 881** (на июль 2026 года)

Это составляет 5,7% от общего списочного числа избирателей в России. Без учета Крыма и Севастополя, на территории которых не ведутся боевые действия, это число составляет 3,6 млн человек — 3,2%.

Мальта, Нидерланды, Польша, Португалия, Румыния, Словакия, Словения, Финляндия, Франция, Хорватия, Чехия, Швеция, Эстония, Великобритания, Албания, Андорра, Исландия, Лихтенштейн, Монако, Норвегия, Сан-Марино, Северная Македония, Украина, Черногория, Швейцария, США, Канада, Багамские острова, Япония, Южная Корея, Сингапур, Тайвань.

Однако все эти цифры сомнительные. Во-первых, четыре региона не оккупированы полностью. По состоянию на 2026 год Луганская область оккупирована практически полностью (около 99,6%), Донецкая — примерно на 78–81%, Запорожская — на 73–75%, а Херсонская — на 72%. Линия фронта на этих направлениях продолжает меняться. Часть территорий находятся в так называемой «серой зоне», где невозможно посчитать население. Зачастую это полностью мертвые и разрушенные населенные пункты. И данные ЦИК об избирателях тоже явно завышенные. Основываясь на доступных данных о миграционном оттоке и естественной убыли населения, демографы оценивают реальное число постоянных жителей четырех регионов в 3 млн человек, из которых около 2,5 млн — взрослое население. Таким образом, заявленное ЦИК число избирателей составляет примерно 50% реальной численности взрослого населения[14], и у России есть возможность фальсифицировать до 2 млн голосов. В декабре 2023 года ЦИК разрешила голосовать на выборах президента России и гражданам с украинскими паспортами, которые «живут в области постоянно, но пока не смогли получить паспорт России или утратили его». Однако даже с учетом жителей, не получивших российские паспорта, число избирателей от ЦИК примерно в два раза превышает реальное число потенциальных избирателей.

Во-вторых, на этих территориях продолжают вестись активные боевые действия. Здесь отсутствуют достоверные и полные списки избирателей и полностью исключена возможность независимого общественного контроля. Всё перечисленное в совокупности делает результаты голосования, которые будут представлены по итогам проведения выборов на данных территориях, не просто сомнительными, а совершенно неверифицируемыми, а значит, недействительными. Исходя из общих принципов избирательного права, выборы на названных территориях проводиться не могут, а если будут проведены, то их результаты не могут считаться достоверными.

14. URL: https://istories.media/news/2024/03/13/vlasti-rossii-zaregistrirovali-na-viborakh-v-okkupirovannikh-oblastyakh-ukraini-pochti-vdvoe-bolshe-izbiratelei-chem-tam-realno-prozhivaet/.

Результатом проведения выборов с учётом перечисленных условий станет нелегитимное избрание семи депутатов по одномандатным округам («ДНР» — 3, «ЛНР» — 2, Херсонская область — 1, Запорожская область — 1). Также будут искажены результаты партий по «списочным» выборам — частично объём искажений можно будет установить методами математического анализа, однако в полной мере сделать это не представляется возможным из-за отсутствия общественного контроля (ни на каком участке итоги голосования не могут быть приняты за условно достоверные). Помимо того, что данные искажения отразятся на общих результатах партий, они приведут к избранию большего числа кандидатов по спискам из региональных групп, включающих названные территории.

До проведения голосования и математического анализа итогов голосования общее количество депутатов, которые могут попасть в состав Госдумы через выборы на названных территориях, можно предварительно оценить в 15–25 человек. Все действия депутатов от этих территорий по исполнению своих полномочий (по внесению законодательных инициатив, голосованию и т. д.) будут юридически ничтожны.

8. Неконтролируемое голосование и непроверяемые результаты

По официальным данным ЦИК РФ, на 1 июля 2026 года в России зарегистрировано **111 037 047 избирателей**.

Однако, по мнению демографов и электоральных аналитиков, со времени последних выборов в Государственную Думу количество избирателей в России сократилось до 107,5 млн[15]. Учитывая данную неточность, мы все же будем отталкиваться от официальной цифры ЦИК. На основе всего вышесказанного мы утверждаем, что комплекс электоральных условий, существующих в России, не позволяет достоверно определить результаты выборов. В том числе часть голосов является полностью неконтролируемыми и непроверяемыми. В первую очередь это касается выборов на оккупированных территориях, выборов за пределами России и электронного голосования в Москве.

15. URL: https://t.me/detailselections/1713

Если сложить предполагаемое число избирателей на оккупированных территориях (3,6 млн), число избирателей, проживающих за пределами России (5,5 млн), и число избирателей Москвы, голосующих электронно (3/4 от 7,8 млн = 6 млн), то общее число полностью непроверяемых голосов составляет примерно 15,1 млн, то есть 13,6% от общего списочного числа избирателей. Если же рассчитать этот процент от средней предполагаемой явки по России (43% = 47,7 млн)[16], то процент непроверяемых голосов может составить 31,6% от общего числа поданных голосов.

«Честное» пятно голосов на последних президентских выборах практически или полностью отсутствует в 41 регионе России, рассчитала «Новая газета Европа». Еще в пяти регионах за Владимира Путина вбросили более трети голосов, следует из их анализа. Число аномальных голосов за Путина при голосовании бумажными бюллетенями — 22 млн. В целом же специалисты считают, что не менее 31,6 млн из 64,7 млн (то есть почти половина) голосов были получены с помощью фальсификаций[17].

9. Критерии, на основании которых может быть оценена легитимность не только результата, но и всего процесса выборов

Оценка всего процесса (всей процедуры) выборов является предметом долгосрочного наблюдения, охватывающего не только все стадии самой избирательной кампании, но и предшествующий ей подготовительный период. Поэтому соответствующие критерии оценки могут быть сформулированы применительно к каждому этапу проведения выборов, начиная с подготовки законодательной базы и заканчивая рассмотрением споров об итогах голосования и результатах выборов.

16. Выборы разного уровня состоялись в 2023 году в более чем 80 регионах России. Средняя явка составила 43,5%. URL: https://snob.ru/news/kak-proshli-vybory-2023-pobeda-sobyanina-bolshinstvo-er-i-rekordnaya-yavka/.

17. URL: https://novayagazeta.eu/articles/2024/03/18/novaia-evropa-okolo-poloviny-golosov-za-vladimira-putina-na-prezidentskikh-vyborakh-byli-vbrosheny-news.

1. Подготовка законодательной базы для проведения выборов
Применительно к выборам депутатов Госдумы потребуется оценка изменений, внесённых в два федеральных закона: «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ) и «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (от 22 февраля 2014 года № 20-ФЗ).

Венецианская Комиссия в Своде рекомендуемых норм при проведении выборов указывает на запрет «пересматривать основополагающие элементы закона о выборах, в частности регулирующие саму избирательную систему, состав избирательных комиссий и определение границ избирательных округов, менее чем за год до проведения выборов».

В отношении российской избирательной системы круг таких существенных элементов следует расширить. Исследование трансформации избирательной системы показывает, что текущее состояние системы определяется кумулятивным эффектом от массива поправок, вносившихся в законодательство на протяжении последних 20–25 лет и вносимых до настоящего момента.

Помимо изменения формулы распределения депутатских мандатов, это нормы 1) об ограничении доступа к выборам, 2) об ограничении равенства субъектов избирательного процесса, 3) об интеграции избирательных комиссий в систему исполнительных органов власти и 4) об ограничении возможностей общественного контроля и защиты прав.

Оценка избирательного процесса по формальному критерию соответствия того или иного действия положениям закона не даст значимых результатов ввиду дефектов законодательства. Напротив, системный анализ законодательства по указанному кругу вопросов позволит выявить такие дефекты и оценить соответствие действующего регулирования основополагающим принципам избирательного права.

2. Формирование избирательных
округов и списков избирателей
Необходима оценка соответствия схемы одномандатных округов принципу равного избирательного права. В 2025 году была

принята новая схема «нарезки» одномандатных округов на выборах депутатов Госдумы. В ней была сохранена т. н. «лепестковая» нарезка, имеющая признаки манипуляции (джерримандеринга).

В рамках данного пункта также необходимо учесть лишение избирателей, проживающих за рубежом, возможности голосования по одномандатным округам.

Наконец, отдельным вопросом стоит проведение выборов в «ДНР», «ЛНР», Херсонской и Запорожской областях — в зоне боевых действий, при отсутствии полного контроля над соответствующей территорией, полноценной гражданской администрации и информации о количестве избирателей и составе их списка.

3. Формирование избирательных комиссий

В настоящий момент состав избирательных комиссий полностью формируется либо органом власти, либо вышестоящей комиссией, сформированной органом власти. Органы, формирующие избирательные комиссии, имеют почти неограниченную свободу усмотрения в вопросе о том, представителей какой партии или группы избирателей включить в состав комиссии. На практике это привело к тому, что даже в регионах, где оставшиеся оппозиционные партии имеют представительство в законодательном собрании, они не представлены в составе избирательных комиссий.

4. Допуск кандидатов и партий к участию в выборах

В рамках данного пункта необходимо оценить:

1) количество действующих прямых цензов избирательного права (и соответствующее им количество граждан, лишённых пассивного избирательного права);
2) действие косвенных ограничений доступа к участию в выборах: количество подписей, подлежащих сбору для регистрации, количество кандидатов, выдвинувшихся в порядке самовыдвижения и сумевших зарегистрироваться (включая имеющиеся сведения о реально проводимом ими сборе подписей), количество кандидатов (и лиц, заявлявших о намерении баллотироваться), привлечённых к административной

и уголовной ответственности по составам, препятствующим участию в выборах;

3) количество кандидатов и списков кандидатов, «снятых» с выборов, и основания, по которым это было сделано.

5. Доступ к информационным ресурсам для проведения агитации, в т. ч. скрытой

В рамках данного пункта недостаточно определить объём официально опубликованных агитационных материалов. В связи с активным участием государственных и аффилированных с государством СМИ в освещении кампании необходимо оценить количество упоминаний каждой партии и их кандидатов и общий объём посвящённого им эфирного времени.

6. Соблюдение законодательства во время голосования и подсчёта голосов

В рамках данной оценки необходимо учитывать количество и состав регионов, в которых будет проводиться ДЭГ и связанные с ним технологии (включая электронные списки избирателей и терминалы электронного голосования на избирательных участках).

7. Наличие, предмет и основания судебных споров по итогам голосования и результатам выборов.

DOI: 10.55167/dbf49cc87176

Электронное голосование в России: ситуация на 2026 год

Профессор Свободного университета[1]

Введение

В 2026 году в России произошел ряд событий в области технологий голосования. В марте–мае 2026 года Центральная избирательная комиссия приняла решение о выводе из эксплуатации существующего парка сканеров бумажных избирательных бюллетеней (официальное название — комплекс обработки избирательных бюллтеней, КОИБ), ссылаясь на их критический износ и недоступность запчастей вследствие западных санкций. При этом ЦИК декларировала намерение перейти на полностью безбумажные системы онлайн-голосования, интегрированные с порталом «Госуслуги» и окологосударственным мессенджером Max[2].

В то же время федеральные власти отложили планы массового применения дистанционного электронного голосования (ДЭГ) на выборах в Государственную думу в сентябре 2026 года, ссылаясь на риски кибератак в условиях войны в Украине и общественное недоверие. Одна из возможных незаявленных причин — сопротивление региональных элит, которых федеральная система ДЭГ лишает контроля над результатами[3].

Такая разнонаправленная динамика развития избирательной инфраструктуры России — отказ от электронных сканеров с бумажным документированием, стремление к он-

1. Редакции известно имя автора, но не публикуется по причинам безопасности.

2. КОИБы свое отсчитали // Коммерсант-Ъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8691619.

3. Власти решили отказаться от массового внедрения электронного голосования на выборах // Вёрстка. URL: https://verstka.media/vlasti-reshili-otkazatsya-ot-massovogo-vnedreniya-elektronnogo-golosovaniya-na-vyborah.

лайн-централизации и одновременный отказ от массового развития дистанционного голосования — представляет интерес как с точки зрения верифицируемости и прозрачности выборов в целом, так и с точки зрения международного наблюдения в частности.

1. Конец КОИБов и переход к безбумажному голосованию

1.1. Списание КОИБов (март–май 2026 года)

На заседании 27 мая 2026 года ЦИК официально утвердила поэтапный вывод из эксплуатации сканеров бюллетеней КОИБ-2010, сославшись на «критический износ» и невозможность закупки комплектующих из-за снятия с производства и западных санкций. Попытка закупки КОИБов нового поколения в 2022 году провалилась по тем же причинам. Та же судьба, по-видимому, ждет и более новые аппараты КОИБ-2017.

КОИБы, использовавшиеся на федеральных выборах с 2004 года и впервые развернутые по всей стране на думских выборах 2011 года, в технологическом отношении представляют собой гибридное решение: они принимают бумажные бюллетени, сохраняя возможность публичного контроля результатов, и одновременно автоматизируют подсчет. Это снижает вероятность человеческих ошибок и затрудняет некоторые формы фальсификаций, такие как вброс бюллетеней и перераспределение голосов.

Благодаря этому данные КОИБов служили ценным источником информации при исследовании фальсификаций на выборах, а сама эта технология в целом заслуживает положительной оценки.

1.2. Перспектива замены: голосование на базе «Госуслуг» и мессенджера Max

Председатель Центризбиркома Элла Памфилова объявила, что ЦИК разрабатывает «абсолютно новые стандарты», используя существующую цифровую инфраструктуру государства: национальный портал «Госуслуги» и мессенджер Max. Эти системы

позволят осуществлять полную идентификацию избирателя, голосование и подсчет результатов без бумаги — переход от прежней гибридной бумажно-электронной модели к полностью цифровым процессам.

Это направление соответствует общему стратегическому курсу ЦИК на полностью безбумажные и онлайновые формы голосования, широко обозначаемые в российском официальном дискурсе как «электронное голосование».

2. Две модели электронного голосования: московская и федеральная

Существующая экосистема электронного голосования в России разделена на две различные реализации.

Московская и федеральная модели электронного голосования

Параметр	Московская модель	Федеральная модель
Разработчик	Департамент информационных технологий Москвы	ПАО «Ростелеком»
Платформа	Портал государственных услуг города Москвы	Национальный портал «Госуслуги»
Регистрация избирателей	По умолчанию для всех зарегистрированных избирателей Москвы	Требуется явное заявление избирателя
Каналы голосования	Терминалы электронного голосования (ТЭГ) на избирательных участках и ДЭГ	Преимущественно дистанционное онлайн-голосование, ограниченное развертывание ТЭГ
Интеграция результатов	Результаты публикуются в агрегированном виде — по избирательному округу или всему городу — как отдельный «избирательный участок»	Результаты публикуются в агрегированном виде — по избирательному округу или всей территории — как отдельный «избирательный участок»
Архитектура управления	Централизация в Москве; криптографические ключи находятся у городских властей	Централизация на федеральном уровне; ключи находятся у ЦИК и федеральных властей
Прозрачность	Закрытый исходный код, отсутствие VVPAT, отсутствие публичного аудита кода и содержательных пересчетов	Закрытый исходный код, отсутствие VVPAT, пересчеты сводятся к повторному чтению той же цифровой памяти

Московская модель по умолчанию рассматривает каждого зарегистрированного избирателя как участника электронного голосования, тогда как федеральная система требует от избирателей подачи заявления для использования ДЭГ. Однако обе системы схожи по ключевым характеристикам: проприетарное закрытое программное обеспечение, отсутствие верифицируемого избирателем бумажного аудиторского следа (VVPAT, от англ. voter-verified paper audit trail), а также централизованный контроль над криптографическими ключами и подсчетом результатов.

3. Международный экспертный консенсус по интернет-голосованию

Глобальное экспертное сообщество остается крайне осторожным в отношении интернет-голосования. В 2018 году комитет экспертов Национальных академий наук США пришел к выводу, что не существует известной технологии, способной одновременно гарантировать тайну, безопасность и верифицируемость заполненного бюллетеня, передаваемого через Интернет[4].

В статье специалистов по криптографии и публичной политике Массачусетского технологического института, препринт которой был опубликован в 2020 году, отмечается, что системы голосования на основе блокчейна не только не решают ключевых проблем безопасности и верифицируемости, но и создают дополнительные угрозы[5].

4. Экспертные оценки российских платформ электронного голосования

Независимые эксперты и мониторинговые организации неоднократно отмечали фундаментальную ненадежность

4. National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine. *Securing the Vote: Protecting American Democracy*. Washington, DC: The National Academies Press, 2018. URL: https://nap.nationalacademies.org/catalog/25120/securing-the-vote-protecting-american-democracy.

5. Park S., Specter M., Narula N., Rivest R. L. Going from bad to worse: from Internet voting to blockchain voting // Journal of Cybersecurity. Vol. 7. Issue 1. 2021. URL: https://doi.org/10.1093/cybsec/tyaa025.

российских систем электронного голосования. В частности, ассоциация «Голос» выступала с критикой поспешного и непродуманного внедрения московской городской платформы[6], [7].

В свою очередь, анализ российской федеральной платформы электронного голосования, проведенный эстонскими исследователями, показал, что из девяти требований, предъявляемых к системе электронного голосования, эта система не удовлетворяет четырем, частично удовлетворяет одному, удовлетворяет двум при условии добросовестности организаторов выборов и безусловно удовлетворяет лишь двум[8], [9].

Список претензий экспертов к российским платформам электронного голосования можно разделить на несколько категорий.

4.1. Отсутствие верифицируемости и содержательных пересчетов

- **Проблема «черного ящика».** Голоса обрабатываются в закрытом программно-аппаратном комплексе без физического аудиторского следа. Избиратель не может подтвердить, что его голос записан в системе в соответствии с его намерениями.
- **Невозможность реального пересчета.** Без VVPAT повторный подсчет сводится к перечитыванию потенциально скомпрометированных данных, что делает содержательный пересчет невозможным.

6. Проблемы интернет-голосования могут исказить волю избирателей // Голос. 06.03.2019. URL: https://golosinfo.org/articles/143281.

7. Внедрение интернет-голосования преждевременно, вредно и опасно // Голос. URL: https://golosinfo.org/articles/145649.

8. Russian Federal Remote E-voting Scheme of 2021 — Protocol Description and Analysis // IACR Cryptology ePrint Archive. Report 2021/1454. URL: https://eprint.iacr.org/2021/1454.pdf.

9. Juvonen A. Voting Security: Requirements for Electronic Voting Systems. URL: https://www.attejuvonen.fi/thesis-voting-security-2019-10-09.pdf.

4.2. Уязвимости кибербезопасности и масштабируемые фальсификации

- **Вредоносное ПО и взломы.** Системы уязвимы к программным ошибкам, эксплойтам нулевого дня и удаленным кибератакам, которые могут одновременно изменить сотни тысяч голосов в целых регионах.
- **Зависимость от иностранного программного обеспечения.** Опора на закрытое, проприетарное или поддерживаемое иностранными разработчиками программное обеспечение и обновления создает дополнительные риски для цепочки поставок.

4.3. Эрозия общественной прозрачности и гражданского наблюдения

- **Потеря доступа наблюдателей.** Традиционное бумажное голосование может контролироваться гражданскими наблюдателями без специальной технической подготовки. В случае электронной системы широкое гражданское наблюдение становится невозможным, и даже квалифицированные наблюдатели не могут вести содержательный контроль из-за огромного объема операций и отсутствия адекватного доступа. В результате роль наблюдателей сводится к декоративной.
- **Передача полномочий и ответственности ИТ-специалистам.** Электронное голосование передает контроль от избирательных комиссий системным администраторам, частным поставщикам ИТ-услуг и государственным провайдерам услуг связи, которые владеют криптографическими ключами. Роль избирательных комиссий в таком случае сводится к формальному подписанию документов, поступивших извне и недоступных их контролю.
- **Утрата публичных данных.** В обеих российских системах применяется максимально возможная агрегация данных: результаты суммируются по всему избирательному округу, городу или стране. Это исключает анализ результатов по индивидуальным избирательным участ-

кам, который ранее являлся действенным инструментом расследования фальсификаций. Технической необходимости в такой агрегации нет: системы аутентификации позволяют без труда детализировать данные по стандартным избирательным участкам, однако ни в одной из двух платформ это не реализовано.

4.4. Принуждение, покупка голосов и утрата тайны голосования

- **Риски дистанционного голосования.** Процедура дистанционного электронного голосования не гарантирует, что избиратель голосовал лично и по собственной воле. Эти опасения подтверждаются наблюдениями: в условиях совмещения электронного голосования с трехдневным голосованием, когда первый день приходится на пятницу, значительная часть голосов поступает в первые часы первого дня, а также наблюдается выраженный пик голосования в полдень — во время стандартного перерыва на обед в организациях[10].
- **Подконтрольное голосование.** Создаются условия для покупки голосов и голосования под контролем. Так, в 2025 году независимые наблюдатели обнаружили пункты подконтрольного электронного голосования за провластных кандидатов на региональных выборах в Московской области[11].
- **Конфликт аутентификации и анонимности.** Аутентификация через государственные порталы связывает персональные учетные данные с цифровыми бюллетенями, создавая риски отслеживания голосов, давления со стороны властей и работодателей, а также утечек персональных данных.

10. Переусердствовали — для дистанционного электронного голосования достаточно и трёх часов // Невыборы/Иван Шукшин. URL: https://t.me/nevybory/185.

11. Лосев П. В подмосковном Фрязино обнаружили несколько центров по нагону избирателей на ДЭГ. URL: https://t.me/LosevP/353.

4.5. Операционная хрупкость и высокие затраты

- **Риск масштабных централизованных манипуляций.** В отличие от физического вброса бюллетеней, который требует локализованных усилий и оставляет физические следы, в системе электронного голосования для изменения сотен тысяч голосов может быть достаточно одного действия инсайдера или внешнего злоумышленника. Предупреждением о такой возможности могут служить выборы в Государственную думу 2021 года в Москве, когда после продолжавшегося подозрительно долго — всю ночь — подсчета результатов электронного голосования все лидировавшие в округах оппозиционные кандидаты проиграли выборы.
- **Устаревание и обслуживание.** Аппаратное и программное обеспечение требует постоянных обновлений, что создает тяжелое финансовое бремя.
- **Отсутствие возможности восстановления после сбоев.** В отличие от финансовых систем, в избирательной системе скомпрометированные выборы невозможно просто «восстановить»: демократический мандат оказывается безвозвратно поврежден.

Многие из этих аргументов выдвигались в судебных исках российским экспертом по технологиям голосования В. Л. Толстогузовым. По состоянию на середину 2026 года все такие иски были отклонены[12].

Заключение

В 2026 году в области технологий голосования в России произошел существенный регресс. Ликвидация КОИБов устраняет важный источник относительно надежных данных о результатах голосования, а переход к полностью безбумажному, централизованно управляемому электронному голосованию существенно ограничивает возможности наблюдения и анализа

12. Telegram-канал «Защищаем наше право». URL: https://t.me/zanashepravo.

и создает беспрецедентные возможности для необнаружимых масштабных манипуляций.

Задача международного сообщества в этих условиях — формулировать четкие стандарты верифицируемых и прозрачных выборов, а также разрабатывать практические инструменты для мониторинга и документирования нарушений в цифровых избирательных средах, где традиционное наблюдение невозможно. Как это уже происходило с другими избирательными технологиями, российская модель электронного голосования может оказаться привлекательным примером для других авторитарных режимов, стремящихся легитимизировать неконкурентные выборы с помощью высоких технологий.

DOI: 10.55167/99bf12a1e8fb

Изменения федерального избирательного законодательства с июля 2021 года по май 2026 года

Резюме

Этот текст посвящен анализу того, как за прошедшие пять лет изменились правила выборов депутатов Государственной думы.

Упоминание о том, что ни одни федеральные российские выборы не проходили по тем же правилам, что предыдущие, стало уже общим местом. Выборы 2026 года — не исключение. За прошедшие пять лет в законодательство был внесен ряд существенных изменений, хотя их и было меньше, чем обычно — просто все самые важные изменения произошли до 2021 года, а сейчас они лишь получают свое дальнейшее развитие. Так, всё сильнее ограничиваются избирательные права граждан, а процедуры становятся всё менее прозрачными и всё более неподконтрольными обществу. Есть и позитивные изменения — правда, в отличие от негативных, они носят скорее технический характер.

Ключевые выводы:

1. Главная тенденция последних лет — всё большее ограничение избирательных прав граждан. Речь идет прежде всего о пассивном избирательном праве: у властей появились возможности точечно, во внесудебном порядке и без каких-либо серьезных обоснований лишать граждан права быть избранными. Для этого достаточно включить человека в реестр иностранных агентов и/или в непубличный единый реестр сведений о лицах, причастных к деятельности экстремистской или террористической организации. Фактически речь идет о произвольном поражении в правах оппозиционных политиков.

2. Не менее важен и тот удар, который был нанесен законодателями при полной поддержке (или скорее по инициативе) ЦИК России по возможности общественного контроля за деятельностью избирательных комиссий среднего и нижнего уровней — не только в процессе голосования, но и в процес-

сах регистрации кандидатов и регулирования агитационных кампаний. Этот удар наносился с четырех сторон: был фактически упразднен институт членов комиссий с правом совещательного голоса; права присутствовать на избирательных участках лишены доверенные лица; произошло вмешательство в деятельность редакций СМИ через запрет направлять на избирательные участки внештатных корреспондентов; активно внедрялись максимально непрозрачные формы голосования и подсчета голосов — прежде всего ДЭГ.

3. Расширение практики ДЭГ заслуживает отдельного упоминания, поскольку технически это голосование пока еще недостаточно проработано. Практика его применения сопровождается обоснованными подозрениями в фальсификациях и способствует созданию благоприятных условий для принуждения избирателей, особенно в сочетании с трехдневным голосованием, когда большинство «электронных» голосов явно отдается с рабочих мест. Не стоит забывать и о страхе избирателей, что их волеизъявление станет известно начальству или властям. Потому мы считаем широкое использование электронного голосования на выборах преждевременным.

4. Для участия в избирательной кампании обычных избирателей также были созданы дополнительные трудности. Законом теперь может быть установлен минимальный размер добровольных пожертвований граждан и юридических лиц. Ограничение максимального размера понятно и оправдано, но здесь речь идет об ограничении минимального размера. Этим затрудняется самый демократичный способ фандрайзинга — сбор небольших пожертвований со стороны широких масс.

5. Агитировать стало еще труднее. Например, теперь запрещено агитировать на заблокированных Роскомнадзором ресурсах, то есть прежде всего в неподконтрольных властям соцсетях. Фактически эта новелла означает признание бессилия власти закрыть доступ к нежелательным для нее ресурсам — иначе не было бы смысла в запрете. Запрет на использование изображений и голосов умерших и вымышленных лиц выглядит как точечное и политически мотивированное противодействие ЛДПР и КПРФ, которые до того активно пользова-

лись изображениями Жириновского и бывших коммунистических вождей — Ленина и Сталина.

6. Беспокоит, что в этот пятилетний период принимались законодательные меры по увеличению зависимости членов избирательных комиссий от исполнительной власти, тем более что одновременно избирательные комиссии получили возможность мешать проведению агитации оппозицией, ведь кандидаты и партии теперь обязаны заранее представлять в избирком копию агитационных материалов.

Изменения федерального избирательного законодательства с июля 2021 года по май 2026 года

За период с июля 2021 года по май 2026 года было принято 20 федеральных законов, внесших изменения в избирательное законодательство. Однако 12 законов (от 2 июля 2021 года № 360-ФЗ; от 1 апреля 2022 года № 90-ФЗ; от 28 июня 2022 года № 220-ФЗ; от 28 декабря 2022 года № 569-ФЗ; от 28 февраля 2023 года № 51-ФЗ; от 3 апреля 2023 года № 109-ФЗ; от 28 апреля 2023 года № 153-ФЗ; от 10 июля 2023 года № 286-ФЗ; от 31 июля 2023 года № 407-ФЗ; от 25 декабря 2023 года № 635-ФЗ; от 8 августа 2024 года № 232-ФЗ; от 29 декабря 2025 года № 546-ФЗ) внесли только не очень существенные — в основном технические или терминологические изменения, мы про них писать не будем. Кроме того, Федеральный закон от 14 ноября 2023 года № 530-ФЗ касался только президентских выборов. Часть изменений касалась региональных и местных выборов, мы об этом много писали в предыдущие годы, поэтому данный текст целиком посвящен тем поправкам, которые влияют на правила проведения выборов депутатов Госдумы.

Существенные изменения в федеральное избирательное законодательство внесли семь федеральных законов:

1. Федеральный закон от 14 марта 2022 года № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
2. Федеральный закон от 5 декабря 2022 года № 498-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

3. Федеральный закон от 29 мая 2023 года № 184-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
4. Федеральный закон от 14 ноября 2023 года № 531-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации“ и статью 1 Федерального закона „О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд“».
5. Федеральный закон от 15 мая 2024 года № 99-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации».
6. Федеральный закон от 23 мая 2025 года № 115-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
7. Федеральный закон от 2 мая 2026 года № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Шесть из этих законов (кроме Федерального закона от 15 мая 2024 года № 99-ФЗ) внесли изменения не только в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», но и в Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». Далее мы рассмотрим изменения, внесенные этими законами, по разделам избирательного законодательства.

В целом принятые в этот пятилетний цикл изменения были не такими большими как раньше, поскольку большая часть важных (и в основном негативных) поправок в избирательное законодательство была сделана ранее.

1. Ограничения пассивного избирательного права

Федеральным законом от 14 марта 2022 года № 60-ФЗ срок лишения пассивного избирательного права граждан, осу-

жденных за преступления экстремистской направленности, продлен до истечения пяти лет со дня снятия или погашения судимости (ранее он заканчивался со снятием или погашением судимости). Кроме того, в качестве оснований для лишения пассивного избирательного права добавлены еще две статьи УК РФ: часть 2 статьи 133 (понуждение к действиям сексуального характера, совершённое в отношении несовершеннолетнего) и часть 1 статьи 134 (половое сношение с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста). **Эти новеллы продолжили тенденцию последних лет по ограничениям пассивного избирательного права.**

Дальнейшие ограничения были введены Федеральным законом от 15 мая 2024 года № 99-ФЗ. Главные изменения связаны с лишением избирательных прав лиц, включенных в реестр иностранных агентов и/или в единый реестр сведений о лицах, причастных к деятельности экстремистской или террористической организации. В первую очередь их лишили пассивного избирательного права. Кроме того, им запретили быть доверенными лицами и уполномоченными представителями кандидатов и избирательных объединений, наблюдателями (запрет на членство в избирательных комиссиях для «иностранных агентов» был установлен ранее). Некоторой гарантией от произвола на последней стадии избирательной кампании можно считать запрет включать в реестр иностранных агентов зарегистрированных кандидатов.

Таким образом, у власти появилась возможность точечно лишать граждан пассивного избирательного права во внесудебном порядке и без каких-либо серьезных обоснований, в том числе и на начальной стадии избирательной кампании. И первые же решения Минюста о пополнении реестра иностранных агентов (2024 года) продемонстрировали, что власть этой возможностью начала пользоваться: в реестр были включены, в частности, планировавшие участвовать в выборах Екатерина Дунцова, Марина Литвинович, Игорь Артемьев. Впоследствии в этот реестр были включены и другие активные политики (Сергей Марков, Ксения Черепанова, Олег Шеин и др.).

Если говорить только о лицах, включенных в реестр иностранных агентов, то запрет касается, по нашим данным (на 5 июня 2026 года), 756 человек. Правда, значительная часть из них и ранее была лишена пассивного избирательного права, поскольку они находятся длительное время за рубежом и, по-видимому, имеют вид на жительство в иностранном государстве или гражданство иностранного государства. Небольшая их часть находится в местах лишения свободы по приговору суда.

Что касается единого реестра сведений о лицах, причастных к деятельности экстремистской или террористической организации, то этого реестра нет в открытом доступе, и мы не знаем, сколько в нем человек. Однако в данном случае речь идет лишь об упорядочении ограничений, введенных в 2021 году: лица, которых тогда коснулся этот запрет, теперь включены в закрытый реестр, доступный лишь избиркомам по их запросам.

2. Изменения, связанные с деятельностью избирательных комиссий

Главная новелла Федерального закона от 14 марта 2022 года № 60-ФЗ — отмена возможности назначения членов избирательной комиссии с правом совещательного голоса в территориальные, окружные и участковые избирательные комиссии. Такой статус сохраняется только в ЦИК и избирательных комиссиях субъектов РФ. Кроме того, запрещено назначать одного человека членом комиссии с правом совещательного голоса более чем в один избирком (такой возможностью партии иногда пользовались, назначая уникального специалиста сразу в несколько комиссий). Отменено и сохранение полномочий членом избирательной комиссии с правом совещательного голоса в случае избрания кандидата или допуска списка партии к распределению мандатов — теперь полномочия прекращаются в день официального опубликования результатов соответствующих выборов, соответствующего референдума (это не распространялось на уже назначенных членов ЦИК и избирательных комиссий субъектов РФ с правом совещательного голоса, чьи полномочия сохранялись до окончания регистрации кандидатов, списков кандидатов на следующих выборах

в тот же орган или на ту же должность). Еще одно ограничение: член избирательной комиссии с правом совещательного голоса лишен права присутствовать на заседаниях нижестоящих избирательных комиссий и знакомиться с их документами.

Взамен предусмотрена возможность назначения в окружные и территориальные комиссии наблюдателей (в участковые комиссии наблюдатели могли назначаться и ранее, а в территориальные — только при проведении досрочного голосования), но они могут присутствовать в этих комиссиях только в дни голосования и подведения итогов голосования, и их полномочия существенно отличаются от полномочий членов комиссии с правом совещательного голоса. У них, в частности, нет права участвовать в обсуждении на заседаниях комиссий и убедиться в правильности подсчета голосов.

Тем самым **нанесен серьезный удар по возможности контроля за деятельностью избирательных комиссий среднего и нижнего уровней — не только в процессе голосования, но и в процессах регистрации кандидатов и регулирования агитационных кампаний.** Институт членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса действовал в России с 1993 года и был эффективным средством такого контроля.

Федеральный закон от 5 декабря 2022 года № 498-ФЗ стал следствием изменения законодательства об иностранных агентах. Большинство его положений связано с терминологическими заменами: вместо разных категорий юридических и физических лиц, включенных в различные реестры, введен единый термин «иностранный агент».

Тем не менее была в этом законе существенная новелла: лицам, включенным в реестр иностранных агентов, запрещено быть членами избирательных комиссий как с правом решающего, так и совещательного голоса. Это одновременно и дополнительное ограничение для таких лиц, и дополнительное снижение возможностей для общественного контроля за проведением выборов.

Федеральный закон от 29 мая 2023 года № 184-ФЗ внес новые затруднения для общественного контроля за проведением выборов. Так, исключена возможность присутствия на избирательных участках представителей СМИ, заключивших

со СМИ возмездный гражданско-правовой договор — теперь представителями СМИ считаются только работающие в них по трудовым договорам. По сути эти поправки оказались вмешательством в работу редакций СМИ, поскольку значительно ограничили их возможности в выборе корреспондентов для освещения работы избирательных комиссий в дни голосования. Кроме того, они еще больше затруднили наблюдение за выборами со стороны независимых общественников. Также предусмотрено прекращение полномочий доверенных лиц одновременно с прекращением агитационного периода: это означает, что доверенные лица потеряли право присутствия на избирательных участках. Кроме того, предусмотрено установление в помещении для голосования мест для наблюдателей и представителей СМИ, что приведет к ограничению их возможности реально видеть происходящее на участках.

Предусмотрена возможность выделения из бюджета субъекта РФ и местного бюджета средств на оказание содействия в подготовке и проведении выборов (включая выплаты членам избирательных комиссий) — иными словами, **зависимость членов избирательных комиссий от исполнительной власти получает еще и узаконенную финансовую составляющую.**

Федеральный закон от 15 мая 2024 года № 99-ФЗ еще больше усилил затруднения для присутствия на избирательных участках представителей СМИ. Если раньше они должны были подавать заявку на аккредитацию не позднее чем за три дня до первого дня голосования, то теперь — не позднее чем за семь дней.

Федеральный закон от 23 мая 2025 года № 115-ФЗ внес в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав...» новую статью «Порядок рассмотрения комиссиями обращений». **Статья вносит определенный порядок в эту важную сферу, содержит в основном разумные положения, и ее можно приветствовать.** Это, в частности, возможность обращения в комиссию в электронной форме, порядок действий комиссии в отношении обращений.

Федеральным законом от 2 мая 2026 года № 130-ФЗ жестко определено, что участковые комиссии всегда совмещают полномочия по подготовке и проведению выборов, референ-

думов различных уровней на определенной территории. Так всегда и было, но требовались специальные решения вышестоящих комиссий. Теперь это будет происходить автоматически.

3. Изменения, связанные с проведением выборов в чрезвычайных обстоятельствах

Федеральный закон от 29 мая 2023 года № 184-ФЗ предусмотрел возможность проведения выборов, референдума в условиях военного положения по решению ЦИК на основании предложения главы региона. Предусмотрены и некоторые другие особенности проведения таких выборов.

Федеральный закон от 23 мая 2025 года № 115-ФЗ установил, что дополнительные выборы не проводятся в год, предшествующий году проведения основных выборов. В соответствии с этой нормой в 2025 году не проводились дополнительные выборы депутатов Государственной думы. **Тем самым граждане, проживающие в избирательных округах, где депутат умер или сложил полномочия, теоретически могут лишиться возможности иметь депутата в течение почти двух лет (с учетом ранее принятой нормы о проведении дополнительных выборов в Госдуму только в единый день голосования).** Например, в Бийском округе Алтайского края, где депутат Александр Прокопьев отказался от мандата еще 3 июля 2024 года, избиратели будут лишены представителя в течение 26 месяцев, или 43% срока полномочий текущего созыва Госдумы.

4. Изменения правил регистрации кандидатов и партийных списков

Федеральным законом от 14 марта 2022 года № 60-ФЗ внесено уточнение, что в случае непредставления ни одного из предусмотренных законом документов для регистрации соответствующая избирательная комиссия принимает решение о признании соответствующих кандидатов утратившими статус кандидатов. Ранее в решениях избирательных комиссий в таких случаях наблюдался разнобой — большая часть комиссий в таких случаях принимала решение об отказе в регистрации, что было юридически некорректно. **Новелла в принципе пра-**

вильная. Хотя она не влияет на реализацию избирательных прав граждан, но облегчает экспертный анализ процессов выдвижения и регистрации кандидатов.

Федеральный закон от 15 мая 2024 года № 99-ФЗ ограничил «потолок» избирательного фонда до регистрации кандидата — 30% от общего размера «потолка». Хотя утверждалось, что эта норма направлена на борьбу с отмыванием денег через избирательные фонды, она может стать ограничением для тех кандидатов, которые собирают подписи избирателей, так как на сбор подписей может тратиться существенная часть фонда.

Стоит также отметить новеллу, появившуюся в результате реализации Постановления Конституционного Суда РФ от 07.06.2023 № 31-П: ошибки (опечатки), допущенные в оформлении представленных в избирательную комиссию документов в отношении отдельного кандидата, не позволяющие достоверно определить гражданина, выдвинутого в соответствующем одномандатном (многомандатном) избирательном округе, являются основанием для исключения соответствующего кандидата из списка кандидатов по одномандатным (многомандатным) избирательным округам до его заверения, но не для отказа в заверении всего списка.

В качестве полезной новеллы, введенной Федеральным законом от 23 мая 2025 года № 115-ФЗ, можно отметить возможность дистанционного открытия специального избирательного счета.

Федеральным законом от 2 мая 2026 года № 130-ФЗ уточнены вопросы, касающиеся названия избирательного объединения. Если ранее наименованием избирательного объединения считалось наименование, указанное в документе о государственной регистрации, выданном уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, то теперь было добавлено: «или наименование, указанное в едином государственном реестре юридических лиц». Это облегчает принятие избирательным объединением нового названия.

5. Изменения правил ведения предвыборной агитации

Федеральным законом от 14 марта 2022 года № 60-ФЗ установлена новая обязанность кандидатов и партий в случае, если в их агитационном материале используется высказывание физического лица, включенного в один из реестров «иностранных агентов». Теперь данное высказывание должно предваряться информацией о том, что оно является высказыванием «иностранного агента». **Здесь продолжена тенденция по ограничению прав граждан, признанных «иностранными агентами», а фактически — оппозиционно настроенных общественных деятелей и экспертов.**

Данным законом также установлена обязанность кандидатов и избирательных объединений представлять в соответствующую избирательную комиссию копию агитационного материала, предназначенного для размещения на каналах организаций, осуществляющих телерадиовещание, или в периодических печатных изданиях. **Это увеличивает возможности избирательных комиссий препятствовать проведению агитационной кампании оппозиционными партиями и кандидатами.**

Федеральный закон от 29 мая 2023 года № 184-ФЗ добавил еще две новеллы, затрудняющие агитационную кампанию оппозиционных партий и кандидатов. Так, запрещено проведение предвыборной агитации с использованием информационных ресурсов, доступ к которым ограничен федеральным органом исполнительной власти. **Фактически эта новелла означает признание бессилия власти закрыть доступ к нежелательным для нее ресурсам — иначе не было бы смысла в запрете.** Другая новелла — законом может быть установлен минимальный размер добровольных пожертвований граждан и юридических лиц, который не может составлять более 3% от величины прожиточного минимума на душу населения в целом по Российской Федерации. Ограничение максимального размера понятно и оправдано, но здесь речь идет об ограничении минимального размера. **Тем самым затрудняется самый демократичный способ фандрайзинга — сбор небольших пожертвований со стороны широких масс.**

Федеральным законом от 2 мая 2026 года № 130-ФЗ вновь разрешено использовать в агитации изображение и голос физических лиц с их согласия, но запрещено использовать изображение и голос умерших и вымышленных лиц. **Разрешение можно приветствовать, а запрет выглядит чрезмерным. При этом легко увидеть в этих новеллах конъюнктурные моменты, направленные, в частности, на запрет использования образа Жириновского и на разрешение использования образа Путина.**

Также этим законом предусмотрена публикация информации о финансировании кандидатов и избирательных объединений на сайтах избирательных комиссий вместо передачи ее в СМИ, что вполне оправдано.

6. Изменения, связанные с проведением голосования

Федеральным законом от 14 марта 2022 года № 60-ФЗ изменены ограничения при формировании избирательных участков. В городах федерального значения, центрах субъектов РФ и городских округах с числом избирателей более 500 тысяч разрешено образование избирательных участков с числом избирателей, превышающим три тысячи. При этом действовавшее ранее ограничение в 3000 избирателей приводило к тому, что в России избирательные участки одни из самых больших в мире.

Также этот закон ввел в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав...» новую статью о дистанционном электронном голосовании. Такое голосование в порядке эксперимента проводилось с 2019 года, но федеральным законодательством регулировалось в очень малой степени. С одной стороны, появление отдельной статьи можно было бы приветствовать. Однако, во-первых, статья недостаточно подробная и не содержит реальных гарантий соблюдения избирательных прав при проведении дистанционного электронного голосования. Во-вторых, **технически это голосование пока еще недостаточно проработано, практика его применения сопровождается обоснованными подозрениями в фальсификациях и способствует созданию благоприятных условий для принуждения избирателей, особенно в сочетании**

с трехдневным голосованием, когда большинство «электронных» голосов явно отдается с рабочих мест. Не стоит забывать и о страхе избирателей, что их волеизъявление станет известно начальству или властям. Потому мы считаем широкое использование электронного голосования на выборах преждевременным.

Федеральный закон от 29 мая 2023 года № 184-ФЗ внес ряд изменений в правила организации выборов, которые усиливают влияние административного ресурса. Так, предусмотрена возможность на региональных выборах образовывать избирательные участки за пределами территории соответствующего субъекта РФ. Это повышает возможность проголосовать некоторым категориям граждан, но контроль за таким голосованием затруднен. Также предусмотрена возможность составления списков избирателей в электронном виде, и эта мера (выглядящая как движение в ногу со временем) тоже усложняет контроль за проведением голосования.

Федеральный закон от 15 мая 2024 года № 99-ФЗ предусмотрел возможность голосования избирателей, которые находятся в местах содержания под стражей, подозреваемых и обвиняемых, за пределами соответствующего избирательного округа.

В Федеральном законе от 23 мая 2025 года № 115-ФЗ главными стали новеллы, связанные с электронным голосованием. В статье 2 были уточнены понятия «Электронное голосование» и «Дистанционное электронное голосование» (а также «Комплекс для электронного голосования»). Первое — это «голосование на избирательном участке, участке референдума без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием комплекса для электронного голосования», а второе — «голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием специального программного обеспечения, размещенного на специальном портале, доступ к которому через информационно-телекоммуникационные сети предоставляется на техническом устройстве избирателя, участника референдума». Иными словами, уже привычное для избирателей некоторых регионов дистанционное электронное голосование (ДЭГ) — это голосо-

вание через Интернет, а просто «электронное голосование» (ЭГ) — это голосование на избирательном участке без бумажного бюллетеня с помощью технических устройств (комплексов для электронного голосования, КЭГ).

Здесь нужно немного углубиться в историю. КЭГи появились на российских выборах еще в начале 2000-х годов. Но их было мало (буквально единицы), они использовались на ничтожном количестве участков, и какой-то статистики по ним не набиралось. В Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав...» пункт об электронном голосовании был введен в 2005 году, но в нем было лишь сказано, что порядок электронного голосования и подведения его итогов устанавливается ЦИК.

Голосование с помощью КЭГ активно обсуждалось в период, когда председателем ЦИК был Владимир Чуров. Эксперты критиковали его за то, что оно не позволяет избирателю контролировать, как учтен его голос. В результате обсуждения было решено, что в КЭГ должна быть предусмотрена лента, на которой печатается волеизъявление избирателей; избиратель должен видеть фрагмент этой ленты, касающийся его голосования, а члены УИК должны иметь возможность осуществить контрольный пересчет голосов на основании этой ленты. И КЭГи были модифицированы в соответствии с этой договоренностью. Но в тот период КЭГи так и не получили развития.

Ситуация изменилась после введения ДЭГ. Параллельно в Москве организаторы выборов стали принуждать избирателей, пришедших на избирательные участки, голосовать не с помощью бумажных бюллетеней, а с помощью технических устройств (ТЭГ), то есть фактически с помощью ДЭГ, но на избирательном участке.

Теперь голосование на избирательном участке с помощью безбумажных технических средств будет называться ЭГ, а данные технические средства — КЭГ, хотя они и отличаются от КЭГ, действовавших ранее. Этому способствует и изменение в законе определения КЭГ. Если ранее КЭГ определялся как «техническое средство, предназначенное для проведения электронного голосования, автоматизированного подсчета голосов избирателей, участников референдума, установления итогов

голосования и составления протокола участковой комиссии об итогах голосования», то теперь это «программно-техническое средство, которое предоставляется избирателям, участникам референдума для проведения электронного голосования и с помощью которого обеспечиваются сохранение данных о волеизъявлении избирателей, участников референдума, их передача для установления итогов голосования или автоматизированный подсчет голосов избирателей, участников референдума, установление итогов голосования и составление протокола участковой комиссии об итогах голосования». Иными словами, КЭГ перестает быть средством исключительно для автоматизированного подсчета голосов избирателей, установления итогов голосования и составления протокола УИК об итогах голосования, теперь данные о голосовании с помощью КЭГ будут куда-то передаваться, и где-то в другом месте будет составляться протокол.

Фактически закон предусматривает распространение московской практики применения ТЭГ (под новым названием КЭГ) на всю страну. При этом использовавшиеся в Москве ТЭГ:

- имеют встроенный сканер паспорта и видеокамеру, конструктивно допускающие возможность нарушения тайны голосования;
- не позволяют избирателю проверить, как учтен его голос;
- не позволяют провести пересчет голосов по контролируемым избирателями бумажным носителям;
- прямо подключаются к информационной сети во время голосования.

Еще один важный момент: «В случае, если на территории субъекта Российской Федерации одновременно проводятся дистанционное электронное голосование и электронное голосование, порядком дистанционного электронного голосования может быть предусмотрено, что итоги электронного голосования учитываются в итогах дистанционного электронного голосования». Фактически будут смешаны разные формы голосования, и невозможно будет их анализировать раздельно.

Группа экспертов еще при прохождении законопроекта обращала внимание депутатов Государственной думы на эти

существенные недостатки законопроекта, а затем, после принятия закона, обращалась[1] к президенту с просьбой его не подписывать. Однако их мнение было проигнорировано.

Федеральный закон от 2 мая 2026 года № 130-ФЗ уточнил порядок составления итоговых протоколов в электронном виде.

7. Прочие изменения

Федеральный закон от 23 мая 2025 года № 115-ФЗ внес изменения, касающиеся выборов в Государственную думу. Если ранее схема округов для этих выборов принималась на десять лет, то новый закон сократил этот срок до пяти лет. Впрочем, данное изменение реально скажется только для следующих выборов в Госдуму, то есть выборов в 2031 году, поскольку действовавшая ранее схема была принята в 2015 году и в 2025 году всё равно нужно было принимать новую схему (и она была принята).

Федеральный закон от 2 мая 2026 года № 130-ФЗ изменил порядок формирования списков избирателей — они формируются с использованием государственной системы регистрации (учета) избирателей, участников референдума и «Единой системы идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме». Есть надежда, что это изменение позволит сделать списки избирателей более адекватными, то есть из них оперативно будут исключаться умершие и выбывшие граждане. Насколько эти надежды оправдаются, покажет практика.

В целом мы видим, что в течение пяти последних лет в избирательное законодательство был внесен ряд вполне разумных и оправданных изменений, которые, однако, не сильно улучшают ситуацию с реализацией избирательных прав граждан. При этом одновременно был внесен и ряд изменений, существенно ограничивших избирательные права граждан.

1. URL: https://docs.google.com/document/d/1OIfYgUfno-JnmSc1p5BBu7Sdepfm42qVC2K7H2Ud08s/edit?usp=drivesdk.

Впервые опубликовано в «Атласе выборов»: https://atlas.vyborov.org/articles/55/izmeneniya-federalnogo-izbiratelnogo-zakonodatelstvas-iyulya-2021-goda-po-may-2026-goda.

DOI: 10.55167/56278c7d5cd6

Партийная система на старте избирательной кампании ЕДГ-2026

Партийная система России нестабильна и испытывает постоянные колебания. После принятия Федерального закона «О политических партиях» к 2004 году число партий, имевших право участия в выборах, достигло отметки 46. После этого был запущен процесс ликвидации партий, и в 2009–2011 годах действовали всего семь зарегистрированных партий. После реформы 2012 года число партий вновь стало расти, и максимум был достигнут в конце 2015 — начале 2016 года — 75 партий, имевших право участия в выборах. Затем вновь начался процесс их сокращения.

В выборах депутатов Государственной думы в 2016 году имели право участвовать 74 политические партии. На следующих выборах в 2021 году — только 32 партии. Таким образом, число партий за те пять лет сократилось более чем наполовину (в 2,3 раза).

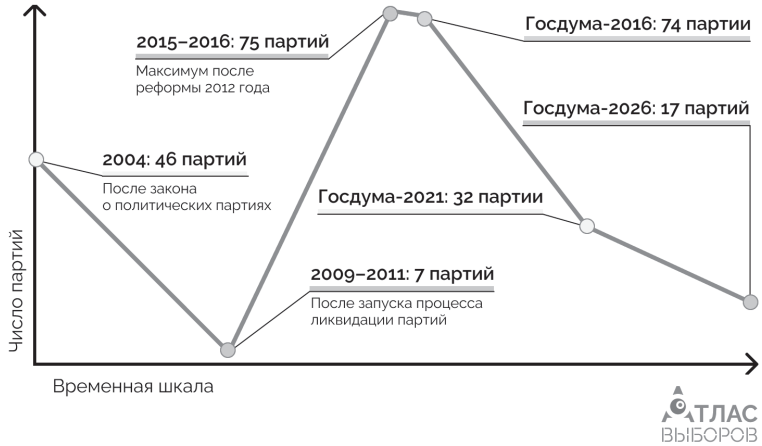
За следующие пять лет число партий сократилось чуть в меньшей степени, но тоже весьма существенно. На момент назначения выборов в Государственную думу (16 июня 2026 года) в списке партий, имеющих право участия в выборах, осталось только 17 партий. То есть число партий сократилось ещё в 1,9 раза.

Что же стало с 15 партиями, исключенными из этого списка?

Какие партии ушли

Только одна партия решила ликвидироваться добровольно — «Зеленая альтернатива» (находится в процессе ликвидации и еще фигурирует в перечне зарегистрированных партий, но уже исключена из списка партий, имеющих право участия в выборах). Фактически добровольно пошла на ликвидацию и Партия Роста, руководство которой решило объединиться с «Новыми людьми», но оно предпочло не тратить силы и сред-

Динамика числа партий, имевших право участвовать в выборах, 2004-2026

ства на процесс ликвидации, и формально партия ликвидирована Верховным судом.

Всего же ликвидированы Верховным судом 13 партий, в том числе:

- из-за недостаточного участия в выборах: «Партия социальных реформ — Прибыль от природных ресурсов — народу», Интернациональная партия России, «Добрых дел…», «Альтернатива для России (Партия социалистического выбора)», «Гражданская сила», «Гражданская инициатива», «Российский общенародный союз» (всего семь партий);
- из-за недостаточного числа региональных отделений: ПАРНАС, Партия Роста (две партии);
- из-за непредставления сведений, необходимых для внесения изменений в ЕГРЮЛ: «Народно-патриотическая партия России — Власть народу» (одна партия);
- из-за неустранения нарушений, послуживших основанием для приостановления ее деятельности: Партия малого

бизнеса России, Партия дела, Партия социальной защиты (три партии). Последняя партия еще остается в перечне зарегистрированных партий, поскольку решение о ее ликвидации пока не вступило в силу, но ее деятельность была приостановлена, поэтому в списке партий, имеющих право участия в выборах, ее уже нет.

Плюс приостановлена решением Верховного суда деятельность партии «Гражданская платформа» (еще фигурирует в перечне зарегистрированных партий, но уже исключена из списка партий, имеющих право участия в выборах).

Какие партии остались

Отдельный вопрос: партии, имеющие право участвовать в выборах в Государственную думу без сбора подписей. Эту льготу имеют партии, представленные в Госдуме или хотя бы в одном региональном парламенте. В 2016 году таких партий было 14, в 2021 году — тоже 14. Сейчас таких партий только 11.

Это пять парламентских партий («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия», «Новые люди») и шесть партий, представленных в региональных парламентах («Коммунисты России», «Яблоко», Российская партия пенсионеров за социальную справедливость, «Родина», «Зеленые» и Партия прямой демократии).

В 2016 и в 2021 годах в выборах в Государственную думу принимали участие все партии, имевшие льготу, и только эти партии. Вполне возможно, что в этот раз будет то же самое.

Остаются еще шесть партий, которым для участия в думских выборах нужно собирать подписи. Это Демократическая партия России (ДПР), Партия прогресса, Российская партия свободы и справедливости (РПСС), «Партия за справедливость!», Казачья партия РФ и Партия возрождения России. Над пятью из них (кроме РПСС) уже висит угроза ликвидации за недостаточное участие в выборах.

Партии, имеющие право участвовать в выборах в Государственную думу без сбора подписей

Партии, представленные в Госдуме

Партии, представленные хотя бы в одном региональном парламенте

Ликвидация партий за недостаточное участие в выборах

Что касается партий, ликвидируемых за «неучастие в выборах», то эта формулировка может ввести в заблуждение неискушенных людей. На самом деле речь идет не о полном неучастии в выборах, а о недостаточном участии. Закон требует, чтобы партия в течение семи лет приняла участие либо в одной из федеральных кампаний, либо в выборах глав не менее 10% регионов, либо в выборах региональных парламентов не менее чем в 20% регионов, либо в муниципальных выборах не менее чем в половине регионов.

При этом закон четко не оговаривает, как отсчитывать семилетний период. Можно легко понять, что первый семилетний период отсчитывается от даты регистрации партии (хотя, на наш взгляд, правильнее отсчитывать его от даты получения партией права участвовать в выборах).

В период 2019–2022 годов за «неучастие в выборах» были ликвидированы 30 партий, созданных в 2012–2015 годах — они

не смогли набрать нужного участия в выборах за первый семилетний период своего существования. Но в 2025 году начался процесс ликвидации партий на «втором круге», то есть партий, однажды уже успешно прошедших проверку на участие в выборах.

И возник вопрос (а независимые эксперты поднимали его заранее, зная, что он неизбежно возникнет): как отсчитывать семилетний период для таких партий?

Возможны два подхода. Первый подход был провозглашен в письме, которое опубликовал один из учредителей Демократической партии России[1] Андрей Богданов в октябре 2019 года. Если верить данной публикации (а у нас нет оснований ей не верить), Минюст 16 октября 2019 года направил председателю ДПР Тимуру Богданову письмо, в котором разъяснял: «7-летний срок, предусмотренный пунктом 2 статьи 37 Закона № 95-ФЗ, исчисляется с момента внесения записи о государственной регистрации политической партии при создании, а в дальнейшем каждые 7 лет соответственно».

Из этого текста следует, что ДПР, зарегистрированная в мае 2012 года, должна была пройти первую проверку после мая 2019 года (и она ее успешно прошла), а следующая проверка должна пройти только после мая 2026 года. То же самое касается Партии прогресса (ранее Партия социальных сетей, затем «Гражданская позиция») и «Партии За Справедливость!» (для последней сроки — после июня 2019 и 2026 года).

Прошли ли эти партии проверку? И были ли такие официальные проверки? Об этом нам ничего не известно. К сожалению, ни Минюст, ни ЦИК не сообщают обществу результаты таких проверок (услужливые законодатели не позаботились их обязать, а сами они не считают нужным делиться такой информацией). Только в отношении партий, чье участие в выборах признано недостаточным, мы узнаем результаты таких проверок — и то лишь из решений Верховного суда. А если ЦИК

1. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B8%D1%8F_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8.

и Минюст сочтут, что участие в выборах достаточное, нам об этом не сообщают.

Тем не менее ЦИК все же дает в своем интерактивном справочнике информацию об участии партий в выборах. И из этого справочника, а также из другой информации с сайта ЦИК мы знаем, что ни ДПР, ни Партия прогресса, ни «Партия За Справедливость!» не участвовали в думских выборах 2021 года и президентских выборах 2024 года. Не участвовали эти три партии и в основных выборах региональных парламентов в период 2019–2025 годов. В этот же период ДПР участвовала в выборах глав трех регионов, Партия прогресса — одного региона, а «Партия За Справедливость!» и в этих выборах не участвовала.

Менее четкая информация о степени участия партий в муниципальных выборах и дополнительных выборах в региональные парламенты. Однако из того же интерактивного справочника мы знаем, что ДПР в период 2019–2025 годов не выдвинула ни одного кандидата на муниципальных выборах, не считая региональных центров. А в региональных центрах в 2020 году у нее было 22 кандидата, но все — в одном регионе. На выборах региональных парламентов у этой партии было зарегистрировано всего десять кандидатов, то есть заведомо меньше необходимого числа регионов.

Что касается Партии прогресса, то у нее за период 2019–2025 годов не зарегистрировано ни одного кандидата на муниципальных выборах и зарегистрировано всего восемь кандидатов на выборах региональных парламентов.

Немногим лучше ситуация у «Партии За Справедливость!». На выборах региональных парламентов у нее в период 2019–2025 годов зарегистрировано 13 кандидатов, на выборах депутатов региональных центров — 23 кандидата, на остальных муниципальных выборах — 17 кандидатов. Так что можно даже не выяснять, в скольких регионах партия участвовала в выборах: понятно, что в ее зачете не более 13 регионов на региональных выборах и не более 40 на муниципальных (на самом деле меньше).

Так что нам остается ждать, когда Минюст подаст иски в Верховный суд о ликвидации этих трех партий.

Но возможен и другой подход. В законе ведь говорится просто, что партия должна участвовать в выборах «в течение семи лет подряд», а не в течение дискретных семилетних периодов. Из этого должно следовать, что партии, которые старше семи лет, должны проверяться ежегодно — благо такая проверка несложная, поскольку у ЦИК «все ходы записаны».

И самое забавное, что в отношении трех других партий Минюст применил именно такой подход, «забыв» о своем письме Богданову.

Партия «Гражданская сила» была зарегистрирована в июне 2012 года. В 2019 году она успешно прошла проверку, поскольку участвовала в думских выборах 2016 года. По логике «письма Богданову» ее должны были следующий раз проверять в том же 2026 году (за период с июля 2019 по июнь 2026 года). Однако Минюст проверил ее в 2024 году за период с 11 сентября 2017 года по 30 сентября 2024 года, и на основании данной проверки партия была ликвидирована Верховным судом.

Партия «Гражданская инициатива» была зарегистрирована в мае 2013 года. В 2020 году она успешно прошла проверку, поскольку участвовала в президентских выборах 2018 года. Но следующую проверку Минюст провел не в 2027 году, а в 2025 году — за период с 25 марта 2018 года по 27 марта 2025 года. Почему именно с 25 марта 2018 года? Очевидно, потому что 18 марта 2018 года состоялись президентские выборы, в которых «Гражданская инициатива» участвовала. То есть фактически Минюст в данном случае решил, что семилетний срок должен исчисляться с момента последнего участия партии в федеральных выборах (для «Гражданской силы» он, как мы видим, сделал еще годовую отсрочку).

Интересно, что представители «Гражданской инициативы» цитировали письмо Минюста от 16 октября 2019 года. Однако в судебном решении сказано: «Утверждение представителей Партии о необходимости исчисления семилетнего срока, установленного пунктом 2 статьи 37 Федерального закона „О политических партиях“, со дня регистрации и далее через каждые семь лет подряд нельзя признать состоятельным, поскольку оно основано на ошибочном толковании норм материального права… Письмо Минюста России от 16 октября 2019 г.

№ 11-130247/19 является конкретным ответом на обращение руководства другой политической партии и не касается деятельности Партии». Тем самым суд признал, что в отношении разных партий возможны разные толкования закона.

Похожая ситуация возникла и с партией «Российский общенародный союз» (РОС). Она была зарегистрирована в июне 2012 года. В 2019 году она успешно прошла проверку, поскольку участвовала в президентских выборах 2018 года. А следующая проверка случилась не за период с июня 2019 по июнь 2026 года (как было обещано ДПР), но и не за период с марта 2018 по март 2025 года (как это произошло с «Гражданской инициативой»). А почему-то за период с 8 июля 2018 года по 16 июля 2025 года. Здесь можно только предполагать: после иска Минюста о ликвидации «Гражданской инициативы» возник резонный вопрос: почему такой же иск не подан и в отношении РОС, находившейся в абсолютно таком же положении? И Минюст был вынужден с месячным опозданием подать также иск о ликвидации РОС.

Если бы этот подход был применен к ДПР, Партии прогресса и «Партии За Справедливость!», они должны были быть ликвидированы значительно раньше (скорее всего, еще в 2021 или 2022 году), так как реально перестали участвовать в выборах с 2014 года (когда было возвращено требование сбора подписей).

Остается вопрос еще по двум партиям. РПСС принимала участие в думских выборах 2021 года, поэтому она может спокойно существовать до 2028 года. А вот с Казачьей партией РФ и Партией Возрождения России ситуация сложнее. Эти партии были зарегистрированы в 2013 году. В 2020 году они успешно прошли проверку на участие в выборах, поскольку сумели принять участие в муниципальных выборах более чем в половине регионов. А что в последующие годы?

Обе партии практически не участвуют в региональных выборах. Что касается муниципальных выборов, Казачья партия РФ в 2019 году участвовала в них достаточно активно, у нее были зарегистрированы 89 кандидатов (по нашим данным, в 42 регионах). Но в 2020 году — всего 14 кандидатов, в 2021-м — 8, в 2022-м — 25 (но из них как минимум 23 в одном регионе), в 2023-м — ни одного, в 2024-м — 4, в 2025-м — 16. То есть

за период 2020–2025 годов у нее недостаточно регионов, и ей в 2026 году надо либо принять участие в думских выборах, либо активизироваться на муниципальных.

Что касается Партии Возрождения России, то пик ее активности на муниципальных выборах пришелся на 2018 год. В 2019 году у нее был всего один зарегистрированный кандидат, в 2020-м — 8, в 2021-м — ни одного, в 2022-м — 28, в 2023-м — 14, в 2024-м — 11, в 2025-м — три. Итого 65 кандидатов. Тут нужно выяснять, в разных или одних и тех же регионах эти кандидаты, однако доступные нам ресурсы не позволяют получить ответ на этот вопрос. Так что мы сейчас не можем сказать, есть ли у Партии Возрождения России достаточное число регионов, где она участвовала в муниципальных выборах.

Статья впервые опубликована в «Атласе выборов»: https://atlas.vyborov.org/articles/58/partiynaya-sistema-na-starte-izbiratelnoy-kampanii-edg-2026.

DOI: 10.55167/c4d3d9f3ecbd

Выдвижение и регистрация кандидатов на выборах депутатов Государственной думы, назначенных на 20 сентября 2026 года

Введение

Проект «Атлас выборов» подводит итоги выдвижения и регистрации на выборах депутатов Госдумы. Этап регистрации формально еще не закончен, однако все партийные списки уже зарегистрированы. Вопросы по сути остаются лишь по небольшому количеству кандидатов-самовыдвиженцев, подавляющее большинство из которых, вероятно, не будут зарегистрированы.

Предыдущие выборы депутатов Госдумы проходили в принципиально иных условиях. Хотя и они были в некоторой степени чрезвычайными: их фоном стала эпидемия коронавируса, которая обосновала введение многодневного голосования, возможность так называемого пенькового голосования на определенных территориях, фактический запрет на проведение любых массовых политических акций, который действует до сих пор, несмотря на очевидное окончание пандемии.

Тем не менее после февраля 2022 года политическая и партийная системы оказались в новых условиях еще более серьезных, чем раньше ограничений — цензуры, репрессивного силового давления, тотального контроля за политическими акторами.

Очевидно, что нынешние выборы задуманы их организаторами как демонстрация сохранения спокойного status quo в политической системе, несмотря на драматические вызовы, с которыми она сталкивается.

Разрушить сконструированную электоральную идиллию, внести в нее некоторую политическую неопределенность, по-видимому, могут только региональные и местные выборы, которые контролируются не столь тотально.

Уже после того, как текст доклада был готов, партия «Родина» подала иск в Верховный суд России, требуя снять с выборов «Яблоко».

За время нынешней избирательной кампании «Атлас выборов» опубликовал уже несколько докладов. Они были посвящены изменению федерального избирательного законодательства за пять лет[1], состоянию партийной системы[2], правовым параметрам выборов региональных парламентов[3], составам региональных избиркомов (часть 1[4], часть 2[5]). Кроме того, мы ведем еженедельные мониторинги телеэфира[6] и социальных сетей[7].

Ключевые выводы

1. Превентивные зачистки кандидатов, которые могли бы создать определенные проблемы для административных выдвиженцев, поднять рейтинги оппозиционных партий, озвучить неудобные для власти вопросы в ходе избирательной кампании, укладываются в стратегию, которая, по-видимому, была разработана для предсто-

1. URL: https://atlas.vyborov.org/articles/55/izmeneniya-federalnogo-izbiratelnogo-zakonodatelstvas-iyulya-2021-goda-po-may-2026-goda.

2. URL: https://atlas.vyborov.org/articles/58/partiynaya-sistema-na-starte-izbiratelnoy-kampanii-edg-2026.

3. URL: https://atlas.vyborov.org/articles/61/pravovye-parametry-vyborov-regionalnykh-parlamentov.

4. URL: https://atlas.vyborov.org/articles/63/a-kto-schitat-budet-analiticheskiy-doklad-o-sostavakh-izbiratelnykh-komissiy-subyektov-rossiyskoy-federatsii-na-nachalo-vyborov-v-gosudarstvennuyu-dumu-2026.

5. URL: https://atlas.vyborov.org/articles/71/a-kto-schitat-budet-chast-2-imitaciya-mnogopartijnosti.

6. URL: https://atlas.vyborov.org/search?tags=%D0%9C%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B3%20%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D1%8D%D1%84%D0%B8%D1%80%D0%B0.

7. URL: https://atlas.vyborov.org/search?tags=%D0%9C%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B3%20%D1%81%D0%BE%D1%86%D1%81%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%B9.

ящих выборов — сделать их максимально проходным и предсказуемым мероприятием, не допустить никаких сюрпризов. В условиях социально-политического перенапряжения, которое сейчас испытывает политический режим, выборы должны пройти максимально рутинно, буднично и подконтрольно.

2. Стали ярко заметны сужение реальной конкуренции, рост управляемости кампаний и охлаждающий эффект для любой политической активности, не только для оппозиционной. За пять лет на 27% сократилось число выдвинутых партийных списков. Число кандидатов в списках партий, которые участвовали как в выборах 2016, так и в выборах 2026 года, за 10 лет сократилось на 16,6%. Число кандидатов-одномандатников за пять лет также сократилось на 25%, самовыдвиженцев — более чем вдвое (а за 10 лет — в четыре раза).
3. Многие неопределенности и потенциальные риски были устранены еще «на дальних подступах», до официального старта избирательной кампании. Совокупность правовых и административных механизмов — статусы «иноагента», административные штрафы по «экстремистским» статьям, уголовные дела о «фейках/дискредитации армии» и коррупционных эпизодах — точечно лишает политиков пассивного избирательного права и организационных ресурсов. Причем с силовым давлением сталкиваются как «малые», так и крупные парламентские партии, а случай Бориса Надеждина демонстрирует быстроту и легкость использования правоприменительных решений, блокирующих участие в выборах. Даже внутрипартийные праймериз «Единой России» сопровождаются обвинениями в принуждении, согласовании исходов и выдавливании неугодных из избирательного процесса.
4. На готовность граждан участвовать в политической борьбе негативно влияет устоявшаяся практика сговора крупнейших политических партий, которые заранее определяют победителей в одномандатных округах, не давая шансов своим избирателям выразить их реальную волю.

5. Сбор подписей избирателей как инструмент выдвижения на выборах окончательно выродился, став политически контролируемым барьером, в основе которого лежат политический произвол избиркомов и МВД, псевдоюридический формализм и крючкотворство. Сложившийся механизм регистрации кандидатов вытесняет новые и малые партии, ведет к их ликвидации. В результате в 2026 г. впервые ни одна партия, не обладающая льготой, даже не попыталась выдвинуть список кандидатов.
6. Перенарезка одномандатных округов 2025 года системно усилила позиции власти: дополнительные округа появились преимущественно в сверхлояльных регионах (включая новые территории), тогда как проблемные для администрации субъекты потеряли по одному округу. Характерный пример — Алтайский край, где упразднили самый крупный и наименее «убывающий» по числу избирателей оппозиционный округ. В результате часть оппозиционных фигур сменили округа, ушли в списки или вовсе не стали баллотироваться — таким образом, конкуренция снизилась. На фоне расширения электронного голосования (особенно в Москве) и сокращения интервала пересмотра схемы до пяти лет это укрепляет контролируемость кампаний и снижает непредсказуемость исходов.
7. Нынешние правила разбиения списков на тергруппы создают проблемы для большинства партий, особенно тех, кто не претендует на большое число мандатов. Они вынуждены формировать заведомо проходные и заведомо непроходные тергруппы, не учитывая интересы избирателей, а подменяя их политтехнологией. Гигантские по площади тергруппы к тому же нивелируют связь депутатов с территориями, дискредитируя заявленную цель территориальной репрезентации. Малые же тергруппы вообще лишают жителей соответствующих территорий шансов получить своего представителя в парламенте.
8. Действия избирательных комиссий по надуманным отказам в регистрации кандидатов и партийных списков на выборах регионального и местного уровней влияют

на восприятие работы всей системы избирательных комиссий, в том числе и на выборах депутатов Государственной думы. При этом имеются положительные примеры работы избирательных комиссий ряда регионов, которые демонстрируют, как можно избежать подобного рода конфликтов. Так, заслуживает внимания и широкого распространения практика публичного приема документов кандидатов, поскольку снимает часть спорных и конфликтных вопросов, по крайней мере о том, были ли представлены кандидатом и партией те или иные документы.

1. Выдвижение и регистрация федеральных списков на выборах в Государственную думу и анализ их разбиения на региональные группы

1.1. Партии, выдвинувшие федеральные списки

На проходящих в данный момент выборах в Государственную думу федеральные списки выдвинули 11 политических партий из 17 зарегистрированных Минюстом и имеющих право участвовать в выборах: «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия», «Новые люди», «Яблоко», Партия пенсионеров, «Родина», «Коммунисты России», «Зеленые», Партия прямой демократии. Все эти 11 партий имеют право участвовать в выборах без сбора подписей избирателей. Ни одна из шести партий (ДПР, Партия прогресса, РПСС, «Партия За Справедливость!», Казачья партия РФ и Партия Возрождения России), не имеющих такой льготы, списки не стала выдвигать. В итоге все выдвинувшие свои списки партии были зарегистрированы.

Уже после того, как текст доклада был готов, партия «Родина» подала иск в Верховный суд России, требуя снять с выборов «Яблоко».

Ситуация частично похожа на ту, что была в двух предыдущих избирательных кампаниях. Тогда тоже все партии, имеющие льготу (14 из 32), выдвинули списки и все они были зарегистрированы. В 2021 г., в отличие от нынешней кампании, одна партия, не имеющая льготы, — Российский общена-

родный союз, — пыталась собирать подписи, но безуспешно. В 2016 году таких партий было четыре (еще несколько партий провели партийные съезды, но их списки не были заверены ЦИК России), но ни одна из них в этом не преуспела, и их списки не были зарегистрированы.

Таблица 1. Участие политических партий в выборах депутатов Госдумы в 2016–2026 гг.

Год выборов	Количество партий, имеющих право участвовать в выборах (всего)	Количество партий-льготников	Количество партий, проведших предвыборные съезды	Количество заверенных ЦИК России партийных списков (в т. ч. без льготы)	Количество зарегистрированных партийных списков
2016	74	14	25	18 (4)	14
2021	32	14	15	15 (1)	14
2026	17	11	11	11 (0)	11

Таким образом, начиная с выборов 2016 года реальный шанс на регистрацию имеют только «партии-льготники». При этом в 2026 г. впервые ни одна партия, не обладающая льготой, даже не попыталась выдвинуть свой список кандидатов. Похоже, эти партии поняли, что получить регистрацию на основании сбора подписей для них нереально, и уже смирились с неизбежной ликвидацией за недостаточное участие в выборах. Некоторые из этих партий ждет ликвидация уже после окончания думской кампании, другие будут ликвидированы через год или два.

Практика последних лет[8] показывает, что схожая ситуация наблюдается и на более низких уровнях выборов. В политических кругах сложилось устойчивое представление о том, что регистрация на общенациональных и региональных выборах, где требуется представить значительное число подписей избирателей, — это сугубо политическое решение тех, кто управляет данной избирательной кампанией, и получить регистрацию без их одобрения невозможно.

8. URL: https://atlas.vyborov.org/articles/6/upravlyaemaya-konkurentsiya-2025-szhatie-do-parlamentskikh-partiy.

Таким образом, сбор подписей избирателей окончательно выродился. Это произошло в том числе благодаря усилиям избиркомов, в чьих руках процедура проверки собранных подписей стала почти непроходимым барьером, в основе которого лежат политический произвол, псевдоюридический формализм и крючкотворство. Если раньше сбор подписей избирателей был одним из каналов входа в политическую систему для новых политиков и политических проектов — через демонстрацию стартового уровня поддержки избирателей, достаточного для участия в выборах, — то к настоящему времени он превратился в способ отсечения новых игроков или тех, кто дал слабину в предшествующий период. Сбор подписей как практически непреодолимый без одобрения власти барьер способствует закрытости и консервации сложившейся системы.

Из 11 партий, выдвинувших списки, девять участвовали в выборах и 2016, и 2021 года. Это «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия», «Яблоко», «Родина», «Коммунисты России», «Зеленые» и Российская партия пенсионеров за социальную справедливость (Партия пенсионеров). «Новые люди» появились в 2020 году и участвовали только в выборах 2021 года. Партия прямой демократии тоже появилась в 2020 году, но в прошлых выборах не участвовала, так как не имела льготы. Она получила льготу только во время выборов 2021 года, когда ей удалось пройти в законодательное собрание Еврейской автономной области с 5,9% голосов (4508 голосов).

1.2. Что требует закон

Государственная дума состоит из 450 депутатов: 225 избираются по партийным спискам, 225 — по одномандатным округам.

В соответствии с законом списки состоят из центральной части и региональных групп. Далее мы проанализируем, как партии разделили свои списки на группы и центральную часть. Вопрос этот имеет не только политическое значение: при анализе решений, которые приняли партии, наглядно видны достоинства и недостатки соответствующих законодательных норм с точки зрения обеспечения территориального представительства в Государственной думе.

Правила разбиения федеральных списков на региональные группы ранее постоянно менялись, подстраиваясь под политическую конъюнктуру. На выборах 2003 года число групп должно было быть не менее семи, а в центральной части списка могло быть не более 18 кандидатов. На выборах 2007 года минимальное число групп достигло 80, а центральная часть была ограничена тройкой. На выборах 2011 года минимальное число групп было снижено до 70, а максимальное число кандидатов в центральной части выросло до 10. На выборах 2016 года максимум центральной части был сохранен, а минимальное число групп уменьшено до 35. На выборах 2021 года минимальное число групп было сохранено, зато максимум центральной части увеличен до 15. **На нынешних выборах сохраняются правила, действовавшие в 2021 году, — впервые правила разбиения списка не поменялись перед выборами. Такая «стабильность» между двумя электоральными циклами в условиях полной управляемости законодателей свидетельствует о консервации партийной и избирательной систем — неформальные администраторы выборов наконец-то могут ощущать полный контроль над ситуацией и руководством всех партий.**

Таблица 2. Правила разбиения федеральных списков партий в 2003–2026 гг.

Год выборов	Минимальное число региональных групп	Максимальное число кандидатов в центральной части списка
2003	7	18
2007	80	3
2011	70	10
2016	35	10
2021	35	15
2026	35	15

Впрочем, есть положения, действующие достаточно длительное время. Так, на выборах в Государственную думу (в отличие от большинства региональных выборов) партии всегда самостоятельно разбивают свои списки на группы (в пределах ограничений, установленных законом). С 2007 года предусмотрено право делить крупные регионы на несколько групп.

Также с 2007 года действуют требования, согласно которым группы должны охватывать все регионы и объединять в одну группу можно только граничащие между собой регионы (за исключением анклавных территорий). При этом теоретически партия может разбить свой список на группы, соответствующие одномандатным округам, то есть максимально возможное число групп — 225.

Соблюдение указанных выше норм разбиения списка не создает особых сложностей для доминирующей партии, но, как правило, создает проблемы для оппозиционных партий, особенно для тех малых партий, которые лишь претендуют на преодоление проходного барьера.

1.3. Как партии разделили свои списки

Требование о минимуме в 35 групп действует уже третью кампанию. В 2016 году анализ показал, что снижение минимального количества тергрупп с 70 до 35 было вполне оправданным: лишь три партии из 18 создали более 70 групп, а у большей части партий число групп было приближено к минимуму — у семи от 35 до 38, еще у четырех от 40 до 45. В кампании 2021 года действовала примерно та же тенденция: из 15 партий только одна создала более 70 групп, у шести партий число групп было близко к минимуму (36–38), еще у четырех от 40 до 46.

В нынешней кампании картина примерно такая же (см. Таблица 3). Только одна партия («Яблоко») создала более 70 групп, точнее, 71 группу. У четырех партий от 35 до 37 групп, еще у трех — 40 или 43.

Таблица 3. Структура федеральных списков

Партия	Число региональных групп	Число кандидатов в заверенном списке	Число кандидатов в центральной части
«Единая Россия»	57	390	5
КПРФ	36	333	15
ЛДПР	35	247	10
«Справедливая Россия»	37	263	4
«Новые люди»	37	298	3
«Яблоко»	71	274	7

«Коммунисты России»	63	270	8
«Родина»	60	298	15
«Зеленые»	43	262	5
Партия пенсионеров	40	261	4
Партия прямой демократии	40	237	0

Что касается размера центральной части, то только две партии (КПРФ и «Родина») сделали ее максимально возможной — 15 кандидатов. Еще у одной (ЛДПР) 10 кандидатов. На выборах 2021 г. КПРФ получила 18,9% голосов избирателей по списку и 48 мест, а ЛДПР — 7,5% и 19 мест. Таким образом, при сохранении той же тенденции можно предположить, что от трети до половины своих мест в будущей Государственной думе гарантированно получат кандидаты, включенные данными партиями в центральные части своих списков. Партия прямой демократии решила обойтись вообще без центральной части — такое на думских выборах бывает довольно редко. У остальных семи партий от трех до восьми кандидатов.

Расширение центральной части списка при уверенном прохождении заградительного барьера в 5% страхует нужных для партии кандидатов от неопределенности результатов в отдельных территориях.

Смысл разбиения списка на группы: во-первых, приблизить депутатов к избирателям, во-вторых, создать стимулы для кандидатов бороться за голоса избирателей. Такие стимулы создает максимальное расширение «полупроходной зоны». У кандидатов, которые наверняка будут избраны (при преодолении партией заградительного барьера), и у кандидатов, не имеющих шансов на избрание, стимулы гораздо слабее, чем у тех, кто может попасть или не попасть в Думу в зависимости от числа голосов, поданных за партию на данной территории.

Исходя из этого, партиям следовало бы определять число групп в зависимости от числа мандатов, на которые они рассчитывают — примерно в полтора раза меньше этого числа, уменьшенного на число кандидатов в центральной части — чтобы все группы имели шансы получить хотя бы один мандат, но могли бы претендовать и на два мандата. При этом лучше всего максимально выровнять шансы групп. В первом прибли-

жении — выровнять по числу избирателей, хотя дальше можно делать коррекцию с учетом потенциальной поддержки партии в тех или иных регионах.

С этой точки зрения «Единой России» следовало бы разбить свой список примерно на 80 групп, а остальным парламентским партиям — стремиться к минимизации числа групп в рамках действующего ограничения, которое, несмотря на снижение, мы считаем всё равно завышенным. Что касается партий, претендующих лишь на преодоление 5-процентного барьера, то для них это не имеет такого значения, поскольку в любом случае большинство групп получаются непроходными. Как видно из таблицы 3, у всех четырех оппозиционных парламентских партий число групп соответствует этой логике.

1.4. Насколько выровнены группы

Что касается выравнивания размеров групп, то его можно оценить с помощью двух показателей. Первый — это отношение размера максимальной по числу избирателей группы к минимальной. Второй — это стандартное отклонение совокупности размеров групп (характеризующее разброс значений), деленное на средний размер группы. Эти показатели представлены в таблице 4.

Таблица 4. Характеристики разбиения федеральных списков на группы

Партия	Число избирателей в группе минимальное	Число избирателей в группе максимальное	Отношение макс./мин.	Отношение ст. откл./средн.
«Единая Россия»	254 159	7 835 409	31	79%
КПРФ	32 308	6 508 308	201	48%
ЛДПР	32 308	7 835 409	243	50%
«Справедливая Россия»	32 308	6 317 551	196	71%
«Новые люди»	32 308	7 835 409	243	65%
«Яблоко»	254 159	5 403 848	21	59%
«Коммунисты России»	93 752	6 168 000	66	64%
«Родина»	164 058	8 874 880	54	98%
«Зеленые»	351 679	7 835 409	22	65%
Партия пенсионеров	340 444	7 835 409	23	64%
Партия прямой демократии	371 422	7 835 409	21	56%

Как видно из таблицы, первый показатель наиболее низкий (21–23) — у четырех непарламентских партий: «Яблока», Партии прямой демократии, «Зеленых» и Партии пенсионеров. Для достижения такого результата главное — просто объединять в группы небольшие регионы. Дробить крупные регионы, как показывает опыт «Зеленых» и Партии прямой демократии, для этого не обязательно. Впрочем, двадцатикратный разрыв — достаточно большой, и его вполне можно было сделать меньше. В 2021 году минимум составлял 5,8, в 2016 году — 5,4.

Интегральный показатель разброса самый низкий у КПРФ (48%) и ЛДПР (50%). Здесь тоже значения довольно высокие. В 2021 году минимум составлял 33%, в 2016 году — 28%.

Если мы сравним данные в таблицах 3 и 4, то вновь, как и в 2016 и 2021 годах, получим эмпирическое подтверждение давно сделанного нами теоретического вывода: **чем меньше групп в списке, тем легче выровнять размеры групп**. Все партии с хорошими показателями выровненности имеют не более 43 групп. А худший показатель выравненности — у «Родины», разбившей список на 60 групп (тут, впрочем, играли роль и сами принципы разбиения).

Что касается конкретных схем разбиения на группы, дробления или объединения регионов, то здесь видно огромное разнообразие. Каждая партия делает такое разбиение, по-видимому, учитывая уровень ее поддержки в разных регионах, состояние региональных групп, наличие сильных региональных лидеров и т. п. **И это свидетельствует в пользу правильности положений закона, дающих партиям самостоятельность в данном вопросе. Остается лишь сожалеть, что такой же подход не восторжествовал в региональном законодательстве.**

Как видно из таблицы 4, у шести партий самая крупная группа имеет 7 835 409 избирателей, то есть это — Москва. «Родина» тоже не разделяла Москву на группы, но она создала еще более крупную группу, объединив семь сибирских регионов (республики Бурятия и Тыва, Алтайский и Красноярский края, Кемеровскую и Тюменскую области плюс Ханты-Мансийский АО) — при этом почему-то выделив в отдельные группы маленькие по числу избирателей Хакасию и Ямало-Ненецкий АО.

В результате площадь этой тергруппы оказалась равна почти 4 млн квадратных километров — почти равна площади всего Европейского союза. Тергруппа № 1 «Единой России» (Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), Забайкальский край, Камчатский край, Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Магаданская область, Сахалинская область, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ) оказалась еще больше — почти 7 млн квадратных километров.

Такие гигантские размеры тергрупп делают абсурдной идею о том, что разбиение списка на тергруппы позволяет потенциальным депутатам сохранять связь с людьми «на земле» лучше, чем, например, депутатам, избранным по общефедеральной части.

Партия пенсионеров разделила только Санкт-Петербург. «Единая Россия», ЛДПР, «Родина», «Зеленые» и Партия прямой демократии не стали разделять ни один регион. Четыре партии (КПРФ, «Справедливая Россия», «Коммунисты России», «Яблоко») решили разделить Москву на несколько групп. При этом КПРФ разделила только Москву, «Справедливая Россия» — Москву, Татарстан и почему-то Пензенскую область, «Коммунисты России» — Москву, Санкт-Петербург и Башкортостан. Эти три партии разделили Москву на две большие группы.

«Новые люди» не стали делить Москву и другие крупные регионы, но разделили почему-то Архангельскую и Луганскую области.

Как и в прошлую кампанию, партия «Яблоко» разделила список оригинально. Однако у нее на это были резоны: ее поддержка крайне неравномерна по регионам. Так, в 2021 году 38,4% всех своих голосов партия получила в Москве и Санкт-Петербурге. В связи с этим для партии «Яблоко» нет большого смысла в выравнивании групп по числу избирателей, ей следует пытаться выровнять их по потенциальной поддержке партии. И партия, следуя этому принципу, в Москве, Московской области и Санкт-Петербурге создала группы, соответствующие в основном парам одномандатных округов (но в Москве две группы охватывали по одному округу и две — по три). Кроме того, были разбиты на две группы Краснодарский край, Ростовская и Свердловская области.

У четырех партий группы с максимальным числом избирателей получились меньше числа избирателей в Москве. Это КПРФ (Санкт-Петербург, Карелия, Ленинградская и Мурманская области), «Справедливая Россия» (Санкт-Петербург, Ленинградская и Калининградская области), «Коммунисты России» (Московская область) и «Яблоко» (новые территории). Однако они не сильно меньше: минимум (5 403 848) у «Яблока». У трех других партий эти группы получились более 6 млн избирателей (более 78% от числа избирателей Москвы), так что здесь разбиение Москвы на части не сильно снизило разрыв между наименьшей и наибольшей группой.

У четырех партий (все партии парламентской оппозиции) самая малая группа имеет 32 308 избирателей, то есть это Чукотский АО, который они не стали ни с кем объединять. Остальные партии также оставили необъединенными небольшие регионы: у «Коммунистов России» самая малая группа соответствует Магаданской области (93 752), у «Родины» — Республике Алтай (164 058), у «Единой России» и «Яблока» — Республике Ингушетия (254 159), у Партии пенсионеров — Республике Адыгея (340 444), у Партии прямой демократии — Сахалинской области (371 422). У «Зеленых» самой маленькой получилась группа, объединившая три малонаселенных региона — Камчатский край, Магаданскую область и Чукотский АО (351 679). Иными словами, ни одна партия (кроме, может быть, «Единой России») не сделала группу с минимальным числом избирателей относительно конкурентоспособной.

1.5. Группы с малым и большим числом избирателей

В целом у большинства партий видно стремление в той или иной степени выровнять группы либо по числу избирателей, либо по другим показателям. Но при этом обращает на себя внимание тот факт, что **некоторые партии намеренно создали группы с небольшим числом избирателей (то есть заведомо непроходные, ведь мандаты между тергруппами распределяются в зависимости от числа набранных голосов) и группы с большим числом избирателей (то есть заведомо проходные).**

Лучше всего это видно на примере четырех партий парламентской оппозиции, которые реально претендуют на мандаты. На предыдущих выборах они получили от 13 до 48 мандатов, часть из которых достались кандидатам из центральной части списка. Предположим, сейчас они рассчитывают, что региональным группам достанется 20–30 мандатов. То есть при минимуме групп 35 нескольким региональным группам мандаты наверняка не достанутся.

И каждая из четырех партий намеренно создала заведомо непроходные группы, фактически лишив их жителей шансов на получение своих представителей в парламенте. Так, у КПРФ есть четыре группы с числом избирателей менее 350 тыс. (Ненецкий и Чукотский АО, Адыгея и Ингушетия). А следующая по размеру группа насчитывает уже 2 млн избирателей, то есть она уже конкурентоспособна.

У ЛДПР тоже четыре заведомо непроходные группы с числом избирателей менее 250 тыс. (те же два автономных округа, Еврейская автономная область и Камчатский край). А следующая по размеру группа насчитывает уже 1,5 млн избирателей.

У «Справедливой России», которая сейчас не может рассчитывать на то же число мандатов, что КПРФ и ЛДПР, 14 групп имеют 1 млн (точнее, 1,02 млн) и менее избирателей. А 15-я по размеру группа имеет уже 2,6 млн. Эти 14 групп тоже можно считать заведомо непроходными.

У «Новых людей» таких групп 11 (с числом избирателей менее 900 тыс.). У 12-й по размеру группы уже 2,7 млн избирателей.

Эти примеры наглядно показывают, что минимум в 35 групп является завышенным, и партиям приходится прибегать к хитростям, чтобы и требования закона соблюсти, и сделать разбиение удобным с точки зрения борьбы за мандаты.

А вот число заведомо проходных групп у этих партий немного. При этом понятно нежелание партий делить на группы Москву и Московскую область. Поэтому к специально созданным заведомо проходным группам мы относим те, которые объединяют как минимум два региона и насчитывают не менее 5 млн избирателей (при этом мы не учитываем группы, объе-

диняющие новые регионы, в которых оппозиционные партии находятся в проигрышной позиции).

У КПРФ таких групп всего две (Санкт-Петербург, Карелия, Ленинградская и Мурманская области; Республика Коми, Архангельская и Свердловская области, Ханты-Мансийский АО), у «Новых людей» — тоже две (Оренбургская, Самарская и Саратовская области; Бурятия, Якутия, Красноярский край, Иркутская область), у «Справедливой России» — четыре (республики Алтай, Бурятия, Тыва и Хакасия, Алтайский край и Новосибирская область; Якутия, Забайкальский, Приморский и Хабаровский края, Иркутская область; Пермский край и Свердловская область; Санкт-Петербург, Калининградская и Ленинградская области).

У ЛДПР вообще нет таких групп.

1.6. С кем объединили Калининградскую и Сахалинскую области и другие географические проблемы

Отдельный интерес представляет ситуация с Калининградской и Сахалинской областями. Закон требует, чтобы в одну группу объединялись граничащие между собой регионы, за исключением регионов, не граничащих с другими регионами. Таковым регионом в полной мере является Калининградская область, и по закону ее можно объединять с любыми другими граничащими между собой регионами.

Пять партий («Единая Россия», «Коммунисты России», «Родина», «Зеленые», Партия прямой демократии) не стали объединять Калининградскую область ни с кем. С северо-западными регионами объединили Калининградскую область три партии: ЛДПР — с Карелией, Архангельской и Мурманской областями, «Справедливая Россия» — с Ленинградской областью и Санкт-Петербургом, Партия пенсионеров — с Карелией, Ленинградской и Мурманской областями.

Более экзотические решения приняли три другие партии: КПРФ объединила Калининградскую область с Саратовской, «Новые люди» — с Кемеровской и Томской областями, «Яблоко» — с Сахалинской областью.

Другая ситуация с островной Сахалинской областью. В 2007 году ЦИК принимала специальное разъяснение,

утвержденное постановлением от 15 августа 2007 г. № 25/192-5, согласно которому Сахалинская область не является анклавной территорией, а имеет границу по морю (относящемуся к внутренним водам РФ) с Камчатским и Хабаровским краями. Однако это разъяснение оказалось прочно забытым. Так, в 2016 году четыре партии объединили Сахалинскую область с Приморским краем, хотя, согласно цитированным выше разъяснениям ЦИК, эти два региона не граничат между собой. ЦИК на это нарушение тогда внимания не обратила. В 2021 году то же самое сделали две партии, и вновь это не было сочтено нарушением.

В этот раз пять партий («Справедливая Россия», «Коммунисты России», «Родина», «Зеленые», Партия прямой демократии) не стали объединять Сахалинскую область ни с кем. Четыре партии («Единая Россия», ЛДПР, «Новые люди», Партия пенсионеров) включили островную область в большую дальневосточную группу, включающую также Камчатский и/или Хабаровский края. «Яблоко», как отмечалось выше, объединило Сахалинскую область с анклавной Калининградской. А вот КПРФ сочла Сахалинскую область анклавной и объединила ее с далекими от острова регионами — Алтайским краем, республиками Алтай и Тыва.

Объединение Калининградской и Сахалинской областей с далекими от них регионами, помимо чисто юридических аспектов, имеет и практический аспект, являясь частью более общей проблемы. Объединяя регионы в группу, партии должны понимать, что помимо юридического требования наличия границ между этими регионами, между ними должны быть еще и удобные коммуникации. Особенно это касается восточных регионов, ведь кандидаты из группы должны иметь возможность перемещаться из региона в регион для ведения агитации. И еще в большей степени такое перемещение будет необходимо, если партия пройдет в Госдуму и депутатам надо будет работать в этих регионах.

С этой точки зрения удивляет не только объединение Калининградской области с Саратовской, Томской или Сахалинской, или объединение Сахалинской области с Алтайским краем, но и некоторые другие объединения: Республики Коми, Свердловской области и Ханты-Мансийского АО (КПРФ),

Красноярского края, Томской области и Ямало-Ненецкого АО (и КПРФ, и «Справедливая Россия»), Якутии с Красноярским краем и Магаданской областью (ЛДПР), Карелии, Архангельской и Мурманской областей с Кировской областью и Удмуртией («Справедливая Россия»). Юридически это корректно, но с практической точки зрения не очень целесообразно.

В целом что политические администраторы выборов, что партии, при разбиении списков в большей степени руководствуются своими политическими и политтехнологическими соображениями, чем интересами избирателей. Существующая система разбиения списков на тергруппы зачастую не решает декларируемой задачи по привязке депутата к какой-то территории.

1.7. Сокращение числа кандидатов в списках

В Таблица 5 приведено число кандидатов в списках девяти партий, которые участвовали во всех выборах депутатов Госдумы, начиная с 2016 года.

Таблица 5. Сравнение числа кандидатов в списках в трех кампаниях

Партия	**Число кандидатов 2016**	**Число кандидатов 2021**	**Число кандидатов 2026**
«Единая Россия»	400	395	390
КПРФ	391	345	333
ЛДПР	313	217	247
«Справедливая Россия»	333	302	263
«Яблоко»	306	304	274
«Коммунисты России»	397	398	270
«Родина»	287	286	298
«Зеленые»	356	232	262
Партия пенсионеров	331	278	261
Всего (без учета «Новых людей»)	3 114	2 757	2 598

Сравнение с данными за 2016 и 2021 годы показывает, что у многих партий заметно сократилось число кандидатов.

Мы видим, что от выборов к выборам неуклонно снижается число кандидатов у «Единой России», КПРФ, «Справедливой России», «Яблока» и Партии пенсионеров. У ЛДПР и «Зеленых» в этот раз кандидатов больше, чем в 2021 году, но меньше, чем

в 2016 году. У «Коммунистов России» в 2016 и 2021 годах было примерно одинаково, а сейчас значительно меньше. И только «Родина» из числа партий, принимавших участие в выборах 2016 и 2021 годов, увеличила число кандидатов, но ненамного. Увеличили число кандидатов — с 212 до 298 — и «Новые люди» (их нет в таблице), но здесь ситуация понятная: в 2021 году это была новая партия, и ей тогда трудно было найти кандидатов.

В целом только у двух партий число кандидатов в этот раз больше 300. Иными словами, это число у большинства партий ближе к нижнему (200), а не к верхнему (400) пределу. Общее число кандидатов у этих партий оказалось заметно меньше, чем 10 лет назад — сокращение составляет 16,6%.

Из этих данных нетрудно понять, что число желающих стать кандидатами на думских выборах сокращается. По-видимому, это связано с постоянным повышением требований к кандидатам. От них нужны кипы бумаг, плюс те из них, кто имеет зарубежные вклады и прочие финансовые инструменты, обязаны до регистрации от них избавиться. Сам статус кандидата не дает каких-либо особых бонусов, зато он увеличивает риск разного рода проверок, давления, а в отдельных случаях — и репрессий. Правда, всё это было и раньше, но, по-видимому, значительная часть политического класса осознала данные обстоятельства с некоторым запозданием.

2. Выдвижение кандидатов по одномандатным округам

2.1. Изменение схемы одномандатных округов в 2025 году

Весной 2025 года была в плановом порядке изменена схема одномандатных округов на выборах депутатов Госдумы. По действующему на тот момент закону она пересматривается каждые 10 лет в связи с изменением численности избирателей (с 2025 года принято решение о пересмотре схемы каждые пять лет). Предыдущая «нарезка» была принята в 2015 году — по ней проходили как выборы 2016, так и выборы 2021 годов.

Изменение схемы оказалось довольно серьезным. Семь округов были созданы в четырех новых территориях, которые начали упоминаться в Конституции России после 2022 года — ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областях; еще по одному новому округу было создано в трех регионах, где за прошедшие 10 лет значительно увеличилась численность избирателей — Москве (всего теперь 16 округов), Московской области (12 округов) и Краснодарском крае (9 округов).

Все регионы, получившие дополнительные округа, показывают в последние годы сверхлояльные к властям результаты. При среднем по стране результате Владимира Путина в 2024 году 87,3% голосов, в ДНР он набрал 95,2%, в ЛНР — 94,1%, в Запорожской области — 92,8%, в Херсонской области — 88%, в Краснодарском крае — 92,6%. Лишь Москва и Подмосковье весной 2024 года показали результаты чуть ниже среднероссийского, однако в Москве осенние выборы 2024 года проходили в условиях, когда большинство московских избирателей могли проголосовать бумажным бюллетенем. Уже осенью 2024 года на выборах депутатов Мосгордумы ситуация значительно изменилась — больше 95% голосов оказались электронными, и «Единая Россия» вдвое увеличила число мандатов в сравнении с предыдущими выборами.

Потеряли же при перенарезке округов по одному округу 10 регионов, многие из них были «проблемными» для властей. По итогам выборов 2021 года «Единой России» отошли 198 из 225 одномандатных округов. Еще пять получили «административные» самовыдвиженцы. **Из оставшихся 22 округов, доставшихся другим партиям, пять приходятся как раз на регионы, где округа были упразднены (то есть на эти 10 регионов — 11% от их общего числа — приходится 23% округов, доставшихся оппозиции).** По одному округу потеряли: Алтайский (осталось 3) и Забайкальский (1) края, а также Волгоградская (3), Воронежская (3), Ивановская (1), Калужская (1), Ростовская (6), Смоленская (1), Тамбовская (1) и Томская (1) области.

Так, перенарезка затронула округа депутатов Госдумы: Марии Прусаковой (КПРФ) в Алтайском крае, Алексея Диденко (ЛДПР) в Томской области, Юрия Григорьева («Справедливая

Россия») в Забайкальском крае, Алексея Журавлева («Родина») в Тамбовской области и Сергея Леонова (ЛДПР) в Смоленской области.

Если в Забайкальском крае, Смоленской, Тамбовской и Томской областях в итоге осталось по одному округу и шансов на сохранение нетронутыми «оппозиционных» округов практически не было, то в большом Алтайском крае был расформирован один округ из четырех. **Причем именно расформированный «оппозиционный» округ оставался самым крупным по числу избирателей (486 тыс. на момент расформирования), а убыль избирателей в нем была самой низкой** (см. Таблица 6).

Таблица 6. Изменение численности избирателей в одномандатных округах в Алтайском крае за 10 лет

Номер округа	Численность избирателей на 1 января 2015 года	Численность избирателей на 1 января 2025 года	Изменение численности избирателей за 10 лет
39	459 435	414 848	–44 587
40 (упразднен)	499 130	486 014	–13 116
41	494 082	452 219	–41 863
42	451 975	390 867	–61 108

Манипулятивность новой «нарезки» хорошо видна и на примере Иркутской области. Например, одного округа вполне могла лишиться Иркутская область, численность избирателей которой тоже серьезно сократилась. По мнению местных экспертов, чтобы не допустить этого, губернатор Игорь Кобзев согласился отдать один округ коммунисту, космонавту Олегу Новицкому (он считается согласованным кандидатом). Из-за этого даже пришлось переводить на Иркутский округ действующего депутата с Братского округа (где и выдвинулся Новицкий) Александра Якубовского.

В результате из пяти представителей оппозиционных партий, чьи округа подверглись сокращению, лишь Юрий Григорьев был выдвинут по одномандатному округу всё в том же Забайкальском крае, что и раньше, а также возглавил дальневосточную тергруппу «Справедливой России».

Алексей Журавлев сменил округ в Тамбовской области на Башкортостан, а также возглавил федеральный список «Родины». Сергей Леонов от ЛДПР не стал баллотироваться по одномандатному округу в Смоленской области (единственный оставшийся округ, по сообщениям СМИ[9], в администрации президента предполагают отдать кандидату эсеров, вице-спикеру Госдумы Александру Бабакову) и был выдвинут в партийном списке. Мария Прусакова была изначально выдвинута[10] кандидатом в депутаты Госдумы, как по списку партии, так и по Славгородскому округу, в который попала часть ее бывшего округа, но уже через два дня партия частично пересмотрела свое решение и выдвинула[11] в качестве кандидата в округе депутата краевого Заксобрания Людмилу Клюшникову. Алексей Диденко вообще не стал участвовать в выборах.

В некоторых других регионах, где были сокращены округа (например, в Калужской области), в 2021 году оппозиция также выступила достаточно сильно, хоть и не смогла победить.

Таким образом, за год до старта избирательной кампании произошло изменение схемы границ округов, которое имело признаки манипулятивности и политической ангажированности.

2.2. Процедура выдвижения кандидатов

Сама процедура выдвижения списков партий и кандидатов по одномандатным округам достаточно подробно прописана в законодательстве и, казалось бы, не должна вызывать особых трудностей. Тем не менее, как и многие другие формальные процедуры, она была превращена неформальными администраторами и формальными организаторами выборов в один из административно-политических барьеров, вокруг которо-

9. URL: https://www.rbc.ru/politics/04/08/2026/6a707f629a79475f056ac963.

10. URL: https://www.asferainfo.ru/news/134406-prosel-sezd-kprf-mariu-prusakovu-vydvinuli-dvazdy.

11. URL: https://ksonline.ru/612228/kprf-peredumala-stavit-odnomandatnikom-svoego-altajskogo-parlamentariya-mariyu-prusakovu-na-dumskih-vyborah/.

го нередко возникают проблемы у ряда партий и кандидатов, а также скандалы. Не стала исключением и избирательная кампания 2026 года.

Смысл процедуры выдвижения в том, что кандидат или партия заявляют организаторам избирательной кампании (избирательным комиссиям) о своем намерении участвовать в выборах, подтверждают свое право на это (пассивное избирательное право), а также сообщают сведения о себе, подкрепленные соответствующими документами. При этом кандидат, выдвигающийся по одномандатному округу, должен лично представить эти документы в соответствующую избирательную комиссию. Пройдя эту процедуру, лицо получает статус выдвинутого кандидата и готовится к получению следующего статуса — зарегистрированного кандидата, который и позволяет быть включенным в избирательный бюллетень.

Перечень документов, который кандидат должен предоставить в избирательную комиссию, содержится в соответствующих законах. Комиссия обязана выдать документ, подтверждающий их прием. Однако даже при осуществлении такой простой процедуры в ряде регионов комиссии, администрации и конкуренты умудряются создать проблемы для некоторых (неугодных) кандидатов.

Правда, как правило, они случаются на региональных и местных выборах, но комиссии, где это происходит, являются частью единой избирательной системы страны и накладывают негативный отпечаток на ее деятельность в целом. Можно вспомнить «потерянные» избиркомы, когда кандидаты не могли найти расположение комиссий, или искусственные очереди из якобы «желающих выдвинуться», чтобы настоящие кандидаты не смогли вовремя сдать документы на выдвижение на муниципальных выборах в Санкт-Петербурге (в 2019 году), или случаи исчезновения документов, уже сданных выдвинувшимися кандидатами в разных регионах.

Подобные случаи необходимо рассматривать как прямое воспрепятствование осуществлению пассивного избирательного права граждан. Произошли они и во время избирательной кампании в единый день голосования 2026 года. И в очередной раз этим отличились комиссии в Санкт-Петербурге. По сооб-

щениям партии «Яблоко»[12] и различных СМИ[13], на выборах в Законодательное собрание Санкт-Петербурга комиссии «потеряли» документы у нескольких кандидатов. Кандидат Антон Костик (ТИК № 48, Московский район) получил уведомление от комиссии о том, что у него отсутствует справка с основного места работы и письменное уведомление об отсутствии иностранных финансовых активов. Дмитрий Хорзов (ТИК № 19, Московский район) — о том, что нет сведений о месте работы, а также не представлены копии других документов. Ярослав Тамбовцев (ТИК № 26, Красносельский район) якобы также не предоставил две справки. При этом кандидаты и партия утверждали, что все документы были сданы, что подтверждается описями и видеозаписью. Дмитрий Хорзов, часть документов которого исчезла, снял процесс подачи документов на видео, а после опубликовал его. В итоге бумаги сразу нашлись, и кандидат был зарегистрирован.

Еще более детективная история приключилась[14] с кандидатом Платоном Васильевым (ТИК № 44, Красногвардейский район), который вел аудиозапись подачи документов при своем выдвижении. На записи отчетливо упоминаются все предоставленные документы, но запись отказались принимать во внимание при разбирательстве в вышестоящей Избирательной комиссии Санкт-Петербурга. При этом странным образом исчезла видеозапись процедуры, которую вела сама комиссия. Кроме того, комиссия не использовала рекомендованную вышестоящими комиссиями форму приема документов, а разработала свою. Председатель ТИК № 44 Светлана Нефедова во время процедуры позволяла себе делать некорректные замечания по поводу внешнего вида кандидата.

12. URL: https://www.yabloko.ru/regnews/Spb/2026/07/21.

13. URL: https://mr-7.ru/articles/2026/07/21/u-11-kandidatov-ot-iabloka-v-peterburge-voznikli-problemy-s-dokumentami-pri-registratsii-na-vybory-news.

14. URL: https://spb.yabloko.ru/2026/07/28/kuda-ischezli-dokumenty-kandidata-gorizbirkom-otkazalsya-prinimat-dokazatelstva-platona-vasileva-soslavshis-na-sovremennye-texnologii/.

Аналогичная история произошла с кандидатом от «Справедливой России» Манефой Королевой (ТИК № 44, Красногвардейский район), которой также предъявили непредоставление справки об отсутствии иностранных финансовых активов. При этом она утверждает, что передавала необходимую справку и даже фиксировала это на диктофон. Кроме того, указанные комиссии препятствовали кандидатам и их представителям в ознакомлении со сданными документами и выявленными «недостатками» и в реализации законного права на их устранение.

Безусловно, подобные действия комиссий Санкт-Петербурга дискредитируют проходящие выборы и всю избирательную систему в целом.

Между тем имеются и иные, положительные примеры работы избирательных комиссий ряда регионов, которые демонстрируют, как можно избежать подобного рода конфликтов. Например, в таких регионах, как Пермский край, Кировская[15] и Костромская области региональные комиссии ввели практику публичного принятия документов у выдвигающихся кандидатов. Так, в избиркоме Пермского края превратили процесс выдвижения кандидатов в публичное мероприятие с участием общественности: представителей региональной Общественной палаты, журналистов, уполномоченного по правам человека. Во время приема документов велась видеосъемка процедуры. В тот же день в соцсетях избиркома публиковались репортажи с фотографиями самих кандидатов[16, 17, 18, 19] и др. Аналогичная практика была распространена и на нижестоящие комиссии (ТИК), которые принимали документы кандидатов на региональных и местных выборах.

Такая практика публичного приема документов кандидатов заслуживает внимания и широкого распространения, поскольку снимает часть спорных и конфликтных вопросов,

15. URL: http://www.kirov.izbirkom.ru/news/6879/.
16. URL: https://t.me/ikpk59/1196.
17. URL: https://t.me/ikpk59/1240.
18. URL: https://t.me/ikpk59/1244.
19. URL: https://t.me/ikpk59/1242.

по крайней мере о том были или нет представлены кандидатом и партией те или иные документы.

2.3. Итоги выдвижения кандидатов в одномандатных округах

На выборах 2026 года наблюдается заметное сокращение конкуренции в одномандатных округах. Всего в 2026 году уведомили ОИК о своем выдвижении 1723 кандидата, а в 2021 году — 2296 человек, то есть уже на этой стадии конкуренция оказалась на 25% ниже, в среднем она упала с 10,2 кандидата до 7,7 кандидата в округе. Частично это объясняется меньшим числом партий, участвующих в выборах, но и среди партий-участников часто заметно сокращение числа выдвинутых одномандатников (см. Таблица 7).

Таблица 7. Выдвижение кандидатов по одномандатным округам

Партия	Уведомили ОИК о выдвижении 2021	Уведомили ОИК о выдвижении 2026 (на 6.08)
«Единая Россия»	219	224
КПРФ	225	225
ЛДПР	225	222
«Справедливая Россия»	225	225
«Новые люди»	211	215
«Яблоко»	158	135
«Коммунисты России»	144	86
«Родина»	138	64
«Зеленые»	93	127
Партия пенсионеров	194	98
Партия прямой демократии	—	19
Другие партии	192	—
Самовыдвиженцы	174	83

Так, если парламентские партии стараются выставить кандидатов почти во всех округах, то малые партии часто заметно просели: «Яблоко» выдвинуло на 15% меньше кандидатов-одномандатников, «Коммунисты России» — на 40%, «Родина» — на 54%, Партия пенсионеров — почти на 50%; больше

кандидатов стало лишь у «Зеленых». Более чем вдвое сократилось и число кандидатов-самовыдвиженцев.

Очевидно, что процент отсева в этом году будет совсем небольшим, поскольку более 95% кандидатов-одномандатников выдвинуты партиями, которым не нужно собирать подписи избирателей в поддержку выдвижения. Таким кандидатам может помешать зарегистрироваться только их собственное нежелание. Для самовыдвиженцев же ситуация принципиально иная — у них как раз шансов предельно мало, если заранее нет договоренности с властями.

По данным на 7 августа, регистрацию получили только два самовыдвиженца, еще 33 кандидата обладали статусом выдвинутых, но не зарегистрированных. Остальные уже сошли с дистанции.

Самовыдвиженцы часто концентрируются в отдельных регионах и даже в конкретных округах. Так, из 83 самовыдвиженцев 11 выдвинуты в Москве. Активность этих кандидатов на данный момент не видна. Например, кандидат Иосиф Джагаев всё время выдвигается на выборы разного уровня (предпочитает в центре), но до бюллетеней традиционно не доходит даже на муниципальных выборах. Четыре самовыдвиженца выдвинуты на двух округах в Ярославской области. Пять самовыдвиженцев баллотируются в Челябинской области, семь — в Московской. Есть несколько округов, в которых выдвинулись сразу по три самовыдвиженца: Сыктывкарский округ в Коми, Хакасский округ, Ярославский округ, Тушинский и Центральный округа Москвы.

Формально самыми конкурентными округами на стадии выдвижения стали Ангарский (Иркутская область), Тушинский и Центральный (оба — Москва) — по 12 выдвинутых кандидатов. Еще в 11 округах выдвинуто по 11 кандидатов. Наименьшая конкуренция оказалась в Ингушском и Ненецком одномандатных округах — всего по четыре кандидата.

КПРФ и «Справедливая Россия» выдвинули своих кандидатов во всех округах. «Единая Россия» освободила Московский округ в Татарстане. Изначально на съезде партия выдвинула[20]

20. URL: https://www.rbc.ru/politics/04/08/2026/6a707f629a79475f056ac963.

здесь Алексея Грушина, но кандидат якобы не успел подготовить документы. СМИ предполагают, что этот округ решено отдать кандидату от ЛДПР, депутату Госсовета Татарстана Руслану Юсупову. Это вообще один из наименее конкурентных округов — выдвинуты всего шесть кандидатов. После окончания этапа выдвижения, 6 августа, с выборов добровольно снялся[21] кандидат от «Единой России» по Котласскому округу Архангельской области Никита Сергеев. Основным кандидатом здесь считается выдвинутая ЛДПР Мария Харченко. ЛДПР, в свою очередь, не стала выдвигать кандидатов в трех округах — все они в Ставропольском крае. «Новые люди» не набрали кандидатов в 35 округах.

СМИ, со ссылкой на источники в администрации президента России и в «Единой России», пишут[22] о том, что партия власти допускает победу кандидатов от других партий в 16 округах:

- Москаленский округ, Омская область (предполагаемый победитель — Олег Смолин от КПРФ);
- Тольяттинский округ, Самарская область (Леонид Калашников от КПРФ);
- Братский округ, Иркутская область (Олег Новицкий от КПРФ);
- Марийский округ, Марий Эл (Сергей Казанков от КПРФ);
- Котласский округ, Архангельская область (Мария Харченко от ЛДПР);
- Московский округ, Татарстан (Руслан Юсупов от ЛДПР);
- Горловский округ, ДНР (Андрей Крамар от ЛДПР);
- Северо-Восточный округ, Санкт-Петербург (Андрей Скоблов от ЛДПР);
- Канашский округ, Чувашия (Анатолий Аксаков от «Справедливой России»);
- Коркинский округ, Челябинская область (Валерий Гартунг от «Справедливой России»);

21. URL: https://t.me/vybory_medium/550.

22. URL: https://www.rbc.ru/politics/04/08/2026/6a707f629a79475f056ac963.

- Искитимский округ, Новосибирская область (Александр Аксененко от «Справедливой России»);
- Смоленский округ, Смоленская область (Александр Бабаков от «Справедливой России»);
- Юго-Восточный округ, Санкт-Петербург (Оксана Дмитриева от «Новых людей»);
- Нефтекамский округ, Башкортостан (Алексей Журавлев от «Родины»);
- Ярославский округ, Ярославская область (самовыдвиженец Анатолий Лисицын);
- Липецкий округ, Липецкая область (самовыдвиженец Сергей Курбатов).

Такие «размены» плохи тем, что оставляют за скобками волю избирателей, для выявления которой выборы и существуют. Закулисные сговоры руководителей партий и высокопоставленных чиновников делают выборы имитацией.

3. Давление на потенциальных кандидатов и воспрепятствование их выдвижению

Введенные несколько лет назад запреты на участие в выборах политиков, признанных «иностранными агентами», либо получивших уголовные или даже административные наказания по «экстремистским» статьям, стали одним из важных оснований для точечного поражения российских граждан в их пассивном избирательном праве.

3.1. «Яблоко»

Как минимум восемь потенциальных кандидатов от партии «Яблоко» с осени 2025 г. были превентивно лишены права участвовать в выборах в Государственную думу. 4 декабря 2025 года был оштрафован на 1500 рублей за демонстрацию «экстремистской символики» председатель партии Николай Рыбаков. Он выразил соболезнование по поводу смерти Алексея Навального и опубликовал его фотографию в своем аккаунте в соцсетях. 21 апреля 2026 года по аналогичной статье на 1 000 рублей была оштрафована бывший председатель партии, а сейчас депутат Законодательного собрания Карелии Эмилия Слабуно-

ва. Через три дня аналогичный штраф (но на 1500 рублей) был утвержден решением суда в отношении Александра Шишлова, лидера фракции в Заксобрании Санкт-Петербурга. 27 ноября 2025 года на 1500 рублей была оштрафована депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга Ольга Штанникова, 26 мая 2026 года на 1000 рублей оштрафовали Дмитрия Рыбакова, члена федерального бюро «Яблока», депутата Петрозаводского горсовета, 2 апреля 2026 года — лидера псковского «Яблока», депутата Псковского областного собрания Артура Гайдука, 9 июня 2026 года — члена регионального отделения партии в Новгородской области Антона Кострюкова. Ранее, еще в 2024 году, «иностранным агентом» был объявлен зампредседателя партии Борис Вишневский. Он тоже не может участвовать в выборах, а весной 2026 года суд признал сборник его статей экстремистским материалом.

Таким образом, волна этих «точечных» административных протоколов по ст. 20.3 КоАП РФ против региональных лидеров и депутатов «Яблока» (Петербург, Карелия, Псков, Новгород и др.) привела к тому, что из-за небольших штрафов (что свидетельствует об оценке общественной опасности таких деяний как низкой) многие заметные лица партии оказались поражены в избирательных правах на год — то есть до конца нынешней избирательной кампании.

Одновременно партия столкнулась с серией уголовных дел по статьям о «фейках/дискредитации армии» (ст. 207.3 и смежные), одно из самых тяжелых — дело и приговор в отношении Максима Круглова (семь лет лишения свободы). Правозащитные организации и международные СМИ квалифицируют эти преследования как политически мотивированные.

Максим Круглов, заместитель председателя «Яблока», был задержан 1 октября 2025 года, а 24 июня 2026 года осужден по п. «д» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ (публичное распространение заведомо ложной информации о действиях ВС РФ, так называемые фейки об армии). Уголовное дело базировалось на двух публикациях в Telegram (апрель 2022 года) о гибели мирных жителей (Буча, Мариуполь и т. д.).

Особняком стоит и преследование другого известного «яблочника» — Льва Шлосберга, который также был зампред-

седателя партии. В июне 2023 года он включен Минюстом в реестр «иностранных агентов». 5 ноября 2025 года его приговорили по «инагентскому» делу к 420 часам обязательных работ, а уже в декабре его поместили в СИЗО и завели уголовное дело по ст. 207.3 УК РФ («фейки про армию»). Почти одновременно, 9 декабря, сайт Росфинмониторинга включил Шлосберга в перечень террористов и экстремистов. Еще ранее, в 2024 году, появилось дело о «дискредитации армии» (ст. 280.3 УК РФ). В мае 2026 года суд продлил срок содержания под стражей.

3.2. КПРФ

С давлением сталкивались и другие партии, прежде всего КПРФ. Главные проблемы у партии возникли в Алтайском крае, одном из базовых для партии регионов (в 2021 году КПРФ получила здесь 30,5% голосов при 33,7% у «Единой России» и выиграла один одномандатный округ — в Рубцовском округе победила Мария Прусакова). В ноябре–декабре 2025 года прошла серия обысков и задержаний в краевом отделении КПРФ. Основанием стало уголовное дело о мошенничестве, связанное с фиктивным трудоустройством помощников депутатов. Среди задержанных на тот момент оказались депутат Заксобрания Людмила Клюшникова и ее помощница Светлана Кербер (позже их перевели под домашний арест и затем отпустили под подписки/иные меры). Практически сразу же за этим делом появилось новое. В конце 2025 — начале 2026 года произошли новые задержания и возбуждения дел против других краевых депутатов и партийных функционеров (Юрий Кропотин, Андрей Чернобай, упоминались также Виталий Булдаков, Наталья Чистоклетова и т. д.). По части фигурантов следствие применяло меры пресечения (подписки о невыезде, домашний арест).

В соседнем регионе — Омской области, где партия в 2021 году получила 31,2% голосов при 32,9% у «Единой России» — КПРФ также подверглась давлению. В мае 2026 года Куйбышевский районный суд Омска оштрафовал на 1000 руб. двух представителей омского обкома КПРФ — Ивана Федина (второй секретарь обкома) и Владимира Виниченко (депутат Заксобрания) — по административным делам, связанным с «публичной демонстрацией символики запрещенной органи-

зации» (в материалах указывалось размещение в соцсетях изображений/логотипа платформы Meta в старых постах). В итоге оба политика были лишены права на участие в выборах.

Кроме того, в течение последних двух лет региональное отделение КПРФ в Омской области сообщало о систематических отказах администрации в согласовании уведомлений о пикетах, «красных палатках» и других уличных акциях. Административные штрафы за проведение «несогласованных» уличных акций в отношении представителей КПРФ фиксировались и в других регионах. Например, в Еврейской автономной области рассматривались протоколы против регионального руководителя КПРФ за возложение цветов. 27 декабря 2025 года в Бурятии правоохранители препятствовали проведению встречи с депутатом Госдумы Вячеславом Мархаевым.

Уже в разгар кампании по выборам депутатов Госдумы, 10 июля 2026 года, был задержан кандидат от КПРФ по одномандатному округу № 113 в Ленинградской области, лидер фракции в областном заксобрании Иван Апостолевский. Смольнинский районный суд Петербурга признал его виновным в демонстрации запрещенной символики (ч. 1 ст. 20.3 КоАП) и назначил ему 10 суток ареста. Поводом стали ссылки на Facebook и Instagram (принадлежат признанной экстремистской и запрещенной в России Meta). Решение суда пока не вступило в силу, но если это произойдет, то Апостолевский лишится возможности участвовать в выборах.

В Оренбургской области кандидаты от КПРФ на региональных выборах Нурлан Мунжасаров и Владимир Гудомаров были лишены права участвовать в выборах из-за штрафов по ст. 20.3 КоАП РФ (демонстрация экстремистской символики) за старые посты в соцсетях.

По словам руководителя аналитического управления КПРФ Сергея Обухова[23], в Томской области кандидата на выборах областных депутатов Александра Губина, участника СВО, пытались обвинить в самовольном оставлении части, хотя он уже уволен по состоянию здоровья. В Свердловской области ветерана СВО Андрея Кужбу не зарегистрировали — он запи-

23. URL: https://t.me/vybory_medium/521.

сал обращение к президенту с просьбой лишить его статуса ветерана, раз он не может выполнить призыв укреплять власть.

В 2022 году «иностранным агентом» был признан популярный депутат Госсовета Коми от КПРФ Виктор Воробьев, а в 2025 году в том же регионе под стражу взяли экс-кандидата в депутаты Госсовета Коми от КПРФ Оксану Багирову (Харинову) — за «оправдание терроризма».

КПРФ сама не стала выдвигать кандидатом в депутаты Госдумы бывшего регионального руководителя КПРФ в Москве Валерия Рашкина. КПРФ не выдвинула его ни по округу, ни в списке. В 2021 году, сразу после выборов депутатов Госдумы, в его отношении было возбуждено уголовное дело о незаконной охоте. Депутат с группой знакомых был пойман полицией ночью в лесу с ружьем и тушей лося в багажнике машины. Валерий Рашкин начинал предварительную кампанию в Иркутской области в надежде выдвинуться по Ангарскому округу № 97, выпустил газету, ездил по городам и даже участвовал в конференции, однако выдвижение так и не состоялось.

3.3. ЛДПР

ЛДПР за пять лет, прошедших с прошлых выборов депутатов Госдумы, практически потеряла реготделение[24] в Красноярском крае — одном из важных для партии регионов. В 2021 году в ходе выборов один из лидеров партии в крае Александр Глисков внезапно снял свою кандидатуру с выборов в Госдуму по одномандатному округу, который явно выигрывал, что было воспринято избирателями крайне негативно. ЛДПР в итоге получила на выборах в краевой парламент 14,7% голосов — почти на треть меньше, чем в 2016 году. Главный спонсор реготделения Сергей Натаров в итоге из Госдумы переместился в краевой парламент, а Александр Глисков просто не попал в Госдуму, оставшись региональным депутатом. 21 декабря 2021 года был задержан Сергей Натаров. Бывший депутат Госдумы обвинялся в совершении восьми эпизодов присвоения или растраты

24. URL: https://atlas.vyborov.org/articles/33/kak-pyat-let-okazyvali-davlenie-na-ldpr-v-krasnoyarskom-krae.

(ч. 4 ст. 160 УК РФ). В мае 2026 года суд приговорил его к 14 годам колонии общего режима.

Задержание политика нанесло серьезный урон репутации ЛДПР в Красноярском крае. Кроме того, ЛДПР столкнулась с организационными и финансовыми трудностями. Ситуация ухудшилась в 2023 году, сразу после выборов губернатора: спустя пару месяцев после выборов по подозрению в получении взятки в особо крупном размере был задержан Александр Глисков. События, которые ему вменяются, произошли гораздо раньше — в 2017 году. 2 октября 2024 года Александр Глисков был приговорен к 10 годам колонии строгого режима и штрафу в размере 10 млн рублей. Кроме того, его на восемь лет лишили права занимать выборные должности в законодательных региональных органах власти. 25 февраля 2026 года Судебная коллегия по уголовным делам Красноярского краевого суда неожиданно отменила приговор и вернула дело прокурору, Глисков был отправлен под домашний арест.

Однако на этом преследование красноярских лдпровцев не закончилось. После задержания Глискова большая часть работы, в том числе и руководство фракцией, досталась депутату Заксобрания Алексею Бойкову. В марте 2026 года в новостных источниках появилась информация о том, что Бойков объявлен в международный розыск. Его подозревают в хищении имущества ПАО «Россети Сибирь» — «Красноярскэнерго» путем обмана группой лиц по предварительному сговору в особо крупном размере (ч. 4 ст. 159 УК РФ). 28 июля его имущество было арестовано. По версии следствия, в 2024–2025 годах они организовали нелегальную майнинговую ферму под видом пасеки.

В феврале 2025 года было возбуждено уголовное дело против лидера регионального отделения партии в Липецкой области, областного депутата Анатолия Емельянова. Емельянов обвинялся в совершении 42 эпизодов мошенничества в значительном и крупном размерах. По данным следствия, в деле признаны потерпевшими 64 человека, а причиненный ущерб превышает 11 млн руб. Незадолго до возбуждения дела Емельянов покинул пост координатора реготделения ЛДПР, которое в течение нескольких лет довольно успешно работало в региональном информационном поле. После устранения Емельянова

реготделение значительно ослабло и попало под контроль областной администрации. Новым координатором была избрана Марина Раздобарина — директор школы в селе Доброе и действующий муниципальный депутат. Она открыто позиционирует себя как член команды губернатора Игоря Артамонова. Новый координатор имеет крайне низкую узнаваемость: фактически ее знают только в родном селе Доброе (около 5000 жителей), но в масштабах области ее популярность низкая. ЛДПР в Липецкой области больше не ведет реальной политической борьбы. По оценкам экспертов, депутатские мандаты фактически утверждаются на совещаниях в правительстве области.

3.4. Скандалы в «Единой России»

В случае с «Единой Россией» главные скандалы происходят во время внутрипартийных праймериз, которые сопровождаются массовым принуждением граждан к участию в них. Например, в апреле–мае 2026 года по всей стране фиксировались[25] многочисленные жалобы на то, что бюджетников обязуют регистрироваться и голосовать на праймериз «Единой России», с требованием присылать скриншоты «отчета» и/или с угрозой санкций/лишения премий. По Челябинской области конкретные жалобы и обсуждения о давлении на муниципальном уровне публиковались в региональных каналах и аналитике. В частности, неоднократно фигурировал в публикациях Сосновский район как «сложный» муниципалитет в контексте праймериз и управленческих конфликтов. В мае 2026 года в редакцию 74.RU[26] поступали жалобы от сотрудников бюджетной сферы (в том числе из администрации Сосновского округа). Люди сообщали, что руководители заставляют их голосовать за конкретных кандидатов на праймериз «Единой России», требуют присылать скрины голосования в отдел кадров, а в случае невыполнения грозят лишением премий или другими санкциями. На фоне этих публикаций кандидаты и представители партий действительно направляли запросы в прокуратуру —

25. URL: https://meduza.io/feature/2026/04/30/chto-takoe-praymeriz-edinoy-rossii-mozhet-hotya-by-na-nih-suschestvuet-konkurentsiya/.

26. URL: http://74.ru.

с просьбой проверить, не использует ли местная администрация административный ресурс. В частности, речь шла о сборе чиновниками данных о сотрудниках предприятий с целью последующего давления. Об этом активно писали в СМИ, а ситуация стала одним из поводов для общественного и надзорного внимания к ходу избирательной кампании в регионе.

В жестком давлении на избирателей обвиняли партию даже сами участники праймериз (проигравшие). Большой скандал произошел в Бурятии. Раскол внутри партии связан с депутатом Госдумы Николаем Будуевым, который сначала записался на праймериз, а затем отказался от участия. Единоросс фактически обвинил свою партию в жестком давлении на бюджетников и коммерческие структуры при организации предварительного голосования. По словам депутата, принудительное требование регистрироваться на сайте привело к тому, что личные пароли граждан от портала Госуслуг перестали быть тайной, и это подвергает людей опасности мошенничества. В конце мая — начале июня 2026 г. депутат Госдумы от Бурятии Николай Будуев заявил о снятии своей кандидатуры с праймериз в пользу «ветерана СВО». Будуев подал свое заявление как протест против «сгона» голосов и административного давления.

Очень громким скандалом стало снятие с праймериз бывшего главы фракции «Единой России» в Госдуме Сергея Неверова. Он хотел выдвинуться по округу в Смоленской области, по которому выдвинут кандидат от эсеров Александр Бабаков (считается, что он и должен в нем победить по согласованию с администрацией президента). Неверов снял свою кандидатуру с внутрипартийных праймериз в мае 2026 года, сделав довольно жесткое заявление. Формально он поддержал выдвижение от партии участника СВО Артема Корнюченкова. Однако в самом заявлении он призвал руководство партии и области также поддержать эту кандидатуру и заявил[27], что «если этого не произойдет, это будет несправедливо. Или кто-то решит сыграть в политическое поддавки, это будет нечестно, это будет

27. URL: https://www.bbc.com/russian/articles/cgrp10qq57jo.

непорядочно, давайте вместе его поддержим». На следующий день Корнюченков тоже снялся[28] с праймериз.

В чем-то похожая ситуация произошла в Иркутской области, в Ангарском округе, где был фактически не допущен до праймериз действующий депутат Антон Красноштанов. Красноштановы имеют несколько депутатов на разных уровнях власти. Из-за скандала, связанного с провалом строительных проектов на федеральные деньги, их решили «зачистить», и начали с Госдумы. Отец семейства — Алексей Красноштанов — был в Госдуме в 2016–2021 годах, а затем отдал место сыну, а сам ушел в Заксобрание. Но времена меняются. В 2015 году Алексей Красноштанов поддержал коммуниста Сергея Левченко на выборах губернатора, что тоже вспомнили, поэтому его сын Антон Красноштанов предпринял несколько попыток пойти в Госдуму от других партий, и везде не был согласован (ни в «Справедливой России», ни в «Родине»), хотя он мог спокойно профинансировать кампанию и имел высокие шансы на успех.

Показателен и еще один пример снятия кандидата с праймериз «Единой России». В Самарской области с внутрипартийного предварительного голосования был снят бывший вице-спикер Самарской губернской думы, один из крупнейших предпринимателей региона, работающий[29] в водочной и мусорной отраслях. В начале июня 2026 года губернатор Вячеслав Федорищев поручил проверить заявления зампреда Самарской губернской думы Александра Милеева о его статусе участника СВО; проверка установила недостоверность представленной справки о «ветеранстве СВО». По мнению партии, на деле никакого участия в боевых действиях он не принимал, только ездил на Донбасс с гуманитарной миссией. Справка была аннулирована, а 9 июля 2026 года президиум регионального политсовета «Единой России» единогласно принял решение об исключении Милеева из партии (обвинение — дискредитация статуса вете-

28. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2026/05/19/1198403-podderzhannii-neverovim-uchastnik.

29. URL: https://repost.news/news/126743-kak_vodochnyj_i_mucornyj_magnat_aleksandr_mileev_pytalsja_kupitj_sebe_frontovoj_avtoritet_radi_sohranenija_milliardnogo_biznesa.

рана, недостоверная справка). В региональных материалах это связывают с конфликтом с новым губернатором и с внутренними чистками. Можно предположить, что значительная часть «ветеранов СВО» в реальности имеет аналогичные основания для такого «звания» и вряд ли это является секретом для их однопартийцев.

3.5. Борис Надеждин

Особняком стоит случай Бориса Надеждина, который выдвинул свою кандидатуру по Мытищинскому одномандатному округу Подмосковья. Экс-кандидат в президенты России и бывший депутат Госдумы начал сбор подписей в поддержку своего самовыдвижения. 10 июля Минюст внес Надеждина в реестр «иностранных агентов», что лишило его права на участие в выборах. Правда, сам кандидат заявил, что продолжит сбор подписей избирателей. Еще через три дня на него составили протокол о демонстрации «экстремистской символики» — из-за ссылки на видео с фотографией Алексея Навального. Это стало еще одним основанием для лишения его права на участие в выборах (правда, решение суда еще не вступило в силу). 16 июля стало известно, что Надеждину закрыт выезд за границу, поскольку с него принудительно взыскивают задолженность более 1,4 млн рублей в рамках исполнительного производства. 3 августа стало известно о том, что политик все-таки смог покинуть территорию Российской Федерации[30].

В целом, зачистки кандидатов, которые могли бы создать определенные проблемы для административных выдвиженцев, поднять рейтинги оппозиционных партий, озвучить неудобные для власти вопросы в ходе избирательной кампании, укладываются в стратегию, которая, по-видимому, была разработана для предстоящих выборов — сделать их максимально проходным и предсказуемым мероприятием, не допустить никаких сюрпризов. В условиях социально-политического перенапряжения, которое в настоящее время испытывает политический режим (система), выборы должны пройти максимально

30. URL: https://novayagazeta.ru/articles/2026/08/03/boris-nadezhdin-uekhal-ikh-rossii-news.

рутинно, буднично и подконтрольно. И если в предыдущие избирательные кампании устранение разных неопределенностей и потенциальных рисков осуществлялось на начальных стадиях выборов — массовое отстранение неугодных кандидатов при их выдвижении и регистрации, — то на выборах 2026 г. это произошло еще на «дальних подступах» к ним. Почти все принципиальные решения о том, кто может, а кто не может участвовать в выборах, были приняты еще до их объявления. В том числе это касается и ситуации внутри провластной элиты.

Установка на то, что ничего не должно нарушать спокойного, предсказуемого и контролируемого исхода кампании, возможно приведет к ослаблению политического давления на зарегистрированных кандидатов и партии в ходе самой предвыборной кампании, а также к ослаблению административного давления на избирателей с целью их мобилизации на голосование, что наблюдалось во время предыдущих выборов. Косвенным подтверждением этого стала появившаяся информация о снижении обязательных показателей явки и процентов за «Единую Россию» по регионам.

Однако отметим, что все это касается только выборов в Государственную думу, на региональных и местных выборах ситуация не столь тотально контролируется, и именно они, по нашему мнению, могут внести некоторую политическую неопределенность и разрушить сконструированную электоральную идиллию.

Статья впервые опубликована в «Атласе выборов»: https://atlas.vyborov.org/articles/80/vydvizhenie-i-registraciya-kandidatov-na-vyborah-deputatov-gosudarstvennoj-dumy-naznachennyh-na-20-sentyabrya-2026-goda.

DOI: 10.55167/9212d7408534

Предвыборная агитация и административная мобилизация избирателей на выборах в единый день голосования 20 сентября 2026 года

Введение

Нынешняя избирательная кампания по многим показателям — уникальная. Это первые выборы федерального парламента с начала военных действий в 2022 году, проходящие в условиях военной цензуры и усилившихся репрессий. Конкуренция на этих выборах находится на как никогда низком уровне, а с выборов была снята партия, которая уже получила регистрацию. Верховный суд принял очевидно неаргументированное, неправовое решение, уже повлиявшее на всю избирательную систему.

Все это сопровождается сохраняющимися, уже застарелыми проблемами российских выборов — злоупотреблением административным ресурсом и давлением на избирателей.

В то же время, если присмотреться внимательнее, то даже такие выборы способны рассказать многое о том, что происходит в российском обществе, как оно реагирует на те непривычные вызовы, с которыми сталкивается сегодня.

В основу доклада легли еженедельные отчеты по мониторингу телеэфира[1] и социальных сетей[2], а также отчеты долгосрочных наблюдателей из российских регионов.

Это уже седьмой доклад, опубликованный «Атласом выборов» в ходе нынешней избирательной кампании. Прошлые были посвящены анализу изменения федерального избира-

1. URL: https://atlas.vyborov.org/stories/3/vybory-2026-mediamonitoring-teleefira.

2. URL: https://atlas.vyborov.org/stories/2/vybory-2026-mediamonitoring-teleefira.

тельного законодательства[3], эволюции партийной системы[4], правовым параметрам региональных выборов[5], выдвижению и регистрации кандидатов на выборах депутатов Госдумы[6] и на региональных выборах[7]. Кроме того, вышли четыре части доклада, посвященного анализу составов региональных избирательных комиссий: их публичности и открытости[8], партийному составу[9], роли НКО, МСУ и бюрократии в них[10].

Ключевые выводы

1. Ключевым событием избирательной кампании стала сначала регистрация федерального списка партии «Яблоко», а потом ее отмена. Это стало первым случаем в российской истории, когда на федеральных выборах была отменена уже полученная регистрация списка партии. Очевидной причиной такого решения стал взрывной рост интереса к партии среди избирателей. За три недели, прошедшие между регистрацией партии и ее снятием, количество реакций и комментариев под постами в соцсетях с упоминанием партии выросло в 80 раз. По этому

3. URL: https://atlas.vyborov.org/articles/55/izmeneniya-federalnogo-izbiratelnogo-zakonodatelstvas-iyulya-2021-goda-po-may-2026-goda.

4. URL: https://atlas.vyborov.org/articles/58/partiynaya-sistema-na-starte-izbiratelnoy-kampanii-edg-2026.

5. URL: https://atlas.vyborov.org/articles/61/pravovye-parametry-vyborov-regionalnykh-parlamentov.

6. URL: https://atlas.vyborov.org/articles/80/vydvizhenie-i-registraciya-kandidatov-na-vyborah-deputatov-gosudarstvennoj-dumy-naznachennyh-na-20-sentyabrya-2026-goda.

7. URL: https://atlas.vyborov.org/articles/89/osobennosti-regionalnoj-konkurencii-2026-itogi-vydvizheniya-i-registracii-kandidatov-i-partijnyh-spiskov-na-regionalnyh-vyborah-20-sentyabrya-2026.

8. URL: https://atlas.vyborov.org/articles/63/a-kto-schitat-budet-analiticheskiy-doklad-o-sostavakh-izbiratelnykh-komissiy-subyektov-rossiyskoy-federatsii-na-nachalo-vyborov-v-gosudarstvennuyu-dumu-2026.

9. URL: https://atlas.vyborov.org/articles/71/a-kto-schitat-budet-chast-2-imitaciya-mnogopartijnosti.

10. URL: https://atlas.vyborov.org/articles/109/a-kto-schitat-budet-chasti-3-i-4-kto-kto-v-izbirkome-glavnyj.

показателю партия, даже несмотря на отмену регистрации в середине августа, занимает уверенное второе место, уступая лишь «Единой России».

2. Регистрация списка «Яблока», а затем и ее отмена, сломала изначальный план организаторов российских выборов, которые рассчитывали, что в условиях социально-политического перенапряжения, которое сейчас испытывает политический режим, выборы должны пройти максимально рутинно, буднично и подконтрольно. Вместо этого, как показывает мониторинг соцсетей, тема произвольного, неправового ограничения политической конкуренции стала самой обсуждаемой среди избирателей. Причем эта живая реакция была замечена в разных сегментах политического спектра.

3. Решение Верховного суда оказало влияние на всю избирательную систему, окончательно уничтожив и без того слабую правовую определенность ключевых положений избирательного законодательства: расширительное толкование нарушения правил финансирования партий и кандидатов и нарушения авторских прав, вкупе с несоразмерностью наказания, привела к валу отмен регистраций кандидатов и партийных списков на выборах всех уровней.

4. Система гарантий прав избирателей на получение и распространение информации о выборах за последние пять лет существенно деградировала. Реальное положение вещей и раньше не отвечало даже минимальным стандартам свободы волеизъявления, а введение военной цензуры в сочетании с продолжающими действовать пандемийными ограничениями и репрессивными практиками правоприменения сделало нормальное обсуждение путей развития страны практически невозможным. Причем в систему государственной военной цензуры добровольно включились избирательные комиссии, которые получили право заранее согласовывать размещение агитационных материалов партий и кандидатов. Вместе с традиционными способами ограничения агитации это сделало ведение агитации предельно проблематичным.

5. Ярче всего эти проблемы проявляются в эфире крупнейших телеканалов, тесно связанных с государством. Не обращая внимания на принцип равенства прав партий, крупнейшие

российские СМИ создали систему максимального благоприятствования «партии власти». Объем уделенного ей телевизионного времени оказался больше, чем у всех остальных партий вместе взятых. При этом телеканалы не выполнили своей базовой функции по информированию граждан о проходящих выборах и их участниках. Общее эфирное время, которое шесть телеканалов уделили рассказу о деятельности политических партий, участвующих в выборах, составило чуть более 19 часов за 13 недель избирательной кампании — примерно по 13 минут в день на все новостные выпуски. Это в два раза меньше, чем было пять лет назад — на предыдущих выборах в Госдуму в 2021 году.

6. В избирательной системе фактически действует два режима для разных кандидатов: административные кандидаты получают режим максимального благоприятствования, а остальные сталкиваются с противодействием их попыткам провести агитацию или пообщаться с избирателями. «Партия власти» массово использовала официальные аккаунты органов публичной власти и бюджетных учреждений для агитации; также продолжается практика использования служебных поездок и государственных мероприятий для предвыборного пиара должностных лиц. Происходят случаи и прямой незаконной агитации со стороны должностных лиц. Одновременно остальные кандидаты сталкиваются с противодействием агитации. В частности, зафиксированы случаи изъятия, повреждения и силового демонтажа агитационных материалов.

7. В худшем случае одним из основных способов силового давления на кандидатов, которое ведет к их снятию с выборов, стало злоупотребление антиэкстремистским законодательством. Для снятия кандидатов с выборов может также использоваться решение партии, которая их сама же и выдвинула, или давление на самого кандидата со стороны работодателей или силовых органов.

8. Российские избиратели традиционно сталкиваются с принуждением к участию в голосовании. С момента внедрения в практику российских выборов комбинации из трехдневного и дистанционного электронного голосования (ДЭГ) эта проблема стала еще острее, чем была прежде: работодатели

получили дополнительные возможности для контроля волеизъявления своих подчиненных. Из разных регионов регулярно поступают сообщения о принуждении избирателей к участию в ДЭГ. Однако наличие ДЭГ не является обязательным условием для принуждения избирателей. Администрации вполне способны действовать и «по старинке».

9. В целом, судя по реакциям в соцсетях, в обществе, похоже, снова возник запрос на обсуждение происходящего в стране и более активное политическое участие. Однако политическая система движется в прямо противоположную сторону — к максимальному ограничению такого разговора, фактически — к ограничению суверенитета граждан.

10. Несмотря на изначальное желание превратить текущую избирательную кампанию в скучную и заурядную, она чуть было не превратилась в «переворачивающие выборы». Только ценой экстраординарных административных и силовых усилий удалось удержать ее под административным контролем. Политическая жизнь в России все равно пробивается сквозь асфальт ограничений, поэтому представляется, что, несмотря на массовую зачистку бюллетеней, власть еще намерена приложить значительные усилия в дни голосования и при подведении итогов выборов, чтобы нивелировать протестное голосование избирателей.

1. Агитация

1.1. Деградация системы гарантий права избирателей на получение и распространение информации о выборах в 2021–2026 гг.

Конституционный суд России подчеркивает, что воля граждан может быть выражена свободно только в условиях, когда реально гарантированы право на объективную информацию и свобода выражения мнений. Согласно постановлению КС от 16.06.2006 № 7-П, при проведении электоральных процедур федеральный законодатель обязан устанавливать такой порядок информационного обеспечения, в том числе проведения агитации и ее финансирования, который надлежащим обра-

зом гарантировал бы право граждан на участие в управлении государством.

О том же говорится в Документе Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ, который обязывает государства обеспечивать, чтобы закон и государственная политика допускали проведение политических кампаний в атмосфере свободы и честности, не устанавливались какие-либо юридические или административные барьеры для беспрепятственного доступа к средствам массовой информации на недискриминационной основе для всех политических группировок и отдельных лиц.

Ситуация, в которой проходили предыдущие выборы депутатов Госдумы в 2021 году, уже была далека от описанного выше стандарта, однако с тех пор она значительно ухудшилась. Нынешние выборы проходят в ситуации военных действий в Украине. Это привело к принятию ряда специальных нормативных актов, увеличивших число ограничений избирательного права, свободы выражения мнений и даже свободы передвижения.

Особое значение для избирательной кампании имеет масштабное наступление на остатки свободы выражения мнения в России, которое ускорилось в 2022 году.

После 24 февраля 2022 года ситуация с ограничением свободы выражения мнения существенно ухудшилась: уже в день начала военных действий Роскомнадзор выпустил официальное заявление с предупреждением в адрес СМИ о том, что при освещении конфликта они обязаны использовать только официальную информацию государственных органов России под угрозой блокировок. На практике это означало запрет называть события в Украине «войной», поскольку официальная позиция гласит, что это лишь «специальная военная операция» для «защиты населения, денацификации и демилитаризации Украины».

Президент России 14 июля 2022 года подписал сразу несколько законов, которые существенно сказались на свободе распространения информации и выражения мнения. Вступили в силу изменения в законы «О СМИ», «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и «О мерах

воздействия на лиц, причастных к нарушению основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации». Генеральная прокуратура России получила право выносить требования о приостановке деятельности СМИ или о признании регистрации СМИ недействительной, а также о прекращении действия лицензии на вещание; требовать заблокировать сайты навсегда. Основания описаны очень размыто: недостоверная информация, которая создает угрозу причинения вреда жизни, здоровью граждан, нарушения общественного порядка и т. п.; недостоверная информация об использовании Вооруженных сил России; информация, которую можно расценить как «неуважение к власти»; информация, дискредитирующая использование ВС РФ или исполнение госорганами РФ своих полномочий в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности; призывы к организации несанкционированных публичных мероприятиях или участию в них, массовым нарушениям общественного порядка или общественной безопасности, введению в отношении Российской Федерации, ее граждан либо российских юридических лиц политических, экономических и (или) иных санкций; информация, содержащая пропаганду, обоснование и (или) оправдание осуществления экстремистской деятельности. Под такие определения может попасть практически любая информация о деятельности армии или государственных органов, кроме официальной.

В этот же день были подписаны поправки в Уголовный кодекс, согласно которым граждане наказываются за «публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации, либо к воспрепятствованию исполнению органами власти и их должностными лицами своих полномочий по обеспечению безопасности Российской Федерации». Кроме того, ст. 275.1 УК РФ предполагает наказание за сотрудничество на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной либо иностранной организацией. Деятельностью, направленной против безопасности государства, например, признается осу-

ществление деятельности организаций, признанных в России нежелательными, в том числе и ряда таких СМИ.

На 14 сентября 2026 года в реестре иностранных лиц Министерства юстиции России 1262 строки, 893 из них появились после 24 февраля 2022 года. В перечне нежелательных организаций 415 строк, 268 из них — после начала военных действий.

По данным Роскомсвободы[11] на 5 августа 2025 года (то есть более года назад), количество заблокированных в России сайтов и ссылок превысило 25 тысяч. Среди них — все крупнейшие зарубежные и почти все независимые от государства крупные российские СМИ. В Рейтинге свободы прессы организации «Репортеры без границ» (признана в России нежелательной организацией) Россия в 2026 году опустилась на 172-е место из 180 (в 2021 году была на 150-м), баллы упали с 51,3 до 23,15 из 100 возможных.

В России на данный момент заблокированы ведущие иностранные социальные сети и мессенджеры — Facebook, Instagram, WhatsApp, YouTube, X, Telegram. В заблокированных соцсетях и мессенджерах запрещена реклама, в том числе политическая, включая предвыборную агитацию. Российские сервисы «ВКонтакте», «Одноклассники» и мессенджер MAX контролируются компанией, руководителем которой является Владимир Кириенко — сын заместителя главы администрации президента России, курирующего внутреннюю политику, включая выборы.

В 2025 году Россия стала мировым лидером[12] по количеству и масштабу отключений интернета. Российскому правительству даже пришлось создавать систему «белых списков» — попавшие в них сайты продолжают работать при отключении интернета.

К этому стоит добавить, что в России продолжают действовать эпидемиологические ограничения на проведение массовых мероприятий, введенные в период пандемии COVID. Они не мешают проведению развлекательных мероприятий

11. URL: https://roskomsvoboda.org/ru/post/military-censorship-25000-sites-blocked/.

12. URL: https://www.top10vpn.com/research/cost-of-internet-shutdowns/.

(футбольных матчей, концертов и т. п.) или мероприятий, которые проводят власти, но регулярно становятся препятствием для проведения даже небольшого политического митинга или пикета со стороны оппозиции.

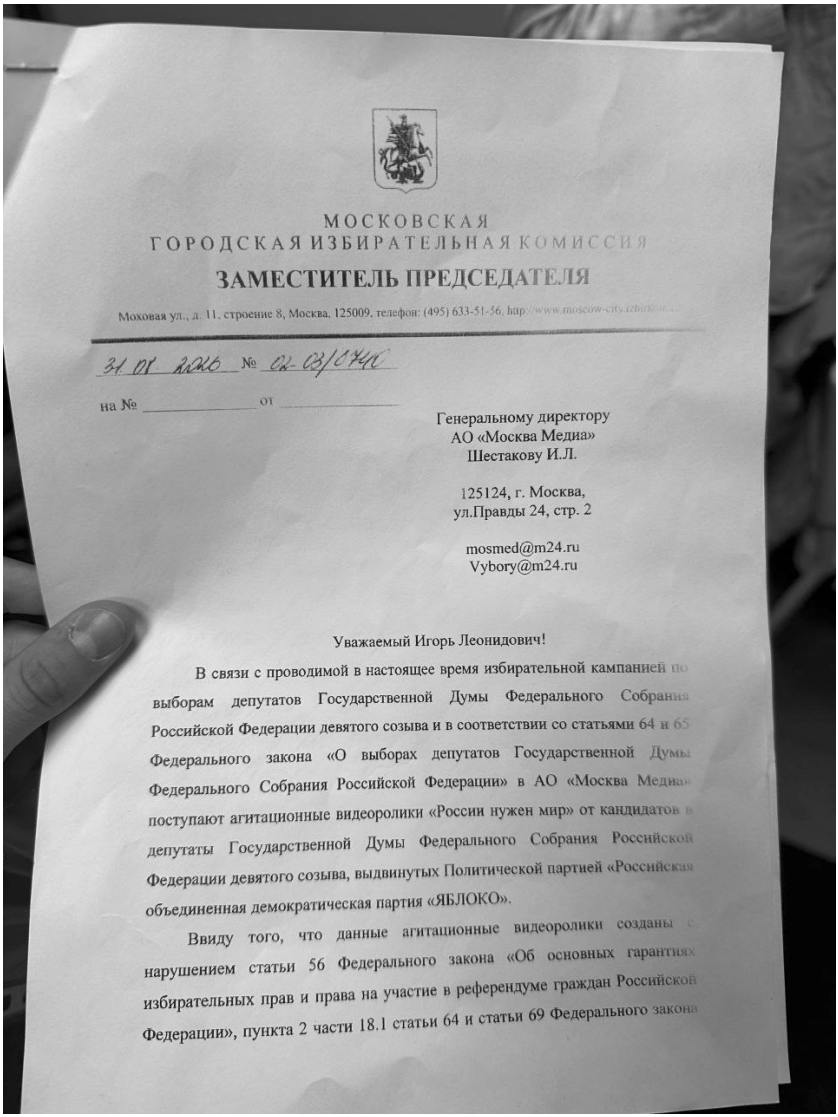
В укреплении системы государственной цензуры (в первую очередь — военной цензуры), к сожалению, приняли участие и избирательные комиссии. В 2022 году были внесены поправки в законодательство, которые установили обязанность кандидатов и избирательных объединений представлять в соответствующую избирательную комиссию копию агитационного материала, предназначенного для размещения на каналах организаций, осуществляющих телерадиовещание, или в периодических печатных изданиях. В результате ряд кандидатов столкнулся с запретом на размещение их агитационных материалов в СМИ со стороны избирательных комиссий, причем без какого-либо обоснования.

Например, 31 августа 2026 года Московская городская избирательная комиссия запретила[13] размещение в телеэфире агитационных роликов «России нужен мир!» от кандидатов-одномандатников «Яблока».

Избирательная комиссия Мурманской области направила[14] в прокуратуру для проверки на совершение административного правонарушения (вероятно, речь идет об экстремизме) два предвыборных выступления кандидата в Госдуму от «Яблока» Игоря Хомечко в эфире телеканалов «Россия 1» и «Россия 24».

После эфиров Хомечко передал[15] записи в избирком для публикации в соцсетях. Чтобы не нарушать авторские права ГТРК «Мурман», кандидат повторно записал тексты выступлений вне студии. В своем выступлении Хомечко призывал к миру и подписанию соглашения о прекращении огня, говорил о давлении на партию и ее кандидатов, а также о связи

13. URL: https://t.me/TAKMakarov/217.
14. URL: https://t.me/msdvestnik/374.
15. URL: https://t.me/vybory_medium/806.

МОСКОВСКАЯ
ГОРОДСКАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КОМИССИЯ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

Моховая ул., д. 11, строение 8, Москва, 125009, телефон: (495) 633-51-56, http://www.moscow-city.izbirkom.ru

31.08.2026 № 02-03/1746

на № _____ от _____

Генеральному директору
АО «Москва Медиа»
Шестакову И.Л.

125124, г. Москва,
ул.Правды 24, стр. 2

mosmed@m24.ru
Vybory@m24.ru

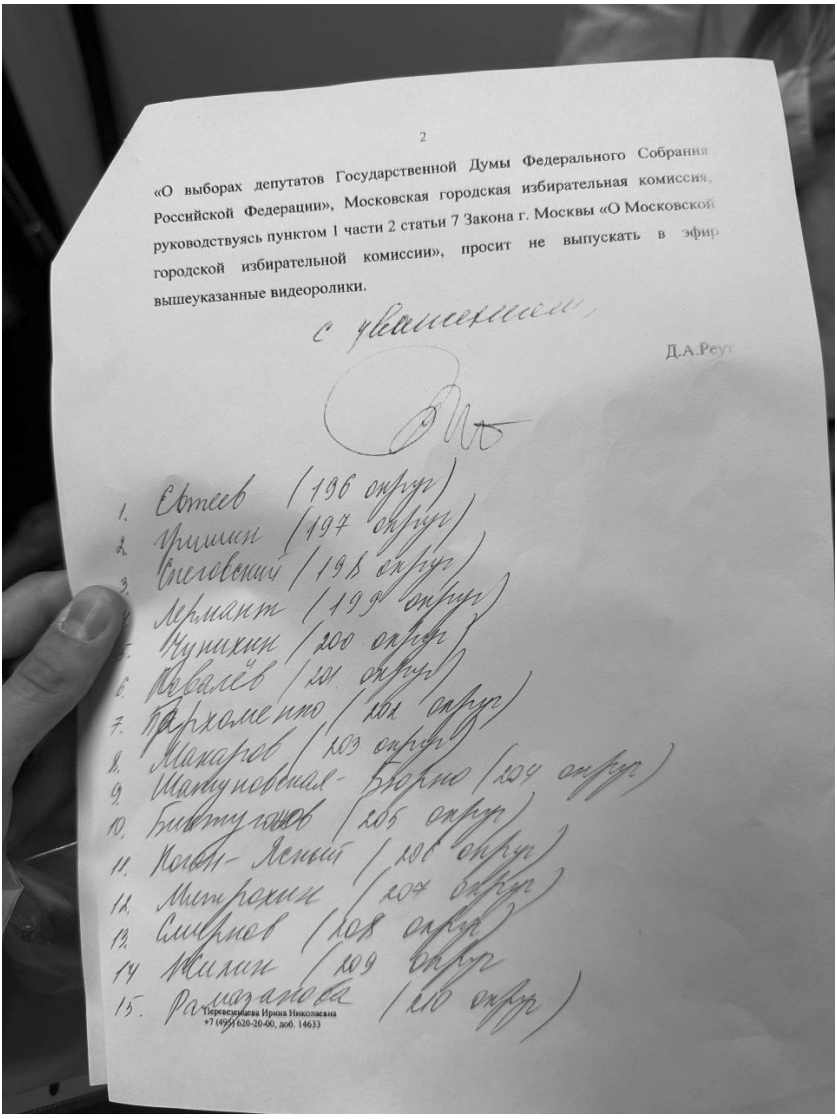
Уважаемый Игорь Леонидович!

В связи с проводимой в настоящее время избирательной кампанией по выборам депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации девятого созыва и в соответствии со статьями 64 и 65 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в АО «Москва Медиа» поступают агитационные видеоролики «России нужен мир» от кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации девятого созыва, выдвинутых Политической партией «Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО».

Ввиду того, что данные агитационные видеоролики созданы с нарушением статьи 56 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», пункта 2 части 18.1 статьи 64 и статьи 69 Федерального закона

боевых действий с ухудшением экономического положения и состояния инфраструктуры Мурманской области.

Он напомнил о приговорах Льву Шлосбергу, Василию Неустроеву и Максиму Круглову, снятии федерального и региональных списков партии и кандидатов-одномандатников,

2

«О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», Московская городская избирательная комиссия, руководствуясь пунктом 1 части 2 статьи 7 Закона г. Москвы «О Московской городской избирательной комиссии», просит не выпускать в эфир вышеуказанные видеоролики.

с уважением,

Д.А.Реут

1. Евтеев (196 округ)
2. Гришин (197 округ)
3. Снеговский (198 округ)
4. Лермант (199 округ)
5. Чунихин (200 округ)
6. Ковалев (201 округ)
7. Прохоленко (202 округ)
8. Макаров (203 округ)
9. Шамуновская-Бокко (204 округ)
10. Бивтугенов (205 округ)
11. Колин-Ясный (206 округ)
12. Митрохин (207 округ)
13. Смирнов (208 округ)
14. Жилин (209 округ)
15. Рамазанова (210 округ)

Перевезенцева Ирина Николаевна
+7 (495) 620-20-00, доб. 14633

а также рассказал о долгах региона, убыточности предприятий и проблемах медицины, образования, транспорта и коммунальной инфраструктуры. Ранее ролик Хомечко «России нужен мир!» был снят с эфира без объяснения причин.

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КОМИССИЯ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

пр. Ленина, д. 75, г. Мурманск, 183006
тел. (8152) 45-31-98, факс (8152) 45-35-67, e-mail: iksrf51@mail.ru

13.09.2026 № 01-18/1995

на № _____ от _____

Кандидату в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации девятого созыва по Мурманскому одномандатному избирательному округу № 130

И.И. Хомечко
khomechko@rambler.ru

Уважаемый Игорь Иванович!

Информируем Вас, что аудиовизуальные агитационные материалы, поступившие в Избирательную комиссию Мурманской области 11.09.2026 под названиями: «Выступление Хомечко на канале «Россия-1» 07.09.2026г», «Выступление Хомечко на канале «Россия-24» 03.09.2026г», были направлены в Прокуратуру Мурманской области для проверки на предмет соответствия законодательству, в связи с усматривающимися признаками нарушения административного законодательства.

Е.А. Евсюкова

Рогозин Артем Владимирович
(8152) 45-11-60

Избирательной комиссией Новгородской области также была инициирована[16] проверка прокуратурой агитационно-

16. URL: https://t.me/vybory_medium/719.

го ролика «Яблока». В итоге прокуратура Великого Новгорода направила[17] предостережения главе регионального отделения «Яблока» Анне Черепановой и кандидату в Госдуму Виктору Шалякину после проверки агитационного ролика партии. В 30-секундном видео надзорное ведомство нашло признаки разжигания социальной розни, дискредитации Вооруженных сил и распространение недостоверной информации. Агитацию сняли с трансляции на местном телевидении и радио. Избирком также сообщил об этом региональному филиалу ВГТРК и холдингу «Агентство информационных коммуникаций», которые приостановили трансляцию ролика.

Всего же кандидаты партии «Яблоко» столкнулись[18] с препятствиями во время избирательной кампании как минимум в 21 регионе — агитационные материалы направляют на проверки, редакции и типографии отказываются их распространять, а за распространение материалов выносят предупреждения. В Калининграде кандидата попросили убрать слова «мир», «прекращение огня» и «политические репрессии» из программы, а в Петербурге отказались транслировать ролик с молчащей кандидаткой и лозунгом о свободе слова.

В условиях военной цензуры и продолжающих действовать с 2020 года эпидемиологических ограничений политические партии и кандидаты оказываются крайне ограничены в возможности вести агитацию и общаться со своими избирателями — доносить до них свои программные предложения и критиковать сложившееся положение вещей.

1.2. Неравенство прав партий в эфире федеральных телеканалов

Как справедливо указал[19] Конституционный суд России, выборы могут считаться свободными, только когда реально гарантированы право на информацию и свобода выражения мнений.

17. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8921546.
18. URL: https://t.me/ovdinfolive/43096.
19. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44858/.

При этом не должно допускаться неравенства прав кандидатов и партий.

Телевидение для значительной части россиян является одним из основных источников информации. В период избирательной кампании влияние телевидения на формирование у большинства избирателей отношения к выборам и кандидатам часто имеет решающее значение.

Поэтому проект «Атлас выборов» запустил программу еженедельного мониторинга федеральных телеканалов[20] в период проведения выборов депутатов Госдумы России. Цель медиамониторинга — на регулярной основе выявлять и предупреждать случаи нарушения равенства прав партий в освещении их избирательной кампании по объему эфирного времени и тональности подачи информации.

Для мониторинга мы выбрали шесть телеканалов, входящих в первый мультиплекс: Первый канал, «Россия 1», НТВ, Пятый канал, ТВЦ и ОТР.

В своих оценках мы исходили из того, что СМИ выполняют определенную социальную функцию — информировать людей о проходящих в России выборах. **К сожалению, мы вынуждены признать, что федеральные телеканалы уклонились от исполнения этой функции. Так, на «России 1» доля новостных выпусков, в которых упоминались участники выборов, едва превысила 35%, на Первом канале и ТВЦ она не дотянула и до 25%, а на остальных каналах оказалась ниже 11%.**

Очевидно, что редакции телеканалов (конечными собственниками которых в пяти случаях является государство, а в одном — близкие к нему бизнесмены) осознанно выбрали стратегию очень куцего информирования своих сограждан о приближающихся выборах — в подавляющем большинстве новостных блоков на этих общественно-политических каналах выборы и их участники не упоминались вообще. Важнейшее внутриполитическое событие года осталось на обочине внимания ключевых российских СМИ.

20. URL: https://atlas.vyborov.org/stories/3/vybory-2026-mediamonitoring-teleefira.

Общее эфирное время, которое шесть телеканалов уделили рассказу о деятельности политических партий, участвующих в выборах, составило чуть более 19 часов за 13 недель избирательной кампании — примерно по 13 минут в день на все новостные выпуски. Это примерно в два раза меньше, чем было пять лет назад — на предыдущих выборах в Госдуму в 2021 году.

Например, Пятый канал уделил этой теме чуть более 30 минут за всю избирательную кампанию, ОТР — менее одного часа, НТВ — полтора часа, ТВЦ — чуть менее трех. Даже у лидеров — «России 1» и Первого канала — за три с половиной месяца нашлось всего лишь по шесть часов эфирного времени, чтобы рассказать о деятельности партий и их предвыборных программах.

Информирование о выборах должно способствовать осознанному волеизъявлению граждан, гласности выборов. При таком ограниченном эфире добиться этого невозможно.

Пользование свободой массовой информации налагает на СМИ особые обязанности и особую ответственность. Представители этих организаций должны занимать этичные и взвешенные позиции и освещать избирательные кампании справедливым, сбалансированным и беспристрастным образом, в т. ч. обеспечивая равноправие кандидатов в доступе к средствам массовой информации.

Согласно ч. 2. ст. 45 Федерального закона № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», «содержание информационных материалов, размещаемых в средствах массовой информации… **должно быть объективным, достоверным, не должно нарушать равенство** кандидатов, избирательных объединений», а ч. 5 той же статьи гласит, что «**в информационных телепрограммах… сообщения о проведении предвыборных мероприятий… должны даваться исключительно отдельным информационным блоком, без комментариев… В них не должно отдаваться предпочтение какому бы то ни было кандидату, избирательному объединению… не должна допускаться дискриминация (умаление прав),**

в том числе по времени освещения их предвыборной деятельности».

Однако в федеральном телеэфире сознательно была сконструирована обратная ситуация — тотального неравенства участников выборов. Более половины того скромного эфирного времени, которое все-таки было посвящено деятельности партий, досталось лишь одной из них: «Единой России» суммарно было посвящено почти 622 минуты (более 10 часов), то есть больше, чем остальным партиям вместе взятым. Но и среди оставшихся 10 партий (с учетом «Яблока», которое выбыло из предвыборной гонки в середине августа) наблюдается очевидное неравенство. Парламентские партии имели явный приоритет в освещении своей деятельности перед «малыми» партиями: разрыв между последней по этому показателю парламентской партией, «Справедливой Россией», и «Яблоком», которое стало лидером среди «малых» партий только из-за освещавшегося решения суда об отмене регистрации партии на выборах, — составил четыре раза. Если же говорить о разнице между лидером, «Единой Россией», и наименее освещавшейся Партией пенсионеров, то она составила астрономические 182 раза.

Неудивительно, что в таких условиях **сюжеты о партиях были в своем большинстве предельно краткими и бессодержательными — из них невозможно было составить реальное впечатление о программных предложениях партий, услышать с их стороны критику происходящего в стране.** В большинстве случаев не звучала и прямая речь представителей партий, вместо нее деятельность участников выборов комментировали дикторы информационных программ. Показательна в этом смысле информационная политика, сложившаяся во время отмены регистрации списка партии «Яблоко»: на протяжении нескольких дней содержание иска и деятельность партии комментировали ее конкуренты, а прямой речи представителей «Яблока» в эфире не прозвучало ни разу (как и в целом за всю избирательную кампанию).

Ни у одной политической партии средняя длительность информационного сюжета о ее деятельности не дотянула и до минуты, а «Родина», Партия пенсионеров и Партия

прямой демократии в те редкие моменты, когда их упоминали в эфире, не получали в среднем более пяти секунд. Исключение было лишь одно: средняя длительность сюжета о «Единой России» превысила две минуты — это были развернутые сюжеты, в которых с прямой речью могли выступить сразу несколько ее кандидатов или поддержавший партию президент Владимир Путин.

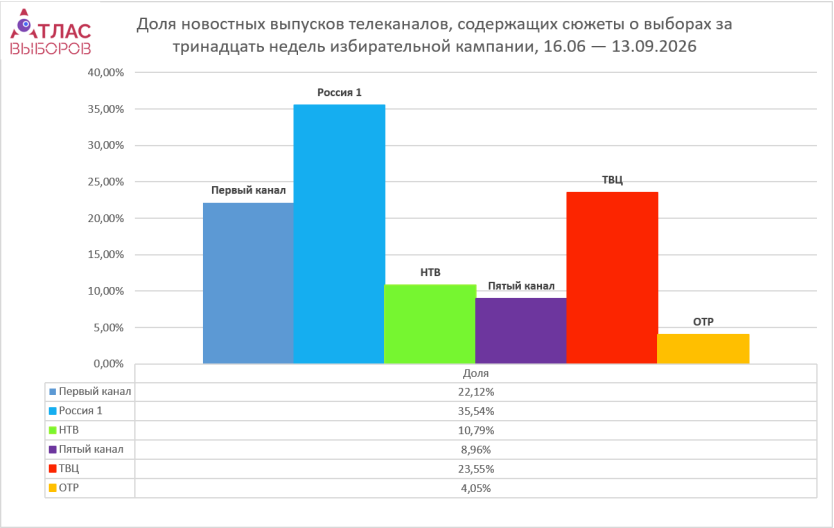
В этих условиях освещение было в целом доброжелательно-нейтральным. В отрицательную зону рейтинга тональности (разницы между позитивными и негативными оценками) три партии попали лишь однажды — в первой половине августа в нее немного погрузились «Справедливая Россия» и Партия прямой демократии, а «Яблоко» подверглось мощной критике во время развернутой телеканалами информационной кампании в поддержку снятия партии с выборов.

Отдельно стоит остановиться на дебатах, то есть на «совместных агитационных мероприятиях» в эфире телеканалов. Главной проблемой, особенно в региональном эфире, стала неявка на дебаты кандидатов. Так, на такой эфир не пришел ни один действующий глава региона, которому предстоит пройти через переизбрание. На это даже вынуждена была публично отреагировать[21] председатель ЦИК России Элла Памфилова, которая обратила внимание на эпизоды в Карелии, Башкортостане, Крыму, в Рязанской, Тульской, Ленинградской областях, когда «никто просто не пришел на теле- и радиоэфир для участия в дебатах» и «дебаты просто не состоялись».

Такие эпизоды лучше всего характеризуют реальное состояние политической конкуренции на выборах 2026 года — кандидаты настолько не заинтересованы в реальной борьбе, что не пользуются дорогим эфирным временем, которое предоставляется им бесплатно.

Искажение информационного поля, вызванное административным контролем над СМИ, приводит в конечном счете к искажению волеизъявления избирателей, а сознательное недостаточное информирование может говорить

21. URL: https://rtvi.com/news/vybory-v-gosdumu-2026-pochemu-kandidaty-ne-hodyat-na-debaty/.

	Доля
Первый канал	22,12%
Россия 1	35,54%
НТВ	10,79%
Пятый канал	8,96%
ТВЦ	23,55%
ОТР	4,05%

о желании тех, кто контролирует соответствующие СМИ, отстранить своих сограждан от обсуждения политического и социально-экономического будущего страны, посягнуть на их суверенитет.

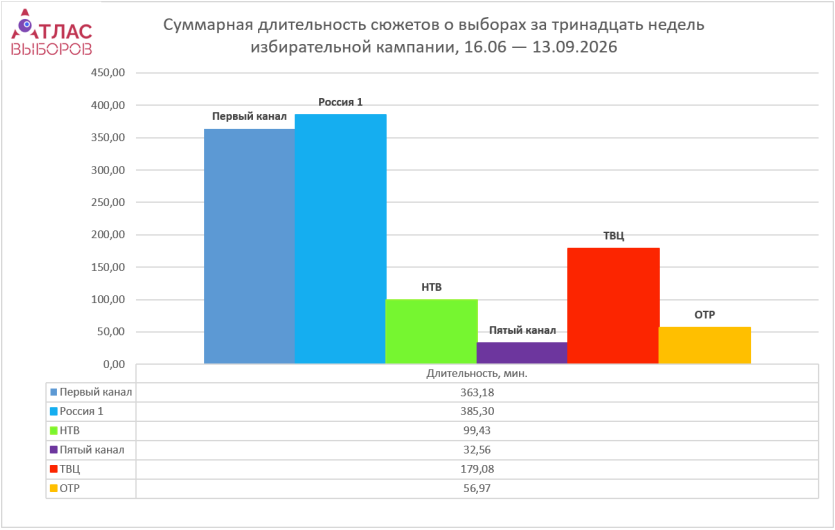
1.3. Отражение выборов в социальных сетях

По аналогии с мониторингом телеэфира мы запустили программу еженедельного мониторинга соцсетей[22]. В ходе анализа использованы упоминания 11 партий, которые имели право выдвигать списки и кандидатов без сбора подписей избирателей: «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия», «Новые люди», «Яблоко», «Коммунисты России», Партия прямой демократии, «Родина», Партия пенсионеров, «Зеленые».

Нас интересовали следующие параметры:

- количество упоминаний (постов) в социальных сетях в разрезе политических партий;
- количество упоминаний в разрезе площадок;

22. URL: https://atlas.vyborov.org/stories/2/vybory-2026-mediamonitoring-teleefira.

- вовлеченность (репосты, реакции, активность в комментариях);
- дублирующие посты, которые очень часто показывают централизованное распространение материалов;
- ключевые темы;
- использование административного ресурса.

Важно подчеркнуть особенности нашей выборки. Для мониторинга социальных сетей используются данные только четырех ресурсов: «ВКонтакте», мессенджера MAX, Telegram и YouTube. Первые две платформы подконтрольны государству и находятся под непосредственным управлением сына замглавы администрации президента России Сергея Кириенко. Оставшиеся — Telegram и YouTube — заблокированы в России. Другие популярные среди россиян платформы — Instagram, X и TikTok — в нашем мониторинге не представлены по техническим причинам (для полноценного сбора материалов с этих площадок нужно обращаться к компаниям, у которых есть договор с Meta, X и TikTok. Но в нынешних условиях и российские, и европейские фирмы боятся связываться со всем, что касается российских выборов). То есть наша выборка заметно смещена в сторону «государственнической» точки зрения. Это имеет очевидные последствия: результаты «Единой

России» и «Справедливой России» здесь оказываются несколько завышенными (про «Справедливую Россию» см. ниже), а результаты КПРФ и особенно «Новых людей» — заниженными.

Общее количество проанализированных публикаций за всю кампанию с учетом публикаций с упоминанием «Яблока» — 2 784 335; без учета публикаций с упоминанием этой партии число публикаций составляет 2 678 414.

Среди четырех площадок явным лидером по числу упоминаний партий стал «ВКонтакте». При этом Telegram, несмотря на блокировки последнего, занял уверенное второе место. Это говорит о том, что «железный занавес» опустить до конца не удалось, и обсуждение политических и социально-экономических проблем происходит, в том числе и на заблокированных в России площадках (поэтому особенно жалко, что нам не удалось наладить мониторинг Instagram и Facebook — оказалось, что заниматься мониторингом российских выборов в равной степени опасаются как российские, так и некоторые зарубежные сервисы).

Совокупное число публикаций на двух данных площадках («ВКонтакте» и Telegram) составило почти 90% от общего числа упоминаний партий за весь период кампании.

По количеству постов с упоминанием партий есть два очевидных лидера — с большим отрывом на первых двух местах по этому показателю идут «Единая Россия» и «Справедливая Россия», однако этот результат достигнут специфическими методами.

На протяжении кампании систематически мы отслеживали два разных явления, которые вместе потенциально создают неравные условия для агитации в социальных сетях. Речь идет о централизованных сетях аккаунтов, дающих отдельным партиям кратно больший охват (правда, без роста реального интереса аудитории), а также о прямом злоупотреблении административным ресурсом.

Так, «Справедливая Россия» создала сеть из нескольких тысяч страниц с практически идентичными названиями «Справедливая Россия — Новости [город/село]», которые имеют минимальное количество подписчиков и, как следствие, просмотров и реакций. Эта сеть механически перепечатывает

абсолютно идентичные тексты (например, заявления Сергея Миронова), и на отдельных неделях ее вклад в статистику партии составлял почти половину и более от всего количества публикаций с ее упоминанием.

Кроме того, в течение нескольких недель действовала сеть мелких Telegram-каналов компромат-формата (порядка 2,5 тыс. пабликов), которая использовалась для тиражирования негативных сюжетов против конкретных партий. Сеть обеспечивала количество публикаций, но показатели просмотров и вовлеченности были близки к нулю (у большинства публикаций было по одному просмотру).

Отдельно стоит упомянуть сеть пабликов формата «Подслушано», которая очевидно подконтрольна российским властям: на первой неделе она почти 150 раз дословно растиражировала неудачное заявление Геннадия Зюганова об изъятии банковских вкладов, а на третьей участвовала в централизованном распространении цитаты депутата от «Единой России» Олега Матвейчева о том, что голос за любую другую партию — это «голос за Украину».

С самого начала избирательной кампании прослеживается и откровенное злоупотребление административным ресурсом со стороны «Единой России», которое также сказывается на количестве упоминаний и просмотров публикаций (но не так сильно влияет на количество реакций пользователей). Например, нередко в официальных аккаунтах и группах органов публичной власти и бюджетных учреждений размещались откровенно агитационные посты в поддержку «Единой России». По времени размещения идентичных постов становится понятно, что все подобные аккаунты в отдельном регионе администрируются одним человеком, вероятно работающим по контракту с органами власти, и эта практика распространена по всей стране.

В результате по количеству просмотров публикаций с упоминанием партий получилась довольно четкая иерархия пяти парламентских партий: «Единая Россия», ЛДПР, КПРФ, «Справедливая Россия», «Новые люди». Причем перед «Новыми людьми», почти вровень с ними, оказалась «Родина» — это произошло исключительно из-за того, что партия подала

иск об отмене регистрации «Яблока» и попала в обсуждение вокруг судьбы этой партии (об этом подробнее будет ниже). Остальные непарламентские партии практически не вели работы в соцсетях и не были заметны их пользователям.

При этом обращает на себя внимание, что разрыв в количестве просмотров между «Единой России» и остальными парламентскими партиями оказался не таким большим, как в количестве публикаций, а «Справедливая Россия» и вовсе скатилась на четвертое место, несмотря на огромное число упоминаний. Это как раз эффект централизованного распространения информации через сети аккаунтов и сообществ с минимальным количеством подписчиков и участников.

В такой ситуации наиболее корректным для оценки интереса пользователей к деятельности партий представляется показатель вовлеченности, то есть сумма реакций, комментариев и репостов у постов с упоминаниями политических партий.

По этому показателю безоговорочное первое место среди оставшихся в бюллетене партий по-прежнему занимает «Единая Россия», а на второе выходит КПРФ (хотя по числу упоминаний она фактически делила третье и четвертое места с ЛДПР). ЛДПР оказывается на третьем месте, а «Справедливая Россия», с ее массовым централизованным постингом, фактически делит пятое и шестое места с «Новыми людьми».

Зато на четвертом месте оказывается «Родина» — и тоже исключительно из-за своей роли в снятии с выборов «Яблока».

Таким образом, если исключить «Яблоко» из мониторинга, то картина избирательной кампании становится неполной — в действительности пропадает ее, без преувеличения, ключевое событие.

Покажем ход кампании в динамике (на следующих двух графиках мы убрали остальные непарламентские партии, чтобы избавиться от «информационного шума»).

На шестой неделе кампании произошла регистрация партийного списка «Яблока». До этого момента «Яблоко» по всем показателям было на уровне остальных непарламентских партий — они в 5–10 раз отставали от четырех партий парламентской оппозиции. Но с момента регистрации «Яблока» начался

стремительный рост интереса пользователей соцсетей к этой партии. За шестую и седьмую недели кампании число реакций на посты с упоминанием партии выросло в четыре раза — партия обогнала «Справедливую Россию» и вплотную приблизилась к «Новым людям» и КПРФ (интересно, что показатели «Новых людей» росли параллельно с «Яблоком» из-за активной дискуссии о том, кого стоит поддержать избирателям, настроенным антивоенно). На восьмой неделе, когда появился иск об отмене регистрации списка партии и состоялось соответствующее заседание Верховного суда (для мониторинга соцсетей мы считали недели с 16 июня, то есть со вторника по понедельник), показатели «Яблока» выросли еще в 18 раз. Всего же за три недели вовлеченность у упоминаний «Яблока» в соцсетях подскочила в 80 (!) раз.

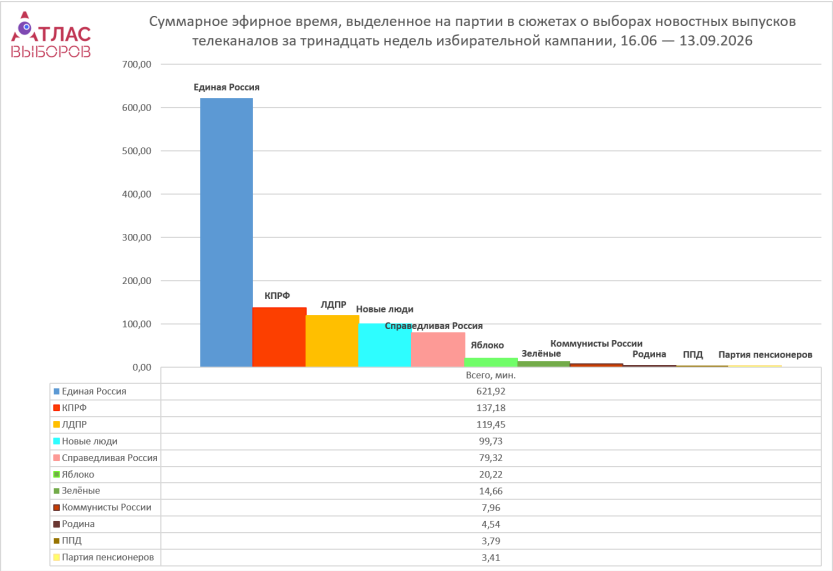
В результате к середине августа «Яблоко» вышло в явные лидеры по вовлеченности, то есть по интересу пользователей соцсетей к событиям, связанным с партией. То же самое происходило и с количеством просмотров.

Причем стоит отметить, что этот взрывной рост интереса пользователей соцсетей начался децентрализованно — основные лидеры общественного мнения из этой части политического спектра и даже СМИ, связанные с эмигрантскими кругами, явно опоздали и в дальнейшем лишь пытались догнать эту волну.

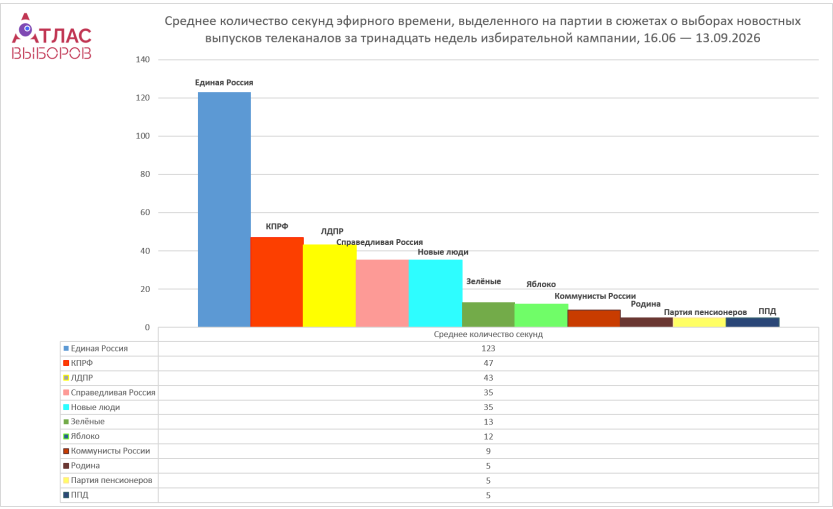
Напомним, что набор соцсетей и мессенджеров в нашем мониторинге вынужденно смещен в прогосударственную сторону. Это ограничение придает полученным результатам дополнительную аналитическую ценность. Сам факт, что в заведомо смещенном в сторону провластных позиций сегменте цифрового пространства заметно проявляется запрос на открытое обсуждение политики и более активное политическое участие, позволяет предположить более широкое распространение таких настроений в обществе.

В результате, если добавить «Яблоко» в общую статистику по заметности партий в социальных сетях, то картина кампании существенно изменится. Даже по числу упоминаний «Яблоко», несмотря на то, что список партии был снят с выборов еще в середине августа, вошло в пятерку, обогнав «Новых людей».

Однако более показательны следующие два графика.

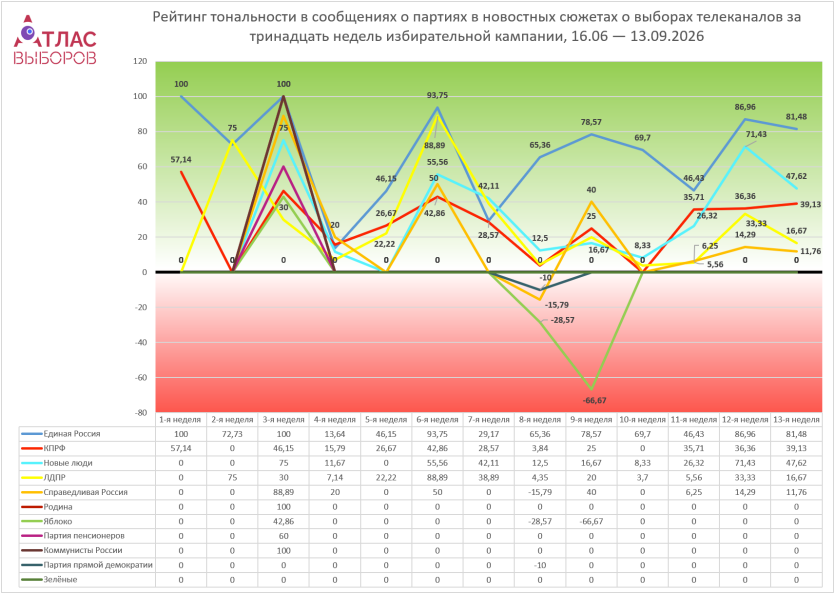

	Всего, мин.
Единая Россия	621,92
КПРФ	137,18
ЛДПР	119,45
Новые люди	99,73
Справедливая Россия	79,32
Яблоко	20,22
Зелёные	14,66
Коммунисты России	7,96
Родина	4,54
ППД	3,79
Партия пенсионеров	3,41

	Среднее количество секунд
Единая Россия	123
КПРФ	47
ЛДПР	43
Справедливая Россия	35
Новые люди	35
Зелёные	13
Яблоко	12
Коммунисты России	9
Родина	5
Партия пенсионеров	5
ППД	5

По совокупным просмотрам за всю кампанию «Яблоко» занимает уже третью строчку, обогнав даже КПРФ.

	1-я неделя	2-я неделя	3-я неделя	4-я неделя	5-я неделя	6-я неделя	7-я неделя	8-я неделя	9-я неделя	10-я неделя	11-я неделя	12-я неделя	13-я неделя
Единая Россия	100	72,73	100	13,64	46,15	93,75	29,17	65,36	78,57	69,7	46,43	86,96	81,48
КПРФ	57,14	0	46,15	15,79	26,67	42,86	28,57	3,84	25	0	35,71	36,36	39,13
Новые люди	0	0	75	11,67	0	55,56	42,11	12,5	16,67	8,33	26,32	71,43	47,62
ЛДПР	0	75	30	7,14	22,22	88,89	38,89	4,35	20	3,7	5,56	33,33	16,67
Справедливая Россия	0	0	88,89	20	0	50	0	-15,79	40	0	6,25	14,29	11,76
Родина	0	0	100	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Яблоко	0	0	42,86	0	0	0	0	-28,57	-66,67	0	0	0	0
Партия пенсионеров	0	0	60	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Коммунисты России	0	0	100	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Партия прямой демократии	0	0	0	0	0	0	0	-10	0	0	0	0	0
Зелёные	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Показатели совокупной вовлеченности еще более впечатляющие — «Яблоко» вышло на уверенное второе место, отставая от «Единой России» всего в 1,5 раза.

Причем этот результат «Яблока» достигнут практически за месяц — с конца июля по конец августа, и если смотреть период с момента регистрации «Яблока» до снятия партии с выборов, то по вовлеченности она даже обогнала «Единую Россию».

Фактически снятие «Яблока» стало главным событием кампании для пользователей соцсетей и во многом определило ее ход даже после отмены регистрации списка партии. Тем более что модель отмены регистрации через суд повторилась далее еще несколько раз в разных регионах, и не только в отношении представителей партии «Яблоко».

Помимо судебных разбирательств в отношении «Яблока» показательным было дело Николая Бондаренко (КПРФ), которое на десятой и двенадцатой неделях кампании стало главным драйвером показателей уже не только КПРФ, но и всей повестки недели. Ни один из этих сюжетов не был запланированной агитацией: во всех случаях резонанс в соцсетях возник вокруг

судебного или административного решения, а не вокруг сообщения партии.

Так, на неделе с 18 по 24 августа[23] главным событием для пользователей соцсетей стал не второй этап съезда «Единой России» с выступлением Владимира Путина, а продолжающаяся волна снятия кандидатов и партий с выборов и прежде всего — кандидата от КПРФ Николая Бондаренко. Если продвигаемые партийными и административными ресурсами сообщения с упоминанием выступления Владимира Путина на втором этапе съезда «Единой России» собрали 40,27 млн просмотров, то публикации об отмене регистраций и снятии с выборов различных кандидатов получили 85,3 млн просмотров. Это в два раза больше, или 28,4% от общего объема просмотров всех «партийных» публикаций за неделю. Разрыв заметен и по вовлеченности: публикации о выступлении президента набрали 1,16 млн реакций, в то время как посты только о Николае Бондаренко (без учета других кандидатов) — 1,48 млн.

В этом смысле социальные сети на протяжении кампании вели себя как более живое пространство, чем официальная агитация. Самые обсуждаемые сюжеты каждый раз оказывались судебными эпизодами или личными высказываниями, а не плановыми публикациями партий, и именно они, а не количество постов, определяли то, куда в конкретную неделю смещалось внимание аудитории.

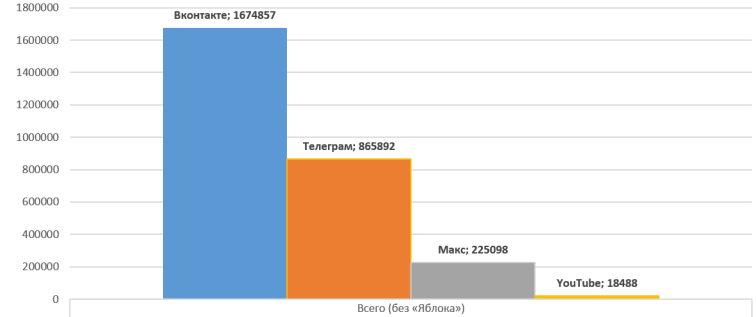
В одном из предыдущих докладов мы отмечали[24], что *«в условиях социально-политического перенапряжения, которое сейчас испытывает политический режим, выборы должны пройти максимально рутинно, буднично и подконтрольно».* Спонтанный рост интереса избирателей к позиции «Яблока» очевидным образом сломал этот сценарий, желаемый администраторами российских выборов. В этой ситуации отмена решения о регистрации

23. URL: https://atlas.vyborov.org/articles/97/bondarenko-populyarnee-putina-volna-otmen-registracii-kandidatov-zatmila-vystuplenie-prezidenta.

24. URL: https://atlas.vyborov.org/articles/80/vydvizhenie-i-registraciya-kandidatov-na-vyborah-deputatov-gosudarstvennoj-dumy-naznachennyh-na-20-sentyabrya-2026-goda.

АТЛАС ВЫБОРОВ

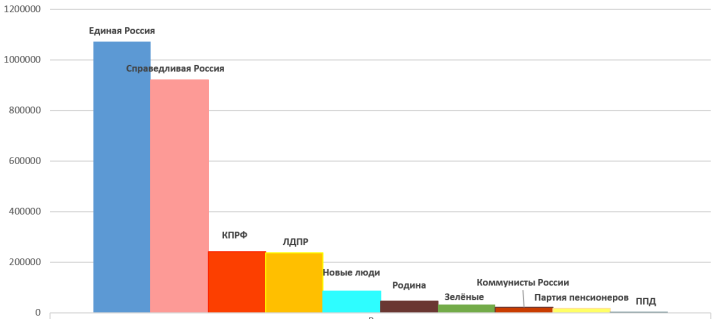
Распределение постов с упоминанием партий по платформам за двенадцать недель избирательной кампании (без учета «Яблока»), 16.06 — 7.09.2026

	Всего (без «Яблока»)
Вконтакте	1674857
Телеграм	865892
Макс	225098
YouTube	18488

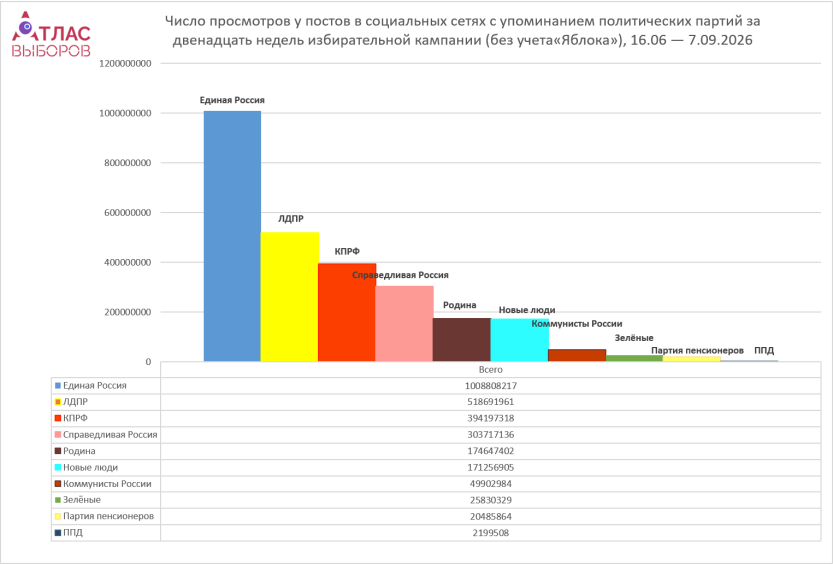
АТЛАС ВЫБОРОВ

Количество упоминаний партий (постов) в социальных сетях за двенадцать недель избирательной кампании (без учета «Яблока»), 16.06 — 7.09.2026

	Всего
Единая Россия	1072460
Справедливая Россия	919585
КПРФ	240723
ЛДПР	237555
Новые люди	85250
Родина	45981
Зелёные	32337
Коммунисты России	20802
Партия пенсионеров	16451
ППД	1194

партийного списка «Яблока» выглядит как срочная, но объяснимая с политической точки зрения реакция властей.

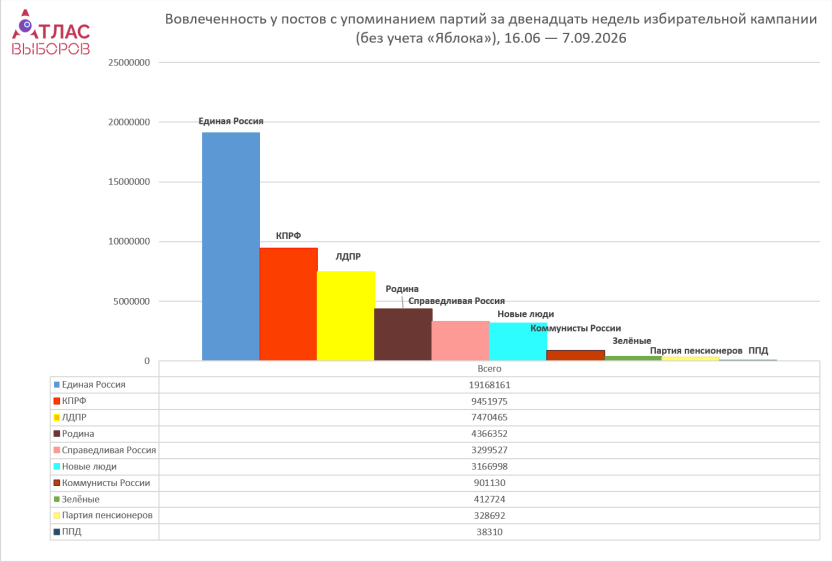

1.4. Отмена регистрации «Яблока» и ее влияние на ход избирательной кампании

Крайне важным для оценки хода кампании является юридический анализ оснований для снятия партии с выборов, тем более что он привел к валу аналогичных исков в разных регионах и на выборах разных уровней, то есть непосредственно повлиял не на одну избирательную кампанию, а на всю избирательную систему.

Иск «Родины» об отмене регистрации федерального списка кандидатов партии «Яблоко» состоял из четырех частей. Первая была посвящена «нарушению авторских прав» в агитации «Яблока». Это одно из немногих оснований, которые по российскому законодательству напрямую влекут снятие партии или кандидата с выборов. Сама норма давно вызывает протест юристов, поскольку она допускает непропорционально сильное вмешательство гражданско-правовых отношений в публично-правовые. Причем для подачи такого иска даже не требуются претензии со стороны самих правообладателей.

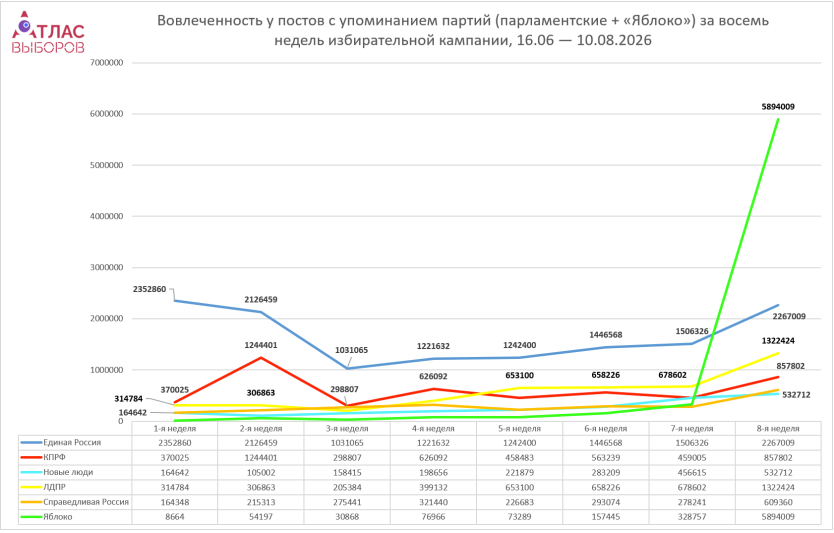
«Родина» предъявила претензии не к агитационным материалам, официально зарегистрированным в ЦИК, а к сайту

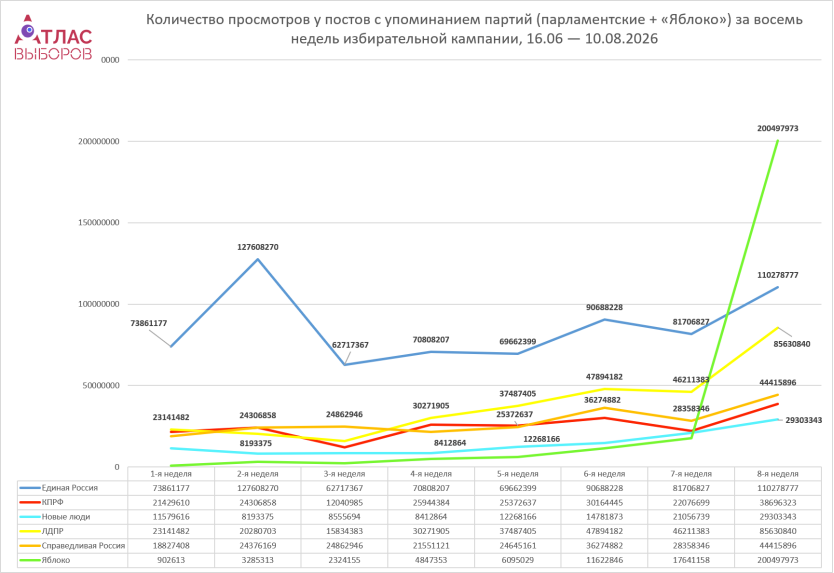
партии, где размещены статьи и публикации за многие годы. Часть претензий касается материалов 2012 года — то есть появившихся за 14 лет до старта нынешней кампании. Есть ссылки и на публикации 2016, 2017, 2018, 2023, 2024, 2025 и начала 2026 годов, которые также не имеют никакого отношения к текущим выборам.

Сами аргументы тоже выглядят довольно слабыми. Как отметил электоральный юрист Андрей Бузин[25], истец не привел ни одного примера использования произведения целиком. Все примеры касались либо коротких отрывков (например, строки «пусть всегда будет солнце, пусть всегда будет мама» из стихотворения Льва Ошанина), либо небольших фрагментов (данные «Левада-Центра»), либо изображений, лишь отдаленно напоминающих охраняемые произведения. Причем эти примеры заимствованы из интернета и не подкреплены нотариально заверенными копиями.

25. URL: https://www.facebook.com/andrei.buzin/posts/pfbid06rFxoAz9gzcTjA54W172ieKtTTjvcQQhALFvybbeUXnCL3kzkaVK4iHgQcHX7WiRl.

	1-я неделя	2-я неделя	3-я неделя	4-я неделя	5-я неделя	6-я неделя	7-я неделя	8-я неделя
Единая Россия	2352860	2126459	1031065	1221632	1242400	1446568	1506326	2267009
КПРФ	370025	1244401	298807	626092	458483	563239	459005	857802
Новые люди	164642	105002	158415	198656	221879	283209	456615	532712
ЛДПР	314784	306863	205384	399132	653100	658226	678602	1322424
Справедливая Россия	164348	215313	275441	321440	226683	293074	278241	609360
Яблоко	8664	54197	30868	76966	73289	157445	328757	5894009

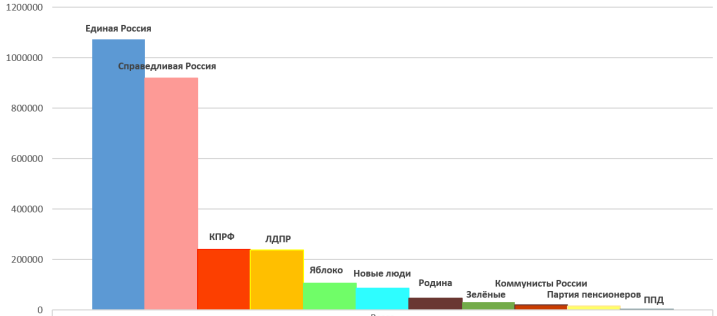

	1-я неделя	2-я неделя	3-я неделя	4-я неделя	5-я неделя	6-я неделя	7-я неделя	8-я неделя
Единая Россия	73861177	127608270	62717367	70808207	69662399	90688228	81706827	110278777
КПРФ	21429610	24306858	12040985	25944384	25372637	30164445	22076699	38696323
Новые люди	11579616	8193375	8555694	8412864	12268166	14781873	21056739	29303343
ЛДПР	23141482	20280703	15834383	30271905	37487405	47894182	46211383	85630840
Справедливая Россия	18827408	24376169	24862946	21551121	24645161	36274882	28358346	44415896
Яблоко	902613	3285313	2324155	4847353	6095029	11622846	17641158	200497973

В частности, истец утверждал, что логотип «Яблока» нарушает авторские права, будучи заимствованием из работы художника-авангардиста Эля Лисицкого. Между тем этот ло-

АТЛАС ВЫБОРОВ

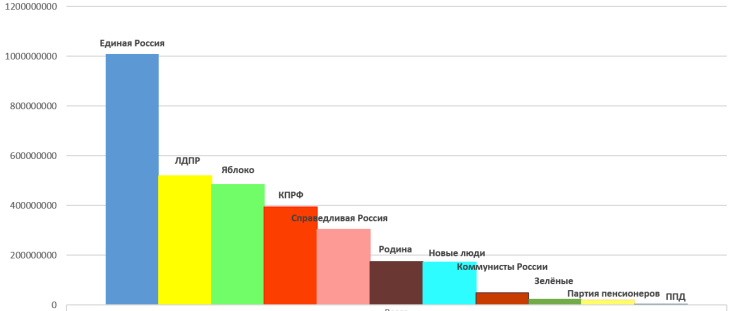
Количество упоминаний партий (постов) в социальных сетях за двенадцать недель избирательной кампании (с учетом «Яблока»), 16.06 — 7.09.2026

	Всего
Единая Россия	1072460
Справедливая Россия	919585
КПРФ	240723
ЛДПР	237555
Яблоко	105921
Новые люди	85250
Родина	45981
Зелёные	32337
Коммунисты России	20802
Партия пенсионеров	16451
ППД	1194

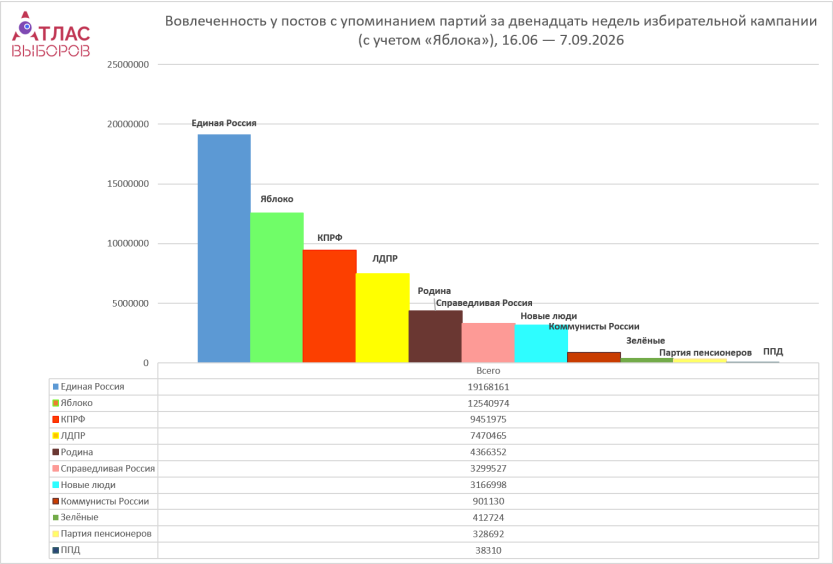
АТЛАС ВЫБОРОВ

Число просмотров у постов в социальных сетях с упоминанием политических партий за двенадцать недель избирательной кампании (с учетом «Яблока»), 16.06 — 7.09.2026

	Всего
Единая Россия	1008808217
ЛДПР	518691961
Яблоко	484294550
КПРФ	394197318
Справедливая Россия	303717136
Родина	174647402
Новые люди	171256905
Коммунисты России	49902984
Зелёные	25830329
Партия пенсионеров	20485864
ППД	2199508

готип существует давно: в сегодняшнем виде — с клином в кру-

ге — партия использовала его на выборах 2011, 2016 и 2021 годов, и никаких претензий ранее не возникало.

Основания для снятия партий и кандидатов с выборов за нарушения авторских прав прописаны в российском законодательстве крайне неопределенно. Из-за этого постоянно возникают электоральные споры: одних кандидатов с выборов снимают, других — при сопоставимых основаниях — оставляют. Бывали и совершенно абсурдные прецеденты. Так, одного кандидата отстранили[26] за публикацию в соцсети фразы «Делай что должен делать и будь что будет» — суд счел ее нарушением авторских прав древнеримского императора Марка Аврелия.

На протяжении многих лет юристы и политики пытаются добиться большей правовой определенности, но безрезультатно. Конституционный суд России уже несколько лет довольно откровенно уклоняется от разъяснений по этому вопросу. В результате весь этот блок претензий фактически сознательно отдан на усмотрение судей, которые могут решать вопрос

26. URL: https://t.me/sikach_sekach/2926.

о снятии партии или кандидата на этом основании практически произвольно.

Второй блок претензий выглядит еще более странно. Истцы утверждают, что обнаружили в социальных сетях большое количество материалов, в которых пользователи высказываются в поддержку «Яблока». Конкуренты из «Родины» квалифицируют это как агитацию в пользу партии, не оплаченную из средств избирательного фонда. Между тем еще в 2005 году Конституционный суд России прямо указал[27], что право граждан активно отстаивать свою позицию во время выборов является неотъемлемой частью их активного избирательного права.

Во время слушаний появилась справка Росфинмониторинга с грифом «для служебного пользования». Это означает, что ее содержание не может быть разглашено, однако по репликам сторон стало понятно, о чем идет речь. Ведомство выявило некоторое число российских граждан, которые получали средства из-за рубежа и одновременно делали пожертвования отдельным кандидатам «Яблока». Речь идет о мизерной сумме — менее 20 тысяч рублей. При этом «средства из-за рубежа» вполне могли быть собственными деньгами тех же граждан, просто переведенными с их счетов в иностранных банках. Так или иначе, эта справка к предмету спора отношения не имеет.

Третий блок претензий мог создать наибольшие риски для «Яблока». Он связан с обвинениями в наличии признаков экстремизма в агитационных материалах. Это еще одна сфера российского права, сознательно оставляющая широкий простор для правоприменительного произвола. Это обвинение может привести не только к отмене регистрации на выборах, но и к полному запрету партии как экстремистской организации, а также к уголовному преследованию ее членов и кандидатов на выборах всех уровней.

Истцы обвиняют «Яблоко» в поддержке «движения ЛГБТ» (запрещенного в России), в призывах к нарушению территориальной целостности страны (на том основании, что партия выступает за прекращение войны с Украиной) и в разжигании

27. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=7&documentId=86583.

розни в отношении властей и других политических партий. Под последним понимаются, в частности, такие формулировки, как «Если вы голосуете за „Яблоко“ — значит, вы за перемены, за мир, за свободу, за другую жизнь» и «власти принимают все новые и новые репрессивные законы».

Четвертый блок — самый слабый. Он даже не содержал ссылки на конкретную норму закона, на которую опираются истцы. Речь идет лишь о сомнениях в том, что отдельные документы кандидатов были оформлены в установленные сроки.

В результате суд удовлетворил иск по двум основаниям: нарушение авторских прав и незаконное иностранное финансирование.

Как следствие, отмена регистрации по этим двум основаниям стала одним из главных трендов нынешней избирательной кампании.

Например, в Челябинской области по искам кандидатов от партии «Зеленые» (интересы которых в суде представлял юрист «Единой России» Илья Хабин) Челябинский областной суд снял всю группу кандидатов от «Яблока»: Ярослава Щербакова (за картинку Бэнкси, фото Андрея Сахарова и цитату Андрея Громыко), Андрея Талевлина (за фото купола Гэмбаку и цитату С. Танигути), Оксану Боярскую (из-за неустановленного мужского закадрового голоса в ролике), Сергея Фарыму (за логотип телеканала «Россия 1»). Лишь Валентину Комкову сняли за неполный комплект документов.

Верховный суд Удмуртии 7 сентября 2026 года отменил регистрацию кандидата от «Яблока» Ии Борониной по иску Антона Головкова («Справедливая Россия») из-за использования в видеоролике песни «Bad to the Bone» без подтвержденной лицензии правообладателя.

В Чувашии кандидаты от «Яблока» Виктор Стеньшин и Владислав Аркадьев были сняты по искам «Коммунистов России» и «Зеленых» из-за использования в печатной агитации платного шрифта Colville якобы без лицензии, а также претензий по «иностранному финансированию».

В Московской области регистрации лишился кандидат от «Яблока» Сергей Крыжов. Его конкурент из «Зеленых» Анатолий Балашов подал иск о том, что на личном сайте Крыжова

(в публикациях за 2021 год) были размещены логотипы социальных сетей «ВКонтакте» и «Одноклассники», что, по мнению истца, являлось нарушением исключительных прав и авторских прав на товарные знаки.

1.5. Противодействие агитации

Кандидаты регулярно сталкиваются с противодействием их попыткам провести агитацию или пообщаться с избирателями. Сами попытки помешать оппозиционным кандидатам и партиям вести агитационную работу — застарелая проблема российских выборов, которая, к сожалению, системно не решается. Противодействие агитации кандидатов осуществляется как с явным админресурсом, так и без него (или, по крайней мере, без возможности его идентифицировать).

В городе Зима Иркутской области кандидату от «Новых людей» Евгению Файзулину сорвали встречи в школах № 1 и № 5 (просто заперли двери). Уличную встречу у ДК «Горизонт» мэр города Андрей Коновалов объявил «несанкционированной», пригрозил ответственностью и выставил наряды полиции 3 сентября 2026 года.

В Костромской области кандидату от КПРФ Валерию Ижицкому власти отказали в предоставлении зала сельского клуба в Вохме, вынудив проводить встречу на улице, а также оказали давление на местных предпринимателей в Вохме и Пыщуге, чтобы те не предоставляли ему помещений.

В Мурманской области кандидату от «Справедливой России» в Апатитах отказали в аренде зала бизнес-инкубатора МРИБИ под предлогом ремонта. В неофициальной переписке руководство признало наличие прямого запрета от администрации.

В Москве кандидату от КПРФ Ивану Ульянченко префектура повторно отказала в согласовании митинга против снятия кандидатов с выборов, сославшись на действующие «ковидные ограничения».

Примеры таких ограничений можно продолжать и продолжать.

Выше мы уже писали о том, как избиркомы включились в систему государственной цензуры и препятствуют размещению агитационных материалов кандидатов. В некоторых регионах инициатива исходила даже не от избиркомов или прокуратуры, а от самих предприятий, которые должны были разместить агитацию.

В Костромской области кандидату от «Яблока» Андрею Тарасову муниципальное предприятие запретило размещать рекламу у коммерческих операторов на городских баннерах. Впоследствии ГТРК «Кострома» сняла его ролики с эфира, отправив на «проверку» в Минюст и ЦИК.

В Псковской области ГТРК «Псков» отказалась транслировать предвыборные ролики «Яблока», заявив, что призывы к соглашению о прекращении огня содержат «признаки экстремизма». Избирком области поддержал позицию вещателя.

Застарелой проблемой российских выборов является изъятие, повреждение и силовой демонтаж агитационных материалов.

В Москве сотрудники полиции 19 августа 2026 года изъяли баннеры у кандидата от КПРФ Александра Ищенко в Тушинском округе № 205. На освободившихся местах сразу появились конструкции «Единой России». В Бабушкинском округе № 195 сотрудники ГБУ «Жилищник» Свиблово срывали листовки кандидата ЛДПР Александра Ханкеева со специальных стендов ТИК.

В Красноярском крае чиновница администрации Железнодорожного района Красноярска Варыгина под угрозой увольнения принуждала членов УИК демонтировать рекламу программы с фото кандидата Вячеслава Дюкова («Зеленые»).

В Бузулуке Оренбургской области в ночь на 20 августа были похищены восемь официально согласованных баннеров кандидата от КПРФ Владимира Турчина, установленных на частных домовладениях.

В Самарской области на кандидата от КПРФ Андрея Тверскова 4 сентября совершено нападение с нанесением телесных повреждений при попытке пресечь порчу плакатов. В Самаре плакаты кандидата КПРФ Дмитрия Асеева заклеивались бланк-

ками районной администрации с данными о сметах благоустройства.

В Кировской области зафиксированы многочисленные случаи порчи и уничтожения агитационных кубов партий «Справедливая Россия» (Вячеслав Царюк обвинил районные администрации в порче плакатов служащими), ЛДПР и «Новые люди».

1.6. Основные темы кампании

Заметна существенная разница в освещении основных тем избирательной кампании на телевидении, где эту тематику выбирают редакции, и в социальных сетях и на улицах, где предпочтительная тематика определяется самими участниками выборов и избирателями.

Так, на телевидении на протяжении всей кампании доминирующей была тема СВО. В частности, на тринадцатой, предпоследней, неделе кампании (7–13 сентября) одним из основных сюжетов стала встреча Владимира Путина с кандидатами «Единой России», в ходе которой обсуждались вопросы незавершенного строительства, ипотечного кредитования, защиты российских граждан и поддержки участников военных действий. Телеканалы в своем кратком эфире, посвященном выборам, также рассказывали:

- о поездках одного из лидеров списка «Единой России» Владислава Головина в Рязанскую и Ульяновскую области, где он встретился с участниками СВО и посетил реабилитационный центр;
- о работе штаба «Единой России» по работе с молодежью, кандидатами — участниками СВО;
- о запуске образовательной программы «Свой бизнес» для участников СВО;
- о передаче партией гуманитарной помощи жителям Белгородской области;
- о поддержке участников СВО со стороны КПРФ;
- о посещении Геннадием Зюгановым военного госпиталя в Санкт-Петербурге;
- о поддержке участников СВО «Новыми людьми»;

- о поддержке ветеранов СВО со стороны ЛДПР;
- об атаке беспилотника на здание территориальной избирательной комиссии в Самарской области;
- о досрочном голосовании в зоне СВО.

В социальных сетях тема СВО также упоминается, но гораздо меньше — чаще всего она встречается в постах, посвященных деятельности «Единой России». За все недели наблюдения за кампанией содержание агитации у каждой партии оставалось довольно устойчивым.

«Единая Россия» преимущественно находилась в институциональной повестке: речь шла о социальных и экономических обещаниях, достижениях за последние годы. Много постов было посвящено теме благоустройства, ЖКХ, здравоохранения и образования. Также в агитационной теме присутствовал нарратив СВО («голосуйте за победу в СВО»).

КПРФ находилась преимущественно в тематике освещения системного давления на партию (Матвеев, Бондаренко), однако на старте кампании активно использовала топливный кризис как электоральный аргумент в свою пользу. Много говорилось и о социальных проблемах.

Геннадий Зюганов в начале кампании выступил с неудачным заявлением об изъятии банковских вкладов, что стало поводом для тиражирования цитаты в подконтрольных власти сообществах и аккаунтах в невыгодном для партии ключе. Лидер КПРФ не обошел стороной кейс «Яблока» и высказался в негативном ключе относительно конкурентов. С середины кампании заметными были лишь выступления Зюганова относительно судебных процессов кандидатов партии, когда под угрозой была регистрация данных кандидатов. Во второй половине кампании Зюганов не выступал с резонансными заявлениями, и информационное первенство перешло его коллеге по партии — Николаю Бондаренко.

ЛДПР не била в какую-то конкретную тематическую точку, а в основном высказывалась на злободневные темы: управляющие компании, права мигрантов, налоги для многодетных предпринимателей, льготная ипотека. Леонид Слуцкий стабильно вел собственный канал с конкретными, локально

адресными сообщениями (от жалоб на протекающую крышу до предложений по льготной ипотеке) с заметно более высокой вовлеченностью, чем у сети партии, дублирующей его цитаты.

«Новые люди» были преимущественно сосредоточены на социальной повестке (законопроект о домашнем насилии, поддержка женщин, оказавшихся в трудной жизненной ситуации); партия маневрирует между поддержкой и нейтральной позицией относительно СВО, поэтому отдельный резонанс случился вокруг слов кандидата Александра Зицера о недопустимости кадровых квот участникам СВО без учета их профессиональной квалификации.

«Справедливая Россия» была наименее стабильной и иногда бросалась в неожиданные темы (например, в конце кампании начала активно продвигать антимигрантскую повестку, нехарактерную ранее для имиджа партии), но в целом формировала социальную повестку от первого лица лидера партии Сергея Миронова: тарифы ЖКХ, «бабушкина» и «родительская» зарплата, поддержка многодетных и ветеранов. Миронов почти каждую неделю кампании выступал с новой резонансной инициативой: предложения о смертной казни для коррупционеров, увеличение бюджетных мест в вузах, программа «фудшеринга» продуктов с истекающим сроком годности и адресованное мигрантам «правило трех П» («пришел, поработал, попрощался»), план выхода из топливного кризиса и запрет работодателям удерживать часть зарплаты, предложение индексировать пенсии четыре раза в год. Именно эта серия личных инициатив стабильно поддерживала интерес аудитории к «Справедливой России» почти на всем протяжении кампании.

«Родина» отличилась не системными программными предложениями, а жесткой риторикой лидера партии Алексея Журавлева по военной теме: от предложения применить тактическое ядерное оружие до заявлений об уничтожении Зеленского, а также тем, что именно она стала инициатором иска против «Яблока».

Тема СВО стала ключевой для «Яблока», которое открыто заняло антивоенную позицию — «За мир и свободу!», за скорейшее прекращение огня и перемирие.

В обычной агитации провоенные партии избегают публичного обсуждения актуальных проблем, связанных с продолжением боевых действий и их последствий: мобилизация, бензиновый кризис, отключения интернета и уничтожение товаров на маркетплейсах. Эти проблемы позволено комментировать и обсуждать только официальным представителям федеральной и региональной власти, в частности губернаторам.

КПРФ и ЛДПР тему СВО поддерживают, но смещают акцент на социальные и экономические вопросы: помощь ветеранам и критику Минфина за недостаточную (по их мнению) поддержку оборонных предприятий и мобилизованных, стараясь не заходить на территорию критики самого Минобороны.

Зато всеми партиями активно поднимается социальная повестка: выплаты, льготы, соцобъекты, ЖКХ, рост цен, безопасность. Кандидаты активно работают с тем, что ближе людям здесь и сейчас: ЖКХ (состояние дворов, подъездов, тарифы), благоустройство территорий, качество и доступность медицинской помощи, ситуация в образовании. Часто звучат конкретные обещания: отремонтировать школу, построить детскую площадку, решить вопрос с очередями в поликлинике.

Действующие депутаты «Единой России» всех уровней традиционно маскируют свою агитационную кампанию под отчеты перед избирателями. На встречах с избирателями они в основном поднимают темы благоустройства, ЖКХ, дорожного строительства, лишь иногда касаясь темы СВО.

Но есть кандидаты, которые специализируются на теме СВО — прежде всего участники боевых действий (как правило, предстают в военной форме) и организаторы помощи фронту.

На региональном уровне широко применяется технология информационного замещения: кандидаты от партии власти, являющиеся действующими депутатами, руководителями крупных предприятий или главами бюджетных учреждений, ежедневно появляются в СМИ исключительно в рамках своей профессиональной или благотворительной деятельности. Юридически данные материалы не маркируются как агитационные, так как кандидаты выступают в своем должностном/профессиональном статусе, однако это создает мощный куму-

лятивный эффект узнаваемости и формирует образ «эффективных практиков».

Применяется тактика информационного игнорирования или минимизации присутствия системной оппозиции (КПРФ, ЛДПР, «Справедливой России») и партии «Яблоко». В отношении КПРФ, ЛДПР, «Справедливой России» часто транслируется тезис об их «политической пассивности», «сговоре» с властью ради сохранения статус-кво и отсутствии реальной альтернативной повестки. Против «Яблока» используется жесткая риторика увязки партии с «антигосударственной позицией» и статусом иноагентов ее бывших лидеров.

2. Злоупотребление административным ресурсом при агитации и принуждение избирателей к голосованию

Кроме уже упомянутого массового использования официальных аккаунтов органов публичной власти и бюджетных учреждений, есть и другие распространенные способы злоупотребления административным ресурсом. Одним из таких способов уже давно стало использование служебных поездок и государственных мероприятий для предвыборного пиара должностных лиц.

Например, в Кировской области губернатор Александр Соколов с весны задействовал кандидатов в Госдуму от «Единой России» Андрея Березина и Бориса Веснина в правительственных выездах по районам, подсвечивая их в госСМИ как «советников» и «членов экспертных советов».

В Удмуртии официальные ресурсы администрации Ижевска, минздрава и минобразования Удмуртии системно освещали инспекции строек школ, больниц и дорог кандидатами от «Единой России» Андреем Исаевым и Олегом Гариным.

В Челябинской области был запущен проект «Партийный десант» — губернатор Алексей Текслер и кандидаты от «Единой России» (Олег Гербер, Дмитрий Вяткин, Андрей Орехов, Владимир Дремов) инспектировали строящиеся школы и транспорт под брендом партии. Паблики администраций

(Троицкий, Сосновский, Катав-Ивановский округа) размещали посты с хештегами #ЕР74.

В Архангельской области глава Северодвинска Игорь Арсентьев совмещал пост руководителя города с ведением предвыборной кампании от «Единой России» по округу № 76, используя служебные инфоповоды для собственного пиара.

Происходили случаи и прямой незаконной агитации со стороны должностных лиц. Например, глава Туруханского округа Красноярского края Олег Шереметьев проводил агитацию за «Единую Россию» среди сотрудников-бюджетников прямо в здании администрации города Игарки.

Уже традиционно для агитации за «партию власти» используются мероприятия на День знаний 1 сентября. В г. Усть-Катав Челябинской области было зафиксировано распространение школьных бланков расписания уроков с партийной символикой «Единой России» и именем кандидата Антона Ковалева. В лицее «Звездный» (г. Хабаровск) 1 сентября детям раздали праздничные открытки-поздравления с портретом кандидата от «Единой России» Максима Иванова, а в Краснодаре члены УИК заставляли школьников разносить приглашения на выборы и распространять информационные материалы среди жителей.

Конец августа — начало сентября — это не только начало учебного года, но и время традиционного принуждения избирателей к участию в голосовании. С момента внедрения в практику российских выборов комбинации из трехдневного и дистанционного электронного голосования (ДЭГ) эта проблема стала еще острее, чем была прежде: работодатели получили дополнительные возможности для контроля волеизъявления своих подчиненных. Данные 2025 года[28] показывают, что 50-процентная явка на ДЭГ достигается в первые 3–4 часа голосования, то есть в пятницу, в рабочий день, с утра, когда избиратели только приходят на работу.

28. URL: https://deg.expert/%d0%b0%d0%bd%d0%b0%d0%bb%d0%b8%d0%b7-%d0%b4%d1%8d%d0%b3-2025-%d0%ba%d0%be%d0%bd%d1%82%d1%80%d0%be%d0%bb%d0%b8%d1%80%d1%83%d0%b5%d0%bc%d0%be%d0%b5-%d0%b8-%d0%be%d1%87%d0%b5%d0%bd%d1%8c-%d0%b1/.

График активности дистанционного электронного голосования в Белгородской области в ЕДГ-2025

Также в 2025 году в подмосковном Фрязине были обнаружены восемь нелегальных центров, в которых проводилось подконтрольное «дистанционное» электронное голосование избирателей.

На нынешних выборах ДЭГ предусмотрено в 33 регионах (в том числе в Москве, где не нужно заранее подавать заявку на участие в ДЭГ). По данным Министерства цифрового развития, на ДЭГ на 7 сентября подано более 3 млн заявок.

Регионы-лидеры по числу поданных заявлений:

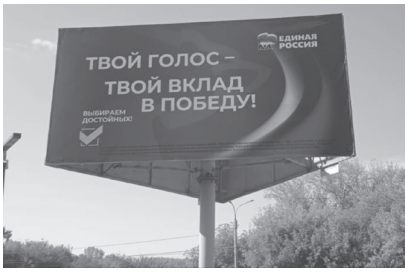
- Московская область — 573 тыс. (ок. 9,5% от общего числа избирателей);
- Свердловская область — 264 тыс. (ок. 8% от общего числа избирателей);
- Алтайский край — более 230 тыс. (ок. 13,2% от общего числа избирателей);
- Ростовская область — 221 тыс. (ок. 7,1% от общего числа избирателей);
- Чувашская Республика — 141 тыс. (ок. 15,6% от общего числа избирателей).

Из разных регионов регулярно поступают сообщения о принуждении избирателей к участию в ДЭГ.

В Пермском крае работников торговых сетей «Магнит» и «Пятерочка», актеров театров и воспитателей детских садов принуждали регистрироваться в системе ДЭГ с обязательным предоставлением скриншотов-подтверждений руководству. Принуждение к ДЭГ, видимо, прошло по всей сети «Магнита».

В Новой Москве руководство бюджетных учреждений под давлением заставляло сотрудников подписываться на социальные сети кандидата от «Единой России» Дмитрия Саблина и привлекать к подписке по 5000 человек на учреждение. Кандидат Илья Свиридов задействовал ресурс выбор-мой.рф для приема жалоб на ДЭГ-принуждение.

Однако наличие ДЭГ не является обязательным условием для принуждения избирателей. Администрации вполне способны действовать и «по старинке».

В Коми в ведомственные мессенджер-чаты органов власти рассылалась таблица, подготовленная в администрации главы республики, требовавшая закрепить за сотрудниками бюджетной сферы «бригадиров» для обеспечения 100% централизованной явки.

АЛТАЙ - ЗЕМЛЯ ТЕХ,
КТО ТРЕБУЕТ
СПРАВЕДЛИВОСТИ
20
СЕНТЯБРЯ
КПРФ
Андрей
ЧЕРНОБАЙ
кандидат в депутаты
Государственной Думы

20 СЕНТЯБРЯ — ВСЕ НА ВЫБОРЫ:
ЗА ДОСТУПНЫЙ БЕНЗИН!
ЗА СВОБОДНЫЙ ИНТЕРНЕТ!
ЗА НАЦИОНАЛИЗАЦИЮ ЖКХ!
ЗА ПЕНСИИ: 55 ЛЕТ — ЖЕНЩИНАМ
60 ЛЕТ — МУЖЧИНАМ
КПРФ
Роман
ЯКОВЛЕВ

СВОЙ ЧЕЛОВЕК
С РАЙОНА
ДМИТРИЙ
АФАНАСЬЕВ
СИЛА. ДИСЦИПЛИНА. РЕЗУЛЬТАТ.
ЛДПР

ЛДПР! 2026
ВРЕМЯ РУССКОГО
ВОЗРОЖДЕНИЯ
- ВРЕМЯ ЛДПР!
СЕРГЕЙ МОСИН
РУКОВОДИТЕЛЬ ОБЩЕСТВЕННОЙ
ПРИЕМНОЙ ЛДПР В ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ
8 – 953 – 614 – 77- 76

В Кировской области на заводе «Авитек» руководство весной принуждало рабочих к участию в праймериз «Единой России», а осенью требовало от сотрудников обязательного посещения участков для поддержки конкретных кандидатов.

Представители КПРФ заявили о жестком давлении на учителей и врачей в сельских районах (Вохма, Пыщуг Ко-

стромской области) с угрозами увольнения и расправы в случае отказа голосовать за кандидатов власти.

В Курской области сотрудники предприятий г. Рыльска сообщали о прямых рекомендациях руководства голосовать за кандидата от «Единой России» Алексея Золотарева.

3. Давление на кандидатов

Одним из основных способов силового давления на кандидатов, которое вело к их снятию с выборов, стало злоупотребление антиэкстремистским законодательством.

Например, Краснодарский краевой суд 11 сентября 2026 года снял 75-летнего кандидата от «Яблока» Владимира Атаманчука по иску партии «Зеленые». Поводом стала листовка с призывом к прекращению огня и фразой о «братоубийственном конфликте». Параллельно полиция Сочи вменила ему ст. 20.3.3 КоАП о дискредитации армии.

В Башкортостане кандидат в Госдуму Алексей Акименко («Яблоко», Нефтекамский округ № 6) был снят судом по иску руководителя реготделения «Справедливой России» Константина Шагимуратова. Поводом стали логотипы соцсетей Meta (Instagram/Facebook) и гиперссылки в посте паблика «ВКонтакте» восьмилетней давности (2018 год). Четвертый апелляционный суд в Нижнем Новгороде 10 сентября 2026 года признал снятие законным.

В Саратовской области известный оппозиционный политик и кандидат от КПРФ Николай Бондаренко был оштрафован 21 августа 2026 года Октябрьским райсудом Саратова по ст. 20.3 КоАП за стороннюю публикацию с фото Алексея Навального. ЦИК России 7 сентября официально аннулировала его регистрацию.

В Калининградской области кандидат от «Яблока» Антон Гендриксон по решению Ленинградского райсуда Калинин-

града получил 10 суток ареста за распространение логотипов Facebook и Instagram, после чего 11 августа облизбирком аннулировал его регистрацию.

В Новгородской области регистрация Анны Черепановой («Яблоко») была аннулирована 10 сентября после составления протокола по ст. 20.3 КоАП. В Псковской области по аналогичной схеме за чужой пост в соцсети была снята историк и депутат Татьяна Пасман («Яблоко»).

Для снятия кандидатов с выборов может также использоваться решение партии, которая их сама же и выдвинула.

Так, в Краснодарском крае кандидат от «Новых людей» Александр Барашков (предприниматель и разработчик дронов) был отозван решением председателя партии Алексея Нечаева от 31 августа 2026 года. Снятие было продавлено департаментом внутренней политики администрации края из-за попытки Барашкова организовать независимое наблюдение на участках.

В Курской области 75-летний беженец из Суджи Николай Скрынник (ЛДПР) был вынужден сняться с выборов под давлением руководства партии и губернатора из-за отказа удалить посты с критикой властей в приграничье.

В Ульяновской области кандидаты Евгений Скрипкин и Дмитрий Гондаренко («Яблоко») снялись под прямым давлением руководства госучреждений по месту работы.

Несмотря на изначальное желание превратить текущую избирательную кампанию в скучную и заурядную, она чуть было не превратилась в «переворачивающие выборы». Только ценой экстраординарных административных и силовых усилий удалось удержать ее под административным контролем. Политическая жизнь в России все равно пробивается сквозь асфальт ограничений.

Статья впервые опубликована в «Атласе выборов»: https://atlas.vyborov.org/articles/112/predvybornaya-agitaciya-i-administrativnaya-mobilizaciya-izbiratelej-na-vyborah-v-edinyj-den-golosovaniya-20-sentyabrya-2026-goda.

DOI: 10.55167/2610682coff2

Боевые действия под покровом ночи

Что происходило между вторым и третьим днем голосования на избирательных участках по всей стране

Одна из главных проблем трехдневного голосования — это сохранность бюллетеней, с помощью которых избиратели уже отдали свои голоса и которые остаются ночью в помещениях избирательных участков.

Парадокс: наблюдатели и избиратели больше всего переживают, что сохранность, целостность сейф-пакетов и сейфов, где хранятся бюллетени, будет нарушена теми, кто прежде всего и призван гарантировать их целостность — членами избирательных комиссий. Они опасаются, что члены УИК вскроют сейф-пакеты и проведут подмену бюллетеней или добавят в сейф-пакеты лишние.

И надо сказать, что наблюдателям есть чего опасаться. В очередной раз в разных регионах выявлены случаи странных ночных действий на участках. Кандидаты и наблюдатели дежурят ночью около избирательных участков, заглядывают в окна, фиксируют ночные передвижения членов комиссий и посторонних лиц на участках, а утром обнаруживают измененные печати, пломбы, поддельные подписи, лишние бюллетени. Члены УИК со своей стороны скрываются от глаз наблюдателей, не дают ознакомиться с актами и списками избирателей, угрожают полицией. В общем, специальная электоральная операция и борьба за честные выборы не прекращаются ни днем, ни ночью.

В **Санкт-Петербурге** кандидат в Госдуму и Заксобрание от «Справедливой России» и действующий глава муниципалитета района Автово по видеокамерам заметил, что члены участковой комиссии № 607 после закрытия участка совершают какие-то действия, а потом камеры выключились. После чего он вызвал полицию и сам поехал на участок: «Мы приеха-

ли одновременно — члены комиссии как раз выходили, в итоге часть из них увезли в отдел полиции», — рассказал он «Фонтанке»[1]. В первый день на этом участке дежурили наблюдатели от «Справедливой России», и явка на этом участке составила 14%, или около 200 человек, — а по итогам второго дня в актах было указано 500 человек. Это вызвало сомнения у кандидата и привлекло внимание к участку.

Там же в **Петербурге** после закрытия участков в школе, где расположены УИК № 1757 и 1758, продолжали находиться члены избирательных комиссий. На видео, переданном RusNews, видно несколько человек в спортзале, который используется как помещение для голосования[2]. По словам автора записи, свет в помещении погас примерно в 23:30, однако люди оставались внутри и после этого.

На участке № 60 Адмиралтейского района в том же **Петербурге** наблюдатели насчитали явку на 100 человек меньше, чем назвал председатель комиссии (это 20% голосов)[3]. Наблюдателям не дали подписать сейф-пакеты перед их помещением в сейф. Утром наблюдатели от «Яблока» сравнили[4] фотографии[5] пломб на сейфах и обнаружили, что печать и сама бумага пломбы уже другие.

В **Перми**[6] кандидат от КПРФ в Заксобрание региона Василий Белкин заметил[7], что в помещении для голосования после закрытия участка остались члены УИК № 3212. Через окно он снял видео, на котором зафиксировано, как женщины в синих перчатках сидят за столами и работают с документами комиссии и, видимо, со списками избирателей. Открыт сейф, в котором в это время должны были храниться опечатанные бюллетени. В помещении также находится сотрудница полиции, которая с кем-то разговаривает по телефону. Когда наряд

1. URL: https://www.fontanka.ru/2026/09/20/76652223/.
2. URL: https://t.me/rusnews/91679.
3. URL: https://t.me/sotaproject/118780.
4. URL: https://t.me/sotaproject/118825.
5. URL: https://t.me/vybory_medium/993.
6. URL: https://t.me/electionschronicle/436.
7. URL: https://t.me/KPRF_Perm/855.

полиции прибыл на место, он не стал входить в помещение УИК. На все вопросы Белкина полицейский лишь отвечал: «Без комментариев сейчас». Также кандидат от КПРФ отмечает, что помещение комиссии находится прямо в здании, где располагается действующая приемная депутата «Единой России» и кандидата в Заксобрание края Николая Булатова.

В **Нижнем Новгороде** около УИК № 2353 поздно вечером 19 сентября неизвестные молодые люди спортивного телосложения подкараулили[8] наблюдателя от «Яблока», когда он ненадолго вышел с участка. Они обвинили его в оскорблениях и около получаса не пускали обратно на участок. За это время, по оценке наблюдателя, число якобы проголосовавших заметно увеличилось.

В **Подмосковье** после объявления об окончании голосования председатель УИК № 357 в Долгопрудном Елена Чередник попросила всех, кроме членов комиссии и наблюдателей, покинуть[9] помещение. Журналистам она сказала, что необходимые документы им выдадут утром, и пригрозила[10], что для выдворения журналистов вызовут полицию: «Мы составим акт в любом случае, в полицию. Вас выведут отсюда в любом случае. Вы нарушили закон, когда завершена его [участка] работа. Вы посторонние люди. Вне зависимости, СМИ аккредитованные или нет, вы не можете здесь находиться», — сказала Чередник. После этого журналисты ушли.

Там же в **Долгопрудном** на избирательном участке № 4201 член комиссии подозревает[11], что ночью на участке произошел вброс. Он обратил внимание, что бюллетени в одной и той же урне лежат по-разному. Он сравнил фотографии[12], сделанные вечером 19 сентября и утром 20-го. Он попросил посмотреть списки избирателей, но ему отказали. Председатель и другие члены комиссии говорят, что ему «не положено» работать с книгами избирателей и он мешает работе УИК, угрожают

8. URL: https://t.me/yabloko_press/3750.
9. URL: https://t.me/nabludatMO/1095.
10. URL: https://t.me/electionschronicle/441.
11. URL: https://t.me/nabludatMO/1117.
12. URL: https://t.me/vybory_medium/985.

составить акт и обратиться в полицию. Приехавшему на участок члену ТИК также не дали[13] ознакомиться со списками избирателей.

На избирательном участке № 2059 в **Краснодаре** ночью 20 сентября был вскрыт сейф с бюллетенями, уже использованными для голосования. Как сообщают[14] наблюдатели в телеграм-канале «ТИК Западная голосование 2026», неизвестные злоумышленники повесили пломбу с плохо подделанной подписью. Вызвана полиция.

О повреждении[15] печати на сейфе с бюллетенями также сообщали с избирательного участка № 302 в **Амурской области**.

В **Кировской области** ночью на несколько часов пропала трансляция с камер более чем на 400 участках. Об этом сообщил глава регионального отделения КПРФ Сергей Мамаев[16]. По его словам, онлайн-трансляция прекратилась в полночь, с 19 на 20 сентября. Ее не было несколько часов. Официальных разъяснений о причинах сбоя нет. Мамаев направил в облизбирком официальный запрос с требованием объяснить, почему трансляция была прервана.

Статья впервые опубликована в «Атласе выборов»: https://atlas.vyborov.org/articles/118/boevye-dejstviya-pod-pokrovom-nochi-chto-proishodilo-mezhdu-vtorym-i-tretim-dnem-golosovaniya-na-izbiratelnyh-uchastkah-po-vsej-strane.

DOI: 10.55167/8a51fb612760

13. URL: https://t.me/vybory_medium/995.
14. URL: https://t.me/tikzapad/91.
15. URL: https://t.me/electionschronicle/479.
16. URL: https://vk.ru/wall410871273_3214.

Предварительная оценка выборов, назначенных на 20 сентября 2026 года

В единый день голосования 20 сентября 2026 года в России прошло более 2200 избирательных кампаний, в том числе выборы депутатов Государственной думы России, прямые выборы глав восьми регионов, выборы депутатов 39 региональных парламентов и местные выборы.

С первого дня избирательной кампании (с 16 июня 2026 года) «Атлас выборов» осуществлял мониторинг проходящих выборов. За это время были подготовлены и опубликованы шесть докладов, посвященных анализу изменений федерального законодательства за 2021–2026 годы[1], эволюции партийной системы[2], правовым параметрам региональных выборов[3], итогам выдвижения и регистрации кандидатов на выборах депутатов Госдумы[4], предвыборной агитации и административной мобилизации[5], а также доклад, посвященный анализу составов региональных избиркомов в четырех частях (первая[6],

1. URL: https://atlas.vyborov.org/articles/55/izmeneniya-federalnogo-izbiratelnogo-zakonodatelstvas-iyulya-2021-goda-po-may-2026-goda.

2. URL: https://atlas.vyborov.org/articles/58/partiynaya-sistema-na-starte-izbiratelnoy-kampanii-edg-2026.

3. URL: https://atlas.vyborov.org/articles/61/pravovye-parametry-vyborov-regionalnykh-parlamentov.

4. URL: https://atlas.vyborov.org/articles/80/vydvizhenie-i-registraciya-kandidatov-na-vyborah-deputatov-gosudarstvennoj-dumy-naznachennyh-na-20-sentyabrya-2026-goda.

5. URL: https://atlas.vyborov.org/articles/112/predvybornaya-agitaciya-i-administrativnaya-mobilizaciya-izbiratelej-na-vyborah-v-edinyj-den-golosovaniya-20-sentyabrya-2026-goda.

6. URL: https://atlas.vyborov.org/articles/63/a-kto-schitat-budet-analiticheskiy-doklad-o-sostavakh-izbiratelnykh-komissiy-subyektov-rossiyskoy-federatsii-na-nachalo-vyborov-v-gosudarstvennuyu-dumu-2026.

вторая[7], третья и четвертая части[8]). Кроме того, на сайте можно найти доклад Александра Кынева, посвященный итогам выдвижения и регистрации кандидатов на региональных и местных выборах[9]. Мы также вели еженедельные мониторинги телеэфира[10] и социальных сетей[11], а в дни голосования готовили регулярные обзоры происходящего по итогам первого[12] и второго[13] дня, а также ночи выборов[14] — все это напоминало скорее боевые сводки.

Оценивая эти выборы, мы опираемся на те стандарты, которые официально признает российское государство — они содержатся в законодательстве, постановлениях Конституционного суда России и тех международных документах, которые продолжают действовать для России. Эти стандарты просты и очевидны: выборы должны проводиться в условиях свободной и конкурентной кампании, возможности участников должны быть равны, избиратели могут свободно и публично выражать свое мнение в течение всей кампании, они не сталкиваются с принуждением или давлением, итоги их волеизъявления подсчитаны верно и позволяют установить реальную волю россиян.

7. URL: https://atlas.vyborov.org/articles/71/a-kto-schitat-budet-chast-2-imitaciya-mnogopartijnosti.

8. URL: https://atlas.vyborov.org/articles/109/a-kto-schitat-budet-chasti-3-i-4-kto-kto-v-izbirkome-glavnyj.

9. URL: https://atlas.vyborov.org/articles/89/osobennosti-regionalnoj-konkurencii-2026-itogi-vydvizheniya-i-registracii-kandidatov-i-partijnyh-spiskov-na-regionalnyh-vyborah-20-sentyabrya-2026.

10. URL: https://atlas.vyborov.org/stories/3/vybory-2026-mediamonitoring-teleefira.

11. URL: https://atlas.vyborov.org/stories/2/vybory-2026-mediamonitoring-teleefira.

12. URL: https://atlas.vyborov.org/articles/116/obzor-pervogo-dnya-golosovaniya-18-sentyabrya-2026-specialnaya-elektoralnaya-operaciya.

13. URL: https://atlas.vyborov.org/articles/117/obzor-vtorogo-dnya-golosovaniya-19-sentyabrya-2026-tochechnye-udary.

14. URL: https://atlas.vyborov.org/articles/118/boevye-dejstviya-pod-pokrovom-nochi-chto-proishodilo-mezhdu-vtorym-i-tretim-dnem-golosovaniya-na-izbiratelnyh-uchastkah-po-vsej-strane.

Это предварительная оценка, которая сделана непосредственно после окончания голосования, позднее она будет дополняться и уточняться по мере поступления данных.

Однако уже сейчас можно уверенно называть прошедшие выборы экстраординарными по уровню давления на кандидатов, наблюдателей и, в первую очередь, избирателей, права которых окончательно отступили на задний план перед представлениями о «политической целесообразности» формальных и особенно неформальных организаторов выборов. Задолго до официального старта выборов государственными органами, которые обязаны защищать конституционные права и суверенитет российских граждан, был предпринят комплекс мер, направленных на сознательное и контролируемое ограничение этих прав: политической конкуренции (то есть права быть избранным), содержательной и свободной публичной политической дискуссии, права людей голосовать свободно, без принуждения, руководствуясь лишь своими собственными предпочтениями и в согласии со своей совестью.

Выборы в единый день голосования 2026 года во всех смыслах — уникальное электоральное мероприятие. Никогда парламентские выборы в России не проходили в столь непростых внутри- и внешнеполитических обстоятельствах. Общий милитаризированный фон в стране, чрезвычайные и репрессивные методы управления в политике и экономике не могли не наложить на них свой отпечаток. Фактически выборы 2026 года прошли в режиме **специальной электоральной операции.**

Условия, в которых проходили выборы

1. Меры для того, чтобы нынешняя избирательная кампания прошла в крайне щадящих и благоприятных для власти условиях, предпринимались заранее. Уже к прошлым выборам в 2021 году были приняты основные законодательные поправки, существенно ухудшившие положение с гарантиями избирательных прав: появились многодневное и дистанционное

электронное голосования, электронные списки избирателей, было фактически закрыто от публики видеонаблюдение.

2. Главная же тенденция последних лет — все большее ограничение пассивного избирательного права: у властей появились возможности точечно и оперативно, во внесудебном порядке и без каких-либо реальных обоснований лишать граждан права быть избранными, последствия чего ярко проявились при подготовке к нынешним выборам. Фактически речь идет о произвольном поражении в правах оппозиционных политиков.

3. Драматически схлопнулось пространство для публичной дискуссии. В стране на данный момент заблокированы ведущие иностранные социальные сети и мессенджеры, а также крупнейшие российские независимые и иностранные СМИ. В 2025 году Россия стала мировым лидером[15] по количеству и масштабу отключений интернета. К этому стоит добавить, что в России продолжают действовать эпидемиологические ограничения на проведение массовых мероприятий, введенные в период пандемии COVID.

4. Существенно увеличилась и репрессивность режима: на 14 сентября 2026 года в реестре иностранных лиц Министерства юстиции России содержатся 1262 строки, 893 из них появились после 24 февраля 2022 года. В перечне нежелательных организаций насчитывается 415 строк, 268 из них — после начала военных действий. В 2023 году был арестован и до сих пор находится в тюрьме сопредседатель закрывшегося после этого движения в защиту прав избирателей «Голос» Григорий Мельконьянц, с уголовным преследованием столкнулись известные и популярные в своих регионах представители КПРФ, ЛДПР и «Яблока», на давление жаловались даже видные представители «Единой России», выпавшие из обоймы, но пожелавшие продолжить свою политическую и партийную карьеру.

5. Не менее важен и тот удар, который был нанесен законодателями при полной поддержке (или скорее по инициативе) ЦИК России по возможности общественного контроля за деятельностью избирательных комиссий среднего и ниж-

15. URL: https://www.top10vpn.com/research/cost-of-internet-shutdowns/.

него уровней: был фактически упразднен институт членов комиссий с правом совещательного голоса; права присутствовать на избирательных участках лишены доверенные лица; произошло вмешательство в деятельность редакций СМИ через запрет направлять на избирательные участки внештатных корреспондентов; активно внедрялись максимально непрозрачные формы голосования и подсчета голосов — прежде всего ДЭГ и многодневное голосование.

6. Сложнее стало и вести агитацию. В частности, было запрещено агитировать на заблокированных Роскомнадзором ресурсах, то есть прежде всего в неподконтрольных властям соцсетях. Фактически эта новелла означает признание бессилия власти закрыть доступ к нежелательным для нее ресурсам — иначе не было бы смысла в запрете. Запрет на использование изображений и голосов умерших и вымышленных лиц выглядит как точечное и политически мотивированное противодействие ЛДПР и КПРФ, которые до того активно пользовались изображениями Жириновского и бывших коммунистических вождей — Ленина и Сталина.

7. Было завершено формирование в избирательной системе своего рода электоральной корпорации: замкнутой, непубличной, политически несамостоятельной, зависимой как от федеральных органов (ЦИК России и администрации президента), так и от региональной власти, ангажированной «Единой Россией», критически настроенной к оппозиции. Независимые по закону избирательные комиссии на практике превратились в «департаменты по проведению выборов», практически неотличимые от других подразделений региональных администраций. Все это ярко проявилось в ходе текущей избирательной кампании и в том числе объясняет, почему избиркомы, управляемые своим руководством, легко шли на снятие с выборов партии «Яблоко» и ее кандидатов, кандидатов от КПРФ, демонстрировали особое отношение к другим несогласованным кандидатам. Избиркомы даже активно включились в систему военной цензуры, запрещая размещение агитации кандидатов от партии «Яблоко» с антивоенными лозунгами.

8. В целом произошла консолидация авторитарного режима: непримиримая оппозиция была разгромлена, ее

оставшиеся в живых лидеры, а также независимые спикеры выдавлены из страны или находятся в заключении. Умеренная оппозиция в парламенте прошла многочисленные тесты на лояльность и поучаствовала в поддержке как провоенных действий власти, так и репрессивных, античеловечных законов. Силовики контролируют фактически все сферы общественной жизни, антиэкстремистское, дискриминационное и иноагентское законодательство не оставляет никаких шансов для эффективной публичной критики режима, работает военная цензура.

Ход кампании

1. Учитывая вышесказанное, на старте кампании многим наблюдателям и, вероятно, самим кураторам выборов казалось, что установлен полный и непоколебимый контроль над ситуацией, выборы не могут преподнести никаких сюрпризов. В пользу этого свидетельствовало и заметное сокращение конкуренции как среди партийных списков, так и среди одномандатников на выборах всех уровней, причем уже на стадии выдвижения — большинство потенциально «нежелательных» кандидатов были либо заранее лишены избирательных прав, либо сами не стали выдвигаться. Число политических партий, имевших право участвовать в выборах, за пять лет сократилось в два раза, впервые в новейшей истории выборов Госдумы выдвижение кандидатов и партийных списков по округам произвели только партии, имеющие льготу при регистрации кандидатов, ни одна другая партия даже не пыталась этого сделать.

2. Однако с регистрацией списка «Яблока» ситуация вдруг вышла из-под контроля: началась взрывная политизация избирателей, особенно антивоенных, но не только. За три недели, прошедшие между регистрацией «Яблока» и его снятием, количество реакций и комментариев под постами в соцсетях с упоминанием партии выросло в 80 раз. По этому показателю партия, даже несмотря на отмену регистрации в середине августа, занимала уверенное второе место, уступая лишь «Единой России», а в момент отмены регистрации в несколько раз обгоняла ее. Это сломало изначальный план организаторов

российских выборов, которые рассчитывали, что в условиях социально-политического перенапряжения, которое сейчас испытывает политический режим, выборы должны пройти максимально рутинно, буднично и подконтрольно. Вместо этого, как показывает мониторинг соцсетей, тема произвольного, неправового ограничения политической конкуренции стала самой обсуждаемой среди избирателей. Причем эта живая реакция была замечена в разных сегментах политического спектра. Администраторам выборов пришлось предпринимать срочные и экстраординарные меры, чтобы все-таки достичь изначально поставленной планки поддержки «Единой России» и ее кандидатов.

3. Одним из долгоиграющих и неспрогнозированных последствий не подкрепленной реальными юридическими основаниями отмены регистрации «Яблока» стало то, что она окончательно уничтожила и без того слабую правовую определенность ключевых положений избирательного законодательства: расширительное толкование нарушения правил финансирования предвыборной кампании и нарушения авторских прав, вкупе с несоразмерностью наказания, привело к валу отмен регистраций кандидатов и партийных списков на выборах всех уровней. Отзвук этого решения, скорее всего, будет хорошо слышен на протяжении следующих избирательных кампаний.

4. Одной из особенностей нынешней кампании стало и активное участие в ней президента России Владимира Путина: он выступил в обеих частях съезда «Единой России» (в июне и в августе), встречался с кандидатами партии из первой пятерки списка, посетил в течение кампании восемь регионов и даже записал непосредственно перед стартом голосования обращение к нации с призывом принять участие в выборах. Все это сопровождалось активной провоенной риторикой и широко освещалось в подконтрольных государству СМИ и соцсетях, приводя к радикализации кампании. Типичной для агитации «Единой России» в регионах стала связка «Партия президента, команда губернатора».

5. На фоне общей политизации обывателей во время этих выборов, роста протестных настроений и скрытого недовольства, вызванных очевидно неправосудным и искусственным

ограничением конкуренции, некоторой радикализации КПРФ и «Новых людей», по-видимому, выяснилось, что администраторам выборов уже недостаточно завышенных показателей сверхлояльного голосования, которые традиционно выдают так называемые российские электоральные султанаты — пришлось существенно расширять практику контроля за принудительным голосованием, которое в этом году стало значительно жестче, и географию прямых фальсификаций.

Ход голосования и подсчет голосов

1. За последние годы законодателями при полной поддержке (или скорее по инициативе) ЦИК России был нанесен серьезный удар по возможности общественного контроля за деятельностью избирательных комиссий среднего и нижнего уровней. Этот удар наносился с четырех сторон: был фактически упразднен институт членов комиссий с правом совещательного голоса; права присутствовать на избирательных участках лишены доверенные лица; произошло вмешательство в деятельность редакций СМИ через запрет направлять на избирательные участки внештатных корреспондентов; активно внедрялись максимально непрозрачные формы голосования и подсчета голосов — прежде всего ДЭГ.

2. Усилиями ЦИК России и региональных избиркомов в разных регионах были созданы разные режимы голосования, существенно ослабившие защиту избирательных прав граждан. Так, в 12 регионах (шести так называемых «новых» и шести граничащих с ними «старых») введена возможность для проведения **досрочного голосования**. Речь идет о почти 18 млн избирателей из 111 млн — это почти 16% от списочного состава избирателей. Причем организовано это голосование было таким образом, чтобы никакие лишние наблюдатели не могли проконтролировать его ход: информация о том, где и когда оно будет проводиться, не всегда была доступна.

3. Накануне дня голосования под предлогом защиты от несанкционированного доступа ЦИК России были введены[16] новые **ограничения для видеонаблюдения**. Доступ для кан-

16. URL: https://t.me/detailselections/2030?single.

дидатов стал возможен только из специальных центров, т. е. фактически они были лишены последней возможности самостоятельно организовывать видеонаблюдение, которое, как можно быть уверенным, могло зафиксировать многочисленные нарушения процедур и прямые фальсификации на участках.

4. Были предприняты серьезные меры для борьбы с обычным наблюдением. Мы полагаем, что **снятие кандидатов от партии «Яблоко»** в ряде регионов было вызвано (продиктовано) не политико-электоральными соображениями, т. е. опасениями, что они могут победить своих конкурентов, а стремлением не допустить появления их наблюдателей на избирательных участках. Кроме того, там, где активные наблюдатели все же были, еще до начала голосования возникли проблемы с их допусками к избирательным участкам и к самой процедуре наблюдения, а иногда и просто с давлением. Можно быть уверенным в том, что эти проблемы носят специально организованный, неслучайный характер, поскольку часть из них можно было организовать только при взаимодействии нескольких государственных ведомств: избирательных комиссий, полиции, военкоматов. Уже в первый день голосования с избирательных участков под разными предлогами были удалены около 1,5 тысячи наблюдателей — преимущественно от КПРФ и кандидатов «Яблока», но также и от других участников выборов, в том числе в Алтайском крае, Архангельской, Воронежской, Ленинградской, Тюменской областях, Санкт-Петербурге и Москве.

5. В условиях военного времени добавился еще один способ давления на наблюдателей-мужчин — им стали приходить повестки на посещение военкомата прямо в день голосования. Поскольку это происходило в разных регионах — в Москве, Санкт-Петербурге, Краснодарском крае, Карелии, — то это также подтверждает скоординированный характер такой формы электоральной спецоперации.

6. Существенно выросло административное давление на избирателей, чтобы принудить их к голосованию, причем в этот раз чаще, чем обычно поступали сообщения о прямом указании, за кого голосовать: от избирателей требовали проголосовать именно за «Единую Россию» и ее кандидатов

и подтверждать это фотографиями и скриншотами. Во многих регионах, где проводилось дистанционное электронное голосование, заявление об участии в нем подали 10–15% (а иногда и больше) от общего числа избирателей. Темпы электронного голосования в начале первого дня убедительно показали недобровольный характер такого голосования — к 12 часам дня мск явка в федеральной системе ДЭГ по всей стране уже составила[17] 49%, а к концу дня она достигла 70% (2,8 млн избирателей из 4,0 млн подавших заявление). Схема типична для каждого из 32 регионов: люди начали массово голосовать с самого открытия дня голосования в 8 утра[18], едва придя на свои рабочие места. Это вызвало перегруз системы. Пик активности избирателей во всех регионах приходился на первые 1,5 часа. Из-за этого обе системы ДЭГ (федеральная и московская) в какой-то момент практически перестали работать — в федеральной образовалась очередь из «желающих» проголосовать, а в Москве перестали работать ТЭГи, установленные в помещениях для голосования. Некоторые московские комиссии были вынуждены перейти к бумажному голосованию, хотя в остальное время, судя по информации со многих участков, избиркомы разными способами препятствовали[19] избирателям в получении бумажного бюллетеня. В целом день голосования еще раз показал, что ДЭГ не является ни индивидуальной, ни свободной формой голосования.

7. Отдельного упоминания заслуживает кампания противодействия избирателям, которые желали проголосовать бумажными бюллетенями в Москве. Уже в пятницу и субботу стали появляться сообщения о том, что Мосгоризбирком, а вслед за ним и председатели УИК стали запрещать рядовым членам комиссии и наблюдателям информировать избирателей о такой возможности. Но ситуация особенно накалилась в воскресенье, когда была основная явка оппозиционно настроенных избирателей (провластные по большей части пришли в пятницу): в середине дня, то есть в районе объявленной ча-

17. URL: https://t.me/degcik/2199.
18. URL: https://t.me/nevybory/209.
19. URL: https://t.me/electionschronicle/323.

стью оппозиции акции «Полдень против Путина», избиркомы заявили о том, что у них зависла система с электронными списками избирателей, из-за чего они не могут выдать бумажные бюллетени, так как не могут проверить, не проголосовал ли избиратель ранее. При этом электронное голосование работало без нареканий. В результате призывы части оппозиции приходить на избирательные участки к определенному времени скорее сыграли на руку административным кураторам выборов — они смогли существенно осложнить процесс голосования именно для протестно настроенных граждан.

8. С самого старта голосования начали поступать и свидетельства фальсификаций, в том числе и откровенно сфальсифицированные данные по явке: во многих случаях УИК, находящиеся в одном муниципалитете или даже в целом регионе, показывали практически идентичные данные об активности избирателей. Активно использовалось плохо поддающееся контролю надомное голосование. Согласно сведениям, которые поступили от оппозиционных партий и кандидатов, их наблюдателей и членов УИК, на избирательных участках в разных регионах во время подсчета голосов происходили действия, которые свидетельствуют о недостоверности официальных результатов: наблюдателей массово удаляли или отзывали с избирательных участков перед началом подсчета голосов, оставшимся на участках наблюдателям запрещали приближаться к месту подсчета, на них оказывали психологическое давление. Члены комиссий нарушали процедуру и порядок подсчета голосов, в нарушение закона члены комиссий вели одновременный, непубличный и неконтролируемый подсчет голосов. Сейф-пакеты с бюллетенями имели признаки вскрытия, а акты — признаки подделки, при сортировке обнаруживались бюллетени, сложенные в пачки. При подсчете члены комиссий искажали волю избирателей, количество бюллетеней в ящиках для надомного голосования превышало разумные пределы, комиссии надолго останавливали работу и по телефону ждали согласования результатов у неких «кураторов», отказывали в выдаче копий протоколов, сами протоколы переписывались. В ряде регионов подобные действия комиссий носили массовый, системный характер.

9. Окончательные выводы и оценки давать еще рано. Необходимо дождаться официальных результатов. Их статистический анализ в сопоставлении с данными наблюдателей позволит установить более точную картину как на отдельных участках, так и в масштабе отдельных регионов, а возможно, и страны в целом.

Таким образом, несмотря на изначальное желание кураторов российской внутренней политики превратить текущую избирательную кампанию в скучную и заурядную, она чуть было не превратилась в «переворачивающие выборы». Только ценой экстраординарных административных и силовых усилий удалось удержать ее под административным контролем.

В обществе, похоже, снова возник запрос на обсуждение происходящего в стране и более активное политическое участие. Однако политическая система движется в прямо противоположную сторону — к максимальному ограничению такого разговора, фактически — к ограничению суверенитета граждан.

Похоже, нынешняя избирательная кампания ярко выявила типичную для авторитарных режимов на определенном этапе их развития потерю обратной связи между властью и обществом. Эта потеря связи опасна, причем и для власти, и для обычных граждан, поскольку возрастает риск принятия авантюристских решений, грозящих благополучию, а порой и жизни миллионов человек.

Статья впервые опубликована в «Атласе выборов»: https://atlas.vyborov.org/articles/119/predvaritelnaya-ocenka-vyborov-naznachennyh-na-20-sentyabrya-2026-goda.

DOI: 10.55167/693e5c25b86e

Специальная выборная операция. О пяти ингредиентах новых российских выборов

Александр Баунов

Победить собственного избирателя оказалось проще, чем иностранную армию. Однако в результате такой победы отечественный избиратель начинает чувствовать себя оккупированным.

У процедуры, которая регулярно происходит в России и принимает форму выборов, хотя ими не является, тем не менее есть свои, неэлекторальные смыслы. Это событие нарушает гладкую политическую поверхность автократии и уже этим привлекает внимание.

Признавая за ним эти смыслы, мы совершенно не обязательно признаем за толкуемым событием статус выборов. Химик имеет право, а защитник прав потребителей попросту обязан анализировать состав фальшивого продукта, который потребитель получает под видом настоящего. В нынешней подделке отчетливо различимы пять ингредиентов.

Ингредиент 1. Процедура

Владимир Путин всегда презентовал и по-прежнему презентует себя прежде всего юристом — пускай последнее время правоведа потеснил стратег, склонившийся над военными картами. Если проанализировать путинские речи за четверть века, то одним из самых частотных слов в них окажется «закон»: главное, чтобы все было в соответствии с законом. В процессе строительства диктатуры в России для Путина было важно, чтобы правовая ткань нигде не порвалась и внешние процедуры регулярно соблюдались.

Пунктуальное следование электоральным циклам должно производить успокаивающее впечатление на автократа, чей мандат давно просрочен, а реальный ресурс легитимности ис-

черпан. Само соблюдение процедуры уже создает у диктатора иллюзию законного права на власть. Этой иллюзией он — иногда успешно — пытается делиться с массой подданных.

В нынешнем цикле это процессуальное самовнушение должно генерировать особенно острое переживание собственной правоты: ведь враг в Киеве избегает выборов, а правитель в Москве даже не обсуждает возможность их отмены. Такое процедурное, упаковочное отношение к избирательному процессу помогает игнорировать разницу между выборами в Украине, где действительно в военное время решался бы вопрос о власти, и в России, где этот вопрос закрыт и правитель ничем не рискует.

Путин сравнивает себя с Зеленским. Зеленский во время войны не проводит выборов, следовательно, в этой логике, просрочил свое время пребывания у власти. Путин тоже управляет воюющей страной, но выборы проводит, следовательно, он легитимен, а Зеленский нелегитимен.

В результате к легитимации по процедуре добавляется легитимация по контрасту. Она мало кого обманет среди сторонников демократии, но может произвести впечатление на колеблющихся вроде Трампа или некоторых правителей Глобального Юга, которые тоже считают выборы западного образца обременительной условностью.

Ингредиент 2. Границы

Помимо легитимации по соблюдению сроков и по контрасту, Кремль при помощи этих выборов также в очередной раз пытается узаконить свою власть над захваченными украинскими территориями. Классические захватнические войны выглядят сомнительно даже для Глобального Юга. Здесь примерно все границы придумал свой Ленин в пробковом шлеме, поэтому даже искусственные границы принято соблюдать. Из-за этого тот же директор по Глобальному Югу Лавров беспрестанно повторяет, что Россия воюет не за территории, а за людей, которые захотели жить под российским управлением.

Однако в достоверность референдума в шоковом 2022 году буквально на линии фронта и на руинах домов с могилами жильцов во дворах не очень верят даже в Кремле. Все

чувствуют, что владение этими землями недостаточно обосновано. Поэтому если снова и снова проводить на них голосование — сначала президентское, потом парламентское, — то процедурная база такого владения как бы укрепляется. Раз население оккупированных территорий приходит и голосует сначала за российских президентских кандидатов, а потом — за партии, значит оно признает российскую власть. Так это подается внутри и вне России.

Сопутствующие проблемы остаются прежними. Это зона боевых действий; население территорий изменилось; неясно, сколько там осталось прежних жителей и сколько прибыло новых из России; в прифронтовых и фронтовых регионах голосуют российские военные и сотрудники спецслужб. Не говоря уже о том, что к самому процессу голосования под военной оккупацией доверия еще меньше.

Тем не менее российский режим сам факт голосования в «новых границах» считает способом легитимации этих границ. Эта легитимация не работает вне порочного круга самовнушения и политического самоудовлетворения, которым окружили свое сознание российский диктатор и те, кто в этот круговорот добровольно или по принуждению вовлечен, но помогает понять его логику.

Ингредиент 3. Передел

Когда мы говорим, что выборы не несут российскому режиму угрозы, речь идет об угрозе потери власти. Россия еще — а скорее уже — не переживает ту стадию, когда выборы могут выйти из-под контроля и привести к «демократизации по ошибке». Тем не менее даже имитация выборов может быть опасна для некоторых институций и представителей режима в партиях, государственной прессе (где приходится проводить какие-никакие дебаты), администрации президента и, наконец, ФСБ.

«Справедливой России» пришлось натягивать доли процента до Думы. Иначе получилось бы, что самая воинственная партия не попала в Думу, а «Новые люди» — официально партия нормальности во время войны; некоторые противники СВО в качестве последнего прибежища назначили ее антивоенной, — наоборот, получила бы результат выше ожидаемого.

Похожая ситуация сложилась с регистрацией и снятием партии «Яблоко». Игра с ее допуском и проигрышем была стандартной для мирной автократии, но во время войны ненужные демократы с безобидным словом «мир» и чуть менее безобидным «свобода» оказались востребованы. Партия, от которой ждали поучительного для населения поражения, начала быстро набирать проценты в опросах. Риск для системы оценили как неприемлемый, но, чтобы его купировать, пришлось передать менеджмент избирательной кампанией от традиционной для этого занятия администрации президента к ФСБ — ведь угрозы проходят по ведомству спецслужб.

Среди признаков перехода думской кампании под надзор ФСБ, помимо снятия «Яблока», — более жесткая мобилизация избирателей и влияние на результат, похищение и запугивание кандидата Ольги Кузнецовой в Москве и, наконец, возвращение к победным показателям от более скромных и менее раздражающих. Явка на этих выборах официально объявлена более высокой, чем на прошлых мирных 2021 года (59% против 52%), а «Единая Россия» получила больше голосов (57,8% против 49,8%). После блокировок интернета, топливного кризиса, украинских ударов в глубь России, испуга, связанного с участием в кампании «Яблока», это выглядит малоправдоподобным.

Менеджмент выборов, которым обычно занимался политический блок администрации президента, в большей степени перешел в руки управления по конституционной безопасности. Это всегда был кондоминиум, но раньше он работал по плану администрации президента, а ФСБ страховала. Теперь картина скорее обратная. Очередной актив ушел к силовикам — как до того материальные активы и медийная сфера.

Ингредиент 4. Политическая энергия

Невыборная электоральная процедура в очередной раз оказалась трещиной, куда устремилась политическая энергия. В книге «Конец режима» я описал условный закон ее сохранения, когда политическая энергия не исчезает, а только меняет формы.

В случае нынешнего российского голосования к ней добавилась неизрасходованная политическая энергия поколения,

вошедшего в политический возраст уже в эпоху СВО. Они не застали ни перестройку, ни 90-е, ни более либеральные периоды раннего Путина и Медведева, ни Болотную площадь. Для этой возрастной когорты сбор подписей за Надеждина, поддержка «Яблока» и фрустрация от его исключения из списков — серьезный политический опыт.

Только российская демография не превращает злость молодежи в серьезный вызов для режима. Однако ее хватило для того, чтобы нарушить электоральную игру власти и дать почувствовать неприятный холодок стареющей верхушке. Для старшего политического поколения возникает задача максимально затруднить будущий приход новых поколений к управлению страной, и этой цели должно служить инкорпорирование в правящую верхушку участников СВО.

Ингредиент 5. Элита СВО

Впервые в постсоветской истории в России формируется милитаризованный парламент: десятки депутатов из 450 — участники СВО (поначалу было заявлено о 86 депутатах-свошниках, потом — и это очень симптоматично — число сократили до 53, но даже так это примерно каждый восьмой). Лично Путин и вся верхушка режима продвигают их как новую патриотическую элиту.

Однако этому мешает сразу несколько обстоятельств. Передаче реальных полномочий участникам СВО сопротивляются не только противники войны (у них как раз мало ресурсов), но и устоявшаяся гражданская бюрократия, которая не рвется принимать на равных в свои ряды неотесанных и непредсказуемых носителей «окопной правды». Купируя этот риск, некоторые представители гражданской бюрократии проходят через СВО в форме лайт и возвращаются в качестве участников СВО с карьерными преимуществами.

Есть проблемы и со спросом на новую элиту из числа участников СВО. У обычных граждан его пока не видно. Разговоры о том, что это лучшие люди страны, обычно доносятся из столичных руководящих кругов. Но в деревнях, городках, городах, кварталах, откуда рекрутируются контрактники на войну, о них часто другого мнения.

Там это не абстрактные герои, а очень часто известные многим социальные неудачники, городской и сельский прекариат с небезупречными биографиями. Их знакомые и соседи считают, что те уже получили свое в виде оплаты за участие в боевых действиях и не должны требовать дополнительных социальных привилегий. Согласно опросам «Левады», граждане России считают справедливым платить за участие в боевых действиях деньгами, но нечестным, помимо денег, наделять их еще и привилегиями.

Скептическое отношение к вернувшимся эсвэошникам как новой элите неизбежно будет окрашивать отношение людей к новой Думе. Вместо новой элиты государство может получить в лице вернувшихся с фронта и продвигаемых во власть ветеранов новый раздражитель для общества.

Победить собственного избирателя оказалось проще, чем иностранную армию. Однако в результате такой победы отечественный избиратель начинает чувствовать себя оккупированным.

Статья впервые опубликована на сайте Carnegie Politika: https://carnegieendowment.org/ru/russia-eurasia/politika/2026/09/russia-duma-elections-2026.

DOI: 10.55167/4c3a04041159a

Специальная электоральная фальсификация: что говорят результаты думских выборов о политической ситуации в России

Re: Russia

Предварительные результаты думских выборов от ЦИК демонстрируют, что избирательная вертикаль приложила максимум усилий к выполнению поставленной Кремлем задачи. После того как Владимир Путин фактически объявил выборы голосованием по доверию своей повестке военной эскалации, требуемый от регионов результат голосования был повышен до уровней, близких к формуле 60/60, то есть 60% голосов за «Единую Россию» при явке около 60%.

Между тем анализ итогов голосования «методом Шпилькина» демонстрирует рекордный разрыв между ядром нормального голосования и данными ЦИК. В ядре при явке 28–42% результат «Единой России» оказывается близким к 33%. Это означает, что по России в целом почти 40% голосов (два из каждых пяти), якобы поданных за партию, являются фальсификатом — и это самый высокий уровень фальсификаций за всю историю путинских голосований начиная с 2003 года.

Что касается прочих партий, то анализ Re: Russia показывает, что в кластере протестного московского голосования при 25% голосов за «Единую Россию» коммунисты набирают 30%, а «Новые люди» — 23%. Однако в очищенных от фальсификаций общероссийских данных у КПРФ 25%, у «Новых людей» — 14%, у ЛДПР — 13%, а у «Справедливой России» — 8%. Таким образом, оппозиционность по стране в целом имеет иной, гораздо менее «модернизационный» профиль, чем в столице.

Попытка Кремля превратить думские выборы в демонстрацию тотальной поддержки путинского курса на военную

эскалацию вопреки свидетельствам того, что общественное мнение, наоборот, демобилизовано и хочет завершения войны, удалась формально, но не по сути. Ее номинальный успех потребовал рекордных масштабов фальсификаций. И эта картина грубого продавливания требуемого результата в определенной мере отражает политическую ситуацию в стране: Кремль, и прежде всего сам Путин при поддержке силового блока в своем окружении, настаивает на «жестком курсе» вопреки не только доминирующим в обществе настроениям, но и мнению значительной части гражданской бюрократии. Что проявило себя, в частности, в противостоянии двух кремлевских сценариев проведения нынешних выборов.

Вместе с тем, хотя политический курс Кремля имеет все меньшую поддержку среди населения, инструментарий сопротивления ему крайне ограничен, а несогласие пока не достигает критического накала. Кроме того, как показывает наш анализ, повестки несогласия с «курсом Путина» в Москве и на периферии имеют несколько различные профили, что также будет препятствовать консолидации оппозиционных настроений.

Авторитарный KPI

Как мы и предполагали в нашем разборе избирательной кампании 2026 года (см. Re: Russia: Путин выбрал выбор граждан[1]), после того как Владимир Путин с конца августа решил придать ей мобилизационный характер — использовать голосование в качестве демонстрации поддержки избирателями его курса на эскалацию военных действий, административная машина получила указание обеспечить высокие показатели явки и голосования за «Единую Россию» любой ценой.

Итоги голосования, которые на данный момент мы видим в данных ЦИК, укладываются в логику авторитарного управления электоральными результатами, о которой речь шла в нашем разборе. Еще в начале «избирательной кампании» весной этого года Администрация президента предполагала, что итогом выборов должна стать убедительная победа «Единой России» с ориентировочными результатами 55/55, то есть

1. URL: https://re-russia.net/analytics/0457/.

55% голосов за «Единую Россию» при явке в районе 55%. Этот авторитарный KPI был доведен до сведения региональных администраций.

Однако в июне–июле на фоне ухудшающейся экономической ситуации, нарастающей интенсивности украинских атак по российским НПЗ и складам Wildberries, неверия граждан в «успехи СВО», а также бензинового кризиса социальные настроения резко деградировали, а рейтинги власти заметно снижались[2]. Доля считающих, что события в стране развиваются в правильном направлении, в среднем за первые пять месяцев года составляла 72%, а в летние месяцы упала до 54% (опросы «Левада-центра»[3]). А показатели поддержки «Единой России» в еженедельных замерах ФОМ[4] снизились со средних уровней 42%, которые наблюдались в конце 2025-го и до февраля 2026 года, до 33% в конце лета — начале осени. (Абсолютные цифры здесь, впрочем, не стоит воспринимать буквально: опросная выборка с высокой вероятностью смещена в пользу более лояльной аудитории, а вот сдвиг — снижение показателей, которое происходит в замерах этой выборки, — является значимым изменением.)

Вследствие столь заметного ухудшения настроений избирателей авторитарный KPI — поставленная перед региональными администрациями задача по обеспечению результатов голосования — был снижен Администрацией президента до формулы 45/45, то есть 45% у «Единой России» при явке в районе 45%. В этот момент «аптека» (так, по сведениям «Медузы»[5], в региональных администрациях называют путинскую администрацию) делала акцент на легитимности выборов, что означало установку на умеренный масштаб фальсификаций, чтобы объявленные результаты выглядели для избирателей по крайней мере относительно правдоподобными, а выборы —

2. URL: https://re-russia.net/analytics/0452/.

3. URL: https://www.levada.ru/2026/08/28/reitingi-avgusta-2026-goda/.

4. URL: https://media.fom.ru/fom-bd/d362026.pdf.

5. URL: https://meduza.io/feature/2026/09/21/rekordy-na-vyborah-v-gosdumu-obespechili-ochen-gryazno-zato-eti-tsiferki-budut-v-papke-u-prezidenta.

не слишком скандальными. Однако фактические масштабы фальсификаций и представленные ЦИК почти окончательные результаты демонстрируют, что на последнем этапе кампании в связи с новым политическим содержанием, которое Путин придал голосованию, установка поменялась — и KPI был не только возвращен к первоначальному заданию, но, судя по всему, и повышен до ориентира 55+/55+.

Любопытно, что к этому повороту событий оказалась не готова даже апробированная Кремлем социология. Так, за неделю до голосования прогноз ФОМ[6] почти на 10 процентных пунктов ошибся в оценке доли голосов «Единой России». Он давал ей 47–49% при явке 54%. А прогноз провластного ВЦИОМ[7] ориентируется на промежуточный повышенный KPI 50/50. Особняком стоит опрос ExtremeScan[8], где результат «Единой России» оказывается наиболее близким к нефальсифицированному «ядру» голосования (см. ниже). Ошибки ФОМ и ВЦИОМ свидетельствуют сами по себе, что в среде околокремлевских «планировщиков» выборов новые требования по демонстрации поддержки партии рассматривались как «зашквар», то есть нереалистичные.

Таблица 1. Социологические прогнозы итогов выборов и предварительные официальные результаты ЦИК, %

Источник	Явка	«Единая Россия»	КПРФ	ЛДПР	«Новые люди»	«Справедливая Россия»
ВЦИОМ	51–53	51–53	13–15	9–11	9–11	4–6
ФОМ	54	47–49	14–17	10–12	8–9	6–7
ExtremeScan	—	35,6	23,9	11	16,2	5,9
ЦИК, 22 сентября	59,3	58	13,7	9	7,9	5,1

6. URL: https://fom.ru/Politika/15378.

7. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vybory-v-gosudarstvennuju-dumu-2026-prognoz-ac-vciom.

8. URL: https://extremescan.eu/ru/duma-2026-party-preferences.

Нормальные и аномальные: оценка масштабов фальсификаций

Статистический анализ результатов голосования[9], проведенный аналитиком электоральных данных Петром Жижиным «методом Шпилькина» (эксперта по электоральной статистике, физика Сергея Шпилькина), позволяет приблизительно определить как абсолютные масштабы фальсификаций, так и примерные уровни реального распределения голосов, очищенные от большей части искажений. Напомним, что «метод Шпилькина» заключается в статистическом обнаружении аномального голосования и позволяет обнаружить «вбросы» за партию или кандидата. При реальном голосовании распределение бюллетеней за того или иного участника выборов подчиняется правилам нормального распределения: больше всего участков образуют статистическую моду явки и голосов за конкретную партию, а число участков с повышенными или пониженными показателями явки и голосов убывает по мере отклонения от нее (кривая Гаусса). При вбросах за какую-либо партию или кандидата возникает эффект «хвоста кометы»: явка и доля голосов «за» увеличиваются пропорционально. На протяжении первой половины путинского правления (примерно до выборов 2016 года) фальсификации осуществлялись на ограниченном количестве участков, поэтому на диаграмме рассеяния, где положение каждого участка обозначено точкой, хорошо были видны ядро относительно честного голосования и «хвост кометы» — участки с разными масштабами фальсификаций, от умеренных до беззастенчивых.

Впрочем, уже на президентских выборах 2018 года, голосовании по поправкам к Конституции в 2020-м и на парламентских выборах 2021-го ситуация изменилась. Во-первых, с 2018 года значимым становится фактор административного привода избирателей на участки. Этот эффект отличается от «вброса», поскольку приведенные избиратели все же голосуют по-разному, хотя и с повышенной долей конформистских голосов за инкумбента или «партию власти». Во-вторых, в анализе

9. URL: https://deg.zhizhin.xyz/shpilkin.html.

голосований 2020 и 2021 годов Шпилькин отмечал, что ядро относительно честного голосования становится все более узким и размытым, а «хвост кометы» все более начинает «вертеть собакой», то есть число участков с фальсифицированными результатами (аномальными голосами) превышает число нормальных[10, 11].

Тем не менее на диаграмме рассеяния УИК по явке и результату «Единой России» Жижина–Шпилькина мы наблюдаем несколько скоплений (график 1). Первое располагается в районе явки 28–40+ процентов при голосах, поданных за «Единую Россию», в интервале 28–38% (чуть ниже диапазона 30–40%). Это и есть так называемое ядро — результаты участков без значительных фальсификаций.

Второе скопление наблюдается в диапазоне явки 40–55%, где «Единая Россия» получает 50–60% голосов. Здесь заметно стремление УИК/ТИК превзойти отметку 50% голосов за «Единую Россию» (ровное горизонтальное сгущение). Это второе скопление находится немного выше линии регрессии, то есть голоса за «Единую Россию» прибывают быстрее, чем явка. Можно предположить, что в этом кластере скопились участки, где проходил организованный привод избирателей в первый день голосования. Не слишком квалифицированные сотрудники больших предприятий (в том числе, например, заводов ВПК) охотно голосуют «за власть», но не слишком дисциплинированно ходят на выборы, предпочитая в выходной выборам рыбалку и другие радости досуга. Но если их обязать или организованно отвезти на участки в пятницу, то нужный результат достигается сам собой.

Третий диапазон находится в интервале явки 60–70% при заметном сгущении результата «Единой России» на уровне 65% — это еще один повышенный KPI, который выполняли передовики фальсификаций. Еще два сгущения можно отметить на пересечении явки 85% и результата «Единой России» 70% и пересечении явки и результата «Единой России» в 95%. Здесь

10. URL: https://liberal.ru/wp-content/uploads/2020/08/Novaya_nelegitimnost.pdf.

11. URL: https://liberal.ru/wp-content/uploads/2021/11/kreml-i-golem.pdf.

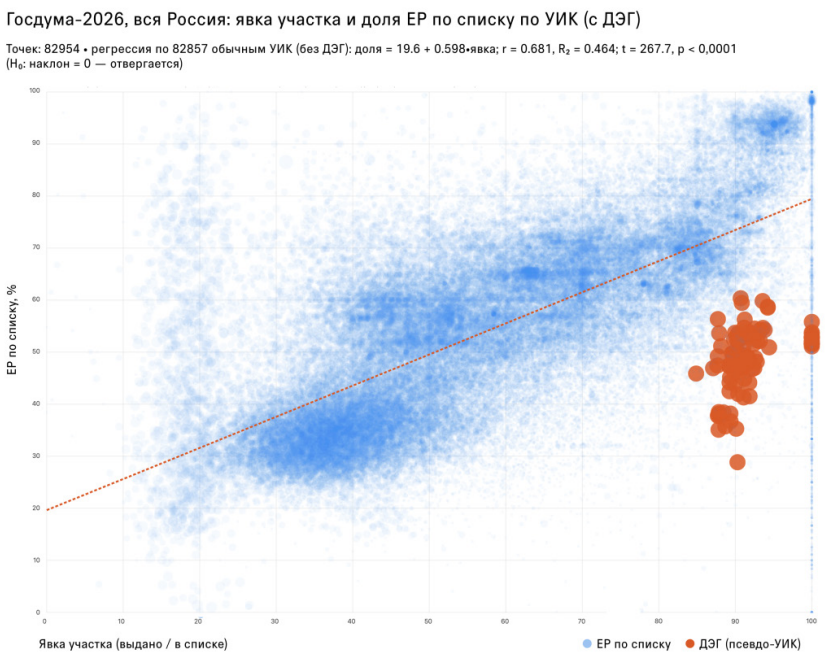

График 1. Явка и голоса за список «Единой России» на выборах 2026 года. Источник: deg.zhizhin.xyz

преимущественно скопились участки из Дагестана и Чечни, но есть также отдельные районы Татарстана и Бурятии, а также Самарской, Воронежской, Тюменской областей (об эффекте «медвежьих углов» российской электоральной географии см.: Рогов: Полторы России[12]). Данная область электоральных фальсификаций лежит выше линии регрессии, что означает, что здесь не только накручивали явку вбросами, но и приписывали «Единой России» голоса, поданные за другие партии, поэтому ее результат «прирастает» быстрее, чем явка. Технически бюллетени здесь, скорее всего, вообще не считались или фактические подсчеты не учитывались, а результаты просто рисовались на уровне ТИК или региона.

Рыжие точки на диаграмме фиксируют результаты ДЭГ, и здесь мы наблюдаем схожую, по сути, картину. Явка в этом

12. URL: https://www.inliberty.ru/article/regime-rogov.

сегменте высока, поскольку считается от зарегистрировавшихся в ДЭГ избирателей. Однако в кластере явки 85–90% список «Единой России» получает от 28 до 38% голосов, как и в бумажном голосовании. Следующий кластер в диапазоне явки 90–95% растянулся вверх по результату «Единой России» от 40 до 55%. Можно предположить, что здесь возможность «вброса» была ограниченной (для этого надо сначала сфальсифицировать регистрацию на ДЭГ), а потому голоса просто подменялись, то есть голос за другую партию приписывался «Единой России» (проверить постфактум, как именно учтен конкретный голос в финальном распределении, ни избиратель, ни даже избирательная комиссия в ДЭГ не может).

В целом метод Шпилькина позволяет оценить долю аномальных голосов за исключением тех, которые были непосредственно подменены (переданы от одной партии другой), и за исключением эффекта административного обеспечения явки. Исторический ряд подобных оценок показывает, что многие СМИ, написавшие, что выборы 2026 года стали рекордными по явке и голосам, поданным за «Единую Россию», ошиблись дважды. Во-первых, рекордные результаты все же были в 2007 году, когда явка и доля голосов за федеральный список «Единой России» составили 63,7 и 64,3% соответственно. Во-вторых, рекорд в 2026 году все же, видимо, был поставлен, но несколько в другом роде. Как видно на графиках 2 и 3, рекордной оказалась в нынешнем голосовании доля фальсификата. По уровню фальсификации явки (36% от всех якобы явившихся избирателей) нынешние выборы чуть-чуть не дотянули до планки 2020 года — голосования по поправкам к Конституции, где фиктивными оказались 37% якобы голосовавших граждан, — но зато они ставят абсолютный рекорд по масштабу фальсификата за провластного кандидата, то есть за «Единую Россию», который составляет почти 40% всех якобы поданных за партию голосов. Иными словами, по меньшей мере два из пяти голосов, учтенных ЦИК как поданные за «Единую Россию», являются фальсификатом.

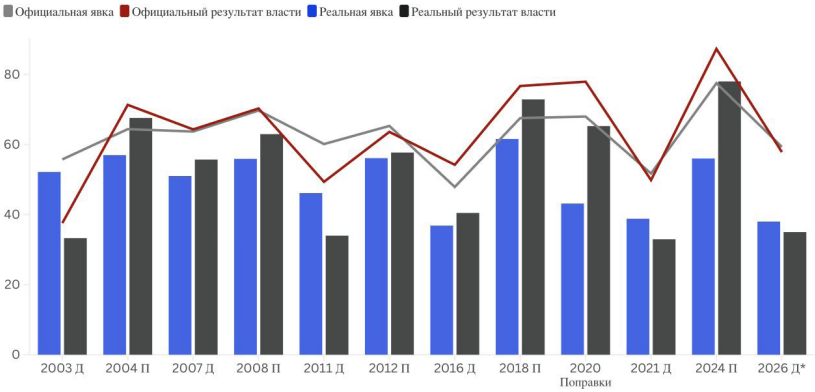

Chart: Re: Russia • Source: ЦИК РФ; расчеты Re: Russia • Д — выборы в Государственные думу; П — президентские выборы. 2026 — предварительные данные.

Made with Flourish • Create a chart

График 2. Официальные и реальные результаты парламентских и президентских выборов и голосования по поправкам к Конституции (метод Шпилькина), 2003–2026, %

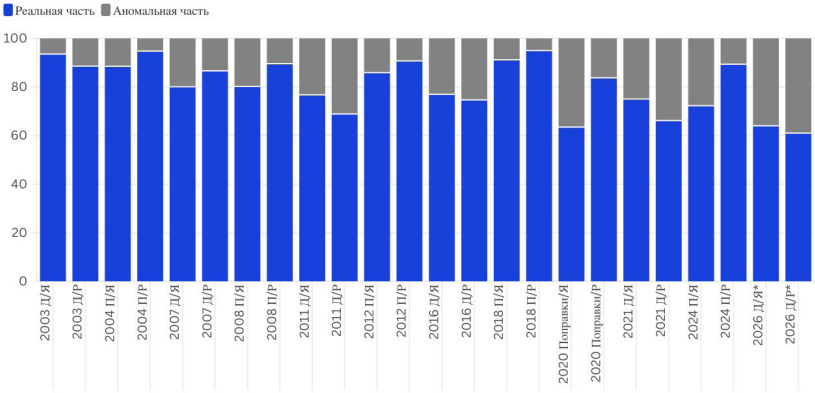

Chart: Re: Russia • Source: ЦИК РФ; расчеты Re: Russia • Д — выборы в Государственные думу; П — президентские выборы; Я — явка; Р — результат. 2026 — предварительные данные.

Made with Flourish • Create a chart

График 3. Доля аномальных и реальных голосов в результатах выборов и голосования по поправкам к Конституции (метод Шпилькина), % от официальных данных

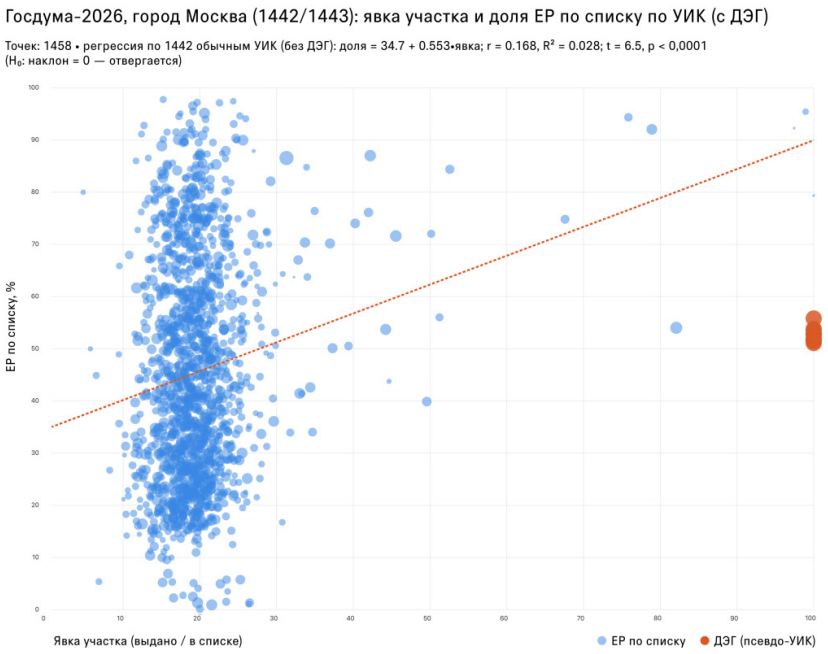

График 4. Результаты «Единой России» в «бумажном» и электронном голосовании в Москве. Источник: deg.zhizhin.xyz

Московский столб и распределения, близкие к нормальным

Наконец, на графике 1 стоит обратить внимание на странный, разреженный «столб» участков на уровне явки от 15 до 20+ процентов, на которых при схожих показателях явки «Единая Россия» получала от 15 до 80% голосов. Здесь преимущественно скопились данные «бумажного» голосования на московских участках. Сверхнизкая явка на них объясняется тем, что в Москве доминировало электронное голосование, которым воспользовались в результате, по данным ЦИК, 3,3 млн человек (79%), в то время как бумажными бюллетенями — только 900 тыс. (21%). Именно последние формируют аномальный московский столб, ранее не встречавшийся в электоральной статистике: голоса «бумажников», поданные за «Единую Россию», варьируются в невиданном и неправдоподобном диапазоне.

Такой разброс выглядит тем более неестественным, что разброс результатов «Единой России» по 16 округам электронного голосования (рыжие точки), наоборот, противоестественно мал (51–56%). Получается, что москвичи, голосовавшие электронно, имеют крайне гомогенные предпочтения, а голосовавшие на участках — диаметрально противоположные в зависимости от места проживания. Эта аномалия требует отдельного анализа, однако предварительные оценки показывают, что среди УИК доля «верхних» участков с 70–80% голосов за «Единую Россию» составляет около 37% в Новомосковском избирательном округе, 26% — в Кунцевском, 17% — в Бабушкинском. Это окраинные районы города с традиционно консервативным, провластным профилем голосования. В то же время в Тушинском, Ховринском и Центральном избирательных округах участки с таким распределением отсутствуют. Напротив, доля УИК «нижнего» кластера, где голоса за «Единую Россию» располагаются в диапазоне 20–30%, достигает 45% в Тушинском, 39% в Медведковском и 35% в Чертановском округах (расчеты Re: Russia по исходным данным Петра Жижина с использованием GPT-5.6 Sol, OpenAI).

При этом разброс остается большим и внутри отдельных избирательных округов, поэтому проблема требует дополнительного исследования. Однако в качестве гипотезы можно предположить, что в верхней части диапазона имели место как организованный привод работников крупных предприятий, так и вбросы и даже передача голосов от других партий «Единой России». (Сам по себе организованный привод избирателей может обеспечить повышенную долю голосов за партию власти на уровне 50–60%, но никак не «кавказский» результат 80–90% голосов.) Наоборот, нижнюю часть диапазона составляют протестные избирательные округа, куда пришли граждане, стремившиеся не отдать своего голоса «Единой России». Всего по бумажным бюллетеням в Москве «Единая Россия» получила 47%, КПРФ — 20%, а «Новые люди» — 14%. При этом в верхнем провластном кластере результаты составили соответственно 75; 8,8 и 4,6%, в то время как в нижнем «протестном» — 25% у «Единой России», 30% — у КПРФ и 23% — у «Новых людей», а у ЛДПР и «Справедливой России» соответственно — 6 и 5%.

Организованное голосование на участках «верхнего кластера», скорее всего, пришлось на пятницу (когда наблюдателей на участках особенно мало), в то время как протестное — на воскресенье. (В последний день голосования, 20 сентября, исследовательская группа ExtremeScan провела общероссийский телефонный экзит-пол[13], который, в частности, показал, что всего в первый день, в пятницу, проголосовали 42% избирателей, при этом среди работников госсектора — 58%, среди наемных работников частного сектора — 35%, а среди предпринимателей и самозанятых — 26%.) Судя по всему, когда избиркомам и ЦИК стало ясно, что воскресное протестное голосование достигает значительных масштабов и «перевешивает» «верхний кластер», а итоговые результаты «Единой России» уходят ниже 50%, на московских участках и прекратили выдачу бумажных бюллетеней[14].

Результаты двух московских голосований обнажают еще один важный вопрос к итогам выборов: как в целом в условиях низких искажений распределялись голоса, отданные не за «Единую Россию», а точнее — против нее? «Нижний» кластер московского «бумажного» волеизъявления демонстрирует нам распределение в зоне протестного голосования, где люди сознательно шли на участки, чтобы отдать свой голос против власти и против войны, не подвергая его риску электронных фальсификаций. Это участники тактического голосования, к которому призывала оппозиция. Результат их усилий отражается в приведенном выше распределении: доля «Единой России» сократилась до четверти поданных голосов, а КПРФ и «Новые люди» вместе получили 53%. А какова картина распределения, не искаженного вбросами и фальсификациями, по России в среднем?

Анализ ядра участков с минимальными аномальными голосами на общероссийской диаграмме (график 1) позволяет увидеть такое усредненное распределение. Мы определили

13. URL: https://extremescan.eu/ru/duma-2026-party-preferences.

14. URL: https://meduza.io/news/2026/09/20/po-vsey-moskve-na-izbiratelnyh-uchastkah-iz-za-sboya-perestali-vydavat-bumazhnye-byulleteni.

«ядро» как набор всех участков, на которых явка укладывается в диапазон 28–42%, а результат «Единой России» — в диапазон 27–38%. В эту выборку попали 7441 УИК, на которых проголосовали 4 млн 71 тыс. избирателей, чье волеизъявление с наиболее высокой вероятностью не было искажено фальсификациями (примерно 6% от официально проголосовавших 63 млн, или 10% от предположительно реально голосовавших 38,5 млн). Среди этих 4 млн граждан «Единая Россия» набрала 33% голосов, КПРФ — 25%, «Новые люди» — 14%, ЛДПР — 12,5%, «Справедливая Россия» — 8%. То есть коммунисты здесь буквально наступают на пятки «Единой России», результат «Новых людей» — гораздо хуже, чем в протестном московском голосовании, а результаты ЛДПР и «Справедливой России» — заметно лучше. Иными словами, хотя «Единая Россия» потеряла здесь 45% приписанных ей ЦИК голосов, антивластное голосование по стране в целом имеет существенно иной и менее «модернизационный» профиль, чем в столице.

Таблица 2. Распределение голосов основных партий на участках с минимальным уровнем фальсификации и в данных ЦИК

Партия	**Голоса**	**Распределение голосов в ядре, %**	**Результаты ЦИК, %**
«Единая Россия»	1 333 975	33	58
КПРФ	999 368	24,5	14
«Новые люди»	564 819	14	8
ЛДПР	506 613	12,5	9
«Справедливая Россия»	327 884	8	5

Источник: ЦИК РФ • Расчеты Re: Russia по исходным данным Петра Жижина с использованием GPT-5.6 Sol, OpenAI

Как видим, больше всего для улучшения результата «Единой России» отняли у коммунистов — свыше 40% их голосов. Впрочем, «Новые люди» в процентном отношении лишились примерно той же доли голосов во благо победы партии власти. Зато повезло ЛДПР: у нее забрали меньше 30% голосов. «Справедливая Россия» не набрала 5% — от нее ТИК и регионы откусывали, чтобы обеспечить KPI по «Единой России». Однако партии «вернули» голоса по указанию из Кремля («Медуза»,

ссылаясь на свои источники, утверждает[15], что решение, кто пройдет в Думу, принимает лично Путин).

Принципиальным с точки зрения Кремля также стало удержание «Новых людей» на четвертом месте, несмотря на то что фактически они обходят ЛДПР во всех более-менее «очищенных» сегментах. Успех партии означал бы возвышение антивоенной повестки: после удаления «Яблока» «Новые люди» воспринимались как наиболее антивоенная партия. Информированные источники Re: Russia говорят, что на умалении их результата яростно настаивали силовики.

Предварительные выводы

Данный анализ итогов состоявшегося голосования, а также масштабов и характера фальсификаций, носит предварительный характер. За его границами остался как внимательный разбор результатов ДЭГ и механизмов их вероятного искажения, так и анализ голосований по одномандатным округам. Здесь результаты ЦИК рисуют практически тотальную победу «Единой России» и согласованных кандидатов и полное поражение списка «Яблока» и объединенных рекомендаций оппозиции — ФБК и Максима Каца.

При всей значимости последней инициативы, по нашей сугубо предварительной оценке, ее электоральный эффект оказался не слишком значительным. Однако скорее в силу слабости и краткости кампании в ее поддержку. На ее месседж откликнулась определенная часть российского электората, размер которой, однако, оказался не столь существенным, чтобы создать серьезные угрозы машине фальсификаций. Несмотря на это, в целом думская кампания 2026 года продемонстрировала, что релоцированная оппозиция способна влиять на политические процессы внутри страны, но нуждается в более сильном и эффективном инструментарии.

Попытка Кремля превратить думские выборы в демонстрацию тотальной поддержки путинского курса на военную

15. URL: https://meduza.io/feature/2026/09/21/rekordy-na-vyborah-v-gosdumu-obespechili-ochen-gryazno-zato-eti-tsiferki-budut-v-papke-u-prezidenta.

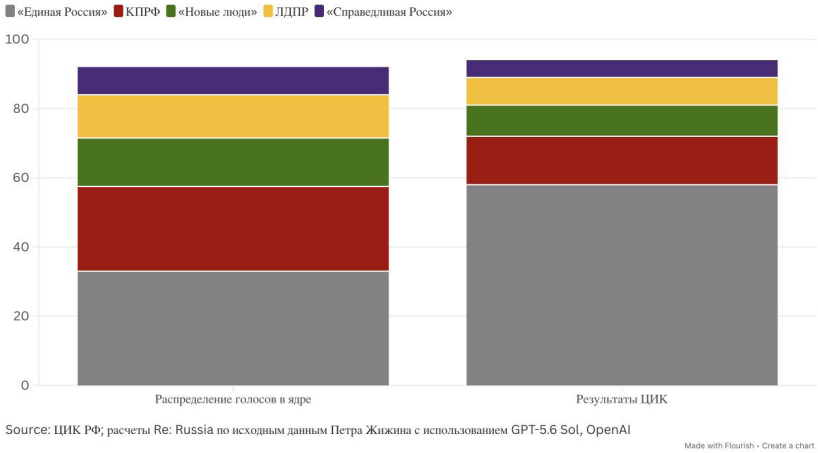

График 5. Распределение голосов основных партий на участках с минимальным уровнем фальсификации и в данных ЦИК, %

эскалацию вопреки множественным свидетельствам того, что общественное мнение, наоборот, демобилизовано и хочет завершения войны, удалась формально, но не по сути. Ее номинальный успех потребовал рекордных масштабов фальсификаций. И эта картина грубого «натягивания» требуемого результата в определенной мере отражает политическую ситуацию в стране в целом: Кремль, и прежде всего сам Путин при поддержке силового блока в своем окружении, настаивает на «жестком курсе» вопреки не только доминирующим в обществе настроениям, но и мнению значительной части гражданской бюрократии. Эта фракция требует результата, не считаясь с имиджевыми издержками. Наши информированные источники подтверждают сделанное Re: Russia предположение, что Вторая служба ФСБ на этих выборах приобрела значительные права в управлении «электоральными процессами», продавливала жесткий сценарий манипулирования результатами голосования и ведет борьбу за влияние с формально отвечающим за выборы заместителем главы Администрации президента Сергеем Кириенко.

Наш анализ также позволяет предположить: при том, что политический курс Кремля имеет все меньшую поддержку

среди населения, инструментарий сопротивления ему крайне ограничен, а несогласие пока не достигает критического накала. Наконец, предварительный углубленный анализ результатов голосования указывает на то, что повестки несогласия с «курсом Путина» в Москве и на периферии могут иметь несколько различающиеся профили, что также будет препятствовать консолидации оппозиционных настроений.

Статья впервые опубликована на сайте Re: Russia: https://re-russia.net/analytics/0458/.

DOI: 10.55167/d61fe5d87764

Российские авторитарные выборы: от гибридного к гегемонистскому паттерну (предварительный анализ выборов 2026)

В. М., В. Н./М.
Независимые исследователи

Журналисты и аналитики, освещающие разные стороны прошедших в России выборов, уже довольно много писали о том, как эти выборы были организованы и как проходило голосование в предпоследние выходные сентября 2026 года. Здесь мы попытаемся оценить электоральный цикл 2026 года с точки зрения вопросов о том, что он нам говорит об общей динамике российской политики, об эволюции российского авторитаризма.

***

Разумеется, выборы в России уже давно не имеют ничего общего с духом демократической процедуры. Это утверждение кажется в высшей степени тривиальным. Но не следует недооценивать силу распространенного убеждения, которое готово рассматривать выборы как неопровержимое свидетельство в пользу демократичности политического уклада. «Электоральное» заблуждение еще не так давно было встроено в теории демократизации[1]. На Западе, в странах, где успешные демократические практики действуют уже так долго, что вытеснили из повседневного опыта понимание авторитарных контекстов, и общественное мнение, и даже некоторые политики по сей день склонны отождествлять любые выборы с демократией. Поэтому исследование электоральных процессов в условиях авторитарной политики является важной практической задачей, помимо своей собственно научной значимости.

1. См., например, *Соколова и Жижин 2026; Выборы в Госдуму-2026*.

Паттерны несоревновательных выборов

Выборы являются основным инструментом массового политического участия в условиях демократической политики. Вместе с тем, как показывает опыт бытования этого института в современной истории, они могут быть объектом манипуляции, уничтожающей существо демократического электорального процесса — его соревновательность. В результате возникают институциональные феномены, которые лишь внешне могут сохранять связь с демократическими практиками становясь в действительности, частью механизмов, обеспечивающих выживание автократий.

Элементы электоральной политики можно обнаружить практически во всех автократиях XX века. Объяснение этого следует искать в том обстоятельстве, что хотя автократы и стремятся ограничивать сферу массового политического участия, но полное уничтожение каких-либо форм связи сообществ с политическим процессом в современных исторических условиях может создать риск утраты всякой легитимности. Поэтому автократы чаще предпочитают трансформировать экосистемы участия, созданные в процессе перехода к массовой политике, таким образом, чтобы они утратили свое демократическое содержание и служили задачам консолидации и выживания систем недемократического типа. Авторитарные руководители побуждаются к такой стратегии различными обстоятельствами. Немного об этом мы скажем позже, а сейчас (для краткости изложения) сразу перейдем к указанию на четыре наиболее значимых паттерна электоральной политики недемократического (несоревновательного) типа, понимание которых представляется значимым для построения аналитической рамки, необходимой для исследования эволюции российского политического режима вообще и российской электоральной политики в особенности. Вот эти паттерны: 1) плебисцитарная политика; 2) тоталитарные выборы (выборы в однопартийных коммунистических системах); 3) выборы в гибридных режимах; 4) выборы в закрытых автократиях.

1) Плебисцитарный паттерн

Этот паттерн электоральной политики действовал в структуре правототалитарных режимов нацистской Германии и фашистской Италии. Формирование таких режимов связано с институциализацией массовых тоталитарных движений определенного типа, поэтому для них было важно поддерживать высокий уровень общественной мобилизации. Вместе с тем открыто антилиберальный характер этих движений не допускал использования инструментов участия, которые уже сложились к этому времени в демократических конституционных системах Западной Европы и Северной Америки.

Особенно интересен в этом отношении случай Италии[2]. Итальянские фашисты позиционировали себя как антиполитическое движение. Они воспринимали политику и демократические выборы как источник общественной вражды и поляризации, как причину национальной слабости и упадка. Поэтому итальянский фашизм формируется как открыто антиэлекторальный режим. После того как они пришли к власти, фашисты целенаправленно уничтожили все выборы — на всех уровнях административного государства, и даже во всех значительных общественных организациях. В 1928 году было изменено избирательное законодательство, и выборы в парламент в 1929 и 1934 годах были проведены в форме плебисцита, в ходе которого избиратели должны были одобрить единый фашистский список (список депутатов, предложенный Высшим советом фашистской партии).

Введение такой практики соответствовало фундаментальному отношению фашизма к тому, как должны быть организованы отношения между нацией и государством. Муссолини принципиально разграничивал принцип плебисцитарного участия и демократическую идею происхождения власти из народного волеизъявления. Голосование не являлось актом сознательного политического волеизъявления отдельных граждан — оно имело ритуальное значение как акт коллективной аккламации, который должен был подтвердить единство тела итальянской нации, направляемой дуче и его партией. Ничего больше.

2. Carothers 2002.

В условиях плебисцита вся «нормальная» экосистема демократических выборов устраняется. Избирательная кампания заменяется коротким, но интенсивным периодом массовой мобилизации в рамках и посредством фашистских организаций. После 1934 года даже такая деинституциализированная форма электоральной политики была устранена из итальянского общественно-политического пространства. Присутствие простых итальянцев на политической арене стало возможно только в форме рутинной мобилизации, идеологического воспитания и дисциплинирования в структуре фашистских организаций и политических ритуалов.

Нацисты в Германии также устраняют всякий институциональный контекст, связанный с демократическими выборами, и заменяют его плебисцитарными практиками[3]. 14 июля 1933 года был принят новый Закон о плебисците. В тот же день принимается закон, запрещающий создание новых политических партий. Рейхстаг к тому времени уже низведен до роли органа, предназначенного только для одобрения решений, принятых нацистским руководством. Между 1933 и 1938 годами в Германии были проведены шесть плебисцитов и плебисцитарных выборов в рейхстаг. Первоначально нацистское руководство планировало использовать плебисцит как наиболее масштабный механизм легитимации режима и политической мобилизации масс. Но уже к 1935–1936 годам становится ясно, что в условиях не полностью консолидированного тоталитарного контроля плебисциты могут давать неоднозначные результаты. Относительная непредсказуемость результатов плебисцитарного голосования и возможность связанных с этим символических потерь приводят к тому, что нацисты постепенно отказываются от всяких форм электоральной политики как средства общественно-политической мобилизации масс. Их заменяют неэлекторальные инструменты, такие как политические фестивали разного рода (партийные съезды, прежде всего) и постановочные речи Гитлера.

Таким образом, главной особенностью этого паттерна является крайне низкий уровень институциализации электо-

3. Jessen and Richter 2012.

ральной сферы, в которой массовое участие сводится к актам политической аккламации с тенденцией размывания мобилизации в неэлекторальных практиках индоктринации и дисциплинирования.

2) Тоталитарные выборы

Другой крайне антилиберальный паттерн сформировался в левототалитарных коммунистических режимах ленинистского типа. В рамках этого паттерна электоральная сфера действует как обширный и высокоинституциализированный сегмент в системе тоталитарного контроля и мобилизации. Вероятно, наиболее значимым фактором, предопределившим масштаб электоральной сферы в ленинистских системах, было то обстоятельство, что большевистская диктатура должна была заимствовать свою легитимность у системы Советов. Большевики были заинтересованы в развитии этой структуры массового участия и представительства, так как видели в ней эффективный инструмент для создания монопольной системы партийно-государственного контроля. Определенную роль сыграло и то, что прогрессистский дискурс, усвоенный из первоначального марксизма, перенес в созданную Лениным русскую революционную идеологию представления о легитимности, созданные классической теорией демократии в XVIII веке. Эти представления были связаны с идеей легитимного правительства как разветвленной структуры органов народного представительства.

Так или иначе, советская, ленинистская модель тоталитаризма в процессе своей консолидации сформировала высокоинституциализированную электоральную сферу и интегрировала ее в свою систему мобилизации и контроля. Выборы играли ключевую роль в легитимации формального механизма формирования государственного аппарата на всех уровнях администрации — от местного до центрального (общесоюзного). В ходе периодически повторявшихся электоральных циклов проводились тысячи избирательных кампаний разного уровня. В организацию выборов были вовлечены огромные массы людей и практически все элементы партийно-государственной машины. Избирательные кампании постепенно превратились

в масштабные политические ритуалы, выполнявшие важные функции, связанные с поддержанием коммунистического режима в стабильном состоянии.

Разумеется, наиболее очевидной задачей выборов было поддержание легитимности режима с позиций прогрессистского культурного дискурса. Также можно указать и на то, что электоральные ритуалы, демонстрирующие образы утопического будущего, были направлены на создание эмоциональной атмосферы политической и идеологической аккламации. Но еще более важной в коммунистической системе была задача создания высокоинституциализированной сферы мобилизованного (контролируемого) участия, которая глубоко проникает в разные уровни коллективной и индивидуальной повседневности через практики массового дисциплинирования и индоктринации.

3) Выборы в гибридных режимах (авторитарные выборы)
Еще один высокоинституциализированный электоральный контекст несоревновательного типа мы находим в так называемых гибридных режимах[4]. Это особый тип автократий, возникший на фоне третьей волны демократизации и описываемый в терминах теорий соревновательного авторитаризма и электорального авторитаризма. Многие из них являются продуктом авторитарной трансформации проектов демократизации, которые появились на посткоммунистическом пространстве в условиях общественной неопределенности, вызванной коллапсом тоталитарных систем[5]. И внутренняя, и особенно внешняя легитимность авторитарных элит, которым удалось мало-помалу преодолеть неопределенность и направить политическую эволюцию сообществ в недемократическом направлении, зависела от формальной преемственности с институциональной экосистемой демократической политики, сложившейся в период попыток демократизации. Поэтому автократы этого поколения выработали сложную стратегию, которая предполагала терпимое отношение к довольно высо-

4. Jessen and Richter 2012.
5. Diamond 2002; Levitsky, Way 2002.

кому уровню общественно-политического плюрализма и политической соревновательности в сочетании с изощренными методами институциональной манипуляции и социокультурной инженерии. Главным объектом этой стратегии стала электоральная сфера и связанные с ней институты[6].

В результате действия авторитарных стратегий такого рода возникает парадоксальный контекст, в котором потенциально значимая политическая конкуренция существует, но ее электоральный эффект нейтрализуется действием практик, задающих «нечестные» правила политической игры. Автократ, не имея возможности широко применять репрессии против гражданского общества и политических активистов, направляет все свои усилия на то, чтобы создать сложную и дорогостоящую машину изощренного электорального манипулирования, которая как бы замыкает опасную, чреватую политическими потрясениями зону общественно-политической соревновательности в контур «мягкого» авторитарного контроля. В структуру этого контура включаются такие элементы, как 1) законодательное манипулирование, изменяющее формальную организацию электоральной экосистемы; 2) ограничение независимой политической и гражданской активности; 3) контроль над средствами массовой коммуникации; 4) контроль над судебной системой; 5) создание политических машин; 6) фальсификация результатов голосования.

Таблица 1. Сравнение несоревновательных паттернов

Функции и характеристики электоральной сферы	Плебисцитарный паттерн	Тоталитарный паттерн	Гибридный паттерн (авторитарные выборы)
Демократическая легитимность	*	**	***
Аккламация	***	**	*
Социальное дисциплинирование	**	***	*
Индоктринация	*	***	*

6. Gandhi and Przeworski 2007; Gandhi 2008; Gandhi and Lust-Okar 2009; Schedler 2002.

Ритуализированный характер	**	***	*
Покупка голосов/патронаж (политические машины)	-	*	***
Принуждение к голосованию	***	***	**
Электоральное насилие	***	*	*
Фальсификации	**	***	***
Законодательные манипуляции	*	*	***
Суды как инструмент электоральных манипуляций	—	—	***
Квазиплюралистичная партийная система	—	*	***
Общественный контроль	—	—	**
Уровень институциализации	низкий	высокий	высокий

*** Фактор имеет ключевое значение; ** фактор имеет существенное значение; * фактор имеет второстепенное или несущественное значение.

4) Выборы в закрытых автократиях

Гибридные режимы представляют собой не очень устойчивые конструкции. При определенных условиях можно ожидать их трансформации в демократическом направлении. Но гораздо чаще они изменяются в направлении противоположном, приобретая черты закрытых автократий, режимов гегемонистского типа. Прежде всего, это означает, что соревновательность даже в ее контролируемой форме должна быть устранена. Вместе с тем современный глобальный контекст устроен таким образом, что даже тогда, когда автократы очевидным образом переходят черту, отделяющую гибридный паттерн от паттерна закрытых режимов, они формально не устраняют электоральную экосистему. Почему так происходит — это вопрос, который заслуживает особого рассмотрения. И здесь мы оставим его для дальнейшего исследования. Так или иначе, вырабатывая механизмы выживания в такой высокоинституциализированной

квазидемократической среде, закрытые автократии вынуждены предусматривать стратегии, направленные на управление общественно-политическими практиками, которые определяются формальной логикой номинально демократических институтов электоральной сферы. Таким образом, они остаются в пределах области несоревновательных выборов, образуя, как нам видится, новый паттерн несоревновательной электоральной политики.

Этот паттерн не следует считать принадлежащим исключительно нашему времени. Нечто похожее, по всей видимости, можно увидеть, обращаясь к истории общественно-политических изменений в новых демократиях, которые возникают в Центральной и Южной Европе в начале XX века. Например, в Польше и Португалии. Но тогда недемократические трансформации, которые следовали за провалом попыток демократизации, гораздо чаще вели либо к паттерну тоталитарных систем, с соответствующим преобразованием электоральной сферы, либо к высокорепрессивным военным диктатурам, в которых электоральная экосистема практически уничтожалась (например, в Испании). В настоящее время авторитарная эволюция гибридных режимов, как правило, связана со сползанием (*дрейфом*) гибридных систем в паттерн закрытых автократий[7], сохраняющих хорошо институциализированный электоральный контекст.

Россия здесь является показательным кейсом. И мы попытаемся увидеть на примере изменений в российской электоральной политике, какими чертами обладает закрытый (гегемонистский) паттерн несоревновательных выборов.

Выборы 2026 и эволюция российской электоральной сферы

Этот текст пишется по горячим следам парламентских выборов 2026 года, которые завершают очередной электоральный цикл в истории постсоветской политики. Формально он был открыт президентскими выборами 2024 года. Но, в определенном смысле, его ход следует отсчитывать от конституционного

7. Way 2016.

референдума 2020 года, недвусмысленно продемонстрировавшего сдвиг в пределы гегемонистского режимного паттерна и показавшего черты нового политического стиля в авторитарном управлении электоральной сферой. Существо этой модели определяется соотношением двух фундаментальных аспектов российской гегемонистской автократии: устранением всякой общественно-политической соревновательности, с одной стороны, и сравнительно высоким уровнем институциализации российского авторитаризма, с другой. Это означает, что те авторитарные практики, которые в условиях гибридного режима составляли контур контроля за пространством соревновательности, заменяются практиками, которые должны изолировать автократа от всякой возможности возобновить социальные и политические пространства такого рода. Разумеется, в контексте этих новых задач пространства электоральной соревновательности составляют предмет особой заботы политического руководства.

Стратегия замены или корректировки практик авторитарного контроля затрагивает все стадии избирательного процесса. Прежде всего, процесс выдвижения кандидатов становится почти полностью изолированным от допускаемых ранее пространств автономного участия. Здесь очень показательно все то, что происходило вокруг партии «Яблоко». Можно предположить, что унаследованное от «гибридного» периода стремление использовать выборы для создания иллюзии соревновательности и поддержания определенного уровня легитимности существующего порядка подтолкнуло политических стратегов из Администрации президента РФ к экспериментам с возможностью допуска списка партии к выборам. Однако это открыло окно в то самое пространство соревновательности, которое в новой режимной конструкции уже не может быть терпимо. Поэтому как на федеральном, так и на местном уровнях и списки «Яблока» (за одним исключением — в Новгородской области), и значительная часть кандидатов в мажоритарных округах были отстранены от участия в выборах. Та же логика изоляции от пространств автономного участия стала причиной отстранения некоторых популярных политических активистов, выдвинутых КПРФ. При этом особенностью кампании

2026 года стало активное использование судов в механизме контроля над процессом выдвижения кандидатов.

В рамках стратегии авторитарного контроля над выборами сохраняется интерес к поддержанию определенного уровня имитационного партийного (политического) плюрализма. Еще для участия в парламентских выборах 2021 года была создана партия-спойлер «Новые люди», которая заняла заметное место в скорректированной с учетом изменившихся условий стратегии манипулирования поведением избирателей. Судя по всему, было принято особое политическое решение, в результате которого партии «Справедливая Россия» было сохранено представительство в Государственной Думе, что, как можно полагать, подтверждает заинтересованность в удержании институциализации этого компонента электорального контроля на определенном уровне. Однако очевидно и то, что тонус организационной активности в этой сфере существенно снижен по сравнению с периодом, который последовал за волной протестов 2011–2012 годов. Та модель политического плюрализма уже носила искусственный характер и создавалась в рамках особых стратегий «гибридного» контроля[8]. В новом электоральном паттерне ее функции пересматриваются и институциональный статус понижается. Свидетельством этого стали показатели представительства «Единой России» во вновь избранной Думе, которые демонстрируют очевидную маргинализацию «системной оппозиции».

По-прежнему и в ходе кампании 2026 года, и в рамках всего электорального цикла активно велась работа по изменению законодательства, затронувшая всю электоральную экосистему. Изменению подверглось партийное законодательство, законодательство, регулирующее гражданский активизм, и собственно электоральное законодательство. Характер законодательных манипуляций свидетельствует о стремлении поддерживать уровень институциализации электоральной сферы на сравнительно высоком уровне, одновременно суще-

8. См. данные V-Dem Institute за последние годы (Democracy Report 2026 и др.).

ственно ограничивая возможности спонтанной общественной активности.

Мы уже говорили о трансформации партийной системы, которая приспосабливает ее к нуждам гегемонистского режима. То же самое происходит и в сфере гражданского общества, значительные сегменты которого прямо связаны с электоральной сферой. Важнейшей частью законодательных манипуляций, подготавливающих события этого цикла, были меры, направленные на создание такого положения дел, в котором практически уничтожены условия для реализации практик общественного контроля за процедурой голосования.

Как отмечают независимые наблюдатели, важной и очень заметной особенностью выборов 2026 года стал существенно возросший уровень электорального насилия[9]. На фоне растущего уровня репрессий по отношению к политическим активистам и гражданскому обществу в целом электоральная сфера стала объектом прямого репрессивного воздействия. Массовому запугиванию подвергались участники движения электоральных наблюдателей. Многие из них в связи с этим вынуждены были отказаться от участия в наблюдении. Запугиванию и полицейскому преследованию подвергались оппозиционные кандидаты («Яблоко») и активисты, принимавшие участие в агитационных кампаниях. Независимые наблюдатели, из числа тех, кто все-таки смог принять участие в наблюдении, рутинным образом становились объектом агрессивного поведения со стороны членов избирательных комиссий, а в ряде случаев — и жертвами прямого и циничного насилия. Жертвами полицейского и судебного произвола становятся даже независимые электоральные аналитики (дело А. Кынева, например).

Принуждение к голосованию, по-видимому, остается на прежнем уровне или несколько усиливается. Прежде всего эта практика затрагивает особо зависимые от административного контроля и лояльные группы избирателей. Можно предположить, что управляемое голосование для этих групп приобретает характер рутинного дисциплинирования.

9. Remington and Reuter, 2009; White, 2011.

Вообще, для нетоталитарных автократий прямое управление электоральным поведением представляет определенную проблему. Отсутствие идеологической основы режимов такого типа устраняет потребность (и возможность) использовать выборы как канал индоктринации и как пространство политических ритуалов, помещающее их участников в область образов утопического будущего (или прошлого). Участие в голосовании не должно выглядеть как побуждение к общественно-политической активности или коммуникации с любым из участников избирательного процесса. Оно должно быть рутинным актом морального подчинения и изъявления лояльности, подкрепляемым вовлеченностью в структуры социального патронажа. Поэтому избирательные кампании проводят в возможно более короткие сроки, сводя их информационно-пропагандистское освещение к минимуму. Именно этот стиль прямого управления электоральным поведением мы наблюдали в ходе завершившегося цикла.

Под влиянием событий конституционного референдума 2020 года высказывалось мнение, что в российских выборах участие в голосовании приобретает характер аккламации, сближая их с плебисцитарным паттерном, о котором мы говорили ранее. Едва ли это справедливо. Разумеется, управление голосованием предполагает принятие подконтрольным избирателем установки на некритическое изъявление лояльности и моральное подчинение авторитарной власти. Но тот уровень квазирелигиозной эмоциональности и связь с более или менее развитой символикой воображаемой реальности, неотделимые от феномена аккламации, не имеют глубоких оснований в задачах и инструментах политического контроля, который действует в гегемонистских системах. Некоторые черты аккламации, действительно, можно было обнаружить в референдуме 2020 года. Помимо этого экстраординарного электорального события, мы можем говорить о несколько более интенсивном характере мобилизации (и даже, если угодно, некотором подобии аккламации) на президентских выборах, где дисциплинирование связано с персонификацией авторитета. Но в целом, как мы полагаем, выборы 2026 года показывают, что социальный контекст управляемого голосования определяется

не столько феноменом аккламации, сколько практиками рутинизированного дисциплинирования и патронажа.

Выборы 2026 года (как и другие события этого цикла) продемонстрировали, что гегемонистские системы не претендуют на глубокий контроль над умами и эмоциями избирателей. Основной инструмент, который позволяет обеспечивать нужные результаты выборов, — это фальсификации. Как показывают данные, полученные с использованием статистических методов обнаружения цифровых следов электорального обмана, на этих выборах уровень фальсификаций приближается к тотальной фабрикации результатов голосования[10]. Такое положение дел характерно для всех событий этого цикла и, как мы полагаем, может рассматриваться как один из индикаторов, обозначающих переход от гибридного паттерна к гегемонистскому.

Фальсификаторы в ходе этого электорального цикла чувствуют себя совершенно комфортно. Изменение процедуры голосования, которое теперь проходит в течение трех дней, и фактическое устранение независимого наблюдения дают простор для бесконтрольного применения всех инструментов электорального мошенничества. Дистанционное электронное голосование (ДЭГ), введенное в этом цикле в широкое употребление, стало инструментом, позволяющим снизить издержки по фальсификации выборов в регионах, где организаторы фальсификаций могли ожидать более высокий уровень общественного сопротивления. Прежде всего в Москве. На этих выборах ДЭГ было настроено таким образом, что исключало всякую возможность проверки, и, в сущности, стало инструментом, который позволяет выравнивать российскую электоральную географию, приближая показатели менее лояльных регионов к уровню регионов с более высоким уровнем электорального контроля.

Подводя итог, мы полагаем, что у нас есть все основания говорить о формировании нового паттерна российской электоральной политики. В электоральной сфере сохраняются все формальные институциональные элементы квазидемократической экосистемы, но теперь они, в отличие от гибридных

10. *Выборы 2026.*

контекстов, уже никак не связаны со сколько-нибудь автономной общественной или политической активностью. Стратегии манипулирования приобретают более репрессивный и открыто фальсификационный характер, затрагивая все компоненты электорального процесса и устраняя из электоральной сферы любые проявления общественно-политической соревновательности.

Таблица 2. Закрытый (гегемонистский) паттерн.

Функции и характеристики электоральной сферы	**Закрытый (гегемонистский) паттерн**
Демократическая легитимность	**
Аккламация	**
Социальное дисциплинирование	**
Индоктринация	*
Ритуализированный характер	**
Покупка голосов/патронаж (политические машины)	**
Принуждение к голосованию	***
Электоральное насилие	**
Фальсификации	***
Законодательные манипуляции	***
Суды как инструмент электоральных манипуляций	***
Квазиплюралистичная партийная система	**
Общественный контроль	*
Уровень институциализации	сравнительно высокий

*** Фактор имеет ключевое значение; ** Фактор имеет существенное значение; * Фактор имеет второстепенное или несущественное значение

Заключение

На протяжении последних лет мы наблюдали переход российского авторитаризма от паттерна гибридного режима к паттерну закрытой или гегемонистской автократии. Эта трансформация вызвала много болезненных и драматичных перемен в положении российского общества. На наиболее глубоком институциональном уровне она связана с уничтожением про-

странств ограниченной соревновательности и изменением стратегий авторитарного контроля в области электоральной политики.

В современном мире электоральные процедуры и связанные с ними институты, которые обеспечивают массовое политическое участие и представительство, являются наиболее фундаментальным основанием политической легитимности. Этот принцип, как показывает исторический опыт, действует почти во всех современных общественных контекстах. Вместе с тем тот же самый исторический опыт с не меньшей убедительностью предлагает и другой вывод — о том, что механизм демократических выборов и связанная с ним институциональная экосистема участия и представительства могут быть легко подвергнуты манипулированию и приспособлены к нуждам авторитарных руководителей. Это порождает феномен несоревновательных выборов. В зависимости от природы недемократических режимов и особенностей исторического контекста несоревновательная электоральная политика оформляется в определенный паттерн. В XX веке тоталитарные диктатуры породили модели плебисцитарных выборов и тоталитарных коммунистических выборов. Уже в конце этого столетия и начале нового XXI века в структуре автократий нового поколения — гибридных режимов — сложился паттерн авторитарных выборов. И вот сейчас мы наблюдаем, как этот паттерн в ходе дальнейшей авторитарной трансформации таких режимов перерождается в паттерн закрытой/гегемонистской электоральной политики.

Анализ завершившихся выборов позволяет, как мы полагаем, предложить аналитическую рамку для исследования электоральной политики в структуре высокоинституциализированных закрытых автократий, являющихся результатом авторитарной эволюции гибридных режимов. Эта попытка носит сугубо предварительный характер. Ее следует рассматривать как первый шаг, который авторы делают в направлении исследовательской программы, имеющей большое научное и практическое значение. Здесь мы ставили задачу определить существо стратегии авторитарного электорального контроля гегемонистского (закрытого) типа. Мы видим его в напряжении

между формальным политическим потенциалом институтов, составляющих квазидемократическую электоральную экосистему, которую в современных условиях сохраняют закрытые режимы, и логикой гегемонистского контроля, требующего изолировать автократа от всех общественных пространств и практик спонтанного политического активизма и соревновательности. Развитие этих положений, поиски способов их эмпирического обоснования и проверки мы рассматриваем как предмет дальнейшей работы.

Литература:

Выборы в Госдуму-2026 — самые грязные парламентские выборы эпохи Путина. «Медуза» доказывает и показывает это на графиках. *Meduza*, 24.09.2026. URL: https://meduza.io/feature/2026/09/24/vybory-v-gosdumu-2026-samye-gryaznye-parlamentskie-vybory-epohi-putina.

Выборы: Трудности, говорите? 2026. URL: https://atlas.vyborov.org/articles/120/vybory-trudnosti-govorite.

Соколова А., Жижин П. Настоящий результат «ЕР», дорисовки за «оппозицию» и скоростные «султанаты» // Новая газета Европа. 24.09.2026.

Carothers Th. The End of the Transition Paradigm // Journal of Democracy. 2002. 13:1.

Diamond L. Thinking about Hybrid Regimes // Journal of Democracy. 2002. 13:2.

Democracy Report 2026. V-Dem Institute. URL: https://www.v-dem.net/documents/75/V-Dem_Institute_Democracy_Report_2026_lowres.pdf.

Gandhi J., Przeworski A. Authoritarian Institutions and the Survival of Autocrats // Comparative Political Studies. 2007. 40:11.

Gandhi J. Political Institutions under Dictatorship. Cambridge University Press, 2008.

Gandhi J., Lust-Okar E. Elections under authoritarianism // Annual Review of Political Science. 2009. 12:1.

Levitsky S., Way L. The Rise of Competitive Authoritarianism // Journal of Democracy. 2002. 13:2.

Remington Th., Reuter O. J. Dominant Party Regimes and the Commitment Problem: The Case of United Russia // Comparative Political Studies. 2009. 42:4.

Schedler A. The Menu of Manipulation // Journal of Democracy. 2002. 13:2.

Jessen R., Richter H. (eds.). Voting for Hitler and Stalin. Campus Verlag, 2012.

Way L. Pluralism by Default: Weak Autocrats and the Rise of Competitive Politics. Johns Hopkins University Press, 2016.

White D. Dominant Party Systems: A Framework for Conceptualizing Opposition Strategies in Russia // Democratization. 2011. 18:3.

DOI: 10.55167/f541cff1829f

Что будет дальше с российскими выборами?

Андрей Бузин
Кандидат юридических наук, профессор Свободного университета

Предисловие

Выборы депутатов Государственной думы, состоявшиеся в сентябре 2026 года, имели все признаки ненастоящих, имитируемых выборов — явления, которое не ново для России, да и во многих других недемократических странах тоже наблюдалось. Новое вырождение выборов после непродолжительного периода их возрождения в конце 1980-х годов происходило постепенно. Начало ему было положено во второй половине 1990-х годов в Москве, примерно в середине 2010-х годов оно стало распространяться на всю Россию, а после «общенародного голосования по одобрению поправок в Конституцию» приобрело лавинообразный характер.

Нынешнее состояние российских выборов — как в законодательной плоскости, так и в правоприменительной — не удовлетворяет ни Конституции страны, ни международным избирательным стандартам, ни совокупности российских законов. Однако в данной статье автор не собирается по пунктам приводить примеры этого несоответствия, а ставит перед собой цель спрогнозировать дальнейшее развитие института выборов в России. Не надо думать, что нынешние выборы представляют собой институт, который уже нельзя ухудшить. Конечно, можно считать, что последней стадией деградации является просто отсутствие выборов, но такого в России без военного положения не произойдет, ибо выборы являются нашей «традиционной ценностью» и «скрепой», совершенно необходимой для имитации «российской суверенной демократии». Последней стадией деградации будет такое состояние, при котором результат выборов *полностью* определяется их организаторами (только не стоит думать, что это — избирательные комиссии).

В этом направлении российские выборы и движутся, причем движение происходит постепенно и достаточно аккуратно, без явного пренебрежения законом, поскольку закон подстраивается под это движение. Организаторы выборов не стоят на месте, они вошли в XXI век с новыми технологиями, с технологиями автоматизации фальсификаций. Мы приближаемся к ситуации, когда наши выборы будут давать *любой* желаемый для их организаторов результат, при этом почти все будет в рамках закона, одобрено избирательными комиссиями, а также отечественными и международными наблюдателями.

Перечислим признаки будущих выборов, которые просматриваются в выборах последних лет. Некоторые из этих признаков будут перенесены в будущее без изменений, некоторые находятся еще на начальной стадии разработки, некоторые будут постепенно отмирать.

«Единый блок коммунистов и беспартийных», или выбор «между шилом и мылом»

Многочисленные примеры грубых нарушений в дни голосования представляются большинству граждан главным показателем дефектности российских выборов. Это не так: главным показателем является то, что избирательный бюллетень совершенно не представляет политического спектра общества. Даже в случае правильного подсчета голосов такие выборы не будут реализовывать ту функцию, которая им предназначена: они не будут служить согласованию общественных интересов, реализовывать народное представительство, не будут «выражением власти народа» (как про выборы сказано в Конституции РФ).

Наличие в бюллетене нескольких строк еще не означает выбора. Неединственность выбора является особой гордостью нынешней власти, поскольку она отличает современные российские выборы от советских. Но будем честны: все допущенные до бюллетеня партии придерживаются одинаковых взглядов в главном сейчас политическом вопросе об отношении к войне. Администрация президента, допустив сначала до бюллетеня антивоенную партию, поняла, что превратила выборы в конкурентные, и использовала свой суд для исправления этой ситуации.

Наличие нескольких партий в недемократической стране не является изобретением российских властей. Мы видели многопартийность и в ГДР, и в социалистической Польше, и в Узбекистане, и в Никарагуа, и в образцовой Северной Корее.

Фиктивная многопартийность, так же, впрочем, как и наличие фиктивных кандидатов при мажоритарных выборах (прекрасным примером последнего являются выборы главы Чеченской Республики, где два конкурента Кадырова набрали по 0,05%), является важным политтехнологическим инструментом, позволяющим создавать у избирателей впечатление альтернативности выборов. Более того, она позволяет увеличить явку, что является аргументом в пользу легитимности выборов. Кроме того, используя административные преимущества — информационные и управленческие, — а также влияние на фиктивные партии, действующая власть может управлять ходом избирательной кампании, добиваясь нужного результата для фиктивных партий.

Квазимногопартийность целенаправленно поддерживается действующей властью. На прошедших выборах электоральная статистика показала интересный эффект, когда в последние часы голосования неожиданно резко стал расти результат той партии, которая все время до этого не дотягивала до заградительного барьера в 5%[1].

Еще одной формой поддержки многопартийности являются так называемые договорные округа, которые главный организатор выборов (Администрация президента или, на региональных выборах, региональная администрация) умышленно оставляет «оппозиционным» кандидатам. Это распространенное явление на выборах 2026 года было использовано менее широко, чем на предыдущих (по оценкам политологов, на этих выборах было только 16 договорных округов).

Таким образом, управление российскими выборами предусматривает обязательное наличие квазиоппозицион-

1. URL: https://telegra.ph/Sfalsificirovannye-dvazhdy-itogi-dumskih-vyborov-v-Akademicheskom-rajone-09-23 или https://ru.themoscowtimes.com/2026/09/21/spravedlivoi-rossii-videlili-mesto-vdume-naposlednem-etape-raspredeleniya-golosov-vtsik-a206566.

ного меньшинства в законодательных/представительных органах, но такого, чтобы оно не сильно мешало провластному большинству. И внедрение новых партий/людей, и сохранение «партийной конфигурации» вполне вписываются в модель существующего административного управления выборами. Такая многопартийность и электоральная конкуренция, вероятно, будут поддерживаться и в дальнейшем.

Агитационное информирование

Реально конкурирующие участники выборов проводят в период избирательной кампании активную агитацию. Они критически оценивают политику действующей власти и рассказывают о своих программах. Этого, естественно, не будет при отсутствии реальной конкуренции. В области агитации будет то, что мы видели на выборах 2026 года.

Возможно, немного изменится ситуация с так называемыми дебатами. На этих выборах даже организаторы были смущены ситуацией с дебатами, которые были не только вялыми, но в некоторых случаях просто не состоялись из-за неявки оппонентов. Такая ситуация вполне объяснима тем, что ранее инкумбенты во главе с самим президентом игнорировали дебаты. Пример заразителен, но быкам, в отличие от Юпитеров, такое в дальнейшем делать не позволят. Сверху уже раздался упрек[2]. Дебаты либо отменят, либо усилят спорами между квазиоппозиционерами о том, кто лучше.

Естественно, пропадут случаи незаконной цензуры агитационных материалов[3], поскольку цензурировать будет некого.

Но, конечно, главной отличительной чертой агитационного периода будет массированная агитация под видом информирования. Все средства массовой информации ежедневно будут рассказывать о достижениях власти, привязывая их к соответствующему претенденту. Такое информирование бу-

2. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8953969.

3. URL: https://atlas.vyborov.org/articles/112/predvybornaya-agitaciya-i-administrativnaya-mobilizaciya-izbiratelej-na-vyborah-v-edinyj-den-golosovaniya-20-sentyabrya-2026-goda#h2-5.

дет и вне периода избирательной кампании, но относительно кандидатов по мажоритарным округам оно будет усиливаться за несколько месяцев до ее начала.

Подобная манера ведения агитации — массированное информирование — наблюдается очень давно. Пионером такой технологии стала, по-видимому, еще администрация Лужкова в конце 1990-х. Тогда эта администрация создала московскую «империю лужковских СМИ» с тиражом по одному экземпляру на каждого избирателя. В начале 2000-х администрация Путина постепенно установила контроль над общефедеральными СМИ, сделав акцент на телевидении (подсказкой были технологии, примененные на выборах 1999 года).

Технология «агитация под видом информирования» приобрела широкий размах в 2010-х годах и позже. Ассоциация «Голос» и движение «Голос» осуществляли мониторинг СМИ на всех федеральных выборах, в том числе и на выборах 2026 года. Результаты всегда были единообразны: инкумбенты всегда получали вдвое больше положительных упоминаний по сравнению со своими конкурентами.

При этом оспорить неравный доступ к СМИ было невозможно, хотя такие попытки делались неоднократно. Причина очень проста: квалифицировать материалы как агитационные могут либо избирательная комиссия, либо суд, а они считали эти материалы информационными.

Избирательное законодательство России предусматривает равный доступ кандидатов к СМИ. Эти нормы достаточно лукавы. Есть нормы о предоставлении бесплатной печатной площади и бесплатного эфирного времени. И эти нормы соблюдаются, хотя и не всегда. Однако объемы бесплатно предоставляемого медийного пространства крайне малы по сравнению с объемами других агитационно-информационных материалов. Есть нормы об обязанности СМИ (за исключением партийных) предоставлять «равные возможности» для размещения платных материалов. Но эти нормы «компенсируются» преобладанием квазиинформационных агитационных материалов в подавляющем большинстве подконтрольных администрации СМИ. КПРФ неоднократно обжаловала «неравный доступ к СМИ», не учитывая того простого факта, что этот неравный

доступ является следствием слишком сильной зависимости бизнеса от государства.

Не надо, однако, думать, что информагитация будет только для инкумбента. Конкурентам отмеряют ровно такой процент, какой будет назначен при распределении голосов, так же, как это делается и сейчас.

Регулирование агитации в современной редакции нашего избирательного законодательства не просто избыточно. Оно носит конъюнктурный характер: закон подстроен под нужды действующей власти. Например, введенная в 2005 году норма о возможности отмены регистрации за нарушение законодательства об интеллектуальной собственности успешно применяется против «нежелательных» претендентов и безуспешно — в остальных случаях. А что стоит запрет критики своих конкурентов по телевизору! Прекрасным примером является «подстройка» закона в 2026 году: запрет на использование изображений умерших людей (направленный в первую очередь против КПРФ) и возвращение разрешения использовать изображения живого президента (запрет использовать изображения физических лиц, кроме изображений кандидатов, был введен в 2016 году и направлен в первую очередь против использования изображений еще живого Алексея Навального).

Наше законодательство предусматривает так называемые информационные материалы, издаваемые избирательными комиссиями. Эти информационные материалы столь же содержательны, сколь были содержательны советские плакаты о «нерушимом блоке коммунистов и беспартийных». Программные заявления кандидатов в них были запрещены еще в 2002 году.

Зато особой гордостью Эллы Александровны Памфиловой на этих выборах была акция «ИнформУИК», которая предусматривала обход избирателей перед голосованием. Это уже совсем похоже на акции агитаторов в советское время. Несомненно, этот способ то ли информирования, то ли агитации, то ли «мягкого предупреждения» будет развиваться и в дальнейшем.

Итак, в агитации нас ждет не очень забытое советское время.

Управление статистикой

В советские времена итоги голосования публиковались только по республикам, причем они мало отличались. По Союзу явка и доля голосов за «нерушимый блок коммунистов и беспартийных» составляли 99,99%, в Прибалтике случались возмутительные отклонения до 99,98%. Закон 2002 года потребовал публикации данных протоколов всех участковых комиссий. Открылись чудесные возможности для исследования электоральной статистики. А электоральная статистика как часть науки статистики подчиняется закономерностям, которые, как известно, не подчиняются ни КПСС, ни «Единой России», ни — страшно сказать — Администрации президента. Например, явка в 99,99% с научной точки зрения является нонсенсом.

Когда стали доступны протоколы участковых комиссий, стало возможным строить распределения этих комиссий по разным электоральным показателям — явке, досрочному и надомному голосованию, недействительным бюллетеням, голосам кандидатов. Это позволило строить модели голосования и выдвигать гипотезы о наличии или отсутствии фальсификаций. Дело в том, что при некоторых условиях можно ожидать определенные типы распределения участковых (или территориальных) комиссий по электоральным показателям. И, пожалуй, еще более важно — наблюдать эволюцию этих распределений.

И эта эволюция начиная с 2004 года стала показывать удивительные и не поддающиеся естественному объяснению результаты. В 2007, 2008 и 2011 годах она намекала на то, что в России состоялись массовые фальсификации голосования. В 2012 году фальсификаций стало чуть меньше, но затем они опять начали постоянно расти.

Эти исследования очень не нравились организаторам выборов. И ЦИК РФ под номинальным управлением Эллы Александровны Памфиловой стала постепенно закрывать информацию. Не то чтобы ЦИК закрыла ее окончательно, но она стал всячески препятствовать доступу к протоколам участковых избирательных комиссий. Сначала ввели капчу (предварительную проверку входа), потом проверку по IP, затем зашифрова-

ли сами числа в протоколах[4]. Было видно, как организаторам выборов, обязанным по закону работать открыто и гласно, хочется усложнить доступ к информации. Сейчас идет следующий этап сокрытия информации: результаты дистанционного электронного голосования публикуются укрупненными порциями, а в Москве совмещаются с результатами терминалов электронного голосования. Заметно также затягивание публикации итогов голосования.

Как бы ЦИК РФ ни выкладывала в интернет итоги голосования по избирательным участкам, умения программистов ЦИК (или кто там за них работает) не превзойдут умения российского народа. Народные умельцы обойдут и капчу, и шифрование, и другие ухищрения по циковскому «расширению открытости и гласности выборов». Существует, однако, два пути для того, чтобы сделать данные протоколов участковых избирательных комиссий недоступными.

Первый — вообще отказаться от их публикации. Начало положено: на прошлых федеральных выборах не были опубликованы данные по «новым территориям», а на этих итоговый протокол ЦИК опубликовала, не раскрыв итоги по нескольким тысячам избирательных участков.

Второй путь — перевести большинство избирателей на дистанционное электронное голосование. Там и данные по избирательным участкам исчезают, и явка становится вполне советской (см. последний раздел этой статьи).

Эти две перспективы «лучших в мире выборов» (кстати, СССР тоже заявлял, что наши выборы — лучшие в мире) вполне реальны.

Общественный контроль

Общественный контроль в России был развит существенно больше, чем во многих других странах. Нетрудно догадаться, что это связано с недоверием граждан к избирательным комиссиям. И нетрудно догадаться, что это недоверие возникло не на пустом месте. Опыт выборов с середины 1990-х годов подсказы-

4. URL: https://www.facebook.com/roman.udot/posts/pfbidoHrHqYySs7q91URw66BWB5k7yGEb4LReYxd2ho8jEKZuGFBTJegeu41XN18HXiT8Al.

вал участникам выборов, а также неравнодушным гражданам, что государство, обязанное честно проводить выборы руками членов избирательных комиссий, порой этими руками искажает волеизъявление избирателей. Желание участвовать в общественном контроле за работой участковых избирательных комиссий накапливалось постепенно. Сначала таким контролем занимались в основном участники выборов — партии и кандидаты, но постепенно нарождались сугубо правозащитные организации общественного контроля.

При этом законодательство предоставляло достаточно средств для реализации такого контроля. Хотя плохо прописанный статус наблюдателя (от производственных коллективов) существовал еще в советском законе, реальную и эффективную регламентацию общественного наблюдения на выборах дало новое избирательное законодательство, начинавшееся с указов президента 1993–1994 годов и закрепленное затем в законах. Появились полномочия наблюдателя, появился важнейший статус членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса, появились контрольные полномочия у кандидатов, их доверенных и уполномоченных лиц, у представителей СМИ.

Непартийное наблюдательское движение существовало начиная с выборов 1999 года, и вплоть до 2005 года законодательство позволяло направлять на участки наблюдателей от общественных объединений. Кстати, уже тогда администрация делала попытки противопоставить таким общественным объединениям так называемые GONGO (government-organized non-governmental organizations) — псевдообщественные организации, субсидируемые государством.

Бурный рост общественного наблюдательского движения случился в 2011 году, на очередных выборах депутатов Госдумы, и был во многом связан с возникновением центра политической концентрации вокруг Алексея Навального. Впрочем, немалую роль в этом росте сыграли самостоятельно возникшие по всей стране наблюдательские организации, а также Ассоциация «Голос», накопившая к тому времени большой методический опыт общественного контроля. С тех пор в законодательство стали вводить поправки, которые постепенно затрудняли общественный контроль.

Сначала был затруднен доступ на избирательные участки представителей СМИ: потребовалась предварительная аккредитация и наличие у журналистов постоянных договоров со СМИ. Затем было введено ограничение на количество наблюдателей на избирательном участке от одного субъекта назначения, отменена возможность назначения одного и того же наблюдателя более чем на один участок, введено требование о предварительном представлении списков наблюдателей. От наблюдателей потребовали, чтобы они не были иностранными агентами и экстремистами и проживали в том субъекте Федерации, где они наблюдают. Были введены дополнительные ограничения по перемещению наблюдателей в помещении для голосования, а также на фото- и видеосъемку. Серьезным ударом по общественному контролю стали отмена статуса члена избирательной комиссии с правом совещательного голоса, а также прекращение полномочий доверенных лиц перед днем голосования.

Одновременно с борьбой против общественного наблюдения ширились мероприятия по имитации наблюдательского движения. В 2018 году в законодательство были введены нормы, позволявшие направлять наблюдателей от так называемых общественных палат. С тех пор отчетное число наблюдателей резко пошло вверх. Новое наблюдательское движение существенно отличалось от того, которое ранее сформировалось как непартийное правозащитное. Оно курировалось сверху и было направлено на то, чтобы заявлять об отсутствии нарушений. Зачастую эти наблюдатели рекрутировались из учащихся вузов и училищ за определенные льготы или даже мзду. Методические материалы этого движения («Золотой стандарт наблюдателя») свидетельствуют о полной профанации наблюдения.

Тем не менее отчетное число наблюдателей на российских выборах стали особой гордостью Памфиловой. На выборах 2026 года она отчиталась о наличии 336 702 наблюдателей, даже не подозревая, что такую массовость можно интерпретировать как недоверие к ее системе избирательных комиссий. Многочисленные (в количестве 113 450 человек) наблюдатели от общественных палат подтвердили «чистоту» прошедших выборов. Тем временем многие наблюдатели от КПРФ и немно-

гие наблюдатели от «Яблока» поделились своими впечатлениями о нарушениях при голосовании и подсчете голосов[5].

Удаление наблюдателей с избирательных участков не является новацией российских выборов. Оно было распространено уже в начале 2000-х годов: например, известны случаи массового удаления наблюдателей с участков в Москве в 2005 году. Важно отметить, что незаконное удаление наблюдателей не влекло за собой никаких последствий, поэтому у организаторов выборов постепенно вырабатывался рефлекс безнаказанности. Массовое удаление наблюдателей временно прекратилось после неожиданного введения в закон нормы о том, что удаление возможно только по решению суда. На выборах 2026 года мы опять видели недопуск и удаление наблюдателей от «нежелательных» кандидатов. Также наблюдались случаи удаления членов комиссии с правом решающего голоса.

Международное наблюдение на выборах 2026 года ограничилось приглашением наблюдателей из «дружественных» стран, а также нескольких наблюдателей с низкой квалификацией, которые, естественно, одобрили все аспекты российских выборов. Как и на предыдущих выборах, не были приглашены электоральные специалисты из Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) ОБСЕ.

Можно констатировать, что институт общественного, непартийного наблюдения был удушен вместе с выборами и заменен рекламным муляжом. Такая ситуация будет предположительно и на следующих выборах.

Отдельно стоит сказать об общественном контроле, который можно было бы осуществлять с использованием видеокамер. Впервые видеокамеры на участках были массово размещены в 2012 году. Поскольку доступ к видеозаписям тогда имели все граждане, постольку просмотр видеозаписей произвел эффект разорвавшейся бомбы: в интернете появились записи, которые позволили говорить о совершавшихся в день голосования и при подсчете преступлениях. Это шокировало организаторов выборов (хотя и не имело юридических послед-

5. URL: https://v2026.org/reports-preview.

ствий), и видеокамеры после этого практически не применялись до 2016 года.

Возвращение видеокамер в 2016 году преподносилось как очередной прорыв в открытости и гласности наших выборов, но сопровождалось законодательным усложнением доступа к видеозаписям. К настоящему времени видеозаписи доступны (и то — в ограниченном формате) только партиям из избирательного бюллетеня и недоступны для граждан. Видеонаблюдение фактически ограничено просмотром онлайн-трансляции в определенных местах, что представляет собой профанацию, поскольку слежение за мелькающими на экране телодвижениями не является эффективным способом наблюдения. Широко рекламированные установленные в участковых и территориальных комиссиях видеокамер умышленно не используются в том объеме, который возможен для эффективного общественного контроля.

Видеокамеры на будущих российских выборах, по-видимому, останутся: у нас ведь самые передовые выборы в мире. Заодно их можно будет использовать для вычисления тех избирателей, которые сопротивляются повышению явки и внедрению ДЭГ.

Новые избирательные технологии (трехдневка, досрочка вне помещений, сейф-пакеты и пр.)

Под покровом коронавируса и всенародного одобрения поправок к Конституции в избирательное законодательство было введено несколько технологических новаций — трехдневное голосование, досрочное голосование вне помещения, голосование вне помещения в местах, приспособленных для голосования (получившее в народе название «голосование на пеньках»), выездное голосование в местах, с которыми затруднено транспортное сообщение (так называемые дополнительные формы голосования). Все эти технологии благополучно перешли в избирательное законодательство и практику.

Сохранятся ли эти технологии в будущем? Как показали выборы 2026 года, они оказались удобными не только для избирателей, но и для фальсификаторов. Поэтому, скорее всего, перечисленные технологии в основном сохранятся.

Особенно эффективным для повышения явки оказалось досрочное голосование вне помещения для голосования. Этот способ голосования до выборов 2026 года применялся в исключительных случаях — в отдаленных местностях, таких как пастбища и полярные станции. Теперь же он получил распространение на территориях с военным положением и на приграничных территориях. Благодаря этому наибольшая из трех дней голосования явка наблюдалась после первого дня голосования (около 30%), во второй день голосования явка повысилась примерно на 15%, а в третий — примерно на 16%. При этом такой способ голосования не подчиняется обычным правилам голосования вне помещения и досрочного голосования. Общественный контроль такого голосования затруднен, а хранение бюллетеней в сейф-пакетах после такого голосования вызывает нарекания.

Трехдневное голосование, введенное под предлогом гигиенических мер, действительно увеличивает явку. Впрочем, у него есть определенный недостаток, связанный с увеличенной нагрузкой на участковые избирательные комиссии, и это может подвигнуть законодателей отказаться от него в случае, если будет достаточно отработана технология фальсификации с помощью ДЭГ. (Формирование участковых комиссий является «головной болью» местных администраций. Они сопротивляются увеличению нагрузки, но обязаны подчиняться приказам свыше.)

Досрочное голосование вне помещения для голосования будет и дальше применяться в том случае, если на части территории России будет существовать военное положение. Также будут использоваться и другие «дополнительные формы голосования».

В настоящее время законодательство строго регламентирует порядок хранения бюллетеней в периоды между днями голосования. При наличии добросовестных наблюдателей можно было бы надеяться, что бюллетени в сейф-пакетах не будут подменены. Однако на выборах 2026 года появились убедительные свидетельства ночных махинаций с сейф-пакетами. Да и сейф-пакеты оказались не столь надежными средствами

хранения, как это предполагалось[6]. Тем не менее организаторы выборов безапелляционно заявляют о надежности «ночного» способа хранения бюллетеней.

На будущих выборах упомянутые в этом разделе технологические новации сохранятся, хотя их использование вряд ли будет существенно расширяться.

Прямые фальсификации

Прямые фальсификации — это нарушение правил голосования, неправильный подсчет голосов и составление протоколов об итогах голосования, не соответствующих подсчету голосов. Прямые фальсификации чаще всего являются предметом критики российских выборов. Этот факт связан не с тем, что прямые фальсификации являются главным способом фальсификации выборов, а с тем, что они могут быть однозначно интерпретированы. Трудно спорить с официальной, сделанной с помощью государственных видеокамер видеозаписью, на которой видно, как члены избирательной комиссии ночью вскрывают сейф-пакеты (случай 2026 года в Краснодарском крае). Памфилова даже признала два случая вброса бюллетеней на выборах 2026 года, хотя это признание для исследователей российских выборов говорит скорее о том, что таких случаев было много.

Прямые фальсификации — неэффективный, дедовский способ фальсификаций. Он требует организационных и финансовых затрат (например, при организации «каруселей»), отсутствия скромности и наличия смелости у членов участковых комиссий, осуществляющих прямой вброс бюллетеней в избирательный ящик, бесчестности и наглости у тех, кто неправильно составляет или переписывает протоколы об итогах голосования. Прямые фальсификации опасны тем, что они осуществляются людьми и в присутствии людей, которые являются свидетелями преступления.

6. См.: Подлазов А. В., Макаров В. Двойное доказательство фальсификаций на выборах статистикой и криминалистикой // Электоральная политика. 2025. № 2 (14). С. 4. URL: https://electoralpolitics.org/ru/articles/dvoinoe-dokazatelstvo-falsifikatsii-na-vyborakh-statistikoi-i-kriminalistikoi/.

Реализация прямых фальсификаций требует абсолютной терпимости к этому преступлению (Уголовный кодекс, ст. 142, 142.1, 142.2). Такая абсолютная терпимость действительно существует как «традиционная ценность» в некоторых «электоральных султанатах» и во многих случаях специально культивируется с помощью селекции членов избирательных комиссий. Однако в силу всяких мутаций сделать всех членов комиссий безразличными к прямым фальсификациям не удастся, поэтому всегда будет оставаться опасность появления нежелательных свидетелей.

Поэтому можно предположить, что прямые фальсификации, в том числе массовые, будут использоваться в дальнейшем там, где они стали «особенностью социокультурного поведения». В остальных частях страны они стабилизируются на некотором уровне, недостаточном для того, чтобы считать их массовыми.

ДЭГ и ТЭГ

Здесь мы подходим к самому перспективному направлению развития российских выборов. Генеральным направлением развития наших выборов в последнее время было уменьшение открытости и гласности работы избирательных комиссий при одновременной имитации главных элементов института выборов. При этом организаторы выборов стремились к тому, чтобы явка избирателей была достаточно высока, поскольку низкая явка свидетельствует о недоверии избирателей к выборам. Однако интерес граждан к выборам уменьшался в связи с отсутствием на выборах реальной конкуренции.

Организаторы выборов изыскивали различные способы повышения явки — как незаконные, такие как принуждение к голосованию или прямые фальсификации, так и законные, такие как голосование по месту нахождения и увеличение доли голосующих на дому. С 2019 года начали внедрять дистанционное электронное голосование (ДЭГ). Для начала его опробовали в Москве на выборах в Московскую городскую думу 2019 года. При этом было использовано программное обеспечение, разработанное в недрах московской администрации. Одновременно

разрабатывалась и постепенно внедрялась общефедеральная система ДЭГ.

Разработка ДЭГ не была вызвана необходимостью упростить деятельность участковых избирательных комиссий. Автоматизация процесса подсчета голосов уже происходила с конца 1990-х годов с помощью КОИБ (комплекс обработки избирательных бюллетеней) и КЭГ (комплекс электронного голосования). При этом и для тех, и для других инструментов имелась законодательно установленная возможность их общественного контроля. КОИБ можно было контролировать с помощью выборочного ручного пересчета (к сожалению, эта возможность не всегда использовалась), а КЭГ — с помощью бумажной контрольной ленты.

Увы, для ДЭГ возможность реального общественного контроля отсутствует. Хотя пропагандисты ДЭГ, используя плохо понятные им термины, настойчиво убеждают общество, что такая возможность существует, специалисты по электронным системам убедительно доказывают, что ее нет, а само голосование подвержено искажениям[7]. Несмотря на определенные меры защиты, ДЭГ обладает главным преимуществом фальсификатора: контролировать его действия по подведению итогов голосования может только тот, кто эти действия осуществляет (в данном случае — разработчик программного обеспечения).

Также стоит отметить, что само голосование посредством ДЭГ происходит непублично, что в российских реальностях может допускать давление при голосовании или голосование за других лиц.

В последнее время в Москве появился новый способ голосования — через терминалы электронного голосования (ТЭГ). Поскольку голос, поданный через ТЭГ, обрабатывается почти так же, как и голос, поданный посредством ДЭГ, постольку итоги голосования посредством ТЭГ также не подвержены общественному контролю (и они, кстати, статистически объединяются с итогами ДЭГ). ТЭГ также имеет тот недостаток, что он фактически допускает раскрытие тайны голосования.

7. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2026/06/03/1202330-v-tsentrizbirkome-otvetili-na-isk-s-pretenziyami-k-degu.

Внедрение ДЭГ происходит постепенно. Также постепенно накапливаются и претензии к нему. Создается впечатление, что организаторы выборов приучают избирателей к использованию ДЭГ. Ситуация схожа с той, которая складывалась при внедрении КОИБ. Эти устройства внедрялись еще с 1999 года, при этом электоральные исследователи отмечали, что КОИБы считают «более честно», чем люди. В среднем при использовании КОИБ и явка, и результат победителя оказывались немного ниже, чем на участках с ручным подсчетом. Применение КОИБ постепенно расширялось и дошло до использования их примерно на 10% избирательных участков. То есть можно сказать, что избирателей приучали к честности этого инструмента голосования. И вдруг на выборах губернатора Приморского края в 2018 году было обнаружено, что одна из версий КОИБов (КОИБ-2010) может фальсифицировать результаты[8].

Внедрение ДЭГ происходило и на законодательном уровне. Были предусмотрены специальные избирательные комиссии по организации и проведению ДЭГ, однако их деятельность сводится в основном к публикации результатов, выдаваемых «черным ящиком», и к возложению на них ответственности за эти результаты. Также законодательно был регламентирован общественный контроль, который сводился к возможности наблюдения за прохождением голосов в цепочке ДЭГ на некоторых, но не на всех этапах.

Таким образом, ДЭГ осталось фактически общественно неконтролируемым инструментом. Однако организаторы выборов, используя малопонятные им самим и большинству избирателей термины, настойчиво пытаются убедить граждан в обратном.

Претензии к непрозрачности ДЭГ стали появляться с самого начала его использования, на выборах депутатов Московской городской думы в 2019 году. Они основались главным образом на факте разницы итогов «бумажного» и электронного голосования. Например, на упомянутых выборах кандидат Роман Юнеман выиграл по «бумажным» бюллетеням, но проиграл в электронном голосовании. При этом он в общей слож-

8. URL: https://abuzin.livejournal.com/178310.html.

ности уступил 84 голоса. Результат был оспорен в суде со ссылками на имевшиеся сбои в работе ДЭГ, однако суд отклонил иск.

И в дальнейшем наблюдались случаи, когда кандидат выигрывал бумажными бюллетенями, но проигрывал электронными. На выборах депутатов Государственной думы 2021 года в трех московских округах «оппозиционные» кандидаты выиграли «бумажное голосование», но существенно проиграли ДЭГ. В единый день голосования 2026 года в одном из многомандатных округов муниципального округа Щукино города Москвы один из кандидатов — наиболее известный в округе общественник — получил при бумажном голосовании больше всех голосов, но ДЭГ «опустило» его на четвертое (из трех проходных) место.

Использование ДЭГ постепенно расширяется. Растет и число избирателей, использующих ДЭГ. На выборах в Государственную думу 2021 года ДЭГ использовалось только в 8 субъектах Федерации (включая Москву), в Единые дни голосования 2024 и 2025 годов — в 25 и 24 регионах соответственно. На выборах в Государственную думу 2021 года в Москве дистанционно проголосовало 48,9% избирателей от общего количества проголосовавших, а по всей стране — 2,5%. На выборах президента в марте 2024 года ДЭГ применялось в 28 регионах, и тогда с помощью ДЭГ якобы проголосовало 4,175 млн человек. На выборах в Мосгордуму 2024 года с помощью ДЭГ проголосовало примерно 97% избирателей от принявших участие в голосовании.

В Единый день голосования 2026 года федеральным ДЭГ воспользовалось 3,65 млн избирателей, а московским — 3,45 млн, то есть в общей сложности 7,1 млн, что составляет 6,3% от общего числа избирателей и 10,5% от числа проголосовавших избирателей.

Интересный факт: ДЭГ практически не внедряется в регионах, в которых высока доля фальсификаций, осуществляемых традиционными методами. Кроме того, можно заметить, что ДЭГ в основном приносит выгоду партии «Единая Россия» и ее кандидатам. Так, на выборах 2021 года кандидаты от «Единой России» получили значительное преимущество в ДЭГ во всех 15 одномандатных округах города Москвы (причем в трех

из них кандидаты «Единой России» проиграли по «бумажному» голосованию) и в 13 из 18 округов в остальных семи субъектах Федерации, где применялось ДЭГ. При этом публикация данных по ДЭГ в том году произошла с задержкой на 18 часов.

В 2026 году ситуация была более разнородной: в 13 регионах из 33 результаты партии власти при ДЭГ оказались ниже, чем при «бумажном голосовании», а в остальных выше. Значительные расхождения в пользу «Единой России» (более 10%) наблюдались в республиках Алтай, Марий Эл и Чувашия, а также в Алтайском крае, Новгородской, Томской, Ярославской областях и в Ямало-Ненецком автономном округе. (Кстати, во всех этих случаях доля голосования по ДЭГ составила более 20%.) В максимально охваченной ДЭГ Москве «выгода» единороссов от ДЭГ составила 8,4%, а в приграничных территориях (Курская, Белгородская, Ростовская, Смоленская области) она была отрицательной.

События, происходящие при применении ДЭГ, с учетом отсутствия возможностей проверки его работы, позволяют предположить, что ДЭГ может быть ситуативно использовано для «корректировки» результатов. Действующая администрация получает сведения об итогах голосования раньше всех (иногда даже раньше вышестоящих избирательных комиссий), и она может воспользоваться общественной неподконтрольностью системы ДЭГ для получения нужного результата выборов. При этом оспорить такое действие в судебном или другом порядке невозможно.

У ДЭГ есть еще одно преимущество с точки зрения фальсификаторов выборов. ДЭГ позволяет достигать явки, близкой к 100%. Федеральная система ДЭГ устроена таким образом, что большинство зарегистрировавшихся избирателей используют свое право голоса, поэтому там явка для всех округов всегда близка к 98%. Московское ДЭГ вообще использует явочную систему регистрации, и явка на нем всегда равна 100%. Помимо повышения показателя явки, это не позволяет исследовать распределение других электоральных показателей по явке (эти распределения вырождаются в «пик», такой же, как был у советских выборов).

Фальсификация итогов голосования с помощью ДЭГ может стать завершающим этапом умирания института выборов в России. Применять ДЭГ для фальсификации необязательно, если нужные итоги голосования определяются всеми предыдущими стадиями избирательной кампании и традиционными методами прямых фальсификаций, но оно может быть применено по обстоятельствам, в зависимости от оперативной информации. В принципе, если коды программного обеспечения ДЭГ не будут открытыми, то заведомо нужный результат может быть заложен прямо в эти коды. В этом случае будет наконец осуществлена автоматизация фальсификации выборов.

DOI: 10.55167/427051845a4b

«Идите на» как инструмент стратегического голосования — оценка эффективности

Дмитрий Козьмин
Политолог, магистр политических наук, профессор Свободного университета

Стратегическое голосование в демократиях и автократиях

Исследование стратегического голосования сформировалось на пересечении двух подходов: институционализма и теории рационального выбора. Одной из исходных точек считается работа Мориса Дюверже, который связал устройство избирательной системы с поведением избирателей и выделил так называемый «психологический эффект» мажоритарной системы: сторонники небольших партий могут отказываться от поддержки своего первого предпочтения, если считают его неспособным победить[1]. Эту логику впоследствии развил и Энтони Даунс, представив голосование как рациональный выбор, при котором избиратель учитывает ожидаемые последствия альтернатив[2]. Впоследствии политолог Гэри Кокс объединил индивидуальное стратегическое голосование с более широкой проблемой электоральной координации, рассматривая избирательные институты как системы, создающие координационные задачи для избирателей и партий, включая необходимость концентрации поддержки вокруг жизнеспособных альтернатив[3].

1. Duverger M. Political Parties: Their Organization and Activity in the Modern State. New York: Wiley, 1954. Ориг. изд.: Duverger M. Les partis politiques. Paris: A. Colin, 1951.

2. Downs A. An Economic Theory of Democracy. New York: Harper & Brothers, 1957.

3. Cox G. W. Making Votes Count: Strategic Coordination in the World's Electoral Systems. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. DOI: 10.1017/CBO9781139174954.

Первоначально основное внимание исследователей было сосредоточено на мажоритарных выборах, однако впоследствии было показано, что стратегическое голосование возникает и при пропорциональном представительстве. Кокс и Шугарт исследовали стратегические равновесия в многомандатных округах при различных вариантах системы пропорционального представительства и показали, что стратегические стимулы могут ограничивать число жизнеспособных партийных списков[4]. Экспериментальное исследование в дальнейшем показало, что в условиях пропорционального представительства заградительный барьер может создавать координационную проблему: при недостатке информации избирателям трудно сосредоточить голоса на одной из близких партий, тогда как информация о предыдущих результатах облегчает стратегическую координацию[5].

Однако в одномандатных округах с голосованием по системе простого большинства стратегическое голосование имеет наибольшую важность, поскольку деконцентрация голосов по разным кандидатам драматически снижает ценность этих голосов. Напротив, если избиратели договорятся аккумулировать свои голоса за конкретного кандидата, у него будет гораздо больше шансов на победу. Наиболее ранняя эмпирическая литература о стратегическом голосовании развивалась применительно к системам относительного большинства с одномандатными округами, прежде всего в Великобритании и Канаде. Одной из первых попыток непосредственно проверить поведенческую сторону «психологического эффекта» Дюверже стала работа, в которой анализировалось, изменяется ли поддержка партий в зависимости от избирательной системы[6]. В дальнейшем исследования стали уделять больше внимания

4. Cox G. W., Shugart M. S. Strategic Voting Under Proportional Representation // The Journal of Law, Economics, and Organization. 1996. Vol. 12, no. 2. P. 299–324. DOI: 10.1093/oxfordjournals.jleo.a023365.

5. Blais A., Erisen C., Rheault L. Strategic Voting and Coordination Problems in Proportional Systems: An Experimental Study // Political Research Quarterly. 2014. Vol. 67, no. 2. P. 386–397. DOI: 10.1177/1065912913520573.

6. Shively W. P. The Elusive "Psychological Factor": A Test for the Impact of Electoral Systems on Voters' Behavior // Comparative Politics. 1970. Vol. 3, no. 1. P. 115–125. DOI: 10.2307/421504.

жизнеспособности кандидатов, то есть вероятности их победы. Политологи Альварес и Нэглер предложили модель стратегического голосования в многопартийных выборах, позволяющую учитывать информацию избирателей о расстановке сил непосредственно в округе[7]. Одновременно другие исследователи разработали процедуру эмпирического измерения стратегического голосования, основанную на сопоставлении предпочтений избирателя с его оценкой шансов партий на победу. Таким образом, в одномандатных округах основным объектом исследования стал выбор между наиболее предпочтительным кандидатом и более жизнеспособной альтернативой, способной предотвратить победу наименее желательного кандидата.

Стратегическое голосование используется в авторитарных режимах, в которых есть выборы, даже если они нечестные и неконкурентные. В случае автократий стратегическое голосование может привести к неожиданным для режима эффектам, поскольку система не ожидает координации избирателей и привыкла использовать технику распыления протестного электората[8].

В электорально-авторитарных режимах стратегическое голосование стало самостоятельным направлением исследований. В отличие от большинства демократических выборов, здесь стратегическая координация часто направлена не на выбор между несколькими сопоставимыми политическими программами, а на концентрацию голосов оппозиционно настроенных избирателей вокруг наиболее жизнеспособного кандидата.

Самый яркий пример стратегического голосования в автократиях — это «Умное голосование», предложенное Алексеем Навальным в 2018 году. Эффективность «Умного голосования» подробно исследована политологами. М. Турченко и Г. Голосов показали на примере российских муниципальных выборов 2019 года, что кампания «Умного голосования» была связана

7. Alvarez R. M., Nagler J. A New Approach for Modeling Strategic Voting in Multiparty Elections. Pasadena: California Institute of Technology, 1997. DOI: 10.7907/1ea5s-rn272.

8. Arriola L. R., DeVaro J., Meng A. Democratic Subversion: Elite Cooptation and Opposition Fragmentation // American Political Science Review. 2021. Vol. 115, no. 4. P. 1358–1372. DOI: 10.1017/S0003055421000629.

с усилением координации оппозиционно настроенных избирателей и изменением результатов кандидатов, поддержанных этой стратегией[9]. В последующей работе авторы изучили субнациональные выборы 2020 года и показали, что эффективность такой координации зависела, в частности, от воспринимаемых оппозиционных характеристик кандидатов и уровня давления на избирателей[10]. Таким образом, исследования авторитарных режимов расширили литературу о стратегическом голосовании, поставив вопрос о том, может ли координация избирателей работать в условиях ограниченной политической конкуренции, давления на оппозицию и неравного доступа кандидатов к электоральным ресурсам.

Дальнейшее развитие данного направления представлено в работе Турченко, Голосова и Завадской. В отличие от предыдущих исследований, авторы рассматривают не только эффективность «Умного голосования» как механизма координации протестного электората, но и пределы его применимости в условиях постепенного ужесточения авторитарного режима. Используя официальные результаты выборов 2019–2021 годов и опрос с методом списочного эксперимента после парламентских выборов 2021 года, они показывают, что «Умное голосование» действительно способствовало росту результатов рекомендованных кандидатов независимо от их партийной принадлежности. Вместе с тем авторы показывают, что эффективность этого механизма имеет институциональные пределы: по мере перехода России от конкурентного к гегемоническому авторитаризму, сопровождавшегося усилением контроля над электоральным процессом и репрессиями против оппозиции, возможности для координированного антиправительственного голосования были существенно сокращены и в конечном итоге практически устранены, в связи с чем

9. Turchenko M., Golosov G. V. Smart Enough to Make a Difference? An Empirical Test of the Efficacy of Strategic Voting in Russia's Authoritarian Elections // Post-Soviet Affairs. 2021. Vol. 37, no. 1. P. 65–79. DOI: 10.1080/1060586X.2020.1796386.

10. Turchenko M., Golosov G. V. Coordinated Voting Against the Autocracy: The Case of the 'Smart Vote' Strategy in Russia // Europe-Asia Studies. 2023. Vol. 75, no. 5. P. 820–841. DOI: 10.1080/09668136.2022.2147485.

с каждым годом снижался и «бонус» в виде голосов для кандидатов, выбранных «Умным голосованием»[11].

«Идите на» — история проекта

После начала полномасштабного вторжения ситуация с «Умным голосованием» изменилась: в 2022 году оно проводилось только на муниципальных выборах, причём создатели стратегии объявили, что выбор кандидатов скорректирован с учётом их позиций по войне с Украиной[12]. После президентских выборов 2024 года «Умное голосование» не проводилось, однако перед выборами в Государственную думу РФ 2026 года команда Юлии Навальной объявила о кампании «Умного голосования». Шестого августа 2026 года ФБК объявил, что на выборах в Госдуму стратегия будет применяться в одномандатных округах: в каждом округе предполагалось рекомендовать кандидата, который имеет наибольшие шансы победить кандидата от «Единой России». При этом для голосования по партийным спискам первоначально предлагалось поддержать «Яблоко». Таким образом, «Умное голосование» сохраняло классическую для проекта логику концентрации голосов в одномандатном округе вокруг одного кандидата, чтобы не допустить распыления голосов между несколькими оппозиционными кандидатами[13].

Параллельно Максим Кац запустил собственный проект «Идите на». Изначально он был задуман несколько иначе: сайт не столько давал готовую рекомендацию, сколько предо-

11. Turchenko M., Zavadskaya M., Golosov G. V. Resistance at the polls: coordinated anti-regime voting in Russia's transition from competitive to hegemonic authoritarianism, 2019–2021 // Democratization. 2026. Vol. 33, no. 2. P. 369–391.

12. «Призываю вас голосовать против войны, коррупции и нищеты». Навальный позвал россиян на выборы 11 сентября [Электронный ресурс] // Медуза. 2022. 6 сент. URL: https://meduza.io/news/2022/09/06/prizyvayu-vas-golosovat-protiv-voyny-korruptsii-i-nischety-navalnyy-pozval-rossiyan-na-vybory-11-sentyabrya.

13. Стратегия на выборах в Госдуму [Электронный ресурс] // Фонд борьбы с коррупцией. 2026. 6 авг. URL: https://fbk.info/ru/news/acfstrategy2026.

ставлял информацию о кандидатах и партиях, их позициях и политической биографии, позволяя избирателю самостоятельно определить, как голосовать. Кац прямо описывал проект как аналитический ресурс, который должен был помочь разобраться в кандидатах и партиях, а не как аналог «Умного голосования», однако по мере приближения выборов подходы двух проектов стали сближаться: в центре внимания оказался вопрос о том, какого кандидата следует поддержать в одномандатном округе, чтобы одновременно минимизировать поддержку кандидата власти и не поддерживать кандидатов, активно выступающих за войну.

Затем «Умное голосование» и «Идите на» объединили свои рекомендации. Так, 14 сентября 2026 года команды Юлии Навальной и Максима Каца объявили о согласовании единого списка кандидатов по одномандатным округам. Один и тот же список был опубликован одновременно через бот «Умного голосования» и на сайте «Идите на»[14]. При его составлении команды обсуждали каждый округ отдельно и искали компромисс между двумя критериями: способностью кандидата конкурировать с кандидатом от «Единой России» и его отношением к войне. Приоритет во многих случаях отдавался кандидатам «Яблока», а при их отсутствии — другому кандидату, способному получить значительную поддержку, при условии отсутствия его активной поддержки войны. Таким образом, первоначально два самостоятельных проекта — институционально продолжающееся «Умное голосование» и созданное Кацем «Идите на» — в ходе кампании 2026 года перешли к единому механизму электоральной координации.

Задаваясь вопросом, возымела ли эта стратегия воздействие на результаты голосования, необходимо исследовать какой-то измеримый показатель. Подобно предыдущим исследованиям стратегического голосования, в этой статье будет сравниваться не количество победивших кандидатов, а то, сколько голосов они

14. Юлия Навальная и Максим Кац опубликовали общий список рекомендаций по голосованию на выборах [Электронный ресурс] // Новая газета Европа. 2026. 14 сент. URL: https://novayagazeta.eu/articles/2026/09/14/iuliia-navalnaia-i-maksim-kats-opublikovali-obshchii-spisok-rekomendatsii-po-golosovaniiu-na-vyborakh-news.

набрали на выборах в процентном соотношении по сравнению с другими кандидатами. Исходя из этого, гипотеза исследования будет сформулирована следующим образом:

H1: кандидаты, которые были выбраны стратегией «Идите на», получают больший процент голосов по сравнению с остальными кандидатами.

Важное отличие проекта заключается в попытке не просто выбрать одного кандидата, но и оценить его провоенные/антивоенные взгляды. В связи с этим появляется возможность проверить не только сравнение двух групп, но и влияние показателей высказываний за войну в целом.

H2: чем более провоенным образом высказывается кандидат по оценке «Идите на», тем меньший процент голосов он/она получит на выборах.

Данные и метод

В качестве данных будут использоваться два источника: Государственная автоматизированная система «Выборы» для информации о результатах выборов и база данных проекта «Идите на» для шкалы провоенности[15].

В качестве методов проверки первой гипотезы, подобно предыдущим исследованиям об эффективности «Умного голосования», будет использоваться регрессионный анализ по методу наименьших квадратов (МНК), а затем метод разности разностей для того, чтобы снизить эффект неслучайности выбора кандидатов. В качестве зависимой переменной для обеих моделей будет выбран процент голосов за кандидата в округе (result). Фактор, указывающий на присутствие кандидатов в рекомендациях проекта «Идите на», обозначен как is_idi, где все рекомендованные кандидаты отмечены как «1», остальные — как «0». Также добавлены контрольные переменные: партийная принадлежность кандидата, то есть от какой партии он баллотируется или идёт как самовыдвиженец (party), и регион, в котором находится округ (region). Для второй модели также будет

15. Идите на [Электронный ресурс]: [сайт проекта]. URL: https://iditena.org/.

учитываться результат выборов тех же самых кандидатов на выборах в Государственную думу в 2021 году (result_2021).

Для проверки второй гипотезы также будет использоваться МНК-регрессия с независимой переменной idx, содержащей индекс провоенных высказываний (где 0 — самая провоенная оценка и 10 — самая антивоенная) с добавлением всех переменных, перечисленных выше. Описательная статистика всех переменных отображена в таблице 1. Для статистического анализа использовалась программная среда RStudio версии 2026.09.0+174 для анализа данных на языке R.

Таблица 1. Описательная статистика переменных

Переменная	Количество наблюдений	Минимум	Среднее	Медиана	Максимум	Стандартное отклонение
result	1527	0	0,139	0,07	0,9824	0,1721
is_idi	1527	0	0,1225	0	1	0,3279
party	1527	—	—	—	—	—
region	1527	—	—	—	—	—
idx	1441	0	3,17	3	10	2,3
result_2021	399	0,051	0,1914	0,1101	0,9359	0,1891

Результаты

Результаты регрессионного анализа первой модели отображены в приложении 1. Исходя из них, мы видим, что регрессионный коэффициент is_idi значим на уровне 10% и составляет 0,014, что интерпретируется следующим образом: наличие кандидата в рекомендациях «Идите на» повышает его или её результат на выборах на 1,4 процентного пункта.

Однако, как уже было упомянуто выше, одной модели недостаточно для того, чтобы измерить чистоту этого эффекта. В методе «Разность разностей» мы не только делим кандидатов не только на две группы по принципу рекомендаций проекта, но и на два временных периода: выборы в Госдуму 2021 и 2026 годов. Для этого необходимо отобрать только тех кандидатов, которые участвовали и в выборах 2021 года, и в выборах 2026 года, поэтому количество кандидатов сокращается до 399.

На графике 1 показана динамика двух групп за два временных периода. Мы видим, что средние обеих групп снизились, однако группа кандидатов, которые были рекомендованы в 2026 году, претерпела меньшие изменения. В ней результаты снизились примерно на 3 процентных пункта, тогда как в контрольной группе они снизились почти на 7. Чтобы проверить, является ли этот результат статистически значимым, необходимо добавить контрольные переменные в модель.

В таблице 2 мы видим, что эффект оказывается статистически незначим как с контрольными переменными, так и без них, что говорит о том, что рекомендации «Идите на» при более детальном рассмотрении никак не повлияли на результаты выборов.

Таблица 2. Статистическая значимость показателя из модели «Разность разностей» в зависимости от контрольных переменных

Model	Estimate	Std. Error	Statistic	p-value
Без контролей	0,0242	0,0307	0,789	0,430
Party	-0,0132	0,0136	-0,964	0,335
Region	0,0256	0,0314	0,816	0,415
Party + Region	-0,0143	0,0140	-1,020	0,308

Результаты проверки второй гипотезы оказываются более интересными. Эффект рейтинга провоенных высказываний оказывается статистически значим и составляет –0,02. Это означает, что каждый балл антивоенности позиции кандидата снижает его или её результат на выборах на 2 процентных пункта. Соответственно, между максимально провоенным по оценке проекта «Идите на» и максимально антивоенным кандидатом разница будет в 20 процентных пунктов. Однако мы не можем с точностью сказать, что повлияло на этот результат — фальсификации против антивоенных кандидатов или политические предпочтения избирателей. Результаты модели отображены в приложении 2.

Результаты анализа показывают, что первая гипотеза не подтверждается, а вторая подтверждается со знаком минус: антивоенная позиция влияет, но даёт не больше, а меньше голосов кандидатам.

На данный момент, исходя из результатов анализа, можно утверждать, что стратегия «Идите на» не повлияла на ре-

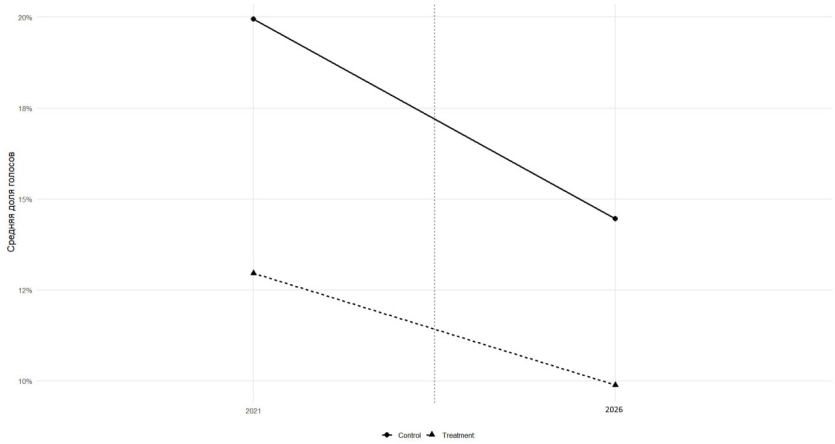

График 1. Изменение средних результатов голосования в двух группах кандидатов — рекомендованных проектом «Идите на» (Treatment) и остальных (Control) — за два временных периода

зультаты голосования. Однако важно также учитывать, что в данной статье содержатся очень приблизительные подсчёты. Необходимо добавлять такие контрольные переменные, как пол, возраст кандидата и конкурентность округа, а также проверять параллельность трендов при применении метода «Разность разностей». Тем не менее полученные результаты свидетельствуют о том, что тема стратегического голосования в России заслуживает дальнейших исследований.

Литература

1. Alvarez R. M., Nagler J. A New Approach for Modeling Strategic Voting in Multiparty Elections. Pasadena: California Institute of Technology, 1997. DOI: 10.7907/1ea5s-rn272.
2. Arriola L. R., DeVaro J., Meng A. Democratic Subversion : Elite Cooptation and Opposition Fragmentation // American Political Science Review. 2021. Vol. 115, no. 4. P. 1358–1372. DOI: 10.1017/S0003055421000629.
3. Blais A., Erisen C., Rheault L. Strategic Voting and Coordination Problems in Proportional Systems: An Experimental Study // Political Research Quarterly. 2014. Vol. 67, no. 2. P. 386–397. DOI: 10.1177/1065912913520573.
4. Blais A., Nadeau R. Measuring Strategic Voting : A Two-Step Procedure // Electoral Studies. 1996. Vol. 15, no. 1. P. 39–52. DOI: 10.1016/0261-3794(94)00014-X.

5. Cox G. W. Making Votes Count : Strategic Coordination in the World's Electoral Systems. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. DOI: 10.1017/CBO9781139174954.
6. Cox G. W., Shugart M. S. Strategic Voting Under Proportional Representation // The Journal of Law, Economics, and Organization. 1996. Vol. 12, no. 2. P. 299–324. DOI: 10.1093/oxfordjournals.jleo.a023365.
7. Downs A. An Economic Theory of Democracy. New York : Harper & Brothers, 1957.
8. Duverger M. Political Parties : Their Organization and Activity in the Modern State. New York: Wiley, 1954. Ориг. изд.: Duverger M. Les partis politiques. Paris: A. Colin, 1951.
9. Shively W. P. The Elusive "Psychological Factor": A Test for the Impact of Electoral Systems on Voters' Behavior // Comparative Politics. 1970. Vol. 3, no. 1. P. 115–125. DOI: 10.2307/421504.
10. Turchenko M., Golosov G. V. Smart Enough to Make a Difference? An Empirical Test of the Efficacy of Strategic Voting in Russia's Authoritarian Elections // Post-Soviet Affairs. 2021. Vol. 37, no. 1. P. 65–79. DOI: 10.1080/1060586X.2020.1796386.
11. Turchenko M., Golosov G. V. Coordinated Voting Against the Autocracy: The Case of the 'Smart Vote' Strategy in Russia // Europe-Asia Studies. 2023. Vol. 75, no. 5. P. 820–841. DOI: 10.1080/09668136.2022.2147485.
12. Turchenko M., Zavadskaya M., Golosov G. V. Resistance at the polls: coordinated anti-regime voting in Russia's transition from competitive to hegemonic authoritarianism, 2019–2021 // Democratization. 2026. Vol. 33, no. 2. P. 369–391.

Приложение 1. Результаты регрессионного анализа

Dependent variable: result	**Coefficient**	**Std. Error**
is_idi	0,014*	(0,007)
region Амурская область	0,011	(0,033)
region Архангельская область	0,032	(0,023)
region Астраханская область	0,008	(0,031)
region Белгородская область	0,016	(0,025)
region Брянская область	0,015	(0,025)
region Владимирская область	0,006	(0,024)
region Волгоградская область	0,012	(0,022)
region Вологодская область	–0,005	(0,022)
region Воронежская область	0,014	(0,022)
region город Москва	0,011	(0,016)
region город Санкт-Петербург	0,011	(0,018)
region город Севастополь	0,027	(0,035)
region Еврейская автономная область	0,001	(0,029)
region Забайкальский край	–0,007	(0,027)

region Ивановская область	0,013	(0,033)
region Иркутская область	−0,001	(0,019)
region Кабардино-Балкарская Республика	0,016	(0,033)
region Калининградская область	−0,001	(0,023)
region Калужская область	0,008	(0,031)
region Камчатский край	0,044	(0,039)
region Карачаево-Черкесская Республика	0,008	(0,029)
region Кемеровская область — Кузбасс	0,012	(0,021)
region Кировская область	0,003	(0,024)
region Костромская область	0,005	(0,031)
region Краснодарский край	0,021	(0,018)
region Красноярский край	−0,003	(0,019)
region Курганская область	0,004	(0,031)
region Курская область	0,004	(0,024)
region Ленинградская область	0,023	(0,031)
region Липецкая область	−0,003	(0,022)
region Магаданская область	0,022	(0,035)
region Московская область	0,015	(0,017)
region Мурманская область	0,003	(0,031)
region Ненецкий автономный округ	0,047	(0,039)
region Нижегородская область	0,006	(0,019)
region Новгородская область	−0,002	(0,028)
region Новосибирская область	0,001	(0,019)
region Омская область	−0,001	(0,021)
region Оренбургская область	0,009	(0,021)
region Орловская область	0,001	(0,029)
region Пензенская область	0,014	(0,025)
region Пермский край	−0,002	(0,020)
region Приморский край	0,009	(0,022)
region Псковская область	−0,001	(0,028)
region Республика Адыгея (Адыгея)	0,008	(0,031)
region Республика Алтай	0,006	(0,031)
region Республика Башкортостан	0,013	(0,019)
region Республика Бурятия	0,014	(0,033)
region Республика Дагестан	0,017	(0,022)
region Республика Ингушетия	0,050	(0,039)
region Республика Калмыкия	0,011	(0,031)
region Республика Карелия	−0,008	(0,026)
region Республика Коми	0,002	(0,029)
region Республика Крым	0,007	(0,021)
region Республика Марий Эл	0,001	(0,028)

region Республика Мордовия	0,019	(0,033)
region Республика Саха (Якутия)	−0,001	(0,028)
region Республика Северная Осетия — Алания	0,012	(0,029)
region Республика Татарстан (Татарстан)	0,036*	(0,020)
region Республика Тыва	0,029	(0,035)
region Республика Хакасия	0,006	(0,031)
region Ростовская область	0,014	(0,019)
region Рязанская область	0,013	(0,025)
region Самарская область	0,011	(0,020)
region Саратовская область	0,007	(0,020)
region Сахалинская область	−0,002	(0,028)
region Свердловская область	0,007	(0,019)
region Смоленская область	0,010	(0,031)
region Ставропольский край	0,015	(0,020)
region Тамбовская область	0,014	(0,033)
region Тверская область	0,0002	(0,023)
region Томская область	0,011	(0,033)
region Тульская область	0,005	(0,024)
region Тюменская область	0,006	(0,024)
region Удмуртская Республика	0,008	(0,024)
region Ульяновская область	0,002	(0,023)
region Хабаровский край	−0,001	(0,023)
region Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	0,013	(0,025)
region Челябинская область	0,003	(0,019)
region Чеченская Республика	0,055	(0,039)
region Чувашская Республика — Чувашия	0,004	(0,024)
region Чукотский автономный округ	0,016	(0,035)
region Ямало-Ненецкий автономный округ	0,025	(0,035)
region Ярославская область	−0,002	(0,023)
party Зелёные	−0,488***	(0,008)
party Коммунисты России	−0,473***	(0,009)
party КПРФ	−0,382***	(0,007)
party ЛДПР	−0,434***	(0,007)
party Новые люди	−0,437***	(0,007)
party Партия пенсионеров	−0,471***	(0,009)
party Партия прямой демократии	−0,490***	(0,018)
party Родина	−0,486***	(0,011)
party Самовыдвижение	−0,002	(0,037)
party Справедливая Россия	−0,446***	(0,007)
party Яблоко	−0,472***	(0,011)

Constant	0,510***	(0,016)
Observations	1527	
R^2	0,839	
Adjusted R^2	0,829	
Residual Std. Error	0,071 (df = 1430)	
F Statistic	77,859*** (df = 96; 1430)	

Примечание: * p < 0,1; ** p < 0,05; *** p < 0,01

Приложение 2. Результаты регрессионного анализа

Dependent variable: result	**Coefficient**	**Std. Error**
idx	−0,020***	(0,002)
region Амурская область	0,004	(0,030)
region Архангельская область	0,024	(0,021)
region Астраханская область	0,001	(0,028)
region Белгородская область	0,008	(0,023)
region Брянская область	0,007	(0,023)
region Владимирская область	−0,0004	(0,021)
region Волгоградская область	0,006	(0,020)
region Вологодская область	0,003	(0,020)
region Воронежская область	0,005	(0,020)
region город Москва	0,008	(0,015)
region город Санкт-Петербург	0,004	(0,016)
region город Севастополь	0,018	(0,032)
region Еврейская автономная область	−0,001	(0,027)
region Забайкальский край	0,0002	(0,024)
region Ивановская область	0,006	(0,030)
region Иркутская область	0,002	(0,017)
region Кабардино-Балкарская Республика	0,011	(0,030)
region Калининградская область	0,002	(0,021)
region Калужская область	−0,001	(0,028)
region Камчатский край	0,033	(0,035)
region Карачаево-Черкесская Республика	0,002	(0,026)
region Кемеровская область — Кузбасс	0,007	(0,019)
region Кировская область	−0,001	(0,022)
region Костромская область	0,003	(0,028)
region Краснодарский край	0,012	(0,016)
region Красноярский край	−0,003	(0,017)

region Курганская область	0,002	(0,028)
region Курская область	−0,001	(0,022)
region Ленинградская область	0,007	(0,028)
region Липецкая область	0,012	(0,020)
region Магаданская область	0,016	(0,032)
region Московская область	0,010	(0,015)
region Мурманская область	0,0004	(0,028)
region Ненецкий автономный округ	0,036	(0,035)
region Нижегородская область	0,001	(0,017)
region Новгородская область	0,001	(0,025)
region Новосибирская область	−0,002	(0,018)
region Оренбургская область	0,001	(0,019)
region Орловская область	−0,003	(0,027)
region Пензенская область	0,007	(0,023)
region Пермский край	−0,003	(0,018)
region Приморский край	0,004	(0,020)
region Псковская область	0,002	(0,025)
region Республика Адыгея (Адыгея)	0,001	(0,028)
region Республика Алтай	0,003	(0,028)
region Республика Бурятия	0,004	(0,030)
region Республика Ингушетия	0,038	(0,035)
region Республика Калмыкия	0,002	(0,028)
region Республика Карелия	0,006	(0,024)
region Республика Коми	−0,0005	(0,026)
region Республика Крым	−0,001	(0,019)
region Республика Марий Эл	0,001	(0,025)
region Республика Мордовия	0,007	(0,030)
region Республика Саха (Якутия)	0,002	(0,025)
region Республика Северная Осетия — Алания	−0,003	(0,027)
region Республика Татарстан (Татарстан)	0,027	(0,018)
region Республика Тыва	0,020	(0,032)
region Республика Хакасия	−0,001	(0,028)
region Ростовская область	0,008	(0,017)
region Рязанская область	0,007	(0,023)
region Самарская область	0,004	(0,018)
region Саратовская область	0,004	(0,018)
region Сахалинская область	−0,002	(0,025)
region Свердловская область	0,001	(0,017)
region Смоленская область	0,0002	(0,028)
region Ставропольский край	0,009	(0,019)
region Тамбовская область	0,009	(0,030)

region Тверская область	−0,001	(0,021)
region Томская область	0,006	(0,030)
region Тульская область	0,001	(0,021)
region Тюменская область	0,002	(0,022)
region Удмуртская Республика	0,002	(0,022)
region Ульяновская область	−0,0004	(0,021)
region Хабаровский край	−0,004	(0,020)
region Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	0,004	(0,023)
region Челябинская область	−0,003	(0,017)
region Чеченская Республика	0,040	(0,035)
region Чувашская Республика — Чувашия	0,0001	(0,021)
region Чукотский автономный округ	0,010	(0,032)
region Ямало-Ненецкий автономный округ	0,019	(0,032)
region Ярославская область	0,004	(0,021)
party Зелёные	−0,362***	(0,012)
party Коммунисты России	−0,362***	(0,012)
party КПРФ	−0,346***	(0,007)
party ЛДПР	−0,375***	(0,008)
party Новые люди	−0,375***	(0,008)
party Партия пенсионеров	−0,364***	(0,012)
party Партия прямой демократии	−0,339***	(0,020)
party Родина	−0,359***	(0,015)
party Самовыдвижение	−0,110***	(0,038)
party Справедливая Россия	−0,369***	(0,009)
party Яблоко	−0,373***	(0,011)
Constant	0,513***	(0,014)
Observations	1441	
R2	0,865	
Adjusted R2	0,855	
Residual Std. Error	0,064 (df = 1347)	
F Statistic	92,476*** (df = 93; 1347)	

Примечание: * p < 0,1; ** p < 0,05; *** p < 0,01

DOI: 10.55167/9614dac4491f

Но есть и хорошие новости…

Трагическая судьба российских демократических реформ, обусловленная умышленным и целенаправленным превращением российских выборов в «невыборы», апогей которого пришелся на последние шесть лет, привела российских избирателей к устойчивому мнению о том, что сменить власть на выборах невозможно. «От нас ничего не зависит. Участие в выборах означает легитимацию диктатуры», — утверждают многие. Слова специалистов о том, что такое мнение неверно, тонут в хоре разочарованных голосов. И тем не менее специалисты правы. На выборах все зависит не только от власти и даже не от авторитарных правил, а только от нас самих. Демократия — это участие. Неучастие — это лучшая питательная среда для диктатур. Особенно ярким примером, опровергающим пессимизм разочарованцев, стали выборы, прошедшие в Сербии 25 октября 2026 года. Они не только показали, в какой степени результат зависит от явки, но и заставили нас задуматься о наших стереотипах восприятия партийных систем, о том, что далеко не всегда традиционные политические партии должны и могут быть участниками политических процессов и субъектами политической конкуренции. «Главное в Сербии — не победа проевропейской демократической оппозиции над формирующейся неевропейской автократией. Ключевое — это победа горизонтали над вертикалью: сетевого движения, выставившего на выборы политических ноунеймов <…> над старыми оппозиционными партиями», — написал по горячим следам о сербских выборах политолог Александр Баунов. В завершение блока о «Специальной выборной операции» приводим этот его материал полностью.

Доктор юридических наук
Елена Лукьянова

Горизонталь власти
Почему итог выборов в Сербии — это больше, чем поражение Вучича

Александр Баунов

Результат сербских выборов больше всего похож не на победу одних политиков над другими, а на победу народа над политиками вообще.

25 октября Сербская прогрессивная партия Александра Вучича, правившая страной 14 лет, проиграла парламентские выборы «Студенческому списку» — движению, выросшему из протестов после обрушения козырька вокзала в Нови-Саде. За победителями не стоят ни олигархи, ни перебежчики из элиты, ни Запад, а в самом движении уживаются либералы и националисты, объединенные требованием хорошего управления. Эти выборы стали одним из первых случаев, когда улица не сломала старую институциональную рамку, а мирно заполнила ее собой. И теперь ей предстоит доказать, что сила протеста может стать силой управления.

Победный гол

Признавая поражение вечером 25 октября, Александр Вучич произнес важную фразу: кроме «Студенческого списка» и его собственной коалиции, больше никто в парламент не прошел — не считая партий нацменьшинств. По предварительным данным избиркома, «Студенческий список» получил 52,5% голосов, список Вучича — 39,3%. Социалистическая партия Ивицы Дачича, основанная еще Слободаном Милошевичем, набрала 2,2% и не преодолела 3-процентный барьер. Остальные списки, включая коалицию старой оппозиции «Европейская Сербия», не дотянули даже до 1%.

Поэтому главное в Сербии — не победа проевропейской демократической оппозиции над формирующейся неевропейской автократией. Ключевое — это победа горизонтали над вертикалью: сетевого движения, выставившего на выборы по-

литических ноунеймов, над ветераном Вучичем, который в политике с 1990-х и руководил страной с середины 2010-х, — но также и над старыми оппозиционными партиями.

Это больше всего похоже не на победу одних политиков над другими, а на победу народа над политиками вообще. Белград в ночь на 26 октября праздновал так, будто Сербия забила победный гол на чемпионате мира: праздник был объединяющим народным, а не раскалывающим политическим. Показательна судьба провластного палаточного лагеря в центре города. Еще вечером в день голосования туда стягивали группы мужчин в черных худи и подвозили новые палатки[1]. Но после того как Вучич признал поражение, они не просто покинули свой лагерь — некоторые, по свидетельствам очевидцев, стали смешиваться с толпой студентов и скандировать победные лозунги вместе с ними. Вучич уходит, контракт с ним потерял силу.

Многие из этой группы поддержки власти принадлежат к околофутбольному миру, отчего аналогия с победным голом выглядит еще убедительнее. Кстати, покинутый провластный палаточный лагерь в ночь победы частично сожгли, и это, кажется, было единственным причинением материального ущерба за два года протестов, приведших к победе улицы над кабинетами.

На образ народной победы на выборах работает и очень высокая явка — на 10–15 процентных пунктов выше, чем обычно. К закрытию участков показатель без учета голосов диаспоры приблизился к 70%. В тот же день в соседней Болгарии на президентские выборы пришли 22,5% избирателей[2] — втрое меньше. То есть в Сербии танцевали все, даже те, кто обычно переминается на дискотеке у стенки.

Движение без вождей

Само студенческое движение сделало все, чтобы остаться народным и не превратиться в партию, тем более лидерскую. Столь же народные «желтые жилеты» во Франции столкнулись с внутренним кризисом доверия, как только начали искать

1. URL: https://balkaninsight.com/2026/10/25/serbian-strongman-vucic-concedes-defeat-in-snap-elections/bi/.

2. URL: https://www.trtworld.com/article/883f3f1fdae9.

в своей среде переговорщиков с властью. В ноябре 2018 года из восьми «посланников», выбранных онлайн-голосованием, на встречу с премьером Эдуаром Филиппом пришли двое, и один почти сразу ушел, потребовав прямой трансляции[3]. Недоверие к власти, которое привело людей в движение, мгновенно переносилось на собственных лидеров, стоило за ними закрыться двери правительственного кабинета. Такова осыпающаяся воронка современного антиэлитизма.

Сербским студентам было принципиально важно показать, что они не борются за власть для себя. Список из 250 кандидатов они собирали больше года на пленумах[4], при этом самих студентов и организаторов протеста в нем нет: так они подчеркивают личную незаинтересованность во власти и пытаются избежать кризиса доверия, как у «желтых жилетов». Нет там, насколько можно судить, и профессиональных политиков. Студенты делегировали места в списке преподавателям, которым они доверяют, и персонажам разной степени публичности из мира свободных профессий, спорта, экономики, медицины. Список возглавил профессор медицинского факультета в Нови-Саде Илия Срданович. А еще в него, к примеру, попали академик-химик Радомир Саичич, социолог Йово Бакич, бывший глава Нацбанка Деян Шошкич, баскетболист Деян Бодирога, актер Тихомир Станич, экоактивист Златко Коканович, десятиборец Михаил Дудаш. При этом неясно, будут ли полученные мандаты — их около 140 — розданы строго в порядке списка или имена будут перетасованы, и есть ли у движения скамейка запасных.

Ни олигархов, ни Запада

Отчасти это похоже на победу партии ноунеймов «Слуга народа» в Украине в 2019 году, отодвинувшей старые партии, — но там в столице уже был действующий президент, и новая партия была с самого начала «президентской». Мобилизация украинской Оранжевой революции 2004 года строилась вокруг

3. URL: https://www.universalis.fr/evenement/14-30-novembre-2018-mouvement-des-gilets-jaunes/.

4. URL: https://studenti.org.rs/studentska_lista/.

кандидатов-политиков и классического протестного сюжета про украденные выборы. В Сербии нет ни того ни другого.

В отличие от других случаев, когда новоприбывшие неизвестные опрокидывают старую систему, в сербском случае нет явной олигархической поддержки. Строго говоря, в Сербии и нет ничего сравнимого с украинскими или российскими олигархами: местные крупные деньги по постсоветским меркам недостаточно крупны, так что ситуация здесь ближе к другим странам Центральной и Восточной Европы. Не обнаруживается в Белграде и пресловутого раскола элит. В Венгрии, где в апреле Виктор Орбан проиграл выборы после 16 лет у власти, оппозицию возглавил выходец из правящей «Фидес» Петер Мадьяр. В Сербии во главе движения нет ни разочарованных функционеров правящей партии, ни представителей старой, проигравшей в прошлом элиты.

Не стоит за сербскими победителями и Запад в привычном смысле слова. Вучич имитировал ставку на Дональда Трампа — еще в сентябре с трибуны ООН сербский лидер заявлял, что Сербия поддерживает действия его администрации, — и Белый дом на победу студентов сразу не отреагировал[5]. Признавая поражение, Вучич обвинил в нем «различные европейские страны» и «американское глубинное государство, которое противостоит президенту Трампу».

Но Европа была скорее сочувствующим наблюдателем, заинтересованным прежде всего в хрупкой стабильности на Балканах. Отсутствие понятных проевропейских лидеров делало движение неудобным для европейских столиц: трудно поддержать кота в мешке — список из 250 человек, выбранный голосами неизвестно кого.

В отличие от второго украинского Майдана, в Сербии не было и четкого сюжета выбора между прозападной и, скажем, промосковской ориентацией. Сербия получила статус кандидата в ЕС еще до прихода Вучича к власти, но и при нем вступление в Евросоюз оставалось официальной целью страны: именно Вучич открыл с ЕС переговоры на эту тему. Россия же

5. URL: https://www.rferl.org/a/vucic-concession-serbia-parliament-elections-students/33884044.html.

сейчас слишком токсична, чтобы на идее поворота к ней выиграть выборы даже в такой стране, как Сербия. Признавая поражение, Вучич пугал сторонников тем, что «к марту или апрелю» новая власть введет санкции против России, — но один из кандидатов-победителей, Йово Бакич, заверил, что санкций не будет[6]. И протестах в Белграде, в отличие от многих других столиц бывшего соцлагеря, заметного присутствия антимосковских лозунгов не наблюдалось. Этим сербские протесты напоминали всплески уличного политического противостояния в Армении, где «с Москвой или против Москвы» не было центральным сюжетом, и поэтому европейские столицы и западные медиа затруднялись с выбором стороны.

Хорошее правление против дурного

Движению удалось построить кампанию не на дихотомиях «Европа — не Европа» или «консерватизм — прогресс», а на противопоставлении хорошего управления плохому — как на фресках Амброджо Лоренцетти в Сиене.

Требования против коррупции, за эффективное расходование средств, результативное управление экономикой, качество инфраструктуры и среды обитания (все началось 1 ноября 2024 года с обрушения бетонного козырька вокзала в Нови-Саде, когда погибли 16 человек) объединили недовольных политическим классом в целом. Это позволило преодолеть классический раскол сербской оппозиции между либеральными европейцами и консервативными националистами, одинаково недовольными Вучичем, но не способными договориться между собой.

Внутри движения эти две силы уживаются до сих пор. На акциях с самого начала разрешались только сербские флаги и эмблемы факультетов. На митинге 28 июня 2025 года, в праздник Видовдан, со сцены звучали националистическая риторика и косовский миф. Либеральных сторонников это покоробило, но ни одна проевропейская партия или заметная фигура от движения не отвернулась. В 2026 году студенты приняли меморандум о Косове как части Сербии — и одновремен-

6. URL: https://rtvi.com/news/pobeda-studencheskogo-spiska-v-serbii-lidery-oppoziczii-uveryayut-chto-ne-vvedut-sankczii-protiv-rossii/.

но совершали показательные велопробеги и забеги в Страсбург и Брюссель, а также ходили на встречи с еврокомиссарами. В этом отношении сербские победители похожи на коалиции либералов и националистов, которые выигрывали выборы и революции в посткоммунистических странах — от Польши и Балкан до России 1991 года, Грузии и Украины.

Именно это сочетание заставляло европейские правительства держать дистанцию. Европа приветствует скорее сам факт смены власти на выборах там, где ее могло и не случиться: фон дер Ляйен и Кошта поздравили победителей с рекордной явкой и пообещали поддержать реформы[7]. Россия, напротив, не любит сменяемости власти, тем более в пользу уличных политиков. Российские структуры находятся в неприятном замешательстве и выбирают образа действий. К счастью, выбор Кремля ограничивает географическая удаленность Сербии.

Почему Вучич уступил

Мало кто ожидал, что ветеран Вучич проиграет и тем более уступит без борьбы. Но он признал поражение примерно через полтора часа после закрытия участков. Во-первых, победа студентов была слишком убедительной, чтобы оспаривать ее силой или хитростью: разрыв — больше полумиллиона голосов. Во-вторых, движение было слишком народным и пестрым — его трудно было покрасить в один цвет и противопоставить ему «народ». Наконец, европейская перспектива — несмотря на особую восточную политику Сербии — оставалась важной частью политической стратегии Вучича. Членство в ЕС сработало как предохранитель от автократии в Венгрии, где Виктор Орбан в апреле сам позвонил победителю с поздравлениями[8], а кандидатский статус — в Сербии.

Для Вучича имело значение и собственное политическое будущее, которое у него, безусловно, есть. В сентябре он ушел с поста президента, чтобы возглавить список и претендовать на

7. URL: https://www.rferl.org/a/vucic-concession-serbia-parliament-elections-students/33884044.html.

8. URL: https://www.aljazeera.com/news/2026/4/12/hungary-election-early-results-show-magyars-tisza-ahead-of-orbans-fidesz.

пост премьера[9], а до 27 декабря 2026 года Сербию ждут президентские выборы. В оппозиции он уже бывал до 2012 года и оттуда пришел к власти. Если бы Вучич держался за власть сейчас, его по инерции отбросило бы от Европы к России. Но Россия далеко, занята войной и уже поэтому крайне малопривлекательна. Сербия в 1990-е воевала все войны, кроме гражданской, и становиться ее причиной Вучичу явно не хочется. К тому же то, что делает движение сильным в момент выборов, станет его слабостью при формировании правительства и в управлении. Здесь у Вучича все преимущества опыта и кадрового запаса.

Вучич возглавлял систему, которую можно назвать конкурентной автократией. Действующая власть в таких системах использует весь доступный административный, медийный и даже силовой ресурс, но — из-за внешнего контроля или несогласия общества на дальнейшую автократизацию — не переходит к прямым фальсификациям и силовому уничтожению оппонентов. Пример — досрочные выборы декабря 2023 года. Наблюдатели ОБСЕ зафиксировали давление на избирателей и решающее преимущество правящей партии, злоупотребление служебным положением и госресурсами[10], независимая НКО CRTA — организованную переброску избирателей в Белград[11]. И все же, признавали те же наблюдатели, выборы давали избирателю реальный выбор между альтернативами. В такой системе политику важна репутация честного борца — до определенного момента так вел себя, например, венесуэльский лидер Уго Чавес, — и даже усиленный властный ресурс упирается в институциональные границы, пусть и максимально широко раздвинутые властью в свою пользу.

Улица в рамке

И еще раз: главное в сербском сюжете — не победа оппозиции над автократом, а победа улицы, согласившейся играть по ин-

9. URL: https://www.euronews.com/2026/09/28/serbias-president-aleksandar-vucic-resigns-to-run-for-prime-minister-in-snap-elections.

10. URL: https://odihr.osce.org/node/560698.

11. URL: https://crta.rs/en/preliminary-statement-on-organized-voter-migration/.

ституциональным правилам, над политической системой в целом — горизонтали над вертикалью.

За два года мы видели все стадии этого процесса. Моральный шок после гибели людей в Нови-Саде запустил формулирование обид (grievances) и требований (demands). Недовольные преодолели порог между жалобами и действием. Дальше действие оказалось необыкновенно устойчивым — оно продержалось два года. У горизонтальных протестов часто короткий период полураспада (вспомним Болотную площадь или те же «желтые жилеты»), и то, что сербскому протесту удалось придать устойчивую форму, — уже достижение.

Но потом произошло самое главное: устойчивое протестное действие нашло способ наполнить собой существующую институциональную рамку и использовать ее, не ломая.

Передача власти в Белграде произошла не из страха перед революцией или силовым захватом (как после марша Бенито Муссолини на Рим в 1922 году). Не под внешним давлением (как у филиппинского диктатора Маркоса после звонка из Вашингтона). Не из страха правителя за себя (как в случае бегства Виктора Януковича, а до него многих других). И вообще не перед лицом уличного насилия, когда обыватель хочет порядка любой ценой — даже ценой ухода власти, лишь бы вернулась нормальная жизнь (уход Шарля де Голля меньше чем через год после «красного мая»).

В Белграде, можно сказать, не пострадал ни один бутик. Перед нами один из первых чистых случаев мирного заполнения новой горизонтальной политикой старой вертикальной рамки. Это как если бы студенческие движения 1968 года пошли на выборы и победили. Не позже, в виде «поколения 68-го» у власти десятилетия спустя, а сразу же. Как в Сербии, где студенты не поддержали одних политиков против других, а пришли сами, и овцы сделались сыты, и витрины пока что остались целы.

Статья впервые опубликована на сайте Carnegie Politika: https://carnegieendowment.org/ru/russia-eurasia/politika/2026/10/serbia-election-results-meaning.

DOI: 10.55167/5257f9918950

Специальная историческая операция

Введение

Обращение к прошлому занимает особое место в отношениях общества и государства, поскольку позволяет одновременно обосновывать сложившийся порядок и ставить вопрос о его допустимости. Споры о происхождении народов, принадлежности культурного наследия и ответственности за государственное насилие обнаруживают более общую проблему: каким образом общество сохраняет возможность самостоятельно осмысливать собственный опыт в условиях, когда его интерпретация приобретает непосредственное политическое значение.

Прежде всего, необходимо отметить, что любое общество в части формирования и воспроизводства социального опыта представляет собой децентрализованную систему. Каждый его участник является носителем определённых культурных представлений и одновременно собственного опыта, складывающегося в рамках семейных, профессиональных, национальных и религиозных связей. Культура определяет способы восприятия этого опыта, тогда как сам опыт, в свою очередь, изменяет содержание культурных представлений. Такая взаимная детерминированность означает, что общественная жизнь складывается из взаимодействия множества субъектов, обладающих различными основаниями для оценки происходящего, даже при высокой степени централизации государственной власти.

В указанном аспекте продуктивным представляется обращение к психологической теории права Л. И. Петражицкого. Правовые переживания в рамках данной теории имеют императивно-атрибутивный характер: представление об обязанности соединяется с представлением о том, что её исполнение причитается определённому субъекту. Нравственные же переживания характеризуются односторонней императивностью. Данное различие позволяет объяснить переход от переживания несправедливости к притязанию на восстановление должного. Применительно к памяти это позволяет осмыслить признание пережитого насилия как того, что причитается пострадавшим

и их потомкам. При этом такая аналогия раскрывает характер притязания, сама по себе не устанавливая его юридического содержания[1].

Историческая память занимает в этой системе особое место, поскольку наряду с правовыми, этическими, религиозными и хозяйственными традициями участвует в воспроизводстве культуры и групповой идентичности. Её содержание определяется отбором событий и способов их осмысления, поддерживаемых семейной передачей опыта, публичными ритуалами, памятными знаками и текстами. По существу, речь идёт о социальном отношении к прошлому, позволяющем сообществу определить собственную преемственность, основания солидарности и представления о допустимом устройстве совместной жизни[2].

Особое значение в данном случае приобретают воспоминания об утрате, пережитом насилии и сопротивлении ему. Вместе с тем национальная самоидентификация формируется и вокруг памяти о значимых событиях разного рода и с разным исходом, что наглядно обнаруживается в различном символическом содержании битв на Косовом поле, при Грюнвальде и на Неве. Значение подобных событий для современных сообществ складывается в процессе последующей культурной и политической интерпретации. Следовательно, историческая память одновременно сохраняет определённый опыт и наделяет его содержанием, востребованным в настоящем.

Именно это обстоятельство делает память привлекательным инструментом политической деятельности. Обращение к общей утрате или победе позволяет придать текущему решению значение продолжения исторической судьбы народа, а действующей власти — статус её представителя и защитника. При этом политическое использование прошлого может опираться на реальные события, поскольку необходимый ре-

1. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000.

2. Assmann J. Collective Memory and Cultural Identity / transl. by J. Czaplicka // New German Critique. 1995. No. 65. P. 125–133. DOI: 10.2307/488538.

зультат достигается уже посредством отбора фактов, распределения внимания и определения того, чья оценка признаётся общественно значимой, что означает возможность использования исторической преемственности в качестве самостоятельного аргумента легитимности власти.

В электоральных демократиях, при сохранении свободы публичной дискуссии, обращение к памяти становится одним из средств конкуренции за поддержку избирателей. В условиях персоналистской автократии, особенно по мере ограничения политической конкуренции и усиления репрессивных практик, возрастает возможность превращения предпочтительной интерпретации прошлого в обязательное основание национальной идентичности. Такая интерпретация становится инструментом национального строительства, предполагающего отождествление верности сообществу с лояльностью действующему руководству. Следовательно, существенно наличие институтов, позволяющих оспаривать подобное отождествление, поскольку политическое использование памяти встречается при различных режимах.

Однако неоднородность социального опыта ставит постоянные пределы подобной централизации. Событие, описываемое в государственном повествовании как необходимая мера, в семейной или национальной памяти может сохраняться как преступление и утрата. Память о «польской операции» НКВД, депортациях крымских татар, чеченцев и ингушей, Голодоморе и Холокосте соединяет индивидуальные судьбы с вопросами о решениях, государственных институтах и должностных лицах, определивших возможность насилия. При этом признание масштаба страданий само по себе, увы, не разрешает вопроса об ответственности за их причинение. Именно здесь возникает возможность сохранения официального поминовения при том, что обсуждение причин трагедии ограничивается.

Стоит признать, что обозначение подобного противостояния как конфликта официальной и частной памяти требует уточнения. Семейный опыт получает общественное выражение через деятельность общин, исследовательских объединений, религиозных организаций и инициатив по возвращению имён погибших. Государственные же учреждения могут под-

держивать такую деятельность, обеспечивая доступ к архивам и сохранение мест памяти. Противостояние возникает прежде всего там, где государственное участие приобретает характер исключительного полномочия определять допустимый смысл прошлого, а самостоятельное поминовение воспринимается как посягательство на политическую лояльность или национальную безопасность[3].

Нельзя не отметить, что подобное ограничение может осуществляться уже на уровне языка. Замена исторического самоназвания современным национальным определением, отождествление народа с государством или представление спорной преемственности как очевидного тождества способны заранее определить содержание последующего объяснения. При этом историческое исследование сохраняет самостоятельную задачу установления обстоятельств события, мотивов и механизмов принятия решений. Неоднородность памяти требует внимательного изучения её носителей, тогда как научная обоснованность исторического утверждения зависит от критики источников и доказательств.

Таким образом, борьба за память приобретает значение конфликта актуальных притязаний. Для сообщества, сохраняющего память о насилии, признание пережитой несправедливости становится условием сохранения собственного достоинства и права участвовать в публичной жизни. Для власти, связывающей свою легитимность с определённым образом государства, такое признание может означать необходимость согласиться с пределами государственных полномочий и допустимостью общественной оценки их осуществления. Исторический спор тем самым затрагивает устройство настоящего, определяя, кто вправе предъявлять требования и чьи требования подлежат признанию.

В итоге следует признать, что устойчивость общества зависит от возможности согласования различных исторических опытов при сохранении самостоятельности их носителей.

3. Mälksoo M. “Memory must be defended”: Beyond the politics of mnemonical security // Security Dialogue. 2015. Vol. 46. No. 3. P. 221–237. DOI: 10.1177/0967010614552549.

Установление ответственности конкретных институтов и лиц позволяет обсуждать причины насилия без возложения коллективной вины на народы. Совместное поминовение, в свою очередь, создаёт условия для взаимного признания пережитого, сохраняя возможность разногласия по поводу его интерпретации[4]. В этом отношении защита общественной памяти становится одной из гарантий свободы общества: она обеспечивает возможность самостоятельно оценивать действия власти и определять основания совместного будущего.

Именно этой проблематике борьбы за память и посвящен настоящий раздел.

DOI: 10.55167/676f878feb99

4. Cento Bull A., Hansen H. L. On agonistic memory // Memory Studies. 2016. Vol. 9. No. 4. P. 390–404. DOI: 10.1177/1750698015615935.

Rus', Russia и Ruthenia: язык, перевод и ретроспективная проекция

Алеся Маньковская
PhD Candidate, UCL School of Slavonic and East European Studies (SSEES), LAHP Scholar, Associate Fellow of the Higher Education Academy (AFHEA), and Member of the Royal Historical Society (RHS)

Знаменитый роман-антиутопия Джорджа Оруэлла «1984» был запрещён для открытой публикации и распространения в СССР, но с приходом перестройки запреты пали, и перевод Виктора Голышева вышел в журнале «Новый мир» в 1989 году[1]. Роман был буквально разобран на цитаты, и одна из самых известных цитат звучала так: «Кто управляет прошлым, тот управляет будущим; кто управляет настоящим, тот управляет прошлым»[2]. В английском оригинале данная фраза была сформулирована несколько иначе. Речь шла именно о контроле, а не об управлении: «Who controls the past controls the future: who controls the present controls the past». Дословно: «Кто контролирует прошлое, тот контролирует будущее; кто контролирует настоящее, тот контролирует прошлое»[3]. Именно такую форму, с глаголом «контролировать», выбрали и переводчики романа на русский язык в XXI веке[4]. Словари дают для 'control'

1. Первый легально опубликованный в СССР русский перевод романа был выполнен Вячеславом Недошивиным и печатался в молдавском журнале «Кодры» с № 9 за 1988 год по № 1 за 1989 год. Перевод Виктора Голышева вышел в журнале «Новый мир» в 1989 году, в № 2–4.

2. Оруэлл Дж. 1984 / пер. В. П. Голышева // Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. М.: Прогресс, 1989. Ч. 1, гл. III. С. 41.

3. «Who controls the past controls the future: who controls the present controls the past». Orwell G. Nineteen Eighty-Four. Pt. 1, ch. III.

4. В переводах Леонида Бершидского и Дарьи Целовальниковой используется глагол «контролировать». Перевод Целовальниковой опубликован издательством АСТ в 2022 году.

значения и «контролировать», и «управлять», и «сдерживать» (эмоции, толпу), и «регулировать» (процесс), и «подчинять себе» — то есть диапазон значений колеблется от нейтрального администрирования до открытого подавления. Как мы видим, английский глагол 'control' допускает различные способы передачи на русский язык, и «управлять» является вполне возможным переводческим выбором. Однако именно выбор между «управлять» и «контролировать» показывает, насколько перевод способен менять смысловой акцент и, следовательно, ассоциации читателя. «Управлять прошлым» и «контролировать прошлое» — не вполне одно и то же. Первое выражение скорее вызывает представление об активном руководстве или распоряжении чем-либо, тогда как второе позволяет услышать также значение власти над тем, что сохраняется, допускается, исключается, становится доступным или, наоборот, исчезает из поля зрения. И это различие не так незначительно, как может показаться. Прошлое недоступно нам непосредственно: мы обращаемся к нему через сохранившиеся документы, тексты, свидетельства и позднейшие способы их описания. А значит, важен не только сам источник, но и язык, которым он был написан, слова, которыми его категории впоследствии были обозначены, и, наконец, перевод, через который эти категории становятся понятны современному читателю.

Перевод в таком случае оказывается не просто технической заменой одного слова другим. Даже совершенно обоснованный переводческий выбор способен незаметно изменить систему ассоциаций: приблизить историческое понятие к современной политической, территориальной или национальной категории, которой в исходном контексте могло не существовать. Особенно серьёзной эта проблема становится тогда, когда сходные по звучанию слова в разных эпохах обозначали разные исторические реальности. Поскольку данная статья посвящена проблемам перевода и интерпретации как с английского языка, так и на английский, мне представляется важным подчеркнуть вслед за британским историком Э. Х. Карром, что историк неизбежно воспринимает прошлое через настоящее: он принадлежит своей эпохе, а сами слова, которыми он пользуется, несут современные коннотации. Даже попытка сохра-

нить исторические термины не устраняет эту проблему полностью, поскольку выбор слов уже сам по себе становится частью интерпретации. Карр доводит эту мысль почти до парадокса, предлагая понимать историю как «a hard core of interpretation surrounded by a pulp of disputable facts» (твёрдое ядро интерпретации, окружённое мякотью спорных фактов)[5].

Именно с вопросом интерпретации мы сталкиваемся при работе с терминологией, связанной с Rus', Russia, Ruthenia, Muscovy, Russian и Ruthenian. Механизм, который здесь работает, в историографии может быть описан как презентизм или ретроспективная телеология: позднейшие категории проецируются назад, на период, когда они либо ещё не существовали, либо имели иное содержание. В результате современное слово создаёт иллюзию исторической непрерывности. В политическом нарративе такой анахронизм способен выполнять уже не просто объяснительную, но и легитимирующую функцию: позднейшая категория начинает казаться естественной и существовавшей «всегда».

В современной западной академической литературе для обозначения языка письменной культуры восточнославянских земель Великого княжества Литовского (ВКЛ) и Речи Посполитой широко используется термин Ruthenian. В зависимости от исследовательской традиции речь при этом может идти о том, что в беларуской историографии определяется как старобеларуский язык[6], а в украинской — как староукраинский. Таким образом, один английский термин фактически охватывает языковые разновидности, которые сегодня рассматриваются в рамках двух различных национальных языковых историй.

5. Carr E. H. What Is History? 2nd ed. London: Penguin Books, 1987. P. 23.

6. В настоящей статье я последовательно использую форму «беларуский». В нормативном русском языке закреплена форма «белорусский»; выбранное здесь написание является сознательным авторским терминологическим решением, исходящим из современного официального названия государства — Республика Беларусь. Тем самым я также хочу обозначить сам принцип, рассматриваемый в данной статье: выбор формы исторического или национального наименования неизбежно содержит элемент современной интерпретации.

Дополнительную сложность создаёт перевод самого слова Ruthenian. На русский язык его нередко переводят как «русинский». Однако русинский язык существует и сегодня как отдельный восточнославянский язык, поэтому такое употребление способно создать впечатление, будто исторический Ruthenian Великого княжества Литовского и современный русинский язык представляют собой одну и ту же языковую категорию или находятся в прямой и однозначной преемственности. Истоки этой терминологической проблемы связаны с латинской традицией обозначения Rus'. Фактически здесь мы сталкиваемся с методологической проблемой: в английском языке Ruthenian позволяет разграничивать исторические понятия, не отождествляя их с Russian, однако при переводе на русский язык соотношение Русь/Россия/Рутения скорее создаёт дополнительную путаницу относительно того, о чём именно идёт речь. В результате сама русскоязычная передача исторического термина может незаметно навязывать интерпретацию, которой в английском оригинале нет. Поэтому далее ключевые исторические термины сохраняются в латинском или латинизированном написании, а их русская транслитерация или перевод приводятся в скобках. Все переводы, приведённые в настоящей статье, включая переводы с латинского языка, выполнены авторкой статьи, если не указано иное[7].

В книге «The Polish-Lithuanian Commonwealth, 1733–1795: Light and Flame» профессор Ричард Баттервик объясняет происхождение и употребление этих названий. Его пояснение одновременно проясняет ситуацию и показывает, насколько сложной она становится при переводе на русский язык. Баттервик пишет:

> Стандартным латинским соответствием названия Rus' (Русь) было Russia (Руссия). В византийском греческом употреблялась форма Rhossia (Россиа), что, в свою очередь, способствовало использованию в Московии формы Rossiia (Россия) наряду с Rus'

7. Форма «авторка» используется в настоящей статье сознательно, в соответствии с терминологической практикой XXI века. Этот выбор одновременно подчёркивает один из методологических принципов статьи: язык исследователя неизбежно принадлежит времени, в котором создаётся исследование.

(Русь). В 1721 году Пётр I провозгласил Rossiiskaia Imperiia (Российскую империю). Однако в средневековой западнохристианской традиции для обозначения Rus' (Русь) употреблялся и другой латинский термин — Ruthenia (Рутения). Иногда Ruthenia (Рутения) использовалась для передачи Rus' (Русь) и в документах, создававшихся в Речи Посполитой, хотя форма Russia (Руссия) оставалась более распространённой.
Возможность путаницы здесь огромна. Начиная с этого места и далее в книге термин Muscovy (Московия) обозначает царство до 1721 года, Russia (Руссия) — империю после 1721 года, а Ruthenia (Рутения) — земли Rus' (Руси), которые оставались в составе Польши-Литвы на протяжении большей части XVIII века. Аналогичным образом Russian относится к великорусскому языку, тогда как Ruthenian означает ruskii (руски), на котором говорили в Речи Посполитой. Варианты последнего впоследствии развились в современные беларуский и украинский языки. Канцелярский Ruthenian использовался в юридических документах на литовских землях и землях Ruthenian до 1697 года. Он содержал элементы старославянского, латинского и польского языков. Именно на этом языке были составлены три Литовских статута, или свода законов, 1529, 1566 и 1588 годов; последний из них оставался в силе до 1840 года. Третий Статут пришлось переводить на великорусский язык[8].

Но на каком языке был написан сам Статут? Несмотря на то что сохранились его печатные издания и, более того, он продолжал действовать вплоть до XIX века, однозначного ответа на этот, казалось бы, простой вопрос нет. После разделов Речи Посполитой российская власть не отменила автоматически право, действовавшее на присоединённых территориях[9]. В западных губерниях продолжали применять местные правовые нормы, и Третий Литовский статут 1588 года сохранял юридическую силу. В Могилёвской и Витебской губерниях его

8. Butterwick R. The Polish-Lithuanian Commonwealth, 1733–1795: Light and Flame. New Haven; London: Yale University Press, 2020. P. 17.

9. Grodziski S. Powszechna historia państwa i prawa. Problemy i badacze // Czasopismo Prawno-Historyczne. 2000. Vol. 52. No. 1–2. P. 10.

действие было отменено в 1831 году, а в остальных западных губерниях — в 1840 году[10].

В 1811 году в Петербурге было опубликовано польско-русское издание Статута[11].

Степан Руссов, назначенный в 1806 году волынским губернским прокурором, проявлял значительный интерес к истории присоединённых к Российской империи земель и разыскивал сохранявшиеся там старые акты и книги. В своих «Волынских записках» он писал, что «таковых Русских актов находится великое множество во всех тех городах, кои до присоединения сего края, были Судовыми», называя Житомир, Овруч, Луцк, Владимир и Кременец и относя начало этих актов к XV столетию. По утверждению самого Руссова, эти акты охватывают период с XV по XVIII век. Далее Руссов отмечал, что спустя несколько лет после «присоединения сего края язык Русской совсем был выведен из употребления», и сообщал о своих попытках найти старые печатные книги «на Российском языке». Среди них он называл два издания: Новый Завет, напечатанный в Остроге в 1581 году, и Литовский статут 1588 года. Последний, по его словам, он «нашел в частных руках»[12].

Уже сама терминология Руссова показательна. В пределах нескольких страниц он употребляет определения «Русские акты», «язык Русской», «Русские буквы» и одновременно говорит о книгах, «на Российском языке печатанных». Таким образом, формы «русский» и «российский» ещё не функционируют у него как совершенно однозначные и строго разграниченные современные категории. Именно на это обращает внимание К. В. Трояновский: «Руссов в своих „Записках“ называет язык старопечатного статута „русским“ или „российским“ <…>». Он

10. Kanecki O. The Third Statute of Lithuania in the Russian Empire until 1840 // Review of Institute of the Grand Duchy of Lithuania. 2021. Vol. 1. P. 45.

11. Трояновский К. В. Подготовка перевода на русский язык Статута Великого княжества Литовского и его издание в Петербурге в 1811 году // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 2 (61). С. 15. DOI: 10.17072/2219-3111-2023-2-14-25.

12. Руссов С. В. Волынские записки, сочиненные Степаном Руссовым в Житомире. СПб.: Императорская типография, 1809. С. 107–108.

предполагает, что существенную роль для Руссова могли играть кириллический алфавит и внешний облик шрифта и что подобное словоупотребление могло быть связано с особенностями языкового сознания начала XIX века[13]. В 1808 году Руссов направил своё сочинение о Волыни вместе с приобретённым им экземпляром старопечатного Литовского статута 1588 года Петру Васильевичу Лопухину. Таким образом, обнаруженный Руссовым экземпляр оказался в распоряжении министра юстиции и руководителя Комиссии составления законов (1803–1810), под чьим кураторством велась дальнейшая работа со Статутом.

Как отмечает Трояновский, Лопухин принимает использованное Руссовым обозначение, и в последующей официальной переписке язык Статута 1588 года уже именуется «российским». Именно под кураторством Лопухина осуществлялся проект подготовки нового двуязычного издания Литовского статута, поэтому употребляемая им терминология представляет для нас особый интерес: речь идёт уже не о частном словоупотреблении антиквара или историка, а о языке, входившем в официальную юридико-административную практику Российской империи. Здесь происходит не столько простое переименование, сколько закрепление одной из двух форм, употреблявшихся Руссовым: из вариантов «русский» и «российский» административный язык выбирает именно «российский». В контексте недавно присоединённых территорий и деятельности государственных учреждений Российской империи такое терминологическое закрепление уже трудно считать политически нейтральным. Независимо от того, было ли оно результатом сознательной политики, обозначение «российский» неизбежно приобретало имперскую нагрузку: язык правового памятника Великого княжества Литовского начинал определяться через название государства, в состав которого территории бывшего ВКЛ вошли лишь в результате разделов Речи Посполитой.

В 1808 году чиновники Сената специально сопоставляли находившиеся в их распоряжении версии Статута. В рапорте от 18 марта 1808 года говорится:

13. Трояновский К. В. Подготовка перевода… С. 17.

> Статут печатанный в Вильне в 1586 году по древнему слогу есть непонятен, и во всяком почти слове с Малороссийским несходственный<…>[14]

В том же рапорте говорится: «Малороссийский переведенный в 1738 году так же есть непонятен и во многих пунктах заключает в себе противный смысл настоящему Статутовому Праву». Под «настоящим Статутовым Правом», как поясняет Трояновский[15], чиновники в тот момент понимали нормы польскоязычного Статута. Важно также правильно понимать слова «с Малороссийским несходственный». Речь здесь не идёт о сравнении старобеларуского и староукраинского языков в современном лингвистическом смысле. «Малороссийским» в данном контексте называется конкретная версия Статута, связанная с юридической практикой Гетманщины. В 1738 году комиссия по кодификации малороссийского права завершила перевод Статута с польского на «великороссийский» язык; этот текст, применявшийся судами Гетманщины, был известен как «Малороссийский статут». Следовательно, рапорт 1808 года сопоставляет два конкретных текста, а не формулирует классификацию восточнославянских языков[16]. Однако всё это возвращает нас к вопросу о том, каким современным термином следует обозначать язык самого Статута. В беларуской филологической традиции Статут 1588 года рассматривается непосредственно в истории старобеларуского языка. Например, в учебном пособии Беларуского государственного университета М. И. Свистуновой и Г. К. Цивановой сказано, что Статут 1588 года «адыграў нармалізуючую ролю ў гісторыі старабеларускай мовы» (сыграл нормализующую роль в истории старо-

14. В оригинале указан 1586 год. Речь идёт о Третьем Статуте Великого княжества Литовского, утвержденном и напечатанном в Вильне (Вильнюсе) в 1588 году. Цит. по: Трояновский К. В. Подготовка перевода… (со ссылкой на: РГИА. Ф. 1347. Оп. 94. Д. 754. Л. 2).

15. Трояновский К. В. Подготовка перевода… С. 18.

16. Там же. С. 16, 18.

беларуского языка); далее его текст используется для выявления собственно беларуских фонетических особенностей[17].

Такая квалификация существует и за пределами беларуской историографии. «Большая российская энциклопедия» сопровождает изображение Первого Литовского статута подписью: «Начало Первого Литовского статута на старобелорусском языке»[18].

В то же время в современной англоязычной славистике для письменного языка Великого княжества Литовского широко применяется более обобщающий термин *Ruthenian*. Возникает поэтому вопрос: насколько корректно использовать единое понятие *Ruthenian* применительно к языку Статута, если различные филологические традиции по-разному определяют его место в истории беларуского и украинского языков?

Именно этот вопрос подробно рассматривает лингвист Андрей Даниленко в статье «A Missing Chain? On the Sociolinguistics of the Grand Duchy of Lithuania». Его позиция особенно интересна своей внутренней сложностью. С одной стороны, Даниленко пишет, что канцелярский *Ruthenian* и *prostaja mova* «can hardly be called (Old) Belarusian» и считает, что обозначение *Ruthenian* как беларуского или украинского вносит в описание прошлого современные этнические категории и может возникать под воздействием внелингвистических факторов[19]. Далее в той же статье Даниленко прямо признаёт[20], что письменный стандарт, условно называемый *Ruthenian*, до конца XVI века был «Belarusian at its core». Следуя Юрию Шевелёву (1908–2002), украинско-американскому лингвисту и слависту, известному своими исследованиями исторического раз-

17. Свістунова М. І., Ціванова Г. К. Гістарычная фанетыка беларускай мовы. Мінск: БДУ, 2016. С. 145.

18. Валиконите И. Литовские статуты // Большая российская энциклопедия. Т. 17. М.: Большая российская энциклопедия, 2010. С. 648–650.

19. Danylenko A. A Missing Chain? On the Sociolinguistics of the Grand Duchy of Lithuania // Acta Baltico-Slavica. 2017. Vol. 41. P. 42. DOI: 10.11649/abs.2017.002.

20. Ibid. P. 44.

вития украинского, беларуского и русского языков, он пишет, что этот единый письменный язык сформировался в Северной Беларуси. При этом украинские пользователи этого стандарта могли вводить в него украинские особенности. Именно поэтому Даниленко предлагает говорить не о старобеларуском или староукраинском языке, а о едином «Ruthenian» как светском письменном стандарте, которым пользовались и беларусы, и украинцы: «One should speak, instead, of Ruthenian as used by Belarusians and Ukrainians». Таким образом, он приходит к заключению, что применение современных обозначений «Belarusian» и «Ukrainian» *avant la lettre* способно искажать социолингвистическую картину Великого княжества Литовского.

И здесь возникает особенно интересная методологическая коллизия. Даниленко признаёт беларуский фундамент письменного стандарта и его формирование в Северной Беларуси, но одновременно считает определение этого языка как «старобеларуского» ретроспективной национальной категоризацией. Иными словами, спор идёт уже не только о языковых признаках самого исторического текста, но и о том, какое современное название исследователь считает допустимым для их описания. Сам выбор между «руська мова», «Ruthenian» и «старобеларуский» становится актом интерпретации.

Трудно не вспомнить советского историка Михаила Покровского. Его знаменитая формула обычно приводится как «История — это политика, опрокинутая в прошлое», хотя исходное высказывание было значительно конкретнее: говоря о дореволюционной «буржуазно-дворянской» историографии, он писал, что «история, писавшаяся этими господами, ничего иного, кроме политики, опрокинутой в прошлое, не представляет»[21].

Похожую терминологическую проблему можно проследить и в российской историографии имперского периода. Если в случае Руссова и Лопухина мы видели, как определения «русский» и «российский» закреплялись в описании и администра-

21. Покровский М. Н. Общественные науки в СССР за 10 лет: доклад на конференции марксистско-ленинских учреждений 22 марта 1928 г. // Вестник Коммунистической академии. 1928. Кн. 26 (2). С. 5.

тивном обращении с историческими источниками, то к концу XIX века сходный механизм обнаруживается уже в языке профессиональной историографии. К примеру, само название работы Матвея Любавского «Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского Статута», вышедшей в 1892 году, содержит показательный историографический термин[22]. С одной стороны, Любавский последовательно говорит о Западной Руси и различает её историческое наследие и Московское государство. С другой стороны, в названии работы существительное «Русь» превращается в прилагательное «Русское». Такое грамматическое преобразование далеко не нейтрально: сочетание «Литовско-Русское государство» легко создаёт представление о существовании более широкого «русского» политического и культурного пространства, частью которого оказывается Великое княжество Литовское, а следовательно, и о некой единой исторической общности, предшествовавшей позднейшей России.

Именно здесь возникает непосредственная перекличка с замечанием Покровского. Историк может сохранять фактическое различие между Западной Русью и Московским государством и одновременно пользоваться терминологией, которая включает первое в более широкую «русскую» историческую категорию. В этом смысле перед нами как раз пример того, каким образом политические и культурные представления эпохи самого историка могут быть «опрокинуты в прошлое» — и, возвращаясь к Оруэллу, каким образом контроль над настоящим позволяет «контролировать прошлое».

В Великом княжестве Литовском и Речи Посполитой встречаются названия *руска/руська мова*, *рускій/руський* язык, а также формы с определением *просты/простая*. Именно подобные обозначения использовали Франциск Скорина, Симон Будный, Василь Тяпинский и Лаврентий Зизаний; терминология

22. Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского Статута: исторические очерки. М.: Университетская типография, 1892.

с корнем рус- присутствует и в Статутах Великого княжества Литовского 1566 и 1588 годов.

Но наличие корня *рус-* ещё не означает автоматической связи ни с Московским государством, ни с современным русским языком. Этот корень принадлежал значительно более широкой и более ранней системе наименований, связанной с Rus' и существовавшей задолго до первого летописного упоминания Москвы.

Дебаты о том, как современный исследователь должен называть язык и культурную принадлежность источников Великого княжества Литовского, выводят нас к более широкому вопросу об исторической идентичности. Беларуский историк Алег Дзярнович обращает внимание на то, что категории «Литва» и «Русь» в истории Великого княжества Литовского не были взаимоисключающими и не совпадали с современными национальными обозначениями. Именно поэтому особенно показателен пример Франциска Скорины, чьи собственные обозначения себя и своего происхождения меняются в зависимости от контекста; более того, этот контекст не является современной интерпретацией, а зафиксирован в исторических документах.

Дзярнович, обращаясь непосредственно к сохранившимся документам, показывает, насколько различными могли быть обозначения одного и того же человека в зависимости от контекста. В 1504 году в метрике Краковского университета Франциск Скорина был записан как «Franciscus Luce de Ploczko», то есть Франциск, сын Луки из Полоцка; как отмечает Дзярнович, в университетской метрике студенты обозначались по городу, из которого приехали. Однако уже в актовой записи Краковского университета от 14 декабря 1506 года о присвоении степени бакалавра artes liberales он назван «Fran[ciscus] de Poloczko Litphanus», причём Litphanus Дзярнович передаёт как «литвин». В актовых записях Падуанского университета от 5, 6 и 9 ноября 1512 года и протоколе Падуанской епископальной курии от 9 ноября того же года появляются определения «Franc[iscu]s q[uon]d[am] d[omi]ni Luce Scorina de Poloczko, Ruthenus» и «d[omini] magistri Franc[isci], Rutheni»; Ruthenus Дзярнович переводит как «русин». Наконец, в грамоте короля Фердинанда I от 29 января 1552 года, выданной сыну Фран-

циска Скорины Симеону, Франциск назван «doktor Frantissek Rus Skoryn s Poloczko»[23]. Таким образом, исторические документы не дают нам одного неизменного современного национального определения: в разных обстоятельствах появляются de Poloczko, Litphanus, Ruthenus и Rus, причём уже перевод этих исторических обозначений как «литвин» или «русин» представляет собой отдельный исследовательский выбор. Показательно поэтому и заключение самого Дзярновича:

> «В письменных источниках конца XV в. и особенно в XVI в. понятие „Русь“ очень часто используют в региональном контексте. И применительно к понятию „Русь“, и применительно к понятию „Литва“ существовал широкий спектр их прочтений. „Русь“ могла выступать и как надрегиональное понятие, и как региональное (хороним), и как конфессионим. „Литва“ — как политоним, региональное название и полисемантический этноним сложного и непостоянного состава. Степень наполнения термина „Русь“ этническим содержанием остается дискуссионной»[24].

Последнее замечание особенно существенно для терминологической проблемы: если само понятие «Русь» в исторических источниках могло иметь несколько различных значений, а степень его этнического содержания остаётся дискуссионной, его ретроспективная замена одной современной национальной категорией неизбежно сужает спектр значений, присутствовавших в историческом употреблении.

Franciscus de Poloczko → Litphanus → Ruthenus → doktor Rus

Эти определения не обязательно противоречат друг другу. Скорее, они показывают существование различных уровней идентификации, которые могли быть территориальными, политическими, культурными, конфессиональными или со-

23. Дзярнович О. И. «Русь» и «Литва» Великого княжества Литовского в XVI–XVII вв. как этноконфессиональные и социально-географические регионы // Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства / отв. сост. А. В. Доронин. М.: РОССПЭН, 2017. С. 119–120. Цитаты из первоисточника здесь и далее приводятся по Дзярновичу.

24. Там же. С. 132.

циально-географическими и актуализироваться по-разному в зависимости от контекста документа.

Именно поэтому механический перевод Ruthenus современным словом «русин», а Ruthenian — «русинский» оказывается методологически проблематичным. Такой перевод способен придать источнику гораздо более определённую современную этнолингвистическую характеристику, чем та, которая содержалась в исходном латинском обозначении.

Проблема возникает не только при переводе отдельных исторических терминов, но и в современной англоязычной академической терминологии. Показателен пример работы Татьяны Джексон «Hólmgarðr (Novgorod) and Kænugarðr (Kiev)». Она начинается с утверждения: «Old Norse sources have preserved the names of twelve towns that were considered by medieval authors, as well as by their modern editors, to have been Old Russian towns». Среди первых восьми, которые автор считает надёжно идентифицированными, названы Новгород, Ладога, Киев, Суздаль, Полоцк, Смоленск, Муром и Ростов[25]. Далее Джексон отмечает, что семь из них входят в число десяти городов, упомянутых в Russian Primary Chronicle («Повести временных лет») в летописных статьях IX века. Само это обозначение также показательно: в принятом русском названии источника определение «русский» отсутствует, тогда как в английской академической терминологии появляется прилагательное Russian. Тот же механизм действует и в сочетании Old Russian towns. Поскольку Russian в современном английском непосредственно связано с Russia, такое определение способно восприниматься уже не как «города древней Руси», а как «древние российские города». Таким образом, в обоих случаях историческое понятие Rus' при переводе фактически преобразуется в указывающее на принадлежность прилагательное Russian, что создаёт иную семантическую перспективу. Особенно заметной эта проблема становится применительно к Киеву и Полоцку — политическим и культурным центрам, существовавшим

25. Jackson T. N. Hólmgarðr (Novgorod) and Kænugarðr (Kiev) // Jackson T. N. Eastern Europe in Icelandic Sagas. Leeds: Arc Humanities Press, 2019. P. 71. DOI: 10.1017/9781641890274.009.

задолго до возникновения Московского царства. Это не означает, что Джексон сознательно отождествляет средневековую Rus' с позднейшей Россией: речь идёт прежде всего об устоявшейся англоязычной научной терминологии. Однако именно устойчивость этой терминологии и представляет методологическую проблему. Различие между Rus' и Russia исчезает уже на уровне языка описания, а историческая связь между ними начинает восприниматься как историческое тождество. Более прозрачными в данном случае были бы определения towns of medieval Rus' или towns of ancient Rus', сохраняющие различие между исторической Rus' и позднейшей Russia.

Проблема, однако, не ограничивается переводом латинских и английских терминов. Чтобы понять, что именно скрывается за словами Rus', Ruthenia и Ruthenian, необходимо обратиться к тому, как формировалась письменная и политическая традиция самих восточнославянских земель.

Историки и археологи имеют основания предполагать, что уже на исходе X века, при князе Изяславе Владимировиче (989–1001), в Полоцке создавались собственные актовые материалы. О существовании документов свидетельствует двусторонняя вислая печать с именем Изяслава, а также надпись на Рогволодовом камне 1171 года[26]. Одновременно на территории современной Беларуси существовали и другие центры письменной культуры, на что указывает, например, Туровское Евангелие XI века[27]. Эти памятники подтверждают развитие государственности, христианской книжной культуры и письменности на территории современной Беларуси задолго до появления Москвы как значимого политического центра. Полоцк при этом следует рассматривать не как простую периферию Киева, а как самостоятельный политический центр, находившийся в сложной системе отношений с Киевом, Новгородом и скандинавским миром. Такой контекст важен не для того, чтобы выстроить новую телеологическую национальную схему

26. Алексеев Л. В. Полоцкая земля: (Очерки истории Северной Белоруссии) в IX–XIII вв. М.: Наука, 1966. С. 229–230.

27. Пуцко В. Ілюмінацыя Тураўскага Евангелля // Беларускі гістарычны агляд. 1998. Т. 5, сш. 1 (8). С. 88–102.

от X века к современной Беларуси, а для того, чтобы отказаться от другой телеологии — представления, будто вся ранняя восточнославянская письменная и политическая традиция имела единый политический и культурный центр, а остальные земли представляли собой лишь его периферию.

Проблема определения языка, а вместе с ней и проблема последующей культурной и национальной атрибуции его носителей, не исчезает и в XVII веке. Напротив, она приобретает дополнительное значение по мере того, как Московское царство всё более настойчиво утверждает себя в качестве политического центра, претендующего на объединение земель, связанных с наследием Rus'. Уже в конце XV века в московской титулатуре закрепляется формула «всея Руси». Однако в XVII веке вопрос о том, что именно понимается под «Русью», «русским» и «руським», становится не только терминологическим, но и непосредственно политическим. При этом политическое притязание на наследие Rus' не устраняло языковых, культурных и конфессиональных различий между населением разных земель, а, напротив, делало их всё более существенными.

Говоря о языке Московского царства XVII века, который в позднейшей историографии принято называть «русским», необходимо учитывать, что русского литературного языка в современном понимании ещё не существовало. В письменной культуре Московского царства сосуществовали различные языковые регистры, прежде всего церковнославянский и язык деловой письменности (канцелярский). В то же время на языке, который в современной англоязычной научной литературе обозначается как Ruthenian, печатались книги, создавались драматические произведения и осуществлялись переводы, но не в Московии, а в ВКЛ.

По свидетельству Юхана Габриэля Спарвенфельда[28], шведского языковеда и слависта, несколько лет жившего в Мо-

28. Юхан Габриэль Спарвенфельд (1655–1727) прибыл в Москву в 1684 г. в составе шведской дипломатической миссии, а затем, получив стипендию шведского короля Карла XI, остался ещё приблизительно на два с половиной года специально для изучения языка и московских дел. Позднее он составил обширный славяно-латинский словарь *Lexicon Slavonicum*. См.: J. G. Sparwenfeld's Diary of a Journey

скве и специально изучавшего язык и письменную культуру Московского царства, в этот период различались «язык славенский чистый или ветхий» и «славено-российские-московские» слова, употреблявшиеся «по вседневному обычаю» при дворе московских царей. Это различение существенно именно потому, что не позволяет представлять языковую ситуацию Московского царства XVII века как существование единого и однозначно определяемого «русского языка»: сам современник различал церковнославянскую письменную норму и московскую языковую практику.

В XVII веке Московское царство всё активнее воспринимало интеллектуальные и образовательные импульсы, исходившие из земель Речи Посполитой. Образованные выходцы из этих земель занимали заметное место при московском дворе и играли значительную роль в его литературной, книжной и образовательной культуре. Одним из наиболее показательных примеров является Симеон Полоцкий, чья позднейшая атрибуция как «русского поэта» оказывается значительно менее однозначной, если рассматривать не только место его деятельности после 1664 года, но и его собственную языковую и образовательную биографию.

Уроженец Полоцка, входившего в состав Великого княжества Литовского, Симеон сформировался в иной политической, образовательной и языковой среде и приехал в Москву уже взрослым человеком. Московская разговорная речь не была для него родной, тогда как церковнославянский язык, ставший основным языком его московского литературного творчества, он сознательно изучал и осваивал как литературный язык Московского царства. Таким образом, ни язык его ранней письменной деятельности, ни язык его московских литературных произведений нельзя без дополнительных оговорок отождествлять с тем, что позднее стало называться русским литературным языком. Как отмечает Б. А. Успенский, «будучи в Юго-Западной Руси, он писал на „простой мове“; между тем, попав в Москву, он рассматривает церковнославянский язык

to Russia 1684–87 / ed. by U. Birgegård. Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 2002.

как единственный литературный язык Московского государства и старается писать именно на этом языке»[29].

Само обозначение «Юго-Западная Русь» здесь заслуживает внимания. Полоцк, который в приведённой Успенским формуле оказывается частью «Юго-Западной Руси», в XIX веке, после включения бывших земель Великого княжества Литовского в состав Российской империи, оказался уже в пространстве, обозначавшемся как «Северо-Западный край»[30]. При этом географическое положение Полоцка, разумеется, не изменилось. Изменилась точка отсчёта. Само превращение «юго-запада» в «северо-запад» показывает, что подобные определения являются не только географическими: они организуют пространство относительно определённого политического и историографического центра. Успенский использует широкую географическую категорию с компонентом «Русь», не называя конкретного политического и исторического контекста — Великого княжества Литовского. Однако применительно к языковой биографии Симеона подобное обобщение способно скрыть важное обстоятельство: до переезда в Москву он формировался в иной политической, образовательной и языковой среде.

Рассмотрим теперь, как эта сложная биография переносится в современный англоязычный академический дискурс. Памела Дэвидсон определяет Симеона как «Russia's first professional court poet»[31]. Далее Дэвидсон пишет: «Его ранние стихи были написаны на его родном беларуском языке, а также на польском и латыни; писать стихи на „относительно нор-

29. Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М.: Гнозис, 1994. С. 193.

30. Северо-Западным краем неофициально называлась территориально-административная единица Российской империи, включавшая Виленскую, Ковенскую, Гродненскую, Минскую, Витебскую и Могилёвскую губернии. См.: Гісторыя Беларусі: у 2 ч. Ч. 1: Ад старажытных часоў — па люты 1917 г. / пад рэд. Я. К. Новіка, Г. С. Марцуля. 3-е выд., дапрац. і дап. Мінск: Вышэйшая школа, 2007. С. 278–279.

31. Davidson P. Simeon Polotskii and the Origins of the Russian Tradition of the Writer as Prophet // The Modern Language Review. 2017. Vol. 112. No. 4. P. 919. DOI: 10.5699/modelangrevi.112.4.0917.

мативном церковнославянском“ он начал лишь в конце 1650-х годов» (His early verse was written in his native Belorussian as well as in Polish and Latin; he only began to write poems in a ‘relatively normative Church Slavonic’ in the late 1650s). Дэвидсон употребляет именно выражение native Belorussian — «родной беларуский», а не Ruthenian[32]. Так язык ранней поэзии Симеона получает у Дэвидсон непосредственную современную национально-языковую атрибуцию. Говоря о Симеоне как о поэте, в данном случае Дэвидсон употребляет именно Russia’s, а не Russian poet. Такая конструкция связывает Симеона прежде всего с придворной и литературной культурой государства, при дворе которого он работал, но сама по себе ничего не говорит о языке его произведений.

При этом возникает уже другая терминологическая проблема. Государство, при дворе которого Симеон служил во второй половине XVII века, в современной англоязычной историографии часто обозначается как Muscovy или Muscovite state. Ричард Баттервик, например, специально использует Muscovy для допетровского царства, сохраняя Russia для империи после 1721 года. Поэтому формула Russia’s first professional court poet уже сама по себе ретроспективно переносит название Russia на политическую реальность Московского государства XVII века.

В результате возникает любопытная терминологическая ситуация: английская формула позволяет избежать прямого определения Симеона как Russian poet, однако делает это посредством переноса на его эпоху названия Russia. Тем самым, хотя сама конструкция Russia’s first professional court poet формально не определяет ни национальную принадлежность Симеона, ни язык его произведений, она способна создавать именно такую ассоциативную связь: поэт, принадлежащий Russia, начинает восприниматься как «русский поэт», а его литературная деятельность — как осуществлявшаяся на «русском языке». Именно здесь особенно отчётливо проявляется проблема, рассматриваемая в данной статье: грамматически корректное и, на первый взгляд, нейтральное обозначение посредством пе-

32. Ibid. P. 920.

ревода способно создавать исторические связи, которых само по себе не утверждает.

При этом в известных мне источниках XVII века применительно к самому Симеону Полоцкому не встречалось обозначение Ruthenus, которое в современной литературе нередко переводится как «русин». Поэтому позднейшую национальную атрибуцию Симеона важно сопоставить с терминологией его почти современника, непосредственно упоминавшего его произведения. Такое свидетельство сохранилось в *Grammatica Russica* Генриха Вильгельма Лудольфа, изданной в Оксфорде в 1696 году.

Уже на титульном листе Лудольф последовательно различает Russica и Slavonica: книга содержит основные положения Russicae linguae, но одновременно предлагает отдельное руководство ad Grammaticam Slavonicam[33].

В предисловии Лудольф определяет место Russica внутри славянского языкового пространства. Если на титульном листе он говорит о Russica lingua, то здесь относит Russica к dialecti славянского происхождения. Он не представляет Russica как самостоятельную языковую систему в современном национально-лингвистическом смысле, а помещает её внутри более широкого славянского языкового пространства. Распространение Russica он описывает на огромной территории — от Архангельска до Астрахани и от Ингерманландии до границ Китая[34]. Лудольф определяет Russica как один из диалектов славянского происхождения, однако в последующей историографии за языковой практикой Московского царства этого периода закрепляется обозначение «русский язык»[35]. При этом

33. Ludolf H. W. Grammatica Russica, quae continet non tantum praecipua fundamenta Russicae linguae, verum etiam manuductionem quandam ad Grammaticam Slavonicam. Oxonii: E Theatro Sheldoniano, 1696. Титульный лист. Библиографическое описание оригинала подтверждает издание: Oxford, Sheldonian Theatre, 1696, [14] + 97 с.

34. Ludolf H. W. Grammatica Russica… Praefatio. Sig. A–A2.

35. К примеру, эта тенденция заметна уже в хронологической рамке, заданной названием работы Б. А. Успенского «Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.)». Название объединяет письменные традиции XI–XIX вв. в рамках единой истории «рус-

письменные языковые формы, существовавшие на территории Великого княжества Литовского и связанные с будущими беларуской и украинской языковыми традициями, в значительной части современной англоязычной литературы объединяются под общим обозначением Ruthenian[36]. Таким образом, возникает определённая асимметрия классификации: Russica ретроспективно получает название отдельного национального языка — Russian, тогда как языковое пространство Великого княжества Литовского описывается посредством общей категории Ruthenian, внутри которой беларуские и украинские особенности далеко не всегда получают сопоставимое терминологическое разграничение. Речь не идёт о том, что современная лингвистика вообще не различает старобеларуские и староукраинские особенности: такое различение существует и само является предметом научной дискуссии. Проблема заключается именно в разной степени терминологической детализации: Russica превращается в термин Russian, тогда как языковые формы пространства ВКЛ сведены к единому Ruthenian.

Лудольф также упоминает Симеона Полоцкого — *Simon Polotski*. Говоря о его литературной деятельности, он пишет:

> Fuit alias Monastici ordinis quidam Simon Polotski … Psalmos Davidis in rythmos Slavonicos redegit<…> (Был некогда некий Симон Полоцкий, принадлежавший к монашескому чину, который … переложил псалмы Давида рифмами славянскими<…>)

Формула *in rythmos Slavonicos* здесь принципиальна. Лудольф не называет язык этого произведения *Russica*, хотя речь идёт о сочинении московского периода Симеона. Он характеризует его именно как *in rythmos Slavonicos* (рифмы славянские).

Лудольф отмечает, что Симеон стремился сделать этот письменный язык более доступным и по возможности избегал наиболее трудных славянских слов, чтобы донести его перевод до более широкого круга читателей. Однако это сознательное

ского литературного языка»; раздел о Симеоне Полоцком см.: Успенский Б. А. Краткий очерк… С. 193 и далее.

36. Danylenko A. A Missing Chain?.. P. 42–45; Butterwick R. The Polish-Lithuanian Commonwealth… P. 17.

упрощение не меняло языковой принадлежности текста: по наблюдению Лудольфа, всё при этом написано на славянском, который далек от разговорного языка.

Перед нами, таким образом, не просто различие «образованной» и «необразованной» речи, а функциональное разделение языковых кодов. *Russica* является языком повседневной коммуникации определённого политического пространства; *Slavonica* служит языком письма, богослужения и учёности. Отсюда и известная формула Лудольфа, обычно передаваемая как необходимость «говорить по-русски, а писать по-славянски». Лудольф связывает *Russica dialectus* с политическим пространством царского государства, в которое Полоцк не входил, а язык московских произведений самого Симеона характеризует как *Slavonica*.

Получается, что определение Симеона как «русского поэта» объединяет три различных утверждения: его деятельность при московском дворе, что является бесспорным историческим фактом; его место в последующей истории русской литературы; и, наконец, язык его произведений, который, исходя из приведённых выше свидетельств, вряд ли может быть назван «русским». Первые два утверждения исторически обоснованы; третье же, если под «русским» понимать *Russica* в значении, зафиксированном Лудольфом, источниками не подтверждается.

В 1721 году Пётр I принял титул императора, а государство стало именоваться Российской империей; в том же году Духовная коллегия, вскоре получившая название Святейшего Правительствующего Синода, заменила патриаршее управление и стала высшим органом церковной администрации, тем самым теснее встроив её в государственную систему[37]. Однако

37. См.: Dixon S. The Russian Orthodox Church in Imperial Russia, 1721–1917 // The Cambridge History of Christianity. Vol. 5: Eastern Christianity / ed. by M. Angold. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. Ch. 14; Peter I's *Spiritual Regulation* of 1721 established the new system of ecclesiastical government and replaced the patriarchate with the Holy Synod. См. также: Регламент или Устав Духовной Коллегии. 25 января 1721 г. // Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. Собр. 1-е. Т. VI: 1720–1722. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. № 3718. С. 314–346.

территориальное включение большей части земель современной Беларуси в Российскую империю произошло значительно позднее — в результате разделов Речи Посполитой 1772, 1793 и 1795 годов.

Это хронологическое различие принципиально важно. Название империи, изменение московской титулатуры и включение западных земель в состав Российской империи — не один и тот же процесс. Между ними лежат разные политические эпохи и разные государственные структуры. К моменту разделов Речи Посполитой Полоцк, Витебск, Могилёв, Минск и другие земли уже столетиями развивались в рамках Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, со своими правовыми, конфессиональными и языковыми традициями.

Заключение

Современные слова «Россия», «русский» и «русский язык» обладают настолько устойчивым значением для современного читателя, что при переносе их на средневековые и раннемодерные источники они способны незаметно изменить саму структуру исторического повествования. Так, в англоязычной историографической и переводческой традиции Rus' может превращаться в Russia, ruskii — в современный «русский», а Ruthenian — в категорию, которая сама требует отдельного исторического объяснения.

Речь не идёт о том, чтобы исключить Московию или позднейшую Россию из наследия Rus'. Такая постановка вопроса лишь создала бы зеркальную версию той же самой проблемы — замену одной исключительной исторической генеалогии другой. Речь идёт о необходимости различать историческую связь и историческое тождество.

Таким образом, контроль над прошлым не обязательно предполагает прямую фальсификацию фактов. Гораздо менее заметным и потому особенно эффективным механизмом становится язык повествования: выбор названия, перевод исторического термина, замена одной категории другой. Иногда достаточно поставить знак равенства между двумя исторически связанными, но не тождественными понятиями — и сложная

история постепенно превращается в линейную, кажущуюся самоочевидной.

Источники уничтожались, утрачивались и переосмысливались, однако сохранившиеся документы позволяют не только восстанавливать отдельные факты, но и видеть исторические категории до того, как позднейшая терминология изменила их значение и в некоторых случаях внесла в них политические и национальные интерпретации. Именно здесь возникает проблема перевода, а точнее, новой терминологии, с которой постоянно сталкивается современная славистика. Для максимально точного прочтения источника недостаточно ни буквальной кальки с латинского, ни механической замены исторического термина его современным эквивалентом. Необходимо учитывать контекст его употребления, политическую географию эпохи, исторические самоназвания, соотношение языков и диалектов, а также то значение, которое соответствующий термин имел для современников, а не то, которое он приобрёл позднее. Иными словами, прежде чем переводить прошлое на язык настоящего, необходимо понять, на каком языке прошлое говорило о самом себе.

Библиография

Источники

Оруэлл Дж. 1984 / пер. с англ. В. П. Голышева // Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. М.: Прогресс, 1989.

Регламент или Устав Духовной Коллегии. 25 января 1721 г. // Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. Собр. 1-е. Т. VI: 1720–1722. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. № 3718. С. 314–346.

Руссов С. В. Волынские записки, сочиненные Степаном Руссовым в Житомире. СПб.: Императорская типография, 1809.

J. G. Sparwenfeld's Diary of a Journey to Russia 1684–87 / ed. by U. Birgegård. Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 2002. (Slavica Suecana. Series A. Publications; 1).

Ludolf H. W. Grammatica Russica, quae continet non tantum praecipua fundamenta Russicae linguae, verum etiam manuductionem quandam ad Grammaticam Slavonicam. Oxonii: E Theatro Sheldoniano, 1696. [14], 97 p.

Orwell G. Nineteen Eighty-Four. Project Gutenberg of Australia, 2001. eBook No. 0100021.txt. URL: http://gutenberg.net.au/ebooks01/0100021.txt (дата обращения: ..2026).

Исследования

Алексеев Л. В. Полоцкая земля: (Очерки истории Северной Белоруссии) в IX–XIII вв. М.: Наука, 1966.

Валиконите И. Литовские статуты // Большая российская энциклопедия. Т. 17. М.: Большая российская энциклопедия, 2010. С. 648–650.

Гісторыя Беларусі: у 2 ч. Ч. 1: Ад старажытных часоў — па люты 1917 г. / пад рэд. Я. К. Новіка, Г. С. Марцуля. 3-е выд., дапрац. і дап. Мінск: Вышэйшая школа, 2007.

Дзярнович О. И. «Русь» и «Литва» Великого княжества Литовского в XVI–XVII вв. как этноконфессиональные и социально-географические регионы // Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства / отв. сост. А. В. Доронин. М.: РОССПЭН, 2017. С. 118–132.

Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского Статута: исторические очерки. М.: Университетская типография, 1892.

Покровский М. Н. Общественные науки в СССР за 10 лет: доклад на конференции марксистско-ленинских учреждений 22 марта 1928 г. // Вестник Коммунистической академии. 1928. Кн. 26 (2). С. 3–30.

Пуцко В. Ілюмінацыя Тураўскага Евангелля // Беларускі гістарычны агляд. 1998. Т. 5, сш. 1 (8). С. 88–102.

Свістунова М. І., Ціванова Г. К. Гістарычная фанетыка беларускай мовы. Мінск: БДУ, 2016.

Трояновский К. В. Подготовка перевода на русский язык Статута Великого княжества Литовского и его издание в Петербурге в 1811 году // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 2 (61). С. 14–25. DOI: 10.17072/2219-3111-2023-2-14-25.

Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М.: Гнозис, 1994.

Butterwick R. The Polish-Lithuanian Commonwealth, 1733–1795: Light and Flame. New Haven; London: Yale University Press, 2020.

Carr E. H. What Is History? / ed. by R. W. Davies. 2nd ed. London: Penguin Books, 1987.

Danylenko A. A Missing Chain? On the Sociolinguistics of the Grand Duchy of Lithuania // Acta Baltico-Slavica. 2017. Vol. 41. P. 31–57. DOI: 10.11649/abs.2017.002.

Davidson P. Simeon Polotskii and the Origins of the Russian Tradition of the Writer as Prophet // The Modern Language Review. 2017. Vol. 112. No. 4. P. 917–952. DOI: 10.5699/modelangrevi.112.4.0917.

Dixon S. The Russian Orthodox Church in Imperial Russia, 1721–1917 // The Cambridge History of Christianity. Vol. 5: Eastern Christianity / ed. by

M. Angold. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 325–347. DOI: 10.1017/CHOL9780521811132.015.
Grodziski S. Powszechna historia państwa i prawa. Problemy i badacze // Czasopismo Prawno-Historyczne. 2000. Vol. 52. No. 1–2. P. 9–20. DOI: 10.14746/cph.2000.52.1-2.1.
Jackson T. N. Hólmgarðr (Novgorod) and Kænugarðr (Kiev) // Jackson T. N. Eastern Europe in Icelandic Sagas. Leeds: Arc Humanities Press, 2019. P. 71–84. DOI: 10.1017/9781641890274.009.
Kanecki O. The Third Statute of Lithuania in the Russian Empire until 1840 // Review of Institute of the Grand Duchy of Lithuania. 2021. Vol. 1. P. 45–54. DOI: 10.24426/rigdl.v1i0.215.

DOI: 10.55167/5bf397c8c88d

Заложники Второй мировой
Кто и когда приказал уничтожить европейских евреев?

Евгений Беркович
Профессор Свободного университета

Ненайденный приказ

Катастрофе европейских евреев в годы Второй мировой войны посвящено огромное множество публикаций. Вышедший в 1985 году библиографический обзор исторических работ по Холокосту [Laska, 1985] содержал описания около двух тысяч книг и более десяти тысяч статей. За прошедшие с тех пор годы эти числа выросли на порядок. Одна только Библиотека Винера о Холокосте в Лондоне (Wiener Holocaust Library) содержит около семидесяти тысяч книг и брошюр. Библиотека Мемориального музея Холокоста в Вашингтоне (USHMM) содержит 136 тысяч единиц хранения. Мемориальный комплекс истории Холокоста Яд ва-Шем в Иерусалиме (Yad Vashem) содержит свыше 169 тысяч публикаций о Катастрофе европейского еврейства.

Вероятно, никакая другая тема в истории не была так подробно задокументирована. Но несмотря на огромное множество данных, имеющихся в распоряжении историков, остается без ясного и общепризнанного ответа важный вопрос о происхождении одного из самых чудовищных преступлений в истории человечества: существовал ли конкретный приказ об уничтожении евреев в Европе, и если существовал, то кем и когда он был отдан?

Отсутствие единого мнения историков по этому поводу легко объяснимо: письменный приказ, о котором идет речь, до сих пор не найден. Данный факт можно интерпретировать по-разному. Например, что приказ мог быть уничтожен, или утерян, или мог быть дан в устной форме. Но вероятно и такое, что никакого приказа вообще не было, то есть уничтожение евреев производилось без специального указания сверху.

Этого мнения придерживается, в частности, немецкий историк Мартин Брошат [Broszat, 1977]. Он считает, что при депортации немецких евреев в Польшу, Прибалтику и другие районы Восточной Европы осенью 1941 года у местных властей появились проблемы с размещением такого количества людей. Чтобы решить их, они стали убивать прибывающих евреев. Постепенно подобная практика развилась в программу всеобщего уничтожения.

Другой немецкий историк, Ганс Моммзен, тоже не верит в существование такого приказа. В физическом истреблении он видит последнюю стадию все более обостряющейся дискриминации, результат, по его собственному выражению, «кумулятивной радикализации», а для этого никаких приказов и распоряжений не требуется [Mommsen, 1983].

Сравнительно недавно, в сентябрьском номере журнала «Знамя» за 2025 год, появилась интересная статья уважаемого Льва Симкина, из которой несведущий читатель может сделать вывод, что проблема приказа об «окончательном решении еврейского вопроса» наконец решена [Симкин, 2025]. Автор прямо пишет:

> Никто не ведет отсчет с 22 июня 1941 года. А ведь настоящая беда, назови ее греческим ли словом «холокост» (всесожжение), древнееврейским ли «шоа» (катастрофа), началась именно тогда. В день, когда германская армия и идущие следом за нею отряды убийц из айнзатцгрупп перешли советскую границу. До этого дня евреев Европы преследовали, изгоняли из домов, отнимали имущество, но не убивали — в таком масштабе не убивали [Симкин, 2025].

Лев Симкин называет началом Холокоста день нападения Германии на Советский Союз. Вместе с войсками вермахта границу СССР перешли специально созданные айнзатцкоманды, в задачу которых входило поголовное уничтожение евреев на занятых немцами территориях. Действовали они по устному распоряжению Гитлера, отданному летом 1941 года, на которое указывают многочисленные косвенные факты, в том числе и новые, приведенные в статье в «Знамени». Уничтожение евреев Европы Симкин рассматривает как «развитие» этого приказа:

> То, что теперь называют «Холокостом от пуль», не было «инициативой с мест» и началось летом 1941 года не само собой, а по приказу, в развитие которого ближе к концу года — после контрнаступления Красной армии под Москвой, нападения Японии на Перл-Харбор и объявления Германией войны США — принято решение о строительстве лагерей смерти для европейских евреев [Симкин, 2025].

Таким образом, по Симкину, действия айнзатцкоманд на территории СССР и уничтожение евреев в странах Европы, оккупированных немецкими войсками, проводились по одному и тому же приказу Гитлера, отданному летом 1941 года. Между тем имеющиеся у историков факты прямо опровергают это утверждение. Некоторые из них приведены в настоящей статье. Ее цель — показать, что уничтожение евреев Европы и действия айнзатцкоманд на территории СССР — это разные ветви одной Катастрофы, развивавшиеся по разным сценариям, в основе которых лежали разные приказы.

То, что при изучении такого явления, как национал-социализм, нужно учитывать непростые взаимосвязи идей и действительности, идеологии и политических структур, определяющих внутреннюю политику Третьего рейха, признается практически всеми исследователями. Поразительно, однако, что большинство историков, изучающих проблемы Холокоста, почти не рассматривают внешнеполитические задачи, стоявшие перед Гитлером. А между тем именно здесь и нужно искать ответы, способные прояснить тайну авторства и времени возникновения «окончательного решения еврейского вопроса».

Пророчество как предупреждение

Тридцатого января 1939 года торжественно отмечалась шестая годовщина прихода Гитлера к власти. В зале берлинской Кролль-оперы фюрер выступил перед членами рейхстага с большой речью, к которой тщательно готовился. Посетивший его накануне Геббельс записал в своем дневнике, что Гитлер старается сделать речь образцом ораторского искусства [Fröhlich, 1987].

Стала ли январская речь таким образцом или нет, можно спорить, но с политической и исторической точки зрения ее значение трудно переоценить. В тот день Гитлер впервые

официально высказался о судьбе европейских евреев в предстоящей войне. Сам этот эпизод был театрально выделен: сцену залил свет прожекторов, и всем в зале стало понятно, что сейчас фюрер сообщит что-то очень важное. И он сказал:

> В своей жизни я часто бывал пророком, но надо мной смеялись. Сегодня я снова хочу выступить в роли пророка. Если международному финансовому еврейству удастся ввергнуть народы в мировую войну, то результатом будет не большевизация планеты и не победа еврейства, а уничтожение еврейской расы в Европе [Domarus, 1973].

Идея сделать немецких евреев заложниками интересов Германии высказывалась еще в 1922 году, во время подготовки гитлеровского путча в Мюнхене: «Полмиллиона строго охраняемых в лагерях евреев должны быть безусловно уничтожены, если враг пересечет немецкую границу» [Gordon, 1971]. Через несколько лет Гитлер повторил эти мысли в присутствии Раушнинга, который записал: «Евреи были для Гитлера залогом, дававшим гарантию, что заграница позволит ему идти своим путем» [Раушнинг, 1993]. В таком же ключе высказывался и Геббельс. Выступая по радио 19 ноября 1938 года, за два месяца до упомянутой речи фюрера, рейхсминистр высказал надежду, что иностранная агитация и пропаганда (явившиеся, кстати, реакцией на всегерманский еврейский погром 9 ноября 1938 года — печально знаменитую «Хрустальную ночь») скоро прекратятся, и добавил: «Думаю, это будет в интересах еще остающихся в Германии евреев» [Goebbels, 1971].

Насколько важным для понимания Холокоста является высказывание, произнесенное Гитлером в Кролль-опере, можно судить хотя бы по тому, какое значение придавал ему он сам. По меньшей мере шесть(!) раз цитировал он эту угрозу, ошибочно датируя свое выступление первым сентября вместо тридцатого января (многозначительная и, вероятно, не случайная оговорка: 1 сентября 1939 года в Европе началась война). Свое предсказание он настойчиво повторял в публичных выступлениях 30 января 1941-го, 30 января, 24 февраля, 30 сентября и 8 ноября 1942-го и 24 февраля 1943 года.

За семь месяцев до начала оккупации Польши Гитлер заявил, что если «финансовое еврейство» развяжет мировую

войну, то евреи Европы будут уничтожены. Это предупреждение в первую очередь было адресовано Соединенным Штатам Америки, так как в понимании Гитлера только их участие в войне превращало ее в мировую. Краткосрочные региональные войны («блицкриги»), направленные на установление «нового порядка» в Европе, Гитлер планировал давно и не считал их «мировыми». С 30 января 1939 года европейские евреи, составлявшие почти две трети евреев всего мира, объявлялись заложниками. Они стали инструментом немецкой политики, лозунг которой звучал примерно так: «Европейской войне — да, мировой войне — нет!»

Блицкриг и мировая война

Но была ли угроза, высказанная Гитлером 30 января 1939 года, правильно понята — и тогдашними политиками, и сегодняшними историками? Признают ли историки провозглашенную Гитлером связь между уничтожением евреев Европы и мировой войной? Верен ли сделанный выше вывод о том, что евреи были объявлены заложниками с целью не допустить перерастания европейской войны в мировую, которая Гитлеру была нежелательна? И вообще как следует понимать термин «мировая война», употребленный Гитлером в его угрозе уничтожить евреев? Согласно сегодняшним школьным учебникам Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 года с нападения Германии на Польшу. Но эту ли войну имел в виду Гитлер в своей речи 30 января? Или к его пророчеству больше подходит ситуация декабря 1941-го, когда в войну вступили США и когда фактически началось массовое уничтожение европейских евреев?

Рассмотрим доводы историков, внесших существенный вклад в исследование Холокоста. Уже упоминавшийся немец Брошат явно не придает речи Гитлера 30 января 1939 года должного значения, так как в своих работах неверно ее цитирует. В ключевой фразе он опускает важное слово и пишет «война» (Krieg) [Broszat, 1977] там, где Гитлер говорит «мировая война» (Weltkrieg) [Domarus, 1973]. Поэтому в сделанных им выводах отсутствует связь между уничтожением европейских евреев и вступлением в войну Америки в декабре 1941 года.

Американский историк Кристофер Браунинг [Browning, 1991] отвергает теорию Брошата и считает, что именно Гитлер отдал приказ об окончательном уничтожении евреев. Однако и он неверно цитирует речь Гитлера, используя слово «война» (war) вместо «мировая война». Ставя свое исследование на логическую основу, ученый пишет, что угроза Гитлера осуществилась не сразу после начала войны в сентябре 1939 года, а только спустя тридцать месяцев, весной 1942-го, когда, по его мнению, было приведено в исполнение «окончательное решение еврейского вопроса». На самом деле «отсрочка приговора» польским и немецким евреям составила не тридцать месяцев, как утверждает Браунинг, а всего один день! Систематическое уничтожение началось на следующие же сутки после нападения японцев на Перл-Харбор, означавшего безусловное вступление США в войну.

Удивительно, что на представительном международном конгрессе по Холокосту в Штутгарте в 1984 году все участники тоже связывали угрозу Гитлера, высказанную 30 января 1939 года, с началом войны в сентябре 1939-го [Jäckel, Rohwer, 1985], а не со вступлением в войну Америки в декабре 1941-го, то есть фактически повторяли ошибку Брошата и Браунинга.

Для Гитлера было принципиально важно не допустить войны с Америкой до тех пор, пока Европа не окажется под полным немецким господством. Военная доктрина Третьего рейха предусматривала последовательность скоротечных и ограниченных военных кампаний, когда оккупация очередной страны служила средством для нападения на следующую. Блицкриг — немецкое изобретение, так как вести другую войну Германия в то время просто была не в состоянии [Messerschmidt, 1989].

Главная цель Гитлера — мировое господство — достигалась поэтапно: сначала захват Европы, потом победа над Америкой. Он говорил в узком кругу в октябре 1941 года:

> Любые мысли о мировой политике смешны, пока мы не господствуем на континенте. Если мы владеем Европой, то мы имеем доминирующее положение в мире. Сто тридцать миллионов в рейхе, девяносто на Украине, добавим сюда другие страны Европы — и получим 400 миллионов против 130 миллионов американцев [Hitler, 1980].

Близкий к Гитлеру человек Альберт Шпеер вспоминал, что «господство в Европе было только промежуточной ступенью к окончательному мировому господству, когда Германия сможет определять все мировые процессы, в том числе в Соединенных Штатах» [Bullock, Speer, 1979].

Программа Гитлера включала две войны, которые должны быть разделены во времени: сегодня — Европа, завтра — весь мир. Цель первой войны — создать средства для ведения второй.

Америка в глазах Гитлера

Нельзя сказать, что Гитлер недооценивал опасность участия в войне Америки на стороне Англии, как это было во время Первой мировой. Вероятность такого развития событий подчеркивали и сообщения немецких дипломатов из Вашингтона в 1938 году [Hillgruber, 1977]. Подобный же прогноз давал немецкий Генеральный штаб. Во внешней политике фюрер делал все возможное, чтобы удержать США от вступления в европейскую войну. Пятого июня 1940 года он дал американскому корреспонденту Карлу фон Виганду интервью, опубликованное 14 июля в New York Journal-American. Там, в частности, содержались такие слова:

> Германия никогда не имела ни территориальных, ни политических интересов на американском континенте. Не имеет она их и сегодня. Кто утверждает противное, лжет из каких-то соображений… Я утверждаю: Америка — американцам, Европа — европейцам! [Esser, 1999].

Политическим успехом Гитлера можно считать подписание 27 сентября 1940 года Тройственного пакта Берлин—Рим—Токио. Особенно важен был союз Германии с Японией, так как в лице последней США приобретали опасного противника на Тихом океане. Теперь вступление в мировую войну Америки потребовало бы от нее ведения боевых действий на двух океанах, что, по мнению Гитлера, должно было охладить горячие головы американских военных.

Интересно, что Гитлер считал правительство Рузвельта «проеврейским», а самого американского президента — ставленником мирового еврейства. Он вообще свято верил в су-

ществование «мирового еврейского правительства», управляющего всеми странами: «За Англией стоит Израиль, как и за Францией, и за США», — говорил он Раушнингу [Раушнинг, 1993]. Это тайное правительство, по его мнению, скорее будет спасать европейских евреев, взятых Германией в заложники, чем финансировать вступление Америки в европейскую войну. Вера в «мировое еврейство», некую мифическую общность с едиными целями и руководством, была существенной предпосылкой решения Гитлера взять европейских евреев в заложники. Эту веру не могли поколебать никакие различия в социальных условиях, политических системах, устройстве государств и континентов, где жили евреи.

После того как в декабре 1941 года Америка вступила в войну, не оправдав таким образом надежд Гитлера (он считал, что американские евреи пожертвовали своими европейскими сородичами), евреи Европы потеряли для его политики всякое значение. Тогда и был отдан приказ «окончательно решить еврейский вопрос» в отношении евреев Европы. Для евреев в СССР такой приказ был отдан раньше — летом 1941 года.

«Депортировать, но не уничтожать!»

Есть множество исторических фактов и документов, логично укладывающихся в предлагаемую схему. За недостатком места мы не будем их здесь обсуждать. Но три обстоятельства требуют разъяснения, так как может показаться, что они противоречат нашим выводам.

Во-первых, массовое уничтожение советских, или, как их называли нацисты, «барбаросских» (по названию плана нападения Германии на СССР) евреев началось сразу после 22 июня 1941 года, а не после декабря, когда немцы стали истреблять всех европейских евреев. Для уничтожения евреев, а также коммунистов и партизан на территории СССР были образованы четыре специальные айнзатцгруппы в составе частей СС и СД. Каждая такая группа состояла из 750 человек и действовала в захваченных немецкими войсками районах. Акции уничтожения (как правило, расстрелы) проводились тайно, и достоверная информация о массовых убийствах достигла Запада только в мае 1942 года. К этому времени уже полным

ходом шли репрессии против всех европейских евреев. Для Гитлера «барбаросские евреи» не играли роль заложников: их судьба, по мнению фюрера, мало интересовала американское «финансовое еврейство».

Во-вторых, известно, что 31 июля 1941 года шеф Главного управления имперской безопасности Гейдрих получил через Геринга приказ провести необходимые мероприятия по подготовке к «окончательному решению еврейского вопроса» на всех контролируемых немцами европейских территориях [Longerich, 1989]. Этот приказ часто называют распоряжением по «окончательному решению» (см., например, [Esser, 1999]). Но подготовка к решению — еще не само решение. Комендант лагеря в Освенциме Рудольф Гёсс в своих мемуарах [Höß, 1963] писал, что когда летом 1941 года он обсуждал с Адольфом Эйхманом детали операции по уничтожению евреев, то время начала самой акции еще не было определено. Точную дату должен был сообщить руководитель СС Гиммлер. Однако приказ от Гиммлера долго не поступал. И тому есть простое объяснение. Лето 1941 года было временем побед гитлеровской армии. Казалось, что поражение Советского Союза — дело нескольких месяцев, а то и недель. Выступая 3 октября в берлинском Дворце спорта, Гитлер объявил, что «противник уже разбит и больше не поднимется», а его пресс-секретарь 9 октября продиктовал для журналистов следующее высказывание фюрера: «С разгромом армии Тимошенко военная кампания на востоке завершена» [Hillgruber, 1965]. Если бы Германия добилась победы над СССР, то мирное соглашение с Англией стало бы неминуемым. Тогда Америка, скорее всего, сохранила бы нейтралитет и евреи-заложники Гитлеру больше были бы не нужны. Но Советский Союз продолжал бороться с фашистами. Война затягивалась, и возможность выступления США на стороне Англии и России оставалась реальной. Поэтому европейских евреев пока не трогали. Гёсс все еще ждал приказа начать массовое применение газа «циклон». И это ожидание, согласно его записям, продолжалось до конца ноября 1941 года.

Наконец, в-третьих. Историкам хорошо известно, что 30 ноября 1941 года Гиммлер из ставки фюрера говорил по телефону с Гейдрихом, который оставил короткую запись о со-

держании этого разговора: «Транспорт с евреями из Берлина. Не ликвидировать» [Broszat, 1977]. Некоторые исследователи (здесь прежде других нужно упомянуть известного «отрицателя Холокоста» Дэвида Ирвинга [Irving, 1977]) видят в этой записке доказательство того, что уничтожение евреев проводилось без ведома и помимо желания Гитлера. На самом деле запрет, о котором идет речь, имеет совсем другое объяснение.

Пятнадцатого сентября 1941 года Гитлер распорядился переселить евреев из Германии и протектората Богемии и Моравии в специальные лагеря и гетто в Польше, Белоруссии и Прибалтике. Однако эти пункты были уже переполнены, и их руководство приказало уничтожать евреев, не делая различия между местными и вновь приехавшими. Всего с октября по декабрь в Ригу, Лодзь, Каунас и Минск было отправлено 42 состава, в каждом из которых находилось по тысяче евреев. Люди из шести составов были уничтожены. Об одном из этих шести, направленном в Ригу, и шел телефонный разговор между Гиммлером и Гейдрихом 30 ноября. Но телефонограмма пришла слишком поздно. Остальные 36 тысяч евреев остались живы — указание Гитлера задержало на время массовые убийства.

Сентябрьское распоряжение о депортации имело политический смысл: нужно было показать Рузвельту, насколько серьезна угроза Гитлера. Но оно не означало приказа об уничтожении. Еще оставалась надежда, что Америка сохранит нейтралитет, хотя позиция президента США по отношению к Германии становилась все жестче. Инициатива местных немецких властей в Польше и Прибалтике, уничтожавших прибывающих из Германии евреев, лишала Гитлера последних козырей в его дипломатическом поединке с Рузвельтом. Тот, кто слишком рано убивает заложников, рискует не получить ожидаемого выкупа. Военная ситуация в конце ноября была еще неопределенной. Планы Японии напасть на Перл-Харбор были утверждены Императорским советом только 1 декабря. Не дать Америке моральных оснований для вступления в войну, сохранить последнюю возможность избежать перерастания европейской войны в мировую — вот мотивы ноябрьского запрета Гитлера. В ноябре время «окончательного решения еврейского вопроса» еще не подошло. Для этого отсутствовала важная предпо-

сылка: не началась «мировая война», как ее понимал фюрер. По той же причине более двух лет оставались в живых миллионы польских евреев, находившихся в руках нацистов с сентября 1939 года. Их массовое уничтожение началось 8 декабря 1941-го в лагере Хелмно — первой в истории человечества фабрике смерти [Rückerl, 1977]. И тогда уже приказа «не ликвидировать» не последовало.

Еврей — это принцип

Итак, дату приказа об уничтожении европейских евреев можно считать установленной: начало декабря 1941 года. Сомнения в его авторстве легко рассеиваются, если представить себе структуру распределения власти в нацистском руководстве.

В мае 1942-го гауляйтер Вартеланда Артур Грайзер, по инициативе которого был организован лагерь в Хелмно, сообщал Гиммлеру, что уничтожение евреев в лагере близится к завершению, и спрашивал разрешения отправить на тот свет примерно 30 тысяч поляков, больных туберкулезом. Адъютант Гиммлера ответил 14 мая, что поданное предложение направлено на согласование Гейдриху, но последнее слово здесь остается за фюрером [Burrin, 1993]. Было бы невероятно, если бы в вопросе о судьбе миллионов евреев дело обстояло по-другому.

То, что до сих пор не найден письменный приказ, вполне соответствует гитлеровскому стилю руководства. На одном из секретных партийных совещаний в 1937 году фюрер заявил: «Всё, что можно обсудить, записывать не нужно — никогда!» [Hartog, 1997].

Пока Гитлер оставался в Европе у власти, судьба евреев при любом развитии событий могла быть только трагической. Если бы Америка не вступила в войну, цель Гитлера была бы достигнута и евреи всё равно были бы уничтожены. Здесь важно понять, что для него еврей — это не человек, а принцип. Раушнинг записал такие его слова:

> Еврей — это враг рода человеческого, античеловек. Еврей — создание иного бога. Он вырос из другого корня человечества. Ариец и еврей — они так же далеки друг от друга, как животные и люди. Но это не значит, что я хочу назвать еврея животным. Он еще более далек от животного, чем мы, арий-

цы. Еврей — это существо, далекое от природы и враждебное природе.

Закончить речь Гитлер не смог — с ним случился нервный припадок [Раушнинг, 1993].

Космический антисемитизм Гитлера определял его главные решения. Смыслом его жизни стало освобождение мира от «еврейской заразы». Без Гитлера не было бы Холокоста. Уничтожение евреев он рассматривал как необходимую оборону: по его понятиям, евреи просто не имели права на существование. Гитлер хотел создать «новый мир» и «нового человека», который не должен был встречаться с евреями. Но он был прагматичным политиком и действовал осторожно и последовательно. «Хрустальная ночь» была организована только спустя пять с половиной лет после прихода нацистов к власти. Приказ об «окончательном решении…» был дан спустя еще три года. До этого момента Гитлер использовал евреев как инструмент своей внешней политики. Когда же инструмент оказался ненужным, фюрер всю мощь Третьего рейха направил к вожделенной цели — уничтожению «еврейской расы». Чем меньше становилось шансов на победу, тем более важной казалась для него задача уничтожения евреев, даже если это наносило ущерб чисто военным и политическим целям Германии.

Результаты двенадцатилетнего господства нацистов были катастрофичны и для самой Германии. В 1945 году страна лежала в руинах. Заклятые враги Гитлера торжествовали победу. Всё, что пытался создать «коричневый мессия», обернулось своей противоположностью. И только одной цели он достиг: было уничтожено около шести миллионов евреев. «Национал-социализму будут вечно благодарны за то, что я искоренил евреев в Германии и Европы», — выкрикивал фюрер, находясь в берлинском бункере, буквально из-под обломков Третьего рейха [Hitler, 1981].

Гитлера действительно никогда не забудут. И это правильно, ибо память о злодействе помогает не повторять прошлых ошибок. История, как говорил В. О. Ключевский, — это то, что никогда не проходит.

Литература

Раушнинг Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны / Пер. Д. Гайдука, А. Егазарова. М.: Миф, 1993. 384 с.

Симкин Л. Затворники Альтоны // Знамя. 2025. № 9.

Broszat M. Hitler und die Genesis der „Endlösung“: Aus Anlaß der Thesen von David Irving // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1977. Jg. 25. H. 4. S. 739–775.

Browning C. R. Fateful Months: Essays on the Emergence of the Final Solution. Rev. ed. New York: Holmes & Meier, 1991.

Bullock A., Speer A. Das Rätsel Hitler: Alan Bullock im Gespräch mit Albert Speer // Die Zeit. 1979. Nr. 45. 2. November.

Burrin P. Hitler und die Juden: Die Entscheidung für den Völkermord / Aus dem Franz. von I. Strasmann. Frankfurt a. M.: S. Fischer, 1993. 205 S.

Domarus M. Hitler: Reden und Proklamationen 1932–1945. Bd. II: Untergang. 1. Halbband: 1939–1940. Wiesbaden: R. Löwit, 1973.

Esser B. u. a. (Hrsg.). Der Zweite Weltkrieg 1939–1945: Ereignisse und Hintergründe in Wort und Bild. Gütersloh; München: Bertelsmann Lexikon Verlag, 1999. 480 S.

Fröhlich E. (Hrsg.). Die Tagebücher von Joseph Goebbels: Sämtliche Fragmente. Teil I: Aufzeichnungen 1924–1941. Bd. 3: 1.1.1937–31.12.1939. München: K. G. Saur, 1987.

Goebbels J. Goebbels-Reden. Bd. 1: 1932–1939 / Hrsg. von H. Heiber. Düsseldorf: Droste, 1971. XXXIV, 337 S.

Gordon H. J. Hitlerputsch 1923: Machtkampf in Bayern 1923–1924. Frankfurt a. M.: Bernard & Graefe, 1971.

Hartog L. J. Der Befehl zum Judenmord: Hitler, Amerika und die Juden. Bodenheim: Syndikat Buchgesellschaft, 1997. 102 S.

Hillgruber A. Hitlers Strategie: Politik und Kriegführung 1940–1941. Frankfurt a. M.: Bernard & Graefe, 1965. 715 S.

Hillgruber A. Deutsche Großmacht- und Weltpolitik im 19. und 20. Jahrhundert. Düsseldorf: Droste, 1977.

Hitler A. Monologe im Führerhauptquartier 1941–1944: Die Aufzeichnungen Heinrich Heims / Hrsg. von W. Jochmann. Hamburg: Albrecht Knaus, 1980.

Hitler A. Hitlers politisches Testament: Die Bormann-Diktate vom Februar und April 1945 / Mit einem Essay von H. R. Trevor-Roper und einem Nachwort von A. François-Poncet. Hamburg: Albrecht Knaus, 1981. 141 S.

Höß R. Kommandant in Auschwitz: Autobiographische Aufzeichnungen / Hrsg. von M. Broszat. München: dtv, 1963.

Irving D. Hitler's War. London: Hodder & Stoughton, 1977.

Jäckel E., Rohwer J. (Hrsg.). Der Mord an den Juden im Zweiten Weltkrieg: Entschlußbildung und Verwirklichung. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1985. 252 S.

Laska V. Nazism, Resistance & Holocaust in World War II: A Bibliography. Metuchen, N.J.: Scarecrow Press, 1985. XXII, 183 p.
Longerich P. (Hrsg.). Die Ermordung der europäischen Juden: Eine umfassende Dokumentation des Holocaust 1941–1945. München: Piper, 1989. 480 S.
Messerschmidt M. Außenpolitik und Kriegsvorbereitung // Deist W., Messerschmidt M., Volkmann H.-E., Wette W. Ursachen und Voraussetzungen des Zweiten Weltkrieges. Frankfurt a. M.: Fischer Taschenbuch, 1989.
Mommsen H. Die Realisierung des Utopischen: Die „Endlösung der Judenfrage" im „Dritten Reich" // Geschichte und Gesellschaft. 1983. Jg. 9. H. 3. S. 381–420.
Rückerl A. (Hrsg.). NS-Vernichtungslager im Spiegel deutscher Strafprozesse: Belzec, Sobibor, Treblinka, Chelmno / Mit einem Vorwort von M. Broszat. München: dtv, 1977. 358 S. (dtv-Dokumente).
USHMM — United States Holocaust Memorial Museum: Press Kit // United States Holocaust Memorial Museum: [сайт]. URL: https://www.ushmm.org/information/press/press-kits/united-states-holocaust-memorial-museum-press-kit (дата обращения: 01.12.2025).
Wiener Holocaust Library — What We Have // The Wiener Holocaust Library: [сайт]. URL: https://wienerholocaustlibrary.org/what-we-have/ (дата обращения: 01.12.2025).
Yad Vashem — The Yehuda Schwarzbaum Online Library // Yad Vashem. The World Holocaust Remembrance Center: [сайт]. URL: https://collections.yadvashem.org/en/library (дата обращения: 01.12.2025).

DOI: 10.55167/42b03ab3bfdc

Исчезнувший памятник: польская память о советских репрессиях и проблема государственной ответственности в России

Ярослав Савицкий
Профессор Свободного университета (под псевдонимом)

Летом 2023 года на Левашовском мемориальном кладбище в Санкт-Петербурге исчез памятник полякам — жертвам политических репрессий. По состоянию на октябрь 2026 года памятник на прежнее место не возвращён. Однако, несмотря на все усилия провластных активистов, «журналистов» и городских властей, поминовение на месте отсутствующего креста продолжилось[1]. На месте мемориала гранитного возник мемориал живой, очень настойчивой и устойчивой памяти. При этом точное местонахождение и физическое состояние оригинала остаются неизвестными, а сам памятник после демонтажа, несмотря на многочисленные просьбы польской общины Петербурга, общественности предъявлен не был.

Публичные объяснения его исчезновения содержали указания на повреждение краской, падение дерева и необходимость реставрации. Вместе с тем многократные обращения городских депутатов и представителей польской общины города (далее — полония) не привели к получению ответов по существу вопросов о местонахождении памятника и проверяемых сроках его возвращения. В опубликованной депутат-

1. В Левашовском мемориале исчез крест репрессированным полякам // MP7. 22.07.2023. URL: https://mr-7.ru/articles/2023/07/22/v-levashovskom-memoriale-ischez-krest-repressirovannym-poliakam-news (дата обращения: 10.10.2026); Kongres Polaków w Rosji. Obchody w Miednoje i Lewaszowie. 01.09.2026. URL: https://www.poloniarosji.ru/pl/aktualnosci/1108/Obchody-w-Miednoje-i-Lewaszowie (дата обращения: 10.10.2026).

ской переписке обещание городских властей дополнительно сообщить об окончании восстановительных работ воспроизводилось без раскрытия этих сведений. Стоит ли говорить, что даже это обещание не выполнено до сих пор[2]. Возник эффект секрета Полишинеля: все понимают, кто стоит за демонтажем памятника. Но прямого признания нет. И кажется, что причины этого неловкого молчания кроются в причинах демонтажа мемориала, которые представляются не столь очевидными, как может показаться на первый взгляд.

Таким образом, исходным обстоятельством исследования является длительное отсутствие мемориала при сохранении неопределённости относительно судьбы самого объекта и исполнения публично заявленного намерения его восстановить.

Однако значение данного случая определяется и теми действиями, которые последовали за исчезновением памятника. Временные мемориальные знаки, устанавливавшиеся на его месте, также неоднократно удалялись[3]. Попытки посещения места поминовения сопровождались препятствиями доступу и агрессивными акциями против членов полонии и польских дипломатов: по свидетельству генерального консула Польши, в августе 2023 года участники не были допущены на кладбище, а в ноябре того же года активисты пытались сорвать молитву[4].

2. Казаков И. «В городе есть свои негодяи». Как «путал след» пропавший польский памятник // Фонтанка. 24.07.2023. URL: https://www.fontanka.ru/2023/07/24/72528506/ (дата обращения: 10.10.2026); Вишневский Б. Краска стирается, позор остается // Новая газета. 11.10.2024. URL: https://novayagazeta.ru/articles/2024/10/11/kraska-stiraetsia-pozor-ostaetsia (дата обращения: 10.10.2026).

3. Из Левашова пропал памятник мемориалу репрессированным полякам // Бумага. 02.11.2023. URL: https://paperpaper.io/papernews/2023/11/2/iz-levashova-propal-pamyatnik-memorial/ (дата обращения: 10.10.2026); Мотовилова А. На Левашовском кладбище демонтировали памятник расстрелянным полякам // Фонтанка. 30.10.2024. URL: https://www.fontanka.ru/2024/10/30/74274374/ (дата обращения: 10.10.2026).

4. Представителей польской общины и организации «Мемориал» не пустили на кладбище жертв сталинских репрессий // PAP. 20.08.2023. URL: https://www.pap.pl/ru/russian/news/predstaviteley-polskoy-obschiny-i-organizacii-memorial-ne-pustili-na-kladbische-

Это обстоятельство расширяет предмет исследования, включая в него возможность самостоятельного продолжения поминовения и положение сообщества, поддерживающего память о репрессированных.

Польский памятник был открыт 30 октября 1993 года при участии Генерального консульства Республики Польша и полонии Петербурга. Надпись на памятнике на русском и польском языках «Прощаем и простите нас» выражала обращение к диалогу и примирению[5]. Сама история его создания и последующего исчезновения позволяет поставить вопрос о политическом значении памяти для сообщества, участвующего в возвращении имён жертв и в обустройстве общего пространства скорби. В этой связи существенное значение приобретает то, в какой мере сохранение памяти обеспечивало возможность говорить о собственном историческом опыте и одновременно признавать опыт других национальных и религиозных групп.

Прежде всего, необходимо различать признание страданий жертв и обсуждение ответственности за их причинение. В первом случае общественное внимание может быть сосредоточено на трагическом опыте отдельных людей, во втором возникает вопрос о решениях, должностных лицах и государственных институтах, обеспечивших осуществление репрессий. Данное различие уже получило исследовательское осмысление, в частности, в работе И. А. Флиге о Сандормохе[6]. Для нашего анализа оно существенно постольку, поскольку связывает отношение к прошлому с современными представлени-

zhertv (дата обращения: 10.10.2026); Proputinowscy aktywiści próbowali zerwać modlitwę na cmentarzu w Lewaszowie // PAP. 01.11.2023; обновлено 02.11.2023. URL: https://www.pap.pl/aktualnosci/proputinowscy-aktywisci-probowali-zerwac-modlitwe-na-cmentarzu-w-lewaszowie (дата обращения: 10.10.2026).

5. Разумов А. Я. Левашовское мемориальное кладбище. 4-е изд., перераб. и доп. СПб.: Российская национальная библиотека, 2012. С. 17, 40. URL: https://imwerden.de/pdf/levashovskoe_memorialnoe_kladbishche_2012__ocr.pdf (дата обращения: 10.10.2026).

6. Флиге И. А. Сандормох: драматургия смыслов. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 116–117. URL: https://nestoriana.wordpress.com/wp-content/uploads/2019/07/s_book_clear.pdf (дата обращения: 10.10.2026).

ями о допустимых пределах государственной власти, а равно с возможностью общества давать оценку действиям государства, по сути ставя вопрос о природе государства и соотношении данной категории с понятием общества.

В свою очередь, национальная принадлежность жертв и участников поминовения может включать историческую память в систему современных внешнеполитических противостояний. Как показывает М. Мальксоо, представление памяти в качестве вопроса безопасности способно обеспечивать защиту одних исторических интерпретаций посредством делегитимации других[7]. Применительно к Левашову это ставит вопрос о соотношении внешнеполитического объяснения ограничений и их значения для внутренней организации отношений государства и общества. Апелляция к конфликту с Польшей может служить публичным оправданием действий, последствия которых затрагивают самостоятельность сообщества памяти и возможность обсуждения ответственности государственных институтов. Вопрос лишь в том, насколько такая апелляция соответствует реальным причинам демонтажа.

Таким образом, основной вопрос настоящего исследования состоит в том, какие механизмы объясняют исчезновение польского памятника в Левашове, повторное удаление временных памятных знаков и давление на участников акций по сохранению памяти об этом мемориале. Цель работы заключается в установлении связи между управлением мемориальным пространством, самостоятельностью польского сообщества и обсуждением государственной ответственности. Под последней в данном исследовании понимается историческая и политическая оценка решений конкретных государственных институтов и должностных лиц, осуществлявших репрессии, а также публичного отношения к этим решениям в современной России.

7. Mälksoo M. “Memory must be defended”: Beyond the politics of mnemonical security // Security Dialogue. 2015. Vol. 46. No. 3. P. 221–237. DOI: 10.1177/0967010614552549. URL: https://kar.kent.ac.uk/57050/ (дата обращения: 10.10.2026).

Исходная гипотеза состоит в том, что внешнеполитическая маркировка польской памяти взаимодействует с ограничением самостоятельных общественных практик, сохраняющих возможность обсуждения ответственности за государственное насилие. При этом данная гипотеза требует сопоставления с техническими и административными объяснениями, а равно с предположением о преимущественно внешнеполитическом характере происходящего. Особый интерес представляет вопрос о значении символической преемственности государственных институтов для отношения к памяти об их участии в репрессиях. Установление политического результата конкретного действия и выявление сознательного замысла его участников составляют самостоятельные исследовательские задачи.

Представляется крайне важным сегодня реконструировать конкретный процесс, в рамках которого исчезновение материального памятника сопровождается ограничениями последующего поминовения. Чтобы лучше понять логику развития борьбы с памятью о массовых политических репрессиях в России. Чтобы лучше спрогнозировать риски для тех, кто за эту память продолжает бороться. Сопоставление этих действий позволяет исследовать, каким образом административное управление памятным местом влияет на воспроизводство памяти самим сообществом.

При этом сохранение официальных форм поминовения становится существенным основанием для проверки избирательности ограничений: 30 октября 2024 года в Левашове состоялась официальная церемония памяти жертв политических репрессий, и при этом временный польский знак на месте уничтоженного мемориала был демонтирован в тот же день[8]. Таким образом, официальные российские власти формируют «дозволенный коридор исторической памяти» о политических репрессиях, где есть место скорби, но нет места вопросам об ответственности.

8. Мотовилова А. На Левашовском кладбище демонтировали памятник расстрелянным полякам // Фонтанка. 30.10.2024. URL: https://www.fontanka.ru/2024/10/30/74274374/ (дата обращения: 10.10.2026).

Объектом исследования является политика памяти о советских политических репрессиях в современной России, предметом — решения, действия и публичные объяснения, определяющие судьбу польского мемориала в Левашове и возможность связанных с ним общественных практик. Историческая реконструкция охватывает период с раскрытия захоронений в 1989 году до исчезновения памятника в 2023 году, основной анализ ограничений относится к 2023–2026 годам.

Исследование строится как качественный анализ одного случая с ограниченным сопоставлением других мемориалов и практик поминовения. Методологическую основу составляет реконструкция причинного процесса, предполагающая установление последовательности действий и поиск свидетельств, способных различить конкурирующие объяснения[9]. Ранние печатные описания мемориала, опубликованные официальные документы, сообщения участников и репортажи рассматриваются с учётом их происхождения и возможностей проверки. Публичные объяснения, наблюдаемые действия и выводы об их мотивах оцениваются раздельно, результаты анализа Левашова обобщаются в пределах исследуемого механизма и условий его действия.

История данного мемориального пространства содержит и другой исследовательский вопрос: при каких условиях общая память о репрессиях способна сохранять возможность диалога между народами и создавать предпосылки для восстановления межгосударственных отношений? Диалогическое осмысление памяти предполагает внимание к различиям исторического опыта, конфликтам и действующим лицам, что получило развитие в работе А. Ченто Булл и Х. Л. Хансена[10]. Представляется, что признание страданий разных сообществ и совместное об-

9. Collier D. Understanding Process Tracing // PS: Political Science & Politics. 2011. Vol. 44. No. 4. P. 823–830. DOI: 10.1017/S1049096511001429. URL: https://doi.org/10.1017/S1049096511001429 (дата обращения: 10.10.2026).

10. Cento Bull A., Hansen H. L. On agonistic memory // Memory Studies. 2016. Vol. 9. No. 4. P. 390–404. DOI: 10.1177/1750698015615935. URL: https://researchportal.bath.ac.uk/en/publications/on-agonistic-memory/ (дата обращения: 10.10.2026).

суждение ответственности за их причинение позволяют исследовать общую скорбь как возможное основание взаимного понимания. Перспектива межгосударственного диалога зависит от сохранения общественных связей и условий совместного поминовения.

Прежде всего, необходимо отметить, что политическое значение памятника определяется его включенностью в отношения между людьми, для которых обращение к прошлому становится способом осмысления собственного положения в настоящем. В концепции Я. Ассмана культурная память связана с текстами, ритуалами и памятными объектами, обеспечивающими воспроизводство групповой идентичности, при этом значение сохраняемого прошлого раскрывается в изменяющемся современном контексте[11]. Данный подход позволяет рассматривать мемориал в единстве с практиками возвращения имён, совместного поминовения и передачи исторического опыта. Само существование материального объекта ещё не объясняет, каким образом сохраняется память, поскольку для этого необходимо установить, кто поддерживает связанные с ним практики и какое содержание они приобретают.

Под сообществом памяти в настоящем исследовании понимается совокупность участников, поддерживающих устойчивые связи посредством совместного обращения к определённому историческому опыту. Применительно к петербургской полонии это означает необходимость исследовать работу общественных объединений, религиозных общин и отдельных людей, а равно значение их международных связей для поиска сведений о репрессированных и организации поминовения. При этом польское сообщество не рассматривается как единый субъект с неизменной позицией, а национальная принадлежность не отождествляется с конфессиональной. Самостоятельность сообщества определяется возможностью инициировать мероприятия, сохранять документы и продолжать передачу

11. Assmann J. Collective Memory and Cultural Identity / transl. by J. Czaplicka // New German Critique. 1995. No. 65. P. 125–133, здесь: p. 128–130. DOI: 10.2307/488538. URL: https://marcuse.faculty.history.ucsb.edu/classes/201/articles/95AssmannCollMemNGC.pdf (дата обращения: 10.10.2026).

памяти при изменении внешних условий. Предположение о децентрализованном характере этой деятельности проверяется по распределению указанных функций между участниками, а равно по способности продолжать их выполнение после ограничения отдельных форм работы.

В свою очередь, политика памяти представляет собой деятельность, посредством которой участники общественной жизни определяют содержание и формы публичного обращения к прошлому. Важное значение в данном случае имеет предложенный О. Ю. Малиновой подход к коммеморации как инструменту символической политики, предполагающий совместное изучение стратегий действующих лиц, исторических повествований и инфраструктуры памяти, включающей места, документы и организации, обеспечивающие её воспроизводство[12]. Из этого следует, что исследование ограничений поминовения должно учитывать содержание публичных высказываний и условия, в которых сообщество получает возможность действовать. Административное управление памятным местом приобретает политическое значение постольку, поскольку влияет на доступность определённых исторических интерпретаций и на возможность их самостоятельного воспроизводства.

Обозначенное в начале различие между признанием страданий и обсуждением ответственности позволяет конкретизировать содержание такого воздействия. Скорбь о погибших может выражаться в сочувствии жертвам без постановки вопроса о механизме их уничтожения. Обсуждение ответственности, напротив, предполагает установление решений, должностных лиц и институтов, обеспечивших осуществление репрессий; соотношение этих способов обращения к прошлому рассматривается, в частности, в исследовании И. А. Флиге о Сандормохе[13]. Для целей настоящей статьи ответственность

12. Малинова О. Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Полития. 2017. № 4 (87). С. 6–22. DOI: 10.30570/2078-5089-2017-87-4-6-22. URL: https://publications.hse.ru/articles/213331121 (дата обращения: 10.10.2026).

13. Флиге И. А. Сандормох: драматургия смыслов. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 116–117. URL: https://nestoriana.wordpress.com/wp-content/uploads/2019/07/s_book_clear.pdf (дата обращения: 10.10.2026).

понимается как предмет исторической и политической оценки государственной деятельности. Вопрос состоит в том, сохраняет ли публичное поминовение возможность связывать страдания людей с конкретными решениями власти и обсуждать пределы допустимого государственного насилия.

Особое значение в данном случае приобретает публичное представление институциональной преемственности. Если современный орган власти включает деятельность своих предшественников в собственную символическую историю, то оценка этой деятельности может затрагивать основания его современного авторитета. При этом символическая преемственность устанавливается по официальным высказываниям и практикам поминовения. Иными словами, обращение к истории органов безопасности позволяет поставить вопрос о способах легитимации государственной власти.

Показательно, что 20 декабря 2017 года В. В. Путин, выступая по случаю профессионального праздника органов безопасности, в очередной раз включил столетие создания ВЧК в общую историю отечественных спецслужб и связал эту историю с положительной оценкой службы государству. В том же году при государственной поддержке был открыт мемориал жертвам политических репрессий «Стена скорби»[14]. Сосуществование данных форм обращения к прошлому означает возможность одновременного признания страданий и сохранения положительного образа государственных репрессивных институтов. Представляется, что предметом проверки должна стать избирательность такого признания: какие способы обсуждения репрессий допускаются, кто определяет их содержание и в какой мере сохраняется возможность назвать ответственных за причинённое насилие.

Для исследования внешнеполитического измерения этих отношений используется понятие секьюритизации памяти. М. Мальксоо связывает его с представлением исторической

14. Путин назвал ВЧК частью многовековой российской истории // Интерфакс. 20.12.2017. URL: https://www.interfax.ru/russia/592702 (дата обращения: 10.10.2026); Фонд Памяти. Создание мемориала жертвам политических репрессий «Стена скорби». URL: https://memoryfund.ru/wallofgrief (дата обращения: 10.10.2026).

памяти в качестве вопроса безопасности, при котором защита определённого образа прошлого сопровождается делегитимацией конкурирующих интерпретаций[15]. Применительно к рассматриваемому случаю речь идёт о возможном включении польского поминовения в представление о внешней угрозе. Наблюдаемыми признаками такого процесса служат высказывания провластных спикеров и журналистов, связывающие участников акций в защиту уничтожаемых польских мест памяти и содержание их деятельности с враждебной политикой Польши, а также требования ограничить эту деятельность. Само по себе упоминание внешнеполитического конфликта подтверждает способ публичного обоснования — его значение для принятия и исполнения конкретного решения устанавливается по дополнительным свидетельствам.

Исходная гипотеза, таким образом, предполагает взаимодействие нескольких процессов: внешнеполитическая маркировка может облегчать оправдание ограничений, затрагивающих самостоятельность сообщества и публичное обсуждение государственной ответственности. Для проверки этой связи необходимо установить, каким образом объяснение ограничения соотносится с его исполнением и последствиями.

Самостоятельное обращение к прошлому может поддерживать связи между сообществами, исторический опыт которых различается. А. Ченто Булл и Х. Л. Хансен предлагают подход к памяти, сочетающий диалогический характер с признанием конфликтов и роли действующих лиц[16]. Это позволяет исследовать совместную скорбь как практику взаимного признания, сохраняющую возможность обсуждения конкретной ответственности за репрессии. Наблюдаемыми признаками диалога становятся совместные церемонии, признание жертв

15. Mälksoo M. “Memory must be defended”: Beyond the politics of mnemonical security // Security Dialogue. 2015. Vol. 46. No. 3. P. 221–237. DOI: 10.1177/0967010614552549. URL: https://kar.kent.ac.uk/57050/ (дата обращения: 10.10.2026).

16. Cento Bull A., Hansen H. L. On agonistic memory // Memory Studies. 2016. Vol. 9. No. 4. P. 390–404. DOI: 10.1177/1750698015615935. URL: https://researchportal.bath.ac.uk/en/publications/on-agonistic-memory/ (дата обращения: 10.10.2026).

других групп, продолжение контактов и участие посредников. Возможное влияние этих связей на отношения между государствами составляет отдельный вопрос и требует свидетельств их перехода в дипломатическое взаимодействие.

Указанная теоретическая рамка определяет выбор качественного исследования одного случая с ограниченным сравнением. Левашово позволяет проследить изменение отношений вокруг одного мемориального пространства: от возвращения имён и создания памятников до исчезновения польского мемориала и попыток продолжить поминовение на его месте. Такой выбор обусловлен возможностью сопоставить действия, объяснения и общественные практики в пределах конкретной истории.

Историческая реконструкция охватывает период с раскрытия захоронений в 1989 году до исчезновения памятника в 2023 году, основной анализ ограничений относится к 2023–2026 годам. Единицей событийного анализа является отдельное действие с первоначальным памятником, временным знаком, посетителями или обращением о судьбе мемориала. Единицей анализа содержания служит документ либо атрибутированное высказывание.

Основу источников составляют печатные описания мемориала, опубликованные официальные документы, сообщения дипломатических и общественных организаций, свидетельства участников, фотографии и репортажи. Проверка содержания ответов о судьбе памятника проводится по опубликованной депутатской переписке[17]. Сообщение участника рассматривается с учётом возможности непосредственно наблюдать описываемое действие, его объяснение мотивов других лиц оценивается отдельно.

Основным методом выступает реконструкция причинного процесса. В понимании Д. Коллиера данный метод предполагает систематическое изучение свидетельств, способных

17. Вишневский Б. Краска стирается, позор остается // Новая газета. 11.10.2024. URL: https://novayagazeta.ru/articles/2024/10/11/kraska-stiraetsia-pozor-ostaetsia (дата обращения: 10.10.2026).

различить объяснения исследуемого явления[18]. Для каждого эпизода устанавливается последовательность, включающая состояние объекта или практики, действие, публичное объяснение и наблюдаемый результат; сведения о принятии решения включаются в неё по мере их доступности. Затем проверяется, какие звенья предполагаемой причинной связи подтверждаются источниками и какие остаются неустановленными.

Реконструкция дополняется качественным анализом содержания. Каждое упоминание рассматривается вместе с его контекстом и функцией: признанием, обвинением, оправданием действия либо предложением сотрудничества. Единая схема применяется к официальным объяснениям и сообщениям общественных участников.

В рамках проверки сопоставляются четыре объяснения. Техническое и административное объяснение предполагает, что оригинал был убран для устранения повреждений, а временные знаки удалялись по основаниям, связанным с порядком их установки. Его убедительность зависит от согласованности сведений о состоянии объекта, проведённых работах и применении одинаковых правил к сопоставимым конструкциям. Внешнеполитическое объяснение предполагает связь ограничений с антипольской риторикой российских властей; его поддерживают документированные высказывания, связывающие конкретные действия с польской политикой, и сходное отношение к польским объектам иной исторической тематики.

Объяснение через ограничение обсуждения ответственности проверяется по тому, затрагивают ли препятствия практики, связывающие репрессии с конкретными институтами и решениями, при сохранении иных форм признания страданий. Объяснение через ограничение самостоятельных сообществ предполагает, что давление распространяется на людей и деятельность, способные сохраняться после исчезновения первоначального объекта. Если ограничения затраги-

18. Collier D. Understanding Process Tracing // PS: Political Science & Politics. 2011. Vol. 44. No. 4. P. 823–830. DOI: 10.1017/S1049096511001429. URL: https://polisci.berkeley.edu/sites/default/files/people/u3827/2011%20Collier-Understanding%20Process%20Tracing%20with%20Addendum.pdf (дата обращения: 10.10.2026).

вают только материальную конструкцию, а связанные с ней практики продолжаются на сопоставимых условиях, данное объяснение становится менее убедительным. Гипотезы могут сочетаться, предпочтение определяется свидетельствами, позволяющими различить их роль в конкретном эпизоде. Предположение об опробовании более широкой политики на польском сообществе требует отдельных свидетельств переноса решений и учёта реакции на них.

Для дополнительного сопоставления отбираются сообщения о польском памятнике узникам ГУЛАГа в Воркуте, доске польским узникам царского времени в музее «Орешек» и демонтаже знаков в мемориальном пространстве Пивоварихи[19]. Эти случаи позволяют сравнить национальную маркировку, содержание памяти и административные объяснения. Внутри Левашова сопоставляется обращение с польским мемориалом и другими национальными и конфессиональными знаками при общей администрации. Учитываются сохранившиеся объекты и продолжающиеся практики, отсутствие сообщения об ограничении не принимается за подтверждение беспрепятственного поминовения. К каждому случаю применяются одинаковые вопросы об участниках, основании действия, состоянии объекта и возможности последующего поминовения.

Проверяемость анализа обеспечивается сохранением происхождения каждого существенного утверждения. В описании событий отдельно указываются дата действия и дата сообщения, установленный участник, публичное объяснение, результат, источник и расхождения с другими материалами. Если точный момент неизвестен, фиксируется временной интервал; републикации одного сообщения учитываются как одна цепочка происхождения. Документально подтверждён-

19. В Воркуте нашли разрушенным памятник польским узникам ГУЛАГа // The Insider. 01.10.2023. URL: https://theins.org/news/265501 (дата обращения: 10.10.2026); Гильмшина Ю. Поляков взяли да сняли // 47news. 07.07.2023. URL: https://47news.ru/articles/233977/ (дата обращения: 10.10.2026); Иркутские власти назвали временным демонтаж памятников жертвам репрессий // Интерфакс. 17.05.2023. URL: https://www.interfax.ru/russia/901812 (дата обращения: 10.10.2026).

ное обстоятельство, атрибутированное свидетельство и аналитический вывод обозначаются раздельно.

Следует признать, что доступность источников ограничивает возможности установления мотивов и распределения полномочий. Публичные объяснения могут раскрывать способ оправдания решения без раскрытия обстоятельств его принятия, а сведения общественных участников зависят от их положения и осведомлённости. Поэтому степень доказанности оценивается применительно к каждому звену предполагаемого механизма. Данный порядок анализа позволяет исследовать связь памяти, государственной ответственности и самостоятельности сообщества, сохраняя возможность пересмотра исходной гипотезы. Историческая реконструкция формирования мемориала должна установить, какое содержание имели эти отношения до появления ограничений и какие общественные практики обеспечивали их воспроизводство.

Само создание польского мемориала в Левашове связано с возвращением польской общине возможности самостоятельно участвовать в публичном описании собственного прошлого, что было, по сути, невозможно с момента раздела Речи Посполитой при Екатерине II. При этом в одном мемориале, по сути, сочетались выражение сложившейся польской идентичности, дипломатическая функция и организация общественной деятельности.

Для определения его политического значения необходимо установить, кто формировал содержание памяти, каким образом это содержание согласовывалось и что обеспечивало продолжение поминовения. Сопоставление ранних описаний кладбища, надписей и свидетельств участников даёт основание исследовать связь возвращения имён с публичным представительством полонии в жизни Петербурга. Особый вопрос составляет устройство совместной памяти, в рамках которой признание исторического опыта поляков соединялось с участием в общем мемориальном пространстве.

Прежде всего, необходимо отметить, что раскрытие Левашовского захоронения означало изменение самого порядка доступа к сведениям о государственном насилии. Участок, использовавшийся НКВД для тайных захоронений с 1937 года,

оставался, несмотря на перестройку и гласность, закрытым вплоть до 1989 года. К весне этого года руководитель группы «Поиск» ленинградского общества «Мемориал» В. Т. Муравский располагал свидетельствами о существовании захоронения, что, под натиском общественности, был вынужден признать и КГБ. 18 июля 1989 года исполком Ленгорсовета признал захоронение мемориальным кладбищем[20]. Раскрытие места складывалось из общественного поиска и официального признания, обладавших различным содержанием: первый позволял поставить вопрос о судьбе погибших, второе создавало условия для публичного доступа к месту их погребения.

Любопытно, что первые публичные акты памяти жертв политических репрессий состоялись еще до официального признания властями захоронения. Так, первые панихиды состоялись 21 октября 1989 года и 14 апреля 1990 года, до передачи территории городским властям в мае 1990 года. Родные погибших оставляли фотографии и памятные знаки. По сути, мемориал возник сам собой. Это была живая инициатива израненного общества, жаждущего правды. Так, польскому и русскому памятникам, возникшим практически одновременно в 1993 году, предшествовали крест-голубец и белорусско-литовский знак 1992 года[21]. Это были первые «коллективные» памятники. Акты общественной памяти.

Официальное открытие территории создавало условие для общественного поминовения, содержание которого складывалось из отдельных инициатив. Родственники и объединения жертв репрессий определяли, чьи судьбы и в какой форме должны быть представлены, приобретая самостоятельную роль в формировании памяти при сохранении административного управления кладбищем городскими властями, выполняв-

20. Левашовское мемориальное кладбище. СПб.: ДЕАН, 1999. С. 5, 7–8. URL: https://imwerden.de/pdf/levashovskoe_memorialnoe_kladbishche_1999__ocr.pdf (дата обращения: 10.10.2026).

21. Левашовское мемориальное кладбище. СПб.: ДЕАН, 1999. С. 8–11. URL: https://imwerden.de/pdf/levashovskoe_memorialnoe_kladbishche_1999__ocr.pdf (дата обращения: 10.10.2026).

шими, по сути, хозяйственные функции. Место скорби и террора становилось территорией свободы.

В свою очередь, возвращение имён меняло отношения между личным опытом утраты и официальным описанием репрессий. С января 1990 года имена расстрелянных по внесудебным приговорам публиковала газета «Вечерний Ленинград», а с 1995 года Российская национальная библиотека издаёт «Ленинградский мартиролог». А. Я. Разумов отмечает, что прежде семьи могли в лучшем случае получать свидетельства с недостоверными датами и причинами смерти своих родных, тогда как восстановление биографий было кропотливой работой с архивами и опиралось на документы о репрессиях[22]. Имена буквально возвращались из небытия и забвения. Соотнесение имени с документированной судьбой делало сведения о действиях государственных органов предметом общественной проверки. Иными словами, признание утраты соединялось с возможностью установить её причины и поставить вопрос об ответственности за государственное насилие.

В польской мемориальной инициативе связь исследования прошлого и общественного представительства обнаруживается в деятельности одного из основателей возрождения полонийного движения Петербурга — Леона Пискорского.

Разумов связывает с ним начало составления мартиролога репрессированных поляков и инициативу создания памятника, путеводитель также называет Пискорского автором идеи польского мемориала[23]. Совмещение этих видов деятель-

22. Разумов А. Я. Левашовское мемориальное кладбище. 4-е изд., перераб. и доп. СПб.: Российская национальная библиотека, 2012. С. 5, 9. URL: https://imwerden.de/pdf/levashovskoe_memorialnoe_kladbishche_2012__ocr.pdf (дата обращения: 10.10.2026).

23. Разумов А. Я. Интервью М. Лобановой в программе «Под знаменем России» // Радио «Град Петров». Эфир 26.10.2023. Аудио и опубликованная расшифровка. URL: https://www.grad-petrov.ru/broadcast/30-oktyabrya-den-politzaklyuchennogo-v-sssr-stavshij-v-rossii-gosudarstvennym-dnem-pamyati-zhertv-politicheskih-repressij/ (дата обращения: 10.10.2026); Разумов А. Я. Левашовское мемориальное кладбище. 4-е изд., перераб. и доп. СПб.: Российская национальная библиотека, 2012. С. 40. URL: https://imwerden.de/pdf/levashovskoe_memorialnoe_kladbishche_2012__ocr.pdf (дата обращения: 10.10.2026).

ности свидетельствует о включении поиска сведений в работу по публичному сохранению польского исторического опыта. При этом определение погибших как соотечественников позволяло участникам поминовения обозначить собственную национальную принадлежность через отношение к их судьбам. Поэтому становление сообщества памяти следует понимать как организацию деятельности вокруг общего исторического опыта.

Особенность данного представительства проявилась в порядке открытия мемориала. 30 октября 1993 года одновременно были открыты польский католический памятник, созданный по инициативе петербургской полонии и при поддержке Генерального консульства Республики Польша, и русский православный памятник, установленный обществом «Мемориал». По свидетельству Разумова, проекты изначально согласовывались как связанные между собой, а освящение предусматривало участие священнослужителей одного ранга[24]. Национальное и конфессиональное различие было включено в устройство совместного действия: каждая сторона сохраняла собственный способ поминовения, участвуя в общей церемонии на сопоставимых условиях. Совместная память получала выражение в согласовании порядка участия, придававшем ей практическое содержание. Такой порядок создавал практическое основание взаимного признания, поскольку присутствие одной общины не требовало устранения особенностей другой. По сути, память о репрессиях становилась своеобразной точкой диалога и примирения за рамками официоза, органичной формой формирования горизонтальных общественных связей, имеющих влияние как на внутреннюю, так и на внешнюю политику новой России.

24. Левашовское мемориальное кладбище. СПб.: ДЕАН, 1999. С. 6–7, 11. URL: https://imwerden.de/pdf/levashovskoe_memorialnoe_kladbishche_1999__ocr.pdf (дата обращения: 10.10.2026); Разумов А. Я. Интервью в программе «Под знаменем России». Эфир 26.10.2023. URL: https://www.grad-petrov.ru/broadcast/30-oktyabrya-den-politzaklyuchennogo-v-sssr-stavshij-v-rossii-gosudarstvennym-dnem-pamyati-zhertv-politicheskih-repressij/ (дата обращения: 10.10.2026).

Это же отношение выражала помещённая на польском памятнике по-польски и по-русски формула «Прощаем и простите нас»[25]. В таком обращении сохранение памяти о собственных погибших соединяется с признанием другой стороны как возможного участника общих отношений. При этом прощение не определяет виновных и не переносит ответственность государственных органов на народы в целом. Возможность сосуществования сообществ не требует отказа от установления причин государственного насилия: иначе примирение предполагало бы утрату части содержания той памяти, на которой оно основано. Таким образом, надпись выражает предложение взаимного признания при сохранении права каждой стороны говорить о своём прошлом.

Первоначальный проект был лаконичен. Латинский крест, опирающийся на камень. Однако в 1998 году было принято решение о реконструкции памятника, включающее подчеркивание его национального характера. При реконструкции мемориал был дополнен стелой с посвящением полякам, расстрелянным в 1937–1938 годах, и изображением государственного герба Польши. Официальное польское описание связывает дополнение с участием Совета охраны памяти борьбы и мученичества в Варшаве[26]. Поддержка исторической родины имела конкретное институциональное выражение: подчеркивалась связь мучеников с исторической родиной как своих, как незабытых. Ксёндз Кшиштоф Пожарский, долгие годы окормлявший полонию Петербурга, вспоминал о возражениях части полонии против орла в короне, поскольку не каждый советский

25. Разумов А. Я. Левашовское мемориальное кладбище. 4-е изд., перераб. и доп. СПб.: Российская национальная библиотека, 2012. С. 17, 40. URL: https://imwerden.de/pdf/levashovskoe_memorialnoe_kladbishche_2012__ocr.pdf (дата обращения: 10.10.2026).

26. Разумов А. Я. Левашовское мемориальное кладбище. 4-е изд., перераб. и доп. СПб.: Российская национальная библиотека, 2012. С. 40. URL: https://imwerden.de/pdf/levashovskoe_memorialnoe_kladbishche_2012__ocr.pdf (дата обращения: 10.10.2026); Upamiętnienie w Lewaszowie // Polska w Rosji. Gov.pl. 25.03.2022. URL: https://www.gov.pl/web/rosja/upamietnienie-w-lewaszowie (дата обращения: 10.10.2026).

поляк мог отождествлять себя с этим символом[27]. Свидетельство фиксирует разногласие о способе представления общины, ограничивая объяснение памятника как выражения заранее однородной идентичности. Участники определяли, какой знак соответствует польскому историческому опыту и их собственному восприятию национальной принадлежности. Мемориальная работа тем самым предоставляла предмет взаимодействия людям с различными взглядами на её символическое оформление, что подтверждает её организующую функцию без предположения о единстве этих взглядов. При этом памятник оставался низовой инициативой, формой горизонтальной социальной кооперации вокруг сохранения памяти о коллективной травме репрессий.

Совмещение польской и католической символики не означало совпадения национальных и конфессиональных границ. 28 октября 2010 года в Левашове был освящён отдельный памятник католикам СССР — жертвам политических репрессий, посвящённый представителям всех обрядов и национальностей[28]. Католическое поминовение, следовательно, выходило за пределы польской памяти. Пересечение национальных и церковных связей предоставляло участникам разные основания для взаимодействия, включая сохранение польского исторического опыта в более широком пространстве памяти о репрессиях.

Продолжение этой деятельности обеспечивалось регулярностью поминовения. По собственному свидетельству ксендза Кшиштофа Пожарского, с 1 ноября 1997 года он ежегодно проводил для полонии поминальную процессию в Левашове. Данная традиция живет по сей день. Также регулярно в траурных мероприятиях участвовали и представители поль-

27. Pożarski K. Moje polskie upamiętnienia. Ретроспективное описание участия в мемориальной работе. URL: https://krzysztofpozarski.com/moje-polskie-upamietnienia/ (дата обращения: 10.10.2026).

28. Разумов А. Я. Левашовское мемориальное кладбище. 4-е изд., перераб. и доп. СПб.: Российская национальная библиотека, 2012. С. 16, 40. URL: https://imwerden.de/pdf/levashovskoe_memorialnoe_kladbishche_2012__ocr.pdf (дата обращения: 10.10.2026).

ской дипломатической службы[29]. Памятное место тем самым связывало создание материального объекта с регулярной деятельностью, в которой общество, церковные и дипломатические участники поддерживали разные формы обращения к прошлому. При этом в рамках траурных мероприятий польская делегация всегда посещала не только польский мемориал, но и иные национальные памятники Левашовского мемориала.

Это была важная форма взаимного признания чужой утраты, форма провозглашения неприемлемости умаления человеческой жизни и достоинства, особенно когда актором выступает субъект, облеченный властью.

О межконфессиональном взаимодействии сообщает Разумов, описывая передачу иконы Ченстоховской Божией Матери из католического храма святого Станислава в православный храм при кладбище[30]. Одновременно православный приход при Левашовском кладбище позволял проведение католических молебнов на своей территории. Это также была форма диалога и сближения на почве общей травмы массовых репрессий. Массовые политические репрессии тем самым становились самостоятельным фундаментом понимания того, что нужно делать с совместным будущим. Поскольку определяли ясную цель — недопустимость повторения самой возможности таких репрессий.

В совокупности установленные действия обнаруживают распределение функций в сохранении памяти. Возвращение имён обеспечивало проверяемое содержание, общественная инициатива — представительство общины, а регулярное поминовение — продолжение деятельности после открытия памятника. Вокруг камня формировалась жизнь. Вопреки жела-

29. Pożarski K. Moje polskie upamiętnienia. URL: https://krzysztofpozarski.com/moje-polskie-upamietnienia/ (дата обращения: 10.10.2026); Upamiętnienie w Lewaszowie // Polska w Rosji. Gov.pl. 25.03.2022. URL: https://www.gov.pl/web/rosja/upamietnienie-w-lewaszowie (дата обращения: 10.10.2026).

30. Разумов А. Я. Интервью в программе «Под знаменем России». Эфир 26.10.2023. URL: https://www.grad-petrov.ru/broadcast/30-oktyabrya-den-politzaklyuchennogo-v-sssr-stavshij-v-rossii-gosudarstvennym-dnem-pamyati-zhertv-politicheskih-repressij/ (дата обращения: 10.10.2026).

нию многих бюрократов, возник не элемент благоустройства общественного пространства, а точка общественного притяжения, поддерживающая интенцию одновременно и к усилению национального самосознания и самоидентификации, и к формированию параллельных неофициальных горизонтальных каналов межнациональной, межконфессиональной и в известной степени международной коммуникации. Что характерно, неподконтрольной государству. В том числе через польский памятник в Левашове происходило самоопределение польской общины города, считавшей и считающей по сей день своей обязанностью регулярное посещение мемориала. И одновременно эти посещения органично всегда становились местом коммуникации и диалога с другими сообществами города, а через польский дипломатический корпус и с представителями иных государств.

Поддержка со стороны Польши связывала местные практики с более широкой системой сохранения польского исторического опыта. Вписывала его в международный контекст от Монте-Кассино до Левашова. Такое распределение функций свидетельствует об элементах децентрализации, поскольку общественные, церковные и дипломатические участники действовали на различных основаниях и обладали собственными источниками авторитета. Взаимодействие между ними позволяло соединять исследовательскую работу, организацию поминовения и внешнюю поддержку, при этом ни одна из этих функций не исчерпывала содержание мемориальной деятельности. Каждый элемент данной системы, по сути, действовал независимо, но был незаменим.

Нельзя не отметить и роль городских властей. С осени 1991 года городская администрация поддерживала инициативы общин по установке знаков, а в мае 1996 года у входа был открыт памятник «Молох тоталитаризма»[31]. Публичное признание репрессий, национальные инициативы и участие органов управления сочетались в одном мемориальном простран-

31. Левашовское мемориальное кладбище. СПб.: ДЕАН, 1999. С. 11–12, 16. URL: https://imwerden.de/pdf/levashovskoe_memorialnoe_kladbishche_1999__ocr.pdf (дата обращения: 10.10.2026).

стве. Общественная самостоятельность состояла в сохранении возможности выбирать содержание и формы поминовения при взаимодействии с администрацией.

Таким образом, политическое значение мемориала определялось возможностью общины участвовать в установлении и сохранении собственного прошлого, соединяя исследование репрессий с публичным поминовением. Обсуждение символики и совместные действия обнаруживают, что такое участие допускало различия как внутри полонии, так и между национальными и конфессиональными сообществами. Именно это устройство памяти составляет основание для исследования последующих ограничений. Их последствия зависят от того, затрагивают ли действия с материальным памятником возможность устанавливать новые знаки, продолжать поминовение и обсуждать причины государственного насилия. Сопоставление этих практик до и после исчезновения мемориала должно установить, каким образом административное управление влияет на самостоятельность сообщества и сохранение вопроса об ответственности государства.

22 июля 2023 года в СМИ появилась информация об исчезновении польского памятника на Левашовском мемориальном кладбище[32]. Сам по себе факт исчезновения материального объекта ещё не определяет политическое содержание произошедшего. Однако рассмотренная ранее история мемориала показывает, что его значение складывалось из деятельности по установлению имён, совместного поминовения и участия различных общественных и религиозных объединений. Следовательно, проверка исходной гипотезы о связи внешнеполитического конфликта с ограничением самостоятельной памяти требует установить, что именно изменилось после исчезновения памятника.

32. В Левашовском мемориале исчез крест репрессированным полякам // MP7. 22.07.2023. Сообщение со ссылкой на Г. Артеменко и А. Я. Разумова; дата публикации не принимается за точную дату демонтажа. URL: https://mr-7.ru/articles/2023/07/22/v-levashovskom-memoriale-ischez-krest-repressirovannym-poliakam-news (дата обращения: 10.10.2026).

Прежде всего, необходимо проверить техническое и административное объяснение. Если памятник был демонтирован вследствие повреждения, ожидаемым продолжением такого решения является восстановление объекта, а сведения о характере повреждений, месте хранения и выполнении работ должны позволять проверить заявленное основание его отсутствия. При этом затянувшаяся реставрация может объясняться финансированием, сложностью работ или ненадлежащей организацией их выполнения. В отношении временных знаков проверке подлежит другое предположение: их удаление обусловлено правилами установки конструкций на кладбище. В таком случае существенны содержание этих правил и одинаковый порядок их применения к сопоставимым объектам. Таким образом, даже в пределах одного административного объяснения необходимо различать ремонт первоначального памятника и основания последующего удаления заменяющих его знаков.

Публичные сведения о первоначальном демонтаже не позволяют точно восстановить эту последовательность. 24 июля 2023 года «Фонтанка» сообщила об объяснении Смольного, связывавшем отсутствие памятника с повреждением краской и реставрацией. В том же материале приведены слова директора кладбища о том, что после повреждения краской на крест упало дерево[33]. Данные версии не являются логически взаимоисключающими: речь могла идти о нескольких повреждениях одного объекта. Но они требуют различного подтверждения, поскольку загрязнение поверхности и разрушение конструкции предполагают разные восстановительные работы. Ни одно из этих объяснений само по себе не устанавливает, где находится оригинал, весящий несколько тонн, и как он был демонтирован так быстро и незаметно, и в каком состоянии он сохранился. Поэтому различие публичных версий имеет исследовательское

33. Казаков И. «В городе есть свои негодяи». Как «путал след» пропавший польский памятник // Фонтанка. 24.07.2023. Слова директора кладбища приводятся изданием со ссылкой на «Ротонду». URL: https://www.fontanka.ru/2023/07/24/72528506/ (дата обращения: 10.10.2026).

значение прежде всего как препятствие проверке административного объяснения.

Более определённый результат даёт сопоставление опубликованных депутатских обращений и ответов. Согласно материалу Б. Л. Вишневского, сопровождаемому изображениями переписки, в ответе вице-губернатора Б. Б. Пиотровского от 4 сентября 2023 года демонтаж объяснялся невозможностью устранить повреждение краской на месте. В ответе вице-губернатора К. Н. Полякова от 26 декабря 2023 года обещалось дополнительно сообщить об окончании реставрации и установке памятника. На последующие вопросы А. В. Шишлова о месте хранения, организации, выполняющей работы, и сроках возвращения в ответе от 30 сентября 2024 года была подтверждена актуальность ранее предоставленной информации[34]. Таким образом, наличие официальных ответов установлено, но оно не тождественно предоставлению сведений, позволяющих проверить судьбу объекта. Многократные обращения представителей полонии также не привели к получению содержательного ответа о местонахождении памятника и его возвращении.

В результате за первоначальным сообщением о временном демонтаже не последовало публично проверяемого подтверждения того, что заявленное восстановление приближается к завершению. Оригинал на прежнее место не возвращён и общественности предъявлен не был, его точное местонахождение и физическое состояние остаются неизвестными. Это обстоятельство ослабляет техническое объяснение в той части, в которой оно предполагает проверяемую связь между повреждением, восстановительными работами и возвращением памятника. Вместе с тем, отсутствие доступа к документам о работах не доказывает отсутствия самих работ. Установленный результат состоит в другом: сообщество, участвовавшее в создании мемориала, оказалось лишено возможности проверить состояние объекта, тогда как публично заявленное намерение

34. Вишневский Б. Краска стирается, позор остается // Новая газета. 11.10.2024. Публичная депутатская переписка и её изображения. URL: https://novayagazeta.ru/articles/2024/10/11/kraska-stiraetsia-pozor-ostaetsia (дата обращения: 10.10.2026).

его восстановить не привело к восстановлению самого места поминовения.

Дальнейшие события позволяют проверить, распространялись ли ограничения за пределы первоначального объекта. В опубликованном SOTA интервью создатель миниатюрной копии памятника сообщил, что установил её на прежнем месте 17 сентября 2023 года, а через несколько дней обнаружил её отсутствие[35]. Установка следующего временного знака, воспроизводившего силуэт мемориала, 30 октября 2023 года подтверждается фотографическим репортажем «Бумаги»; 2 ноября издание сообщило о его исчезновении со ссылкой на движение «Мемориал»[36]. В последнем сообщении точная датировка изложена непоследовательно, поэтому достоверно устанавливаются наличие знака 30 октября и сообщение о его отсутствии к 2 ноября. Исполнитель удаления в этих эпизодах не установлен: предположение участников о причастности определённой организации не может заменить свидетельства самого действия.

Иную доказательственную силу имеет эпизод 30 октября 2024 года. Комитет по промышленной политике, инновациям и торговле Санкт-Петербурга подтвердил «Фонтанке», что временный знак был убран сотрудниками кладбища. Основанием названо размещение незаконно установленной конструкции

35. Раевская А. Хотелось бы всех поименно назвать: как в России сохраняют память о репрессированных // SOTA. 29.10.2024. Раздел «Мемориальный активизм в Левашово»; рассказ создателя копии. URL: https://sotaproject.com/article/khotelos-by-vsekh-poimenno-nazvat-kak-v-rossii-sokhraniaiut-pamiat-o-repressirovannykh (дата обращения: 10.10.2026).

36. Грищенко Д. В Левашове установили памятник демонтированному мемориалу репрессированным полякам. Как жертв репрессий вспоминали в Левашове — пять фото // Бумага. 30.10.2023. URL: https://paperpaper.io/v-levashove-proshel-den-pamyati-zhertv-re/ (дата обращения: 10.10.2026); Из Левашова пропал памятник мемориалу репрессированным полякам. Его установили днем ранее // Бумага. 02.11.2023. Сведения об исчезновении и предположение об исполнителях приводятся со ссылкой на движение «Мемориал». URL: https://paperpaper.io/papernews/2023/11/2/iz-levashova-propal-pamyatnik-memorial/ (дата обращения: 10.10.2026).

на объекте культурного наследия, при этом комитет сообщил, что не располагает сведениями о судьбе реставрации первоначального мемориала[37]. Здесь установлен административный исполнитель и зафиксировано заявленное основание действия. При этом стоит отметить, что практически все памятные таблички на Левашовском мемориальном кладбище установлены по инициативе родственников репрессированных без согласования с администрацией кладбища, то есть формально также установлены самовольно. Для оценки избирательности правоприменения также необходимо сопоставление с конструкциями, имеющими аналогичный статус. Следовательно, этот эпизод подтверждает участие администрации в удалении заменяющего знака.

Сопоставление трёх эпизодов выявляет последствие, которое не зависит от установления единого исполнителя. После утраты первоначального объекта предпринимались различные попытки сохранить обозначение места памяти, и новые знаки также исчезали. Восстановление материального присутствия памяти, ранее обеспеченное совместной инициативой нескольких участников, стало зависеть от возможности сохранить заново установленную конструкцию. Это даёт основание говорить об ограничении самостоятельной мемориализации на уровне наблюдаемого результата. Однако политическая избирательность административных требований остаётся отдельным вопросом: одинаково применяемый порядок охраны кладбища и использование такого порядка против определённого сообщества способны приводить к сходному непосредственному результату. Различить эти объяснения можно по обращению с сопоставимыми объектами и по ограничениям, не связанным с установкой конструкций.

Именно поэтому существенны препятствия посещению кладбища и совершению молитвы. 20 августа 2023 года представители полонии, «Мемориала» и дипломаты нескольких

37. Мотовилова А. На Левашовском кладбище демонтировали памятник расстрелянным полякам // Фонтанка. 30.10.2024. Ответ Комитета по промышленной политике, инновациям и торговле Санкт-Петербурга. URL: https://www.fontanka.ru/2024/10/30/74274374/ (дата обращения: 10.10.2026).

государств не смогли войти на территорию для поминовения жертв «польской операции» НКВД. В сообщении PAP (Polska Agencja Prasowa), основанном на рассказе участвовавшего в мероприятии генерального консула Польши Г. Слюбовского, указаны закрытые ворота и объявление о техническом дне, одновременно дипломат описал агрессивное поведение активистов с антипольскими плакатами. Поминовение состоялось перед входом на кладбище[38]. При этом обращённая к членам полонии антипольская агрессия имела содержание, непосредственно связанное с их национальной принадлежностью и текущим политическим конфликтом.

1 ноября 2023 года возникло препятствие другого рода. По сообщению того же дипломата PAP, группа активистов пыталась сорвать молитву, сопровождая участников процессии плакатами с обвинениями Польши и поляков в уничтожении советских памятников и поддержке фашизма; просьбы не мешать молитве результата не дали[39]. Здесь техническое состояние демонтированного мемориала не объясняет содержание вмешательства. Современная польская политика использовалась для давления на людей, пришедших почтить жертв советских репрессий, то есть национальная связь с погибшими превращалась в основание предъявления претензий к участникам поминовения. Это наблюдение поддерживает внешнеполитическое объяснение публичной конфронтации. При этом источник описывает попытку срыва молитвы и агрессивные действия.

38. Dziurdzińska N. Konsul generalny RP w Petersburgu: przedstawicieli Polonii i organizacji Memoriał nie wpuszczono na teren cmentarza ofiar stalinowskich // PAP; Dzieje.pl. 20.08.2023. Сообщение участника мероприятия. URL: https://dzieje.pl/dziedzictwo-kulturowe/konsul-generalny-rp-w-petersburgu-przedstawicieli-polonii-i-organizacji (дата обращения: 10.10.2026).

39. Proputinowscy aktywiści próbowali zerwać modlitwę na cmentarzu w Lewaszowie // PAP. 01.11.2023; обновлено 02.11.2023. Свидетельство генерального консула Польши, участвовавшего в процессии. URL: https://www.pap.pl/aktualnosci/proputinowscy-aktywisci-probowali-zerwac-modlitwe-na-cmentarzu-w-lewaszowie (дата обращения: 10.10.2026).

Внешнеполитическая связь присутствовала и в публичном объяснении городской власти, хотя её содержание отличалось от действий активистов. В комментарии Смольного, опубликованном «Фонтанкой» 24 июля 2023 года, отрицалась борьба с памятниками, но одновременно приводились обвинения в адрес Польши в связи с удалением советских военных мемориалов[40]. Указанное сочетание позволяет установить включение исчезнувшего памятника в межгосударственный спор уже на уровне официальной публичной аргументации. Таким образом, можно считать доказанной политизацию обсуждения судьбы объекта.

Стоит признать, что совокупность ограничений не означает прекращения поминовения как такового. В сообщении о демонтаже временного знака 30 октября 2024 года зафиксировано и продолжение официальной церемонии памяти жертв политических репрессий[41]. 28 февраля 2025 года польская дипломатическая делегация возложила цветы на местах отсутствующих польского мемориала и отдельного памятника католикам СССР, почтив также жертв других национальностей[42]. Согласно опубликованному сообщению полонийного информационного агентства, 22 августа 2026 года в Левашове вновь состоялось поминовение с чтением имён[43]. Продолжение

40. Казаков И. «В городе есть свои негодяи». Как «путал след» пропавший польский памятник // Фонтанка. 24.07.2023. Комментарий пресс-службы Смольного. URL: https://www.fontanka.ru/2023/07/24/72528506/ (дата обращения: 10.10.2026).

41. Мотовилова А. На Левашовском кладбище демонтировали памятник расстрелянным полякам // Фонтанка. 30.10.2024. Сообщение об официальной церемонии в тот же день. URL: https://www.fontanka.ru/2024/10/30/74274374/ (дата обращения: 10.10.2026).

42. Uroczystości z udziałem Ambasadora RP na Lewaszowskim Pustkowiu w Sankt Petersburgu // Polska w Rosji. Gov.pl. 28.02.2025. Отчёт польской дипломатической миссии и фотогалерея. URL: https://www.gov.pl/web/rosja/uroczystosci-z-udzialem-Ambasadora-Lewaszowo (дата обращения: 10.10.2026).

43. Sierpniowe dni pamięci w Lewaszowie // Polonijna Agencja Informacyjna. 31.08.2026. Сообщение о церемонии 22.08.2026. URL: https://portalpolonii.pl/pai/wiadomosci.php?id=44953 (дата обращения: 10.10.2026).

этих практик ослабляет предположение о полном устранении польского сообщества из мемориального пространства. Однако сохранение отдельных церемоний не отменяет удаления знаков и препятствий другим мероприятиям. Сопоставление показывает изменение условий участия, но ещё не устанавливает, какой из факторов — национальная принадлежность, самостоятельность инициативы или формальный порядок её проведения — определял каждое ограничение. Однако очевидно, что полонийное движение оказалось в условиях настойчивого предложения со стороны государства вписаться в дозволенный ранее упомянутый «коридор памяти».

Объяснение через ограничение обсуждения государственной ответственности требует самостоятельной проверки. Для него важны признаки изменения содержания официальной памяти, а не только препятствия деятельности польских организаций. Такой материал даёт сопоставление редакций Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий, утверждённой распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 августа 2015 года № 1561-р. Распоряжением Правительства от 20 июня 2024 года № 1564-р из принципа объективного анализа достижений и трагических страниц прошлого было исключено слово «массовых», а указание на достижения «советского периода» заменено указанием на достижения «Российского государства». Одновременно удалён соседний принцип, связывавший трагичность общественного раскола с событиями 1917 года, Гражданской войной и массовыми политическими репрессиями[44].

44. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15.08.2015 № 1561-р. Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий. Раздел II, первоначальная редакция // Российская газета. 18.08.2015. URL: https://rg.ru/documents/2015/08/18/jertvy-site-dok.html (дата обращения: 10.10.2026); Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.06.2024 № 1564-р. Изменения, п. 2, подп. «в», «г». Официальное опубликование 21.06.2024, № 0001202406210044; с. 4 приложения. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202406210044 (дата обращения: 10.10.2026). Полный текст распоряжения от 20.06.2024 № 1564-р в системе ГАРАНТ. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409134394/ (дата обращения: 10.10.2026).

Таким образом, изменения затрагивают как характеристику репрессий, так и историческую основу их сопоставления с государственными достижениями.

Значение удаления одного слова определяется именно этим сопоставлением. Характеристика репрессий как массовых указывает на масштаб государственного насилия и требует объяснения организационных условий, при которых оно стало возможным. Её исключение делает указанное свойство менее выраженным в нормативном принципе оценки прошлого[45].

В новой редакции первого раздела память о репрессиях связана со Стратегией национальной безопасности и защитой исторической правды, среди основных направлений деятельности появилась проверка и отмена решений о реабилитации лиц, указанных в статье 4 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий»[46]. Последнее изменение получило организационное продолжение в приказе Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 16 октября 2024 года № 771, прямо ссылающемся на обновлённую Концепцию и предписывающем постоянную работу по выявлению и отмене соответствующих решений[47]. Установлена, следовательно, связь между пересмотром нормативного описания прошлого и новой формулировкой задач государственного органа.

45. Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий. Редакция от 20.06.2024. Разделы II–III. URL: https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-15082015-n-1561-r/ (дата обращения: 10.10.2026).

46. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.06.2024 № 1564-р. Изменения, п. 1 и п. 3, подп. «а». URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202406210044 (дата обращения: 10.10.2026). Полный текст документа в системе ГАРАНТ. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409134394/ (дата обращения: 10.10.2026).

47. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 16.10.2024 № 771 «О внесении изменений в приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 05.02.2008 № 21…». Пункт 1, подп. 1 «в». Полный текст документа в системе ГАРАНТ. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410526252/ (дата обращения: 10.10.2026).

При этом хронология ограничивает причинный вывод. Поправки июня 2024 года и приказ октября 2024 года приняты после исчезновения мемориала летом 2023 года, поэтому они не могут рассматриваться как документальное основание первоначального демонтажа. Их значение состоит в независимом свидетельстве того, что официальное признание жертв продолжает существовать одновременно с пересмотром способов оценки государственного прошлого и административных задач в сфере реабилитации. Это согласуется с предположением о возможности отделения признания страдания от обсуждения институциональной ответственности.

Таким образом, проверка объяснений даёт неодинаковые результаты. Техническое основание первоначального демонтажа остаётся возможным, но публично доступные сведения не подтверждают последовательность восстановительных работ, а повреждение оригинала не объясняет вмешательства в молитву и давление на мемори-активистов и членов польской общины Петербурга. Административное участие в удалении временного знака установлено для 30 октября 2024 года, исполнители более ранних удалений остаются неизвестными. Внешнеполитическое объяснение поддерживается содержанием официальной риторики и действий активистов. Ограничение самостоятельного воспроизводства памяти подтверждается повторной утратой заменяющих знаков и препятствиями поминовению. Наконец, изменения государственной Концепции поддерживают необходимость проверки объяснения через ответственность, сохраняя его в качестве гипотезы о мотиве действий в Левашове.

В отношении исходной цели исследования установлен механизм воздействия на самостоятельную память, который осуществляется через распоряжение материальным объектом и условиями доступа к месту поминовения. По сравнению с рассмотренным ранее периодом создания мемориала изменилось соотношение общественной инициативы и административного участия: инициаторы продолжают возвращать имена и проводить церемонии, но не располагают устойчивой возможностью восстановить прежний памятный знак и проверить судьбу оригинала. При этом внешнеполитический спор создаёт

публичное обоснование враждебного отношения к польским участникам, а вопрос о конкретной государственной ответственности остаётся предметом дальнейшей проверки.

Установленные в Левашове ограничения затрагивают как памятные знаки, так и возможность продолжения поминовения. Однако их политическое содержание остаётся неоднородным: административное действие, антипольская риторика и последствия для сообщества не во всех эпизодах имеют одного установленного участника. Поэтому вопрос о связи внешнеполитического конфликта с ограничением самостоятельной памяти требует сопоставления случаев, различающихся по национальной принадлежности, историческому содержанию и способу организации поминовения. Существенен при этом не сам факт повторения утраты памятников, а возможность установить, какой из указанных признаков объясняет действие и какие наблюдения противоречат предлагаемому объяснению.

В соответствии с выбранной методологией сопоставляются мемориал в Пивоварихе, доска польским узникам Шлиссельбургской крепости и памятник польским узникам лагерей в Воркуте. Практика «Последнего адреса» используется для проверки того, ограничиваются ли препятствия польской памятью, сохранившиеся формы поминовения — для проверки предположения о полном устранении памяти о репрессиях. Для каждого случая различаются состояние объекта, установленный участник действия, публичное основание и возможность последующего поминовения.

В Пивоварихе административное участие в демонтаже было публично признано. 17 мая 2023 года «Интерфакс» передал объяснение правительства Иркутской области: польский памятник и литовский крест временно убраны для благоустройства, установлены без необходимых согласований и переданы на хранение. Одновременно руководитель службы по охране объектов культурного наследия утверждал, что имена поляков и литовцев сохранены на общих стенах памяти. Сообщение также описывало благоустройство территории вокруг нового памятника, созданного на пожертвования по иници-

ативе общества реабилитированных[48]. Следовательно, заявленный властями порядок действий сочетал удаление отдельных национальных знаков с поддержкой общего мемориала. Это ослабляет объяснение через полный отказ от признания жертв, но ставит вопрос о том, сохраняется ли вместе с именами возможность сообщества участвовать в выборе формы их увековечения. Важно тут отметить прямое признание властями ответственности за демонтаж национальных памятников жертвам политических репрессий.

Дальнейшая судьба польского знака ограничивает убедительность указания на временный характер его отсутствия. В отчёте польской дипломатической миссии о посещении Пивоварихи 18 мая 2026 года зафиксировано возложение цветов на месте утраченного польского мемориала, у стены памяти и у обелиска в честь деятелей «Мемориала»[49]. Поминовение продолжалось, но памятники на дату этой церемонии восстановлены не были. В сопоставлении с Левашовом обнаруживается сходное последствие при разных первоначальных основаниях: благоустройство и реставрация объявляются временными причинами отсутствия объекта, тогда как сообщество продолжает поминовение без возвращённого знака. Совпадение результата показывает, что проверка административного объяснения должна включать фактическое возвращение объекта, а не ограничиваться наличием сообщения о временном демонтаже.

Иное значение имеет случай Шлиссельбургской крепости. В репортаже 47news от 7 июля 2023 года зафиксировано отсутствие доски польским узникам царского времени, сотрудники музея в разговоре с редакцией не отрицали её снятия.

48. Иркутские власти назвали временным демонтаж памятников жертвам репрессий // Интерфакс. 17.05.2023. Сообщение пресс-службы правительства Иркутской области и высказывания должностных лиц. URL: https://www.interfax.ru/russia/901812 (дата обращения: 10.10.2026).

49. Почтение памяти жертв политических репрессий в Пивоварихе // Польша в России. Gov.pl. 18.05.2026. Отчёт дипломатической миссии и фотогалерея. URL: https://www.gov.pl/web/rossija/Piwowarycha (дата обращения: 10.10.2026).

Версии о реставрации, юбилее крепости и жалобах на польскую политику приводились из неофициальных бесед[50]. При этом, несмотря на прошедшую уже реставрацию и юбилей, памятные знаки восстановлены не были. Здесь польская принадлежность памяти сохраняется, а советский период и действия НКВД не составляют предмета увековечения. При этом также речь идет о политических репрессиях со стороны государства, связанных с национальным фактором. Данный случай, таким образом, совместим с более широким конфликтом вокруг польской памяти.

Воркутинский случай требует прежде всего различения утраты объекта и его повреждения. В сообщении «7х7» от 29 сентября 2023 года журналист подтвердил после посещения Рудника, что памятный крест польским узникам лагерей лежит поваленным; приведён ответ полиции, объяснявший падение погодными факторами и исключавший участие человека[51]. В репортаже «Новой газеты» от 23 июля 2026 года тот же крест, установленный в 1997 году, описан по-прежнему лежащим на склоне. Там же приведена позиция мэрии об отсутствии объекта на муниципальном балансе и отсутствии у него статуса культурного или исторического наследия[52]. Автор репортажа описывает арматуру в основании как перепиленную, что ставит погодное объяснение под сомнение. Стоит отметить, что

50. Гильмшина Ю. Поляков взяли да сняли. Память об узниках исчезла из Шлиссельбургской крепости // 47news. 07.07.2023. Репортаж и разговор редакции с сотрудниками музея. URL: https://47news.ru/articles/233977/ (дата обращения: 10.10.2026).

51. В Воркуте снесли памятный крест об узниках ГУЛАГа из Польши // 7х7. Горизонтальная Россия. 29.09.2023. Посещение места журналистом и опубликованное содержание ответа полиции; дата публикации не принимается за дату падения. URL: https://semnasem.org/news/2023/09/29/v-vorkute-snesli-pamyatnyj-krest-ob-uznikah-gulaga-iz-polshi (дата обращения: 10.10.2026).

52. Что еще снесут в Воркуте? Репортаж из города, где живые воюют с мертвыми // Новая газета. 23.07.2026. Описан лежащий крест польским жертвам, установленный в Руднике в 1997 году; он отличается от других упомянутых в репортаже памятников. URL: https://novayagazeta.ru/articles/2026/07/23/chto-eshche-snesut-v-vorkute (дата обращения: 10.10.2026).

так же, как и в Пивоварихе и Левашове, воркутинский мемориал не восстановлен до сих пор.

Таким образом, во всех трех случаях мы имеем дело с бездействием властей в части восстановления уничтоженных мест увековечивания памяти репрессий, отказом от их восстановления и неопределённостью их судьбы, что приводит к сходному последствию: невозможности продолжить поминовение в ранее созданной форме ввиду отсутствия видимого символа памяти и скорби. Именно это последствие подлежит сопоставлению.

Стоит отметить, что одновременно с новой «польской операцией» российских властей фиксируется активизация противодействия иным формам мемори-активизма. Согласно опубликованным сведениям проекта «Последний адрес», в конце августа 2023 года с Дома специалистов на Лесном проспекте, 61, в Санкт-Петербурге были сняты все 34 установленные таблички. Проект связал это действие с жалобой, последующим распоряжением администрации Выборгского района и исполнением управляющей компанией, при этом жители дома выступали за возвращение знаков[53].

В опубликованном на сайте «Последнего адреса» журналистском материале воспроизведены сведения об обращении через городской портал и административном ответе о принудительном демонтаже рекламной конструкции. В обращении законность табличек ставилась под сомнение с указанием на предполагаемую связь проекта с «Мемориалом» и его статусом тогда еще иностранного агента[54]. Таким образом, в данном слу-

53. Санкт-Петербург, Лесной проспект, 61 // Последний адрес. Страница первоначально датирована 19.03.2023, содержит позднейшее дополнение о демонтаже в конце августа 2023 года. Сведения самого проекта. URL: https://www.poslednyadres.ru/news/news1350.htm (дата обращения: 10.10.2026).

54. «Рекламная конструкция демонтирована»: в России тайно сносят памятники жертвам политических репрессий // Последний адрес. Размещённый проектом журналистский материал; сведения об обращениях через портал «Наш Санкт-Петербург» и административных ответах. URL: https://www.poslednyadres.ru/articles/articles1016.htm (дата обращения: 10.10.2026).

чае политическая характеристика организатора присутствовала в публичном требовании удалить материальные знаки. Она не доказывает мотив администрации и не разрешает вопрос о соблюдении порядка установки, но позволяет проследить последовательность от дискредитации общественной инициативы к требованию применить административные меры. В Левашове сходная оценка участников строилась вокруг Польши, здесь — вокруг предполагаемой организационной связи. Объединяет случаи желание публичного актора придать практике поминовения отрицательную политическую характеристику и одновременно поставить её продолжение в зависимость от административного решения.

Более прямое свидетельство связи памяти с оценкой государственной ответственности содержится в судебных прениях по делу Международного «Мемориала». 28 декабря 2021 года корреспондент «Интерфакса» из Верховного суда передал заявление представителя Генеральной прокуратуры о том, что обращение общества к репрессиям создаёт «лживый образ СССР как террористического государства». Сходное высказывание зафиксировало РАПСИ. При этом иск предъявлялся в связи с нарушениями законодательства об иностранных агентах[55]. Здесь отрицательная оценка исследования государственного насилия высказана представителем государственного органа в процессе, направленном на ликвидацию организации. Следовательно, объяснение через ограничение обсуждения ответственности получает поддержку, выходящую за пределы интерпретации исчезнувшего памятника: сам способ описания советского государства был включён в публичную аргументацию против сообщества памяти. Это устанавливает содержание аргумента прокуратуры, сохраняя различие между ним,

55. «Мемориалу» вменили создание лживого образа СССР // Интерфакс. 28.12.2021. Сообщение корреспондента из Верховного суда о прениях сторон. URL: https://www.interfax.ru/russia/812934 (дата обращения: 10.10.2026); «Мемориал» создает лживый образ СССР как террористического государства — прокуратура // РАПСИ. 28.12.2021. Отдельное сообщение о том же судебном заседании. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20211228/307630644.html (дата обращения: 10.10.2026).

формальными основаниями иска и мотивами участников иных эпизодов.

Указанное высказывание существенно и для оценки изменений государственной Концепции, рассмотренных ранее. Исключение в июне 2024 года слова «массовых», замена советского периода историей Российского государства и включение проверки решений о реабилитации в перечень планируемых мероприятий[56] в сопоставлении с аргументацией 2021 года показывают, что признание пострадавших сосуществует с оспариванием определённых способов оценки государственного прошлого. Между этими обстоятельствами возникает содержательная связь: установление имён допускается, тогда как представление государственного насилия как характеристики деятельности государства может становиться предметом политического обвинения.

При этом сохранившиеся практики не позволяют принять версию гипотезы о полном уничтожении памяти о репрессиях. В Пивоварихе дипломаты в мае 2026 года посещали общую стену памяти и обелиск в честь мемориальных исследователей. В Левашове 30 октября 2024 года продолжалась официальная церемония, а 22 августа 2026 года состоялось общественное поминовение с чтением имён[57]. Эти наблюдения подтверждают сохранение различных участников и форм обращения к про-

56. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.06.2024 № 1564-р. Изменения в Концепцию государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий, п. 2, подп. «в», «г»; п. 3, подп. «а». Официальное опубликование 21.06.2024, № 0001202406210044. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202406210044 (дата обращения: 10.10.2026). Полный текст документа в системе ГАРАНТ. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409134394/ (дата обращения: 10.10.2026).

57. Почтение памяти жертв политических репрессий в Пивоварихе // Польша в России. Gov.pl. 18.05.2026. URL: https://www.gov.pl/web/rossija/Piwowarycha (дата обращения: 10.10.2026); Мотовилова А. На Левашовском кладбище демонтировали памятник расстрелянным полякам // Фонтанка. 30.10.2024. Сообщение об официальной церемонии в день демонтажа временного знака. URL: https://www.fontanka.ru/2024/10/30/74274374/ (дата обращения: 10.10.2026); Sierpniowe dni pamięci w Lewaszowie // Polonijna Agencja Informacyjna. 31.08.2026.

шлому. Но наличие общей стены не равнозначно сохранению национального знака, а проведение одной церемонии не устанавливает беспрепятственности другой. Поэтому контрпримеры опровергают вывод о полном прекращении памяти и деятельности сообщества, сохраняя вопрос о том, какие формы участия ограничены и кто определяет условия их продолжения. По сути, это подтверждает тезис о формировании дозволенного «коридора скорби», исключающего саму постановку вопроса о публичной ответственности.

Сопоставление меняет оценку объяснения через ограничение самостоятельных сообществ. В Левашове препятствия распространялись на заменяющие знаки и поминовение, в Пивоварихе общественная память продолжалась без возвращённого национального мемориала, а в случае «Последнего адреса» жители не располагали устойчивой возможностью сохранить уже созданные таблички. Таким образом, политический результат вмешательства состоит не только в уменьшении числа материальных объектов, но и в перераспределении возможности определять форму публичной памяти.

Внешнеполитическое объяснение получает наиболее определённую поддержку там, где современная польская политика прямо используется против участников поминовения, как в рассмотренных левашовских эпизодах. Шлиссельбургский случай расширяет исторические границы возможного конфликта, а демонтаж литовского креста в Пивоварихе показывает, что круг затронутых национальных знаков не исчерпывается польскими. В свою очередь, случай «Последнего адреса» и аргументация по делу «Мемориала» устанавливают внутриполитическое содержание ограничений памяти, которое не выводится из одного внешнеполитического конфликта. Следовательно, объяснения через национальную принадлежность, самостоятельность инициативы и оценку государственного насилия могут сочетаться, но имеют различную доказанность применительно к отдельным действиям.

Сообщение о поминовении 22.08.2026. URL: https://portalpolonii.pl/pai/wiadomosci.php?id=44953 (дата обращения: 10.10.2026).

Исходная гипотеза получает, таким образом, частичную поддержку. Установлено сосуществование внешнеполитической дискредитации участников, административного ограничения отдельных форм поминовения и отрицательной государственной оценки представления репрессий как деятельности государства. На уровне наблюдаемых действий доказательнее вывод об ограничении самостоятельного воспроизводства памяти, на уровне публичной аргументации — вывод о пересечении межгосударственного конфликта с внутренним спором о государственной ответственности. При этом всём государство сохраняет саму возможность памяти о жертвах репрессий, но атомизирует ее, оставляет только компонент скорби и помещает в дозволенные рамки публичной памяти, не подразумевающие возможности общественного вопроса об ответственности за репрессии.

В отношении цели исследования это означает, что политическое значение исчезнувшего памятника определяется изменением условий участия сообщества в сохранении собственного прошлого. Даже при признании имён жертв возможность выбирать памятный знак, поддерживать его существование и обсуждать причины репрессий может оказаться ограниченной. Продолжение поминовения в Левашове и Пивоварихе показывает, что утрата материального объекта не прекращает всех связей, на которых строилась память. Следовательно, дальнейшего рассмотрения требует возможность диалога на основе совместной скорби при сохранении права обсуждать государственную ответственность.

Утрата польского памятника затрагивает не только возможность общины сохранять собственный исторический опыт, но и устройство отношений, в рамках которых этот опыт становился частью общей памяти о репрессиях. Как показало предшествующее сопоставление, исчезновение материального знака не прекращает всех связанных с ним общественных практик. Поэтому вопрос о последствиях ограничения памяти предполагает и обратный вопрос: какое содержание имели отношения, поддерживавшиеся совместным поминовением, и в какой мере их сохранение способно противодействовать взаимному отчуждению. Представляется, что именно здесь обнаружива-

ется дополнительное политическое значение мемориала. Признание жертв другой общины позволяет взаимодействовать по поводу прошлого, которое затрагивает обе стороны, сохраняя при этом различия их исторического опыта.

Предположение о диалогическом значении совместной скорби требует прежде всего определения того результата, который может быть установлен по имеющимся источникам. В рамках данного исследования таким результатом признаётся согласованное участие в поминовении, признание жертв другой стороны и продолжение контактов после возникновения препятствий. Если память поддерживает подобные отношения, указанные действия должны обнаруживаться за пределами самого размещения национальных памятников на одном кладбище. В свою очередь, исключение участников, предъявление им коллективных обвинений и прекращение сотрудничества ограничивали бы это объяснение. Такой порядок проверки согласуется с предложенным А. Ченто Булл и Х. Л. Хансеном пониманием памяти, в котором диалог сохраняет политическое содержание конфликта и самостоятельность действующих лиц[58]. При этом свидетельства совместных действий не устанавливают изменения взглядов всех членов общин: для подобного вывода потребовалось бы отдельное исследование их восприятия прошлого.

Наиболее определённое подтверждение согласованного участия даёт рассмотренная ранее история открытия польского католического и русского православного памятников 30 октября 1993 года. Их создателями выступали разные участники: полония, с одной стороны, и общество «Мемориал», с другой. Следовательно, общность памяти выражалась в согласовании действий между субъектами, каждый из которых сохранял собственное основание участия. Именно такое согласование придавало различию национальных и конфессиональных традиций значение взаимного представительства. Присутствие

58. Cento Bull A., Hansen H. L. On agonistic memory // Memory Studies. 2016. Vol. 9. No. 4. P. 390–404. DOI: 10.1177/1750698015615935. URL: https://researchportal.bath.ac.uk/en/publications/on-agonistic-memory/ (дата обращения: 11.10.2026).

другой общины становилось частью порядка поминовения, принятого его организаторами, что отличает данную церемонию от простого совпадения места и времени отдельных мероприятий.

Содержательное выражение этого отношения обнаруживается и в двуязычной надписи на польском памятнике: «Прощаем и простите нас»[59]. Обращение предполагает другую сторону как участника возможных отношений и одновременно сохраняет собственное коллективное «мы». При этом сама формула не определяет ни состава виновных, ни обстоятельств конкретного преступления, а потому не может рассматриваться как документальное признание ответственности народа в целом. Её политическое значение состоит в предложении совместного будущего при сохранении памяти о погибших. В данном случае разграничение народа, государственных институтов и конкретных организаторов репрессий приобретает принципиальное содержание: возможность общения между сообществами сохраняется, когда признание государственного преступления не превращается в предъявление наследственной вины людям по признаку их национальной принадлежности. Прощение, в свою очередь, не отменяет исследование обстоятельств преступления и не даёт оснований требовать от пострадавшей стороны отказа от собственного прошлого.

Национальные и конфессиональные связи обеспечивали разные возможности сотрудничества. Посвящённый католикам СССР памятник, освящённый в 2010 году, охватывал представителей всех обрядов и национальностей. Разумов также сообщает о передаче иконы Ченстоховской Божией Матери из католического храма святого Станислава в православный храм при Левашовском кладбище[60]. Данные обстоятельства ограни-

59. Разумов А. Я. Левашовское мемориальное кладбище. 4-е изд., перераб. и доп. СПб.: Российская национальная библиотека, 2012. С. 17, 40. Описание памятника и его двуязычных надписей. URL: https://imwerden.de/pdf/levashovskoe_memorialnoe_kladbishche_2012__ocr.pdf (дата обращения: 11.10.2026).

60. Разумов А. Я. Левашовское мемориальное кладбище. 4-е изд., перераб. и доп. СПб.: Российская национальная библиотека, 2012. С. 16, 40. URL: https://imwerden.de/pdf/levashovskoe_memorialnoe_

чивают представление о конфессиональной принадлежности как о замкнутом продолжении национальной идентичности. Церковные участники могли выступать посредниками между общинами, сохраняя особенности собственных традиций. Наличие согласованной церемонии и последующего дара подтверждает контакты в разное время, их значение для диалога заключается в практическом признании присутствия другой стороны.

Подобное признание обнаруживается и в действиях польских дипломатических представителей. Согласно официальному сообщению о посещении Левашова 25 марта 2022 года, делегация возлагала цветы у знаков жертв разных национальностей и вероисповеданий. В отчёте о посещении 28 февраля 2025 года вновь отмечено поминовение жертв других национальностей наряду с польскими погибшими[61]. Следовательно, сохранение национальной памяти было совместимо с признанием чужой утраты и после исчезновения польского мемориала. В этом отношении памятное пространство предоставляло предмет взаимодействия, выходящий за пределы представительства одной общины.

Особое значение для проверки гипотезы имеет продолжение совместных действий в условиях ограничения доступа. По сообщению PAP от 20 августа 2023 года, основанному на свидетельстве генерального консула Польши, перед закры-

kladbishche_2012__ocr.pdf (дата обращения: 11.10.2026); Разумов А. Я. Интервью в программе «Под знаменем России». Эфир 26.10.2023. Свидетельство о передаче иконы из католического храма в православный. URL: https://www.grad-petrov.ru/broadcast/30-oktyabrya-den-politzaklyuchennogo-v-sssr-stavshij-v-rossii-gosudarstvennym-dnem-pamyati-zhertv-politicheskih-repressij/ (дата обращения: 11.10.2026).

61. Upamiętnienie w Lewaszowie // Polska w Rosji. Gov.pl. 25.03.2022. Отчёт польской дипломатической миссии. URL: https://www.gov.pl/web/rosja/upamietnienie-w-lewaszowie (дата обращения: 11.10.2026); Uroczystości z udziałem Ambasadora RP na Lewaszowskim Pustkowiu w Sankt Petersburgu // Polska w Rosji. Gov.pl. 28.02.2025; Отчёт о посещении мемориала и поминовении жертв разных национальностей. URL: https://www.gov.pl/web/rosja/uroczystosci-z-udzialem-Ambasadora-Lewaszowo (дата обращения: 11.10.2026).

тым входом на кладбище собрались представители полонии, «Мемориала» и консулы нескольких государств. Поминовение состоялось перед воротами, петербургские актеры читали произведения польских поэтов и исполняли песни[62]. Данный эпизод позволяет установить сохранение сотрудничества после утраты первоначального памятника и возникшего препятствия посещению. При этом содержание совместного действия определялось не только национальной принадлежностью его участников, но и готовностью участвовать в поминовении польских жертв. Ограничение места проведения изменило условия церемонии, однако не устранило отношений между её организаторами и участниками. Именно это наблюдение поддерживает предположение о способности сообщества памяти переживать исчезновение материального объекта.

В свою очередь, попытка сорвать молитву 1 ноября 2023 года раскрывает содержание противоположного процесса. По свидетельству участвовавшего в траурной процессии консула, активисты предъявляли обвинения Польше и полякам в уничтожении советских памятников и поддержке фашизма[63]. Таким образом, людям, пришедшим почтить погибших, предъявлялись претензии, основанные на их связи с современной Польшей. В рамках такого обращения принадлежность к общине переставала служить основанием признания её исторического опыта и использовалась для переноса текущего политического конфликта на участников поминовения. Это создаёт препятствие тому порядку взаимодействия, кото-

62. Dziurdzińska N. Konsul generalny RP w Petersburgu: przedstawicieli Polonii i organizacji Memoriał nie wpuszczono na teren cmentarza ofiar stalinowskich // PAP; Dzieje.pl. 20.08.2023. Сообщение участника мероприятия о составе собравшихся и поминовении перед входом. URL: https://dzieje.pl/dziedzictwo-kulturowe/konsul-generalny-rp-w-petersburgu-przedstawicieli-polonii-i-organizacji (дата обращения: 11.10.2026).

63. Proputinowscy aktywiści próbowali zerwać modlitwę na cmentarzu w Lewaszowie // PAP. 01.11.2023; обновлено 02.11.2023. Свидетельство консула, участвовавшего в процессии. URL: https://www.pap.pl/aktualnosci/proputinowscy-aktywisci-probowali-zerwac-modlitwe-na-cmentarzu-w-lewaszowie (дата обращения: 11.10.2026).

рый обнаруживается в согласованном открытии памятников: самостоятельное участие другой стороны становится предметом давления. Различие между двумя эпизодами заключается в условиях признания участников, а не только в сохранности мемориальной конструкции.

Указанное различие существенно и для связи диалога с государственной ответственностью. Если общность скорби достигается посредством устранения вопроса о том, кто принимал решения и каким образом осуществлялись репрессии, сообщество теряет возможность обсуждать часть собственного исторического опыта. Такое условие воспроизводило бы выявленное выше ограничение самостоятельности памяти уже под видом примирения. Напротив, разграничение ответственности государственных институтов и национальной принадлежности участников позволяет сохранить предмет совместного исследования. Общим становится обращение к документированным судьбам людей и обстоятельствам их гибели, различия национального опыта продолжают определять содержание памяти каждой группы. В этом отношении диалог предполагает возможность разногласия по поводу интерпретации прошлого, при котором другая сторона сохраняет участие в его обсуждении.

Таким образом, дополнительная гипотеза получает поддержку применительно к наблюдаемым общественным отношениям. Согласование церемонии 1993 года, конфессиональные контакты и продолжение совместного поминовения в 2023 году подтверждают, что память о репрессиях предоставляла общинам предмет сотрудничества. Обвинения участников по национальному признаку показывают, каким образом это сотрудничество ограничивается текущим политическим конфликтом.

В отношении цели исследования это означает, что исчезновение польского памятника затрагивает также общественную возможность взаимодействовать по поводу государственного насилия. Сохранение подобных отношений требует возможности самостоятельно участвовать в поминовении, признавать жертв другой стороны и обсуждать ответственность за репрессии без предъявления коллективной вины народам. История Левашова подтверждает наличие та-

ких практик и возможность включения памяти в межгосударственное взаимодействие. Следовательно, общая скорбь может стать также и основанием межгосударственного диалога, когда сохраняющийся общественный опыт получает условия для продолжения и соответствующее политическое признание. Это обусловленная перспектива, содержание которой определяется действиями участников и органов власти, а не самим фактом существования общей трагедии.

Таким образом, история польского мемориала в Левашове позволяет установить политическое значение изменения условий, в которых сообщество сохраняет собственное прошлое. Создание памятника соединяло возвращение имён с возможностью самостоятельно выбирать форму публичного поминовения. Его исчезновение, повторная утрата временных знаков и препятствия посещению затронули именно эту возможность. По существу, вмешательство затронуло отношения, благодаря которым память воспроизводилась после создания материального объекта. В отношении поставленной цели исследования это означает, что управление мемориальным пространством влияет на самостоятельность сообщества через распоряжение памятными знаками и условиями их использования. Установление данного результата, в свою очередь, требует отдельной оценки причин каждого действия.

Прежде всего, историческая реконструкция ограничивает объяснение через неизбежное противостояние государственной власти и общественной памяти. В становлении Левашова участвовали городская администрация, исследователи, национальные объединения и религиозные общины, но главная роль принадлежала низовым инициативам граждан; это была территория свободы, жажды свободы. Польская инициатива сочеталась с поддержкой консульства и совместным открытием польского католического и русского православного памятников в 1993 году[64]. Следовательно, самостоятельность

64. Левашовское мемориальное кладбище. СПб.: ДЕАН, 1999. С. 6–7, 11. История установления памятников и участия городских властей. URL: https://imwerden.de/pdf/levashovskoe_memorialnoe_kladbishche_1999__ocr.pdf (дата обращения: 11.10.2026).

сообщества была совместима с административным участием и с признанием исторического опыта других групп. Последующие ограничения представляют собой изменение сложившегося порядка отношений.

Реконструкция исчезновения оригинала дала более ограниченный результат. Памятник на прежнее место не возвращён, его местонахождение и физическое состояние остаются неизвестными, общественности сам объект предъявлен не был. Многократные обращения депутатов и представителей полонии не обеспечили получения ответов по существу этих вопросов, опубликованная депутатская переписка подтверждает сохранение неопределённости при наличии формальных ответов о реставрации[65]. Таким образом, остается открытым вопрос о причинах и физической судьбе оригинала.

Иную доказательственную силу имеют последующие ограничения. Удаление временного знака 30 октября 2024 года было подтверждено городскими властями. Состояние оригинального памятника не объясняет колоссальное давление на полонию и защитников левашовского мемориала со стороны провластных журналистов и активистов. Внешнеполитический конфликт получал непосредственное общественное продолжение: принадлежность участников к польской памяти использовалась как основание претензий к их присутствию.

Сопоставление других случаев уточняет значение национальной принадлежности. Снятие табличек «Последнего адреса» на Лесном проспекте показывает, что ограничения самостоятельного поминовения не исчерпываются польскими инициативами. В свою очередь, исчезновение доски польским узникам царского времени в Шлиссельбурге ограничивает объ-

65. Вишневский Б. Краска стирается, позор остается // Новая газета. 11.10.2024. Опубликованная депутатская переписка и изображения ответов. URL: https://novayagazeta.ru/articles/2024/10/11/kraska-stiraetsia-pozor-ostaetsia (дата обращения: 11.10.2026); Uroczystości z udziałem Ambasadora RP na Lewaszowskim Pustkowiu w Sankt Petersburgu // Polska w Rosji. Gov.pl. 28.02.2025. Датированная фиксация поминовения на месте отсутствующего мемориала. URL: https://www.gov.pl/web/rosja/uroczystosci-z-udzialem-Ambasadora-Lewaszowo (дата обращения: 11.10.2026).

яснение через защиту образа исключительно советских органов безопасности[66]. Следовательно, ни польская принадлежность, ни связь памяти с советским периодом не могут выступать единственным объяснением всей рассмотренной совокупности. Единственное, что объединяет все случаи — ответственность государства за репрессии против частных лиц.

Объяснение через ограничение обсуждения государственной ответственности получает поддержку на уровне публичной аргументации. В прениях по делу Международного «Мемориала» представитель прокуратуры включил обвинение в создании ложного образа СССР как террористического государства в свою аргументацию против организации. В июне 2024 года Правительство исключило слово «массовых» из конкретного принципа объективного анализа прошлого в Концепции увековечения памяти жертв политических репрессий, сохранив при этом осуждение политического террора[67]. Данные обстоятельства позволяют установить различие между признанием пострадавших и допустимостью определённых оценок государственного насилия.

Исходная гипотеза получает, таким образом, частичную поддержку. На уровне действий установлено ограничение отдельных способов самостоятельного воспроизводства памяти,

66. Санкт-Петербург, Лесной проспект, 61 // Последний адрес. Позднейшее дополнение к странице от 19.03.2023 о демонтаже табличек в конце августа 2023 года. URL: https://www.poslednyadres.ru/news/news1350.htm (дата обращения: 11.10.2026); Гильмшина Ю. Поляков взяли да сняли. Память об узниках исчезла из Шлиссельбургской крепости // 47news. 07.07.2023. URL: https://47news.ru/articles/233977/ (дата обращения: 11.10.2026).

67. «Мемориалу» вменили создание лживого образа СССР // Интерфакс. 28.12.2021. Сообщение корреспондента из Верховного суда о выступлении представителя прокуратуры. URL: https://www.interfax.ru/russia/812934 (дата обращения: 11.10.2026); Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.06.2024 № 1564-р. Изменения в Концепцию государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий, п. 2, подп. «в», «г»; с. 4 приложения. Официальное опубликование 21.06.2024, № 0001202406210044. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202406210044 (дата обращения: 11.10.2026).

на уровне публичных объяснений — использование внешнеполитических обвинений против участников и отрицательная оценка определённого описания государственной деятельности.

При этом продолжающиеся церемонии ограничивают вывод о результате вмешательства. Официальное поминовение в Левашове 30 октября 2024 года сосуществовало с удалением временного польского знака, общественное чтение имён продолжалось и в августе 2026 года[68]. Следовательно, признание жертв и деятельность носителей памяти не были полностью прекращены. Утрата памятника изменила возможности её материального выражения, тогда как часть связей между участниками сохранилась. Распределение исследовательских, общественных, церковных и дипломатических функций согласуется с таким продолжением деятельности.

Сохранение общественных связей позволяет вернуться к вопросу о диалоге. Согласованное открытие памятников в 1993 году и совместное поминовение перед закрытым входом в августе 2023 года подтверждают возможность сотрудничества участников с различными основаниями исторического представительства. Формула «Прощаем и простите нас» выражала предложение такого взаимодействия[69]. Его содержа-

68. Мотовилова А. Указ. соч. 30.10.2024. Сведения о продолжении официальной церемонии в день демонтажа временного знака. URL: https://www.fontanka.ru/2024/10/30/74274374/ (дата обращения: 11.10.2026); Sierpniowe dni pamięci w Lewaszowie // Polonijna Agencja Informacyjna. 31.08.2026. Сообщение о чтении имён 22.08.2026. URL: https://portalpolonii.pl/pai/wiadomosci.php?id=44953 (дата обращения: 11.10.2026).

69. Левашовское мемориальное кладбище. СПб.: ДЕАН, 1999. С. 6–7, 11. Совместное открытие памятников. URL: https://imwerden.de/pdf/levashovskoe_memorialnoe_kladbishche_1999__ocr.pdf (дата обращения: 11.10.2026); Разумов А. Я. Левашовское мемориальное кладбище. 4-е изд., перераб. и доп. СПб.: Российская национальная библиотека, 2012. С. 17, 40. Надпись на польском памятнике. URL: https://imwerden.de/pdf/levashovskoe_memorialnoe_kladbishche_2012__ocr.pdf (дата обращения: 11.10.2026); Dziurdzińska N. Указ. соч. 20.08.2023. Состав участников и поминовение перед входом. URL: https://dzieje.pl/dziedzictwo-kulturowe/konsul-generalny-rp-w-petersburgu-przedstawicieli-polonii-i-organizacji (дата обращения: 11.10.2026).

ние определяется признанием чужой утраты при сохранении возможности говорить о собственной. В данном случае разграничение народа, государственных институтов и организаторов репрессий приобретает принципиальное значение: установление ответственности за преступление позволяет исследовать причины общей трагедии без предъявления коллективной вины национальным сообществам. Примирение, предполагающее отказ от этого исследования, ограничивало бы содержание самой памяти.

Вместо послесловия полагаю необходимым оставить этот список. Список новых трудных мест отношений с важным для России соседом, список, выросший, что характерно, из абсолютно подросткового нежелания признавать свою ответственность перед своими же гражданами.

Перечень содержит 20 основных записей об утраченных или повреждённых польских памятниках и мемориальных знаках, увековечивающих жертв политических репрессий. Повторные нападения и удаления временных знаков учитываются внутри соответствующей записи.

Временные границы поиска — с 24 февраля 2022 года по 11 октября 2026 года. Территориальные границы — Российская Федерация в международно признанных границах. В основную таблицу включены конкретные объекты, посвящённые полякам, польским гражданам или смешанной группе жертв с прямо обозначенным польским компонентом. Учитываются уничтожение, демонтаж, исчезновение и повреждение отдельных элементов. Сохранившееся кладбище не обозначается как уничтоженное из-за утраты части его оформления.

В таблице различаются дата события, дата обнаружения и дата опубликованного сообщения. Формула «к указанной дате» означает, что утрата уже была зафиксирована, но день самого действия неизвестен. Год без дня и месяца сохраняется там, где более точная датировка не подтверждена. Перечень охватывает все конкретизированные случаи, подтверждённые найденными источниками; абсолютную полноту сведений о событиях в удалённых местах открытые публикации не обеспечивают. Последующие сведения приводятся с датой их фиксации и не заменяют обследования объекта на текущую дату.

Даты относятся к указанному объекту или событию.

№	Место и объект	Установка	Утрата или повреждение	Подтверждённые сведения
1	Томск, Сквер памяти, проспект Ленина, 42–44 Памятник полякам — жертвам сталинских репрессий на Томской земле	28 мая 2004 года	11 ноября 2022 года, 19 апреля 2026 года	В 2022 году сбита и похищена плита с текстом. В апреле 2026 года демонтированы памятные объекты Сквера памяти, включая польский памятник. Дата последнего демонтажа указана в совместном заявлении дипломатических представительств. Первоначально памятник создан по инициативе центра «Белый Орёл» и «Мемориала».
2	Томск, улица Розы Люксембург, 48 Доска на здании бывшего Польского детского дома	Октябрь 2013 года, восстановлена в 2020 году	Ночь с 11 на 12 ноября 2022 года	Повторно снята памятная доска. В 2020 году первую доску уже похищали, после чего её заменили пластиковой. Музейная страница расходится в дне первоначального открытия: в тексте указано 12 октября 2013 года, в подписи к фотографии — 13 октября. Поэтому в перечне сохранены месяц и год.
3	Белосток, Кривошеинский район Томской области Мемориал репрессированным жителям польского села	21 июня 2003 года, после реконструкции открыт 30 октября 2005 года	Ноябрь 2022 года	Спилен католический крест, сняты памятные плиты. Сообщение о восстановлении относит нападение к 11 ноября. В 2023 году прихожане восстановили крест, в июне 2024 года освящены новые именные таблички. Этот случай включён как состоявшаяся утрата, за которой последовало общественное восстановление.

4	Бывший посёлок Полозово, Молчановский район Томской области Крест и плиты на кладбище польских спецпереселенцев	26 августа 2003 года	Ноябрь–декабрь 2022 года	Утрачен металлический крест, повреждены или исчезли памятные плиты. Публикации относят событие к ноябрю–декабрю 2022 года, «Новая газета» называет 1 декабря. День совершения действия независимо не подтверждён. Мемориал возник по инициативе семьи бывших спецпереселенцев при участии польских организаций и местной администрации.
5	Красный Бор, Прионежский район Республики Карелия Польский католический крест и последующие памятные знаки	2016 год, временный крест установлен после утраты первоначального	Между октябрём 2022 года и 12 января 2023 года, повторная утрата обнаружена 4 августа 2024 года	Первоначальный крест исчез вместе с поминальной плитой, на месте найдены фрагменты фигуры Христа. В августе 2024 года отсутствовали крест, прикреплённый к сосне после первой утраты, и столбец с польскими именами. Это два эпизода в одном месте памяти. Их следует отличать от давления на участников поминовения в Сандормохе.
6	Урочище Галяшор, Кудымкарский округ Пермского края Мемориал польским и литовским спецпереселенцам	2016 год	Весна 2023 года, отсутствие обнаружено 22 апреля	Мемориальная композиция уничтожена, место её установки оказалось пустым. «Медиазона» относит снос к марту, опубликованное свидетельство обнаружения датировано 22 апреля. Поэтому точный день разрушения не указан. Памятник был сооружён на средства родственников бывших польских и литовских спецпереселенцев.

7	Пивовариха, Иркутский район Иркутской области Польская памятная плита на мемориальном кладбище	2015 год	Май 2023 года, демонтаж публично подтверждён к 12 мая	Польская плита снята одновременно с соседним литовским крестом. 17 мая власти объяснили демонтаж благоустройством и сообщили о передаче объектов на хранение. Это подтверждает снятие, но не физическое уничтожение плиты. В мае 2026 года польское представительство продолжало проводить поминовение в этом месте.
8	Речка Мишиха, Кабанский район Республики Бурятия Крест памяти польских ссыльных	Октябрь 2001 года	Начало июня 2023 года	После сельского собрания 1 июня крест спилен, памятная табличка исчезла. Местный репортаж позволяет отнести событие к июню, хотя поздняя сводка указывает май. Отдельный эпизод произошёл ещё в июне 2022 года: с памятника сорвали польский флаг и венок. Крест представлял символическое место поминовения ссыльных.
9	Озёрный, Режевской район Свердловской области Памятник умершим польским ссыльным	1998 год	Июнь 2023 года	Сняты памятные таблички и повреждены религиозные элементы оформления. Подтверждена утрата элементов памятника, оснований обозначать всё кладбище как уничтоженное нет. Сообщество «Полярос» сообщало, что памятник поставили поляки, чьи родители находились в ссылке на Урале. В июле полиция сообщила об отказе в возбуждении уголовного дела.

10	Костоусово, Режевской район Свердловской области Памятник умершим польским ссыльным	2007 год, ранее стоял деревянный крест	Июнь 2023 года	Исчезли именные и памятные таблички, повреждены элементы религиозного оформления. Это отдельный объект, хотя в сообщениях он обычно объединён с памятником в Озёрном. Создан по инициативе семей ссыльных. Публикация ЕАН приводит ответ полиции о безрезультатных опросах и отказе в возбуждении дела.
11	Крепость Орешек, Шлиссельбург, Ленинградская область Доска польским и литовским узникам крепости	12 сентября 1998 года	Отсутствие обнаружено 6 июля 2023 года	Мемориальная доска снята. Публикации передают версию о реставрации, сами по себе эти сведения не устанавливают местонахождение доски и не доказывают её уничтожения. Памятный знак относился к истории заключения польских и литовских деятелей в Российской империи.
12	Воркута, бывший посёлок Рудник, Республика Коми Девятиметровый крест польским узникам лагерей	30 августа 1997 года по каталогу «Мемориала»	Повреждение подтверждено к 28 сентября 2023 года	Железобетонный крест оказался повален с разрушенным основанием. The Insider сообщает об обнаружении уже в июле, точный день падения неизвестен. Полиция сослалась на погодные причины, журналисты сообщали о признаках повреждения основания. Умышленный характер этим расхождением не устанавливается. В репортаже июля 2026 года крест по-прежнему лежит на земле.

13	Воркута, у входа на шахту «Воркутинская», Республика Коми Польский крест памяти жертв лагерей	30 августа 1997 года	2023 год, сообщения опубликованы в сентябре–октябре	Утрачен второй воркутинский памятник, представлявший собой аналогичную девятиметровую стелу. Его существование и дату открытия фиксируют довоенные каталоги. Сообщение 2023 года выделяет его отдельно от креста в Руднике, репортаж 2026 года указывает, что у проходной крест снесён и на его месте находится парковка. День демонтажа не установлен.
14	Левашовское мемориальное кладбище, Санкт-Петербург Памятник польским жертвам массовых репрессий	30 октября 1993 года, обновлён 1 ноября 1998 года	Исчезновение обнаружено 22 июля 2023 года	Памятник исчез, его точная судьба публично не установлена. Временный знак, поставленный 30 октября 2023 года, исчез на следующий день. 30 октября 2024 года вновь удалён временный мемориал, комитет по промышленной политике подтвердил его демонтаж. Повторные удаления учитываются как эпизоды в одном месте памяти.
15	Якутск, пересечение улиц Курашова и Пояркова Мемориальный ансамбль польским ссыльным и жертвам репрессий	2001 или 2002 год — расхождение источников	Лето 2023 года — снятие табличек, к 25 сентября 2023 года — демонтаж ансамбля	Сначала исчезли таблички, затем вывезены все каменные элементы. История общины, опубликованная в 2019 году, датирует открытие сентябрём 2001 года. Архивный акт открытия не найден. В сентябре 2026 года опубликовано сообщение об установке на этом месте памятника участникам войны с Украиной.

16	Владимир, Князь-Владимирское кладбище Памятная доска Яну Станиславу Янковскому в составе мемориальной стены	2006 год по «Новой газете»	Ориентировочно 13 октября 2023 года, сообщение 30 октября	Сняты мемориальные доски иностранным заключённым, включая польского политического деятеля Яна Станислава Янковского. «Новая газета» датирует установку досок 2006 годом, более ранний документ об открытии не найден. В марте 2026 года польское представительство сообщило о поминовении на месте демонтированного памятника и о размещении его прежних фотографий.
17	Боровичский район Новгородской области, Ёгла и окрестности Комплекс польских знаков памяти узникам лагеря № 270	1993–2004 годы, в Ёгле крест — 1993, плита — 2002, шесть памятных валунов — 2004	Разрушения обнаружены 8 декабря 2024 года, консульство сообщило о них 10 декабря	Повреждены или уничтожены кресты и надписи на памятных камнях. Польский дипломатический корпус сообщил о трёх пострадавших местах, расположенных в нескольких километрах друг от друга. Для центрального мемориала в Ёгле установлена последовательность создания. Пообъектное сопоставление остальных мест и дат ограничено сведениями публикаций.
18	Медное, Тверская область, польское военное кладбище Барельефы польских воинских наград на мемориале	Кладбище открыто 2 сентября 2000 года	Демонтированы к 16 мая 2025 года	Сняты барельефы ордена Virtuti Militari и Креста Сентябрьской кампании. Администрация мемориала сообщила о выполнении представления прокуратуры Тверской области. Дата относится к официальному сообщению, отдельный день работ не назван. Подтверждена утрата двух элементов, польское кладбище целиком не уничтожено.

19	Соловецкий, Большой Соловецкий остров, Архангельская область Польская плита на памятном камне узникам Соловков	7 августа 2011 года	Отсутствие плиты публично подтверждено к 13 августа 2025 года	С памятного камня снята польская мемориальная плита. Консул опубликовал фотографии места, на камне появилась временная надпись, отмечающая утраченное польское упоминание. Сам камень сохранился. Дата сообщения не является доказательством даты снятия. Обобщённый перечень других регионов в той же радиопубликации не использован без отдельной проверки.
20	Катынь, Смоленская область, польское военное кладбище Барельефы польских воинских наград на мемориале	Кладбище открыто 28 июля 2000 года	Демонтированы к 18 ноября 2025 года	Сняты барельефы ордена Virtuti Militari и Креста Сентябрьской кампании. Администрация комплекса официально связала действие с представлением прокуратуры Смоленской области. Сообщение датировано 18 ноября, отдельная дата работ не приведена. Этот эпизод нельзя обозначать как уничтожение всего Катынского мемориала.

Уничтоженные и исчезнувшие польские памятники в России оставляют раны, которые делают путь к диалогу между народами всё более трудным. За каждым из этих мест стоит история людей, сумевших вернуть имена погибших и добиться возможности публично говорить об их судьбе. Многие памятники возникли по инициативе бывших заключённых, их родственников и польских общин при участии российских исследователей репрессий. На воркутинском памятнике эта связь памяти и диалога была выражена непосредственно: «Пусть из страданий поляков и русских в лагерях ГУЛАГа вырастет взаимопонимание и дружба наших народов».

Представляется, что возможность восстановить эти отношения сохраняется в общественной работе с памятью. В том-

ском Белостоке жители и прихожане вернули крест и именные таблички. В Левашове после исчезновения памятника люди вновь ставили знаки поминовения, несмотря на их последующее удаление. Эти действия показывают, что общественная память способна воспроизводиться и после утраты своего материального выражения. Общая скорбь о жертвах репрессий может стать местом встречи поляков и россиян, а со временем создать предпосылки для диалога между государствами. Такой диалог предполагает признание совершённых преступлений и уважение к праву каждого сообщества помнить своих погибших.

Эти раны мы обязательно залечим. Путь к их исцелению проходит через возвращение имён и восстановление доверия между людьми, которые сохраняют память вместе. Общественная инициатива снизу, благодаря которой возникло место общей скорби в Левашове, остаётся основанием для этой работы.

DOI: 10.55167/7d64924cfa95

Депортированные в Казахстан народы. Обзор публикаций казахстанских ученых и возможные направления исследования

Юлия Градскова
Исследовательница (университет Сёдертёрн, Швеция), профессор Свободного университета

Закрытие музеев памяти о сталинских репрессиях в России, в том числе музея Гулага в Москве, и объявление «Мемориала» «нежелательной организацией» оказали крайне негативное влияние не только на сохранение «мест памяти» (Nora 1997) и на возможность передачи знаний об ужасах сталинизма следующим поколениям внутри России, но и на перспективы новых исследований и публикацию архивных материалов о сталинском терроре и его жертвах. Все это касается и одной из менее изученных, но центральных для понимания советской и постсоветской истории России тем — депортаций наций (или, по определению советского диссидента Александра Некрича, «наказанных народов» [Некрич 1978]).

Однако сохранение «мест памяти» и исторические исследования сталинизма продолжают развиваться в других государствах, исторически маркированных советскими политиками политических репрессий. Казахстан, страна, на территории которой находился один из самых крупных сталинских лагерей, Карлаг, и самый известный центр для женщин-политзаключенных, родственниц тех, кто был объявлен «врагом народа», АЛЖИР, занимает сегодня важное место в сохранении памяти о жертвах репрессий. Именно в Казахстане продолжают действовать и открываться музеи — Карлаг, АЛЖИР, музей/мемориал жертвам политических репрессий в поселке Жана-

лык около Алматы[1], музей Шимкента (Kozgambayeva 2017) и другие. И именно в Казахстане в последнее десятилетие были опубликованы новые сборники документов, книг и статей, рассказывающих правду о Гулаге и сталинизме. Одна из таких книг, например, посвящена детям Гулага (Дети казахстанских лагерей… 2024) и описывает многочисленные проблемы детей, подвергшихся репрессиям и дискриминации вместе со своими родителями (или лишенных родителей в результате преступной репрессивной политики). Этот сборник под редакцией Зауреш Сактагановой исследует в том числе обучение и воспитательную работу среди детей спецпереселенцев (высланных в составе семей кулаков).

И именно в Казахстане, принявшем наибольшее количество депортированных по национальному/этническому признаку, в последние 8–12 лет развиваются исследования о сталинских политиках депортаций. Не имея возможности уделить в небольшой статье внимание всем аспектам научных исследований и политик памяти в отношении жертв сталинизма в Казахстане, в этой статье я хочу особо сосредоточиться на теме депортаций наций в Казахстан, политик, во многом повлиявших на современную структуру населения многонационального государства и на основные моменты политической, социальной и культурной истории Казахстана на протяжении его нахождения в СССР. В то время как одна из наиболее известных публикаций о депортированных — П. Поляна и Н. Поболь (2005) — структурирована вокруг того, какие народы и откуда были депортированы, историки Казахстана, начиная с первой монографии Калыбековой (2008), изучают прибывших переселенцев, социальную дискриминацию в связи с их особым политическим статусом, ее постепенную отмену после 1954 года и влияние депортаций на развитие тех или иных городов и областей Казахстана (о Восточном Казахстане см.: Karibayeva, Atantayeva, Abenova 2024; о Караганде — Кузнецова 2019).

В том, что касается доступности документов о депортациях, прежде всего необходимо отметить фундаментальную

1. https://www.gov.kz/memleket/entities/almobl/press/news/details/18719?lang=ru.

публикацию трех томов архивных документов (2012–2019), рассматривающих политики депортаций и различные аспекты жизни депортированных в Казахстане между 1930 и 1945 гг. (т. 2 — 1935–1941 гг. и т. 3 — 1941–1945 гг. преимущественно содержат документы о депортированных нациях), документации нарушения прав человека депортированных и условий их жизни и работы. Помимо этих документов важными представляются публикации по истории корейцев — первой нации, насильственно переселенной в Казахстан еще в 1930-е годы. Статья Розы Жаркынбаевой и А. Жунисбаевой (Zharkynbayeva, Zhunisbayeva 2020) показывает, что вместе с огромными человеческими страданиями депортации привели к уничтожению документов культурного наследия корейского народа. Кроме того, материалы о депортации народов включены и в другие сборники, документирующие преступления сталинизма. Например, книга «Живая память. Сталинизм в Казахстане: прошлое, память, преодоление», изданная в 2019 г. под ред. Ж. Б. Абылхожина, М. Л. Акулова и А. В. Цай (и со вступительной статьей известного британского профессора Катрионы Келли), поставила своей задачей многостороннюю оценку последствий репрессивной политики сталинизма в Казахстане. Статьи сборника включают в себя исследование трагических последствий голода (Ашаршылык) начала 1930-х годов — результата политики советского центра, исследование репрессий в отношении политической и культурной элиты Казахстана, а также — вопросы сохранения памяти. Главы Юрия Серебрянского и Александры Цай посвящены памяти о депортации поляков (из района польско-белорусской границы) и корейцев. Цай пишет о «коллективном травматическом опыте» советских корейцев, страдавших как от физических лишений, так и психологически. Наконец, появились публикации, исследующие гендерные аспекты депортаций. Так, Сактаганова (Saktaganova 2019) проанализировала гендерные аспекты депортации на основе интервью, опубликованных в разные годы журналистами, а также собранных в процессе реализации проекта о женщинах в период Второй мировой войны. Статья показывает, что рассказы женщин разных национальностей, депортированных в Казахстан, во многом совпадают: они описывают само переселение и ужасающие условия жизни, включая голод, как

«расчеловечивание» — нечеловеческие условия повседневного выживания и обыденность смерти.

Публикации историков из Казахстана позволяют лучше понять многие аспекты политик принудительного переселения, больше узнать о сложностях, с которыми депортированные столкнулись, и помощи, которую они получили от казахского населения (которое само являлось жертвой колониальных политик советского центра, в том числе сталинских репрессий), а также стратегиях выживания депортированных. Представляется, что результаты исследований казахстанских историков должны больше распространяться среди студентов «университетов в изгнании». Особенно это необходимо в контексте неоимперской политики России: казахстанские исследователи, среди прочего, показывают связь между колониальными политиками советского центра и политиками Российской империи. И, таким образом, помогают деконструировать имперский нарратив современного российского руководства.

История империй включает в себя много примеров, когда сохранение имперского порядка было достигнуто с помощью насильственного перемещения тех или иных социальных или этнических групп внутри ее территории. Одним из самых известных примеров является выселение мусульманского и еврейского населения Аль-Андалус после завоевания всей территории Испании Кастильским королевством в 1492 году. Политические депортации широко использовались европейскими империями в XIX веке, например, для достижения и сохранения господства над островами в Индийском океане (Morieux 2024). Так как сохранение контроля над территориями, включенными в советское государство, составляло одну из важнейших целей политики сталинизма, именно сталинские депортации целых народов стали одними из наиболее крупных в глобальной истории депортаций. Например, статья Алии Болатхан и Манары Ч. Калыбековой показывает, что количество спецпоселенцев достигло максимального размера к 1953 году — более 2 млн человек; эта категория была окончательно ликвидирована в 1956 г. (Болатхан, Калыбекова 2024). Как известно, еще в 1960-е годы Роберт Конквест предложил рассматривать советские депортации как продолжение депортаций, проводи-

мых Российской империей (Conquest 1960). Обращение к теме депортаций позволяет использовать понятие имперского репертуара (Burbank, Cooper 2010): рассматривать депортации как один из способов «управления» и сохранения империи. Это позволяет также рассматривать представителей депортированных наций как особый тип вынужденных переселенцев, которые могли найти союзников среди населения Казахстана, тоже являющегося жертвой колониальных политик Российской империи и советского центра.

С другой стороны, Исакиева, исследовательница из Чечни, собиравшая воспоминания чеченцев, переселенных в Казахстан, подчеркивает, что общая религия казахов и чеченцев служила определенным объединительным элементом. Опираясь на устные свидетельства, она показывает, что казахи делились, чем могли, со своими «братьями» по вере и демонстрировали особое уважение к просвещенным и соблюдающим обряды депортированным (Исакиева 2021: 124). Сактаганова в своих работах также подчеркивает, что многие воспоминания депортированных наполнены теплом и благодарностью к казахам (Saktaganova 2019: 245).

Таким образом, деколониальный поворот в изучении советской истории требует пересмотра наших представлений о советском обществе путем раскрытия имперских репертуаров коммунистического руководства (см.: Tlostanova 2010; Kassymbekova, Marat 2022).

Кроме того, особенно важным представляется внимание к последствиям депортации, имеющим длительный характер, продолжающимся после смерти Сталина (Adler 2002). Книга Калыбековой (2008) показывает, как ограничения в правах сохранялись и после смерти Сталина и постановления 1954 года. Например, подростки из семей депортированных, окончившие школу и поступившие в учебные заведения в другой области, должны были встать на учет в МВД этих областей, многие депортированные испытывали дискриминацию при приеме на работу и заключении контракта (Калыбекова 2008: 145–149). Кроме того, внимание к положению бывших депортированных в более поздний период помогает нам понять, что период позднего социализма, нередко описываемый как период от-

носительной стабильности и конформистского принятия советской системы (Yurchak 2005), — это одновременно период, когда представители следующего поколения депортированных народов делали работу памяти и одновременно стремились использовать свои гражданские права. Акулов и Аканов (Akulov, Akanov 2023), например, показывают, что колониальные политики продолжались и в 1970-е и 1980-е: немецкие переселенцы были лишены возможности создания политической автономии в Казахстане или за его пределами.

Наконец, гендерные аспекты депортаций также требуют дополнительного внимания — практики выживания и сопротивления, как известно, часто оказывались невидимыми практиками женской повседневности. Учет гендерного аспекта опыта депортированных лиц и их семей усложняет представление о «нормализации» позднего социализма как одной из форм современной унификации и обнажает его колониальную подоплеку, иерархии принудительного перемещения и экстрактивистскую эксплуатацию колонизированного пространства Казахстана. В то же время акцент на гендерных стратегиях выживания и адаптации способствует формированию нового знания о социальном воспроизводстве депортированных народов через сохранение семейной памяти о репрессиях и этнической культуры в условиях так называемого «мультикультурализма» позднего советского Казахстана.

Литература

Болатхан А. «Указники» в системе спецпоселений (1948–1956) / А. Болатхан, М. Калыбекова // Otan tarikhy. 2024. Т. 27, № 4. С. 925–950.

Дети казахстанских лагерей ГУЛАГа и спецпоселений, 1930–1950-е гг. / З. Г. Сактаганова, К. К. Абдрахманова, Т. К. Алланиязов, С. В. Елеуханова. Караганда: Karaganda Print, 2024.

Живая память. Сталинизм в Казахстане: прошлое, память, преодоление / под ред. Ж. Б. Абылхожина, М. Л. Акулова, А. В. Цай. Алматы: Дайк-Пресс, 2019.

Из истории депортаций. Казахстан. 1930–1945: сб. док.: в 3 т. Алматы: LEM, 2012–2019.

Исакиева З. С. Из истории повседневной жизни депортированных народов в годы Великой Отечественной войны на примере чеченцев и ингушей // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 5 (112). С. 119–127.

Калыбекова М. Ч. История депортированных народов Казахстана (1936–1956 гг.). Алматы, 2008.
Кузнецова Е. Ветер времени сушит траву забвения // Живая память. Сталинизм в Казахстане: прошлое, память, преодоление / под ред. Ж. Б. Абылхожина, М. Л. Акулова, А. В. Цай. Алматы: Дайк-Пресс, 2019. С. 134–158.
Некрич А. М. Наказанные народы. Нью-Йорк: Хроника, 1978.
Сталинские депортации. 1928–1953 / сост. Н. Л. Поболь, П. М. Полян; под общ. ред. А. Н. Яковлева. М.: МФД: Материк, 2005. (Россия. XX век. Документы).
Adler N. The Gulag Survivor: Beyond the Soviet System. New Brunswick; London: Transaction Publishers, 2002.
Akulov M. Kolonizatsiia or Korenizatsiia? The Many Faces of Soviet Modernization in Post-Stalinist Kazakhstan / M. Akulov, A. Akanov // Saeculum. 2023. Vol. 73, No. 2. P. 287–316.
Burbank J. Empires in World History: Power and the Politics of Difference / J. Burbank, F. Cooper. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2010.
Conquest R. The Soviet Deportation of Nationalities. London: Macmillan; New York: St. Martin's Press, 1960.
Karibayeva A. Deported Germans in the History of East Kazakhstan / A. Karibayeva, B. Atantayeva, G. Abenova // Otan tarikhy. 2024. Vol. 27, No. 4. P. 993–1004.
Kassymbekova B. Time to Question Russia's Imperial Innocence / B. Kassymbekova, E. Marat // PONARS Eurasia. 2022. URL: https://www.ponarseurasia.org/time-to-question-russias-imperial-innocence/.
Kozgambayeva G. Museum of Victims of Political Repressions of South Kazakhstan Region // KazNU Bulletin. History Series. 2017. No. 1 (84). P. 249–252.
Morieux R. The Return of the Repressed: Political Deportation in the Indian Ocean during the Age of Revolutions // Past & Present. 2024. Vol. 265, Suppl. 17. P. 214–248. DOI: 10.1093/pastj/gtae029.
Nora P. Realms of Memory: Rethinking the French Past. Vol. 2: Traditions / ed. L. D. Kritzman; transl. A. Goldhammer. New York: Columbia University Press, 1997.
Saktaganova Z. Memories' fragments of deported women: adaptation and life in Kazakhstan // Үлкен Алтай әлемі = World of Great Altay. 2019. Vol. 5, No. 2. P. 232–247. DOI: 10.31551/2410-2725-2019-5-2-232-247.
Tlostanova M. Gender Epistemologies and Eurasian Borderlands. New York: Palgrave Macmillan, 2010.
Yurchak A. Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2005.
Zharkynbayeva R. War and Deportation: on the Issue of Resettlement and the Fate of Korean Settlers / R. Zharkynbayeva, A. Zhunisbayeva // Journal of History. 2020. No. 2 (97). P. 87–93.

DOI: 10.55167/89a8b205ef7c

Пропаганда и присвоение советского рока в России: наследие Виктора Цоя в современных государственных нарративах

Александра Колесник
Кандидат исторических наук, постдок (факультет истории, философии и филологии, Билефельдский университет, Германия)

Аннотация: Статья рассматривает политическое присвоение наследия Виктора Цоя и группы «Кино» в современной России в контексте политики памяти и государственной пропаганды. В центре анализа — переход от вернакулярной памяти к институционализации, коммерциализации и милитаризации образа Цоя, особенно после полномасштабного вторжения России в Украину в 2022 году. На примере песни «Перемен!», выставочных проектов и военного переосмысления репертуара «Кино» показано, что эффективность такого присвоения связана с семантической открытостью песен Цоя и его культурным авторитетом, сформированным вне государственных институтов. При этом политическая апроприация не означает полного контроля: наследие Цоя сохраняет многозначность и продолжает циркулировать между конкурирующими интерпретациями.

Ключевые слова: политика памяти, пропаганда, советский рок, Виктор Цой, «Кино», культурное наследие, апроприация, милитаризация, популярная культура

Политика памяти стала одним из ключевых источников политической легитимности в современной России и всё более важным компонентом государственной пропаганды. На протяжении последних двух десятилетий государственные институты всё активнее мобилизуют исторические нарративы, коммеморативные практики и проекты в области культурного наследия для продвижения патриотизма, укрепления национального единства и легитимации политической власти. Исследователи обращают внимание на центральное место Великой Отечественной войны, мифологии победы и имперских нарративов в современной российской политике памяти

и пропаганде[1]. Значительно меньше внимания, однако, уделялось присвоению позднесоветской популярной культуры и ее наследия как ресурса патриотической мобилизации, что также стало распространенной практикой.

Этот пробел особенно заметен в случае советской рок-музыки. Возникнув в 1970–1980-е годы как полуавтономная сфера между официальной культурой и неформальной социальной жизнью, советский рок стал тесно ассоциироваться с культурными трансформациями перестройки[2]. Одной из наиболее влиятельных его фигур был Виктор Цой, лидер чрезвычайно популярной рок-группы «Кино», погибший в автомобильной аварии в августе 1990 года в возрасте 28 лет. Его песни стали одним из символов последних лет Советского Союза и до сих пор пользуются огромной популярностью на «постсоветском пространстве»[3].

1. Малинова О. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: РОССПЭН, 2015; Koposov N. Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2018; Курилла И. Битва за прошлое: как политика меняет историю. М.: Альпина Паблишер, 2021; McGlynn J. Russia's War. Cambridge: Polity, 2023.

2. Troitsky A. Back in the USSR: The True Story of Rock in Russia. London: Omnibus Press, 1987; Yoffe M. Soviet Rock Carnival: Times and Traditions // The Oxford Handbook of Soviet Underground Culture / ed. by M. Lipovetsky, M. Engström, T. Glanc, I. Kukuj, K. Smola. New York: Oxford University Press, 2024. P. 546–566.

3. Я использую термин «постсоветский» в кавычках, чтобы подчеркнуть его дискуссионный характер. В последние годы споры вокруг категорий «постсоветского» и «постсоциалистического» выявили ограниченность подхода, рассматривающего бывшие советские республики как единый и целостный регион, и подчеркнули необходимость уделять больше внимания разнообразию исторического опыта, политических траекторий и географических контекстов, объединяемых этим обозначением. Территории, которые обычно объединяются этим термином, включают Восточную Европу, Балтийский регион, Кавказ, Центральную Азию, Сибирь и российский Дальний Восток, причем каждая из них сформирована собственной историей и специфическими формами взаимодействия с советской властью. См. подробнее: Erizanu P. Thirty Years after the Collapse of the Soviet Union, Is It Time to Finally Stop Using the Term Post-Soviet? // New East

Символический статус Цоя представляет собой особую проблему для современной российской пропаганды. В отличие от военных героев, политических лидеров или официально признанных деятелей культуры, его авторитет не был создан государственными институтами, а возник и поддерживался молодежной культурой и неформальными социальными сетями поклонников. Поэтому его наследие одновременно привлекательно для государственных акторов и трудно поддается присвоению: эмоциональная сила его песен и широкая узнаваемость его образа представляют ценный символический ресурс, однако их значения остаются нестабильными и открытыми для конкурирующих интерпретаций.

В этой статье рассматривается присвоение наследия Виктора Цоя современной российской пропагандой в более широком контексте политики памяти, особенно после полномасштабного вторжения России в Украину в 2022 году.

Российская политика памяти и присвоение культурных символов

В современной России политика памяти становится всё более важным инструментом определения национальной идентичности, легитимации политической власти и позиционирования страны на международной арене[4]. Исторические нарративы мобилизуются не просто для интерпретации прошлого, но и для формулирования представлений о нации, оправдания актуального политического выбора и определения места Рос-

Digital Archive. 2021. 30 August. URL: https://www.new-east-archive.org/features/show/13044/30-years-independence-ussr-term-post-soviet-use; Eggart C. The End of the Post-Soviet // ZOiS Spotlight. 2022. No. 21. URL: https://www.zois-berlin.de/en/publications/zois-spotlight/the-end-of-the-post-soviet; Deschepper J., Kolesnik A., Rusanov A. Beyond the "Post-Soviet": A Manifesto for New Critical Heritage Studies in Regions We Should Stop Labelling This Way // La Revue d'études comparatives Est-Ouest. 2026 (в печати).

4. Малинова О. Актуальное прошлое…; Mälksoo M. "Memory Must Be Defended": Beyond the Politics of Mnemonical Security // Security Dialogue. 2015. Vol. 46. No. 3. P. 221–237; Курилла И. Битва за прошлое…; McGlynn J. Russia's War.

сии в мире. Одной из характерных тенденций 2000–2020-х годов стало создание разветвленной «институциональной среды», предназначенной для производства, регулирования и распространения официальных исторических нарративов[5]. Эта инфраструктура включает государственные ведомства, образовательные учреждения, музеи, организации, работающие с памятью, патриотические движения и культурные инициативы, которые совместно формируют общественное взаимодействие с прошлым и всё в большей степени монополизируют право на его легитимную интерпретацию[6]. Институционализация политики памяти усиливается правовыми и административными механизмами. Законы о памяти превратились в мощный инструмент защиты санкционированных государством версий истории и ограничения альтернативных нарративов[7].

В центре этой политики памяти находится Великая Отечественная война. Победа 1945 года функционирует не просто как важное историческое событие, но как основополагающий миф современного российского патриотизма, предлагающий главный нарратив о героизме, жертвенности, национальном единстве и исторической правоте[8]. Всё чаще память о войне используется не столько для интерпретации прошлого, сколько для легитимации настоящего. Официальный дискурс ис-

5. Миллер А. Введение: большие перемены. Что нового в политике памяти и в ее изучении? // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы: акторы, институты, нарративы / под ред. А. Миллера, Д. Ефременко. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. С. 20.

6. Kolesnik A., Rusanov A. Conservative Public History in Russia // International Public History. 2025. Vol. 8. No. 2. P. 135–141.

7. Koposov N. Memory Laws, Memory Wars…

8. Курилла И. Битва за прошлое…; Wood E. A. Performing Memory and Its Limits: Vladimir Putin and the Celebration of World War II in Russia // The Memory of the Second World War in Soviet and Post-Soviet Russia / ed. by D. L. Hoffmann. London: Routledge, 2021. P. 249–275; Kratochvíl P., Shakhanova G. The Patriotic Turn and Re-Building Russia's Historical Memory: Resisting the West, Leading the Post-Soviet East? // Problems of Post-Communism. 2021. Vol. 68. No. 5. P. 442–456.

пользует язык антифашизма, исторической преемственности и защиты Отечества для интерпретации современных политических конфликтов, включая так называемую «специальную военную операцию» — официальное обозначение российской войны против Украины[9]. В последние годы законодательство о предполагаемом «геноциде советского народа» во время Второй мировой войны расширило правовые рамки, посредством которых официальные исторические интерпретации приобретают политический авторитет, одновременно вытесняя на периферию обсуждение советского насилия и политических репрессий[10]. Таким образом, память о войне превратилась в политическую технологию, с помощью которой оправдывается текущая политика и делегитимируется несогласие. При этом официальный дискурс не отдает предпочтения какой-либо одной исторической традиции, а избирательно соединяет имперские, советские, православные и националистические элементы в гибкий исторический нарратив, центральным образом которого становится сильное российское государство[11]. Очевидные противоречия между этими традициями снимаются благодаря представлению их как последовательных проявлений единой национальной траектории. Такой синтетический исторический нарратив позволяет политическим акторам черпать символические ресурсы сразу из нескольких прошлых, не связывая себя с каким-либо одним идеологическим проектом.

Эта идеологическая гибкость тесно связана с более общей логикой современной российской пропаганды и популистской

9. Серикова А. От Z-музея к музею «СВО»: как менялись «методички» в российских музеях // Дискурс. 2024. 5 ноября. URL: https://discours.io/articles/social/z-museums.

10. Pakhaliuk K. Official Memory Politics, the “Genocide of the Soviet People”, and the Distortion of the Holocaust in Modern Russia // Holocaust Studies. 2025. Vol. 31. No. 4. P. 636–659.

11. Малинова О. Актуальное прошлое…; Malinova O. Political Uses of the Great Patriotic War in Post-Soviet Russia from Yeltsin to Putin // War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus / ed. by J. Fedor, M. Kangaspuro, J. Lassila, T. Zhurzhenko. Cham: Palgrave Macmillan, 2017. P. 43–70.

легитимации. Подобно официальной политике памяти, пропаганда не зависит от последовательной идеологической доктрины, а действует через аффект, многозначность, повторение и стратегическую циркуляцию символических нарративов[12]. История особенно эффективна в этой системе, поскольку эмоционально насыщенные представления о прошлом позволяют связывать индивидуальный опыт с более широкими нарративами коллективной идентичности, одновременно помогая определить «народ» и его предполагаемых внутренних и внешних врагов. Эта логика тесно пересекается с национал-популистской политикой. Как отмечает Николай Копосов, политика памяти в России всё больше смещается от осмысления исторической несправедливости к конструированию и защите национальных нарративов[13]. Посредством коммеморативных практик, законов о памяти, поддерживаемых государством интерпретаций прошлого и более широкой «институциональной среды» политическая власть представляет себя хранителем подлинной национальной истории, тогда как альтернативные интерпретации могут маргинализироваться как угроза нации. Популистские акторы сходным образом получают легитимность за счет присвоения уже существующих исторических и культурных символов, а не обязательно посредством изобретения новых[14]. В этом контексте популярная культура особенно ценна, поскольку ее авторитет основан не на государственных институтах, а на участии аудитории, эмоциональной

12. Hutchings S., Tolz V. Nation, Ethnicity and Race on Russian Television: Mediating Post-Soviet Difference. London: Routledge, 2015; Yablokov I. Fortress Russia: Conspiracy Theories in the Post-Soviet World. Cambridge: Polity, 2018; Laruelle M. Is Russia Fascist? Unraveling Propaganda East and West. Ithaca: Cornell University Press, 2021; McGlynn J. Russia's War.

13. Koposov N. Populism and Memory: Legislation of the Past in Poland, Ukraine, and Russia // East European Politics and Societies and Cultures. 2022. Vol. 36. No. 1. P. 290.

14. Eckersley S. Between Appropriation and Appropriateness: Instrumentalizing Dark Heritage in Populism and Memory? // European Memory in Populism: Representations of Self and Other / ed. by C. De Cesari, A. Kaya. London: Routledge, 2020. P. 210–238.

привязанности и повседневных социальных практиках. Именно поэтому культурные символы оказываются привлекательными для политических акторов, стремящихся создать аффективную идентификацию, хотя их присвоение редко способно устранить конкурирующие интерпретации.

В России этот процесс пересекается с особой формой популизма. Ряд исследователей называет ее «государственным популизмом»[15]. В отличие от классического популизма, противопоставляющего «народ» коррумпированным внутренним элитам, здесь государство — и особенно Владимир Путин — представляется подлинным представителем и защитником российского народа. Главная граница проводится, таким образом, между единым народом-и-государством и их внутренними и внешними врагами. Такой государственный популизм особенно выигрывает от использования культурных символов, легитимность которых кажется исходящей «снизу». В этом отношении Виктор Цой представляет особую ценность, поскольку его культурный авторитет сформировался благодаря популярности среди нескольких поколений слушателей, а не благодаря официальным институтам. Его присвоение позволяет государству связать себя с аутентичностью, которую оно само не создавало.

Виктор Цой как символ перестройки

Чтобы понять современное присвоение наследия Виктора Цоя, необходимо учитывать его особое место в советской и «постсоветской» культурной памяти. Советский рок возник в 1970-е годы и быстро развивался в 1980-е. Хотя его часто описывали как форму культурной оппозиции, более поздние исследования поставили под сомнение простое противопоставление официальной культуры и контркультуры. Рок-музыканты существовали не полностью вне советских институтов, а действовали в сложном поле переговоров, частичного приспосо-

15. State Populism in Russia in a Time of War: Examining Discourses on "Anti-Russian" Sanctions / K. Kaczmarska, I. Busygina, J. Holm-Hansen, M. Handå Myhre // The British Journal of Politics and International Relations. 2025. Vol. 27. No. 4. P. 1312–1340.

бления и неформальной автономии[16]. Рок-клубы, появившиеся в крупных городах, включая Днепропетровск (сейчас Днепр, Украина), Ленинград (сейчас Санкт-Петербург), Москву, Ригу и Свердловск (сейчас Екатеринбург, Россия), давали музыкантам возможность выступать, распространять музыку и формировать аудиторию, одновременно подвергая их различной степени институционального контроля и цензуры[17].

В этом культурном ландшафте группа «Кино» занимала особое место. Основанная в Ленинграде в 1982 году, она соединяла влияние западного постпанка и новой волны с лаконичными и доступными текстами о неопределенности, любви, дружбе, личной ответственности, свободе и стремлении к переменам. В отличие от некоторых современников, активно использовавших литературные аллюзии и сложную поэтическую образность, песни Цоя были прямыми, быстро запоминались и могли сравнительно легко адаптироваться к различным социальным контекстам.

Исключительная популярность «Кино» по всему СССР в конце 1980-х годов совпала с трансформациями, связанными с перестройкой. Такие песни, как «Перемен!» (1989), «Группа крови» (1988) и «Звезда по имени Солнце» (1989), стали широко узнаваемыми культурными символами позднесоветского времени. Выход фильма Сергея Соловьева «Асса» (1987) значительно усилил этот символический потенциал. Финальная сцена фильма, в которой «Кино» исполняет «Перемен!», стала одним из наиболее узнаваемых культурных моментов перестройки,

16. Yurchak A. Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation. Princeton: Princeton University Press, 2006; Zhuk S. I. Rock and Roll in the Rocket City: The West, Identity, and Ideology in Soviet Dniepropetrovsk, 1960–1985. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2010; Fürst J. Flowers through Concrete: Explorations in Soviet Hippieland. Oxford: Oxford University Press, 2021.

17. Steinholt Y. B. Rock in the Reservation: Songs from the Leningrad Rock Club 1981–86. New York; Bergen: Mass Media Music Scholars' Press, 2004; McMichael P. "A Room-Sized Ocean": Apartments in the Practice and Mythology of Leningrad's Rock Music // Youth and Rock in the Soviet Bloc: Youth Cultures, Music, and the State in Russia and Eastern Europe / ed. by W. J. Risch. Lanham: Lexington Books, 2015. P. 183–209.

выразив желание перемен, разделяемое миллионами людей. Хотя сама песня не содержала непосредственной политической программы, она быстро стала ассоциироваться с социальной трансформацией и ожиданиями целого поколения. Последующие интерпретации нередко проецировали на нее более широкие политические смыслы, ретроспективно превращая ее в саундтрек перестройки[18]. Однако популярность «Кино» нельзя объяснить только политикой. Как отмечали многие исследователи, слушателей советского рока часто привлекали не столько прямые политические послания, сколько эмоциональная аутентичность и альтернативные формы социальной принадлежности[19].

Публичный образ Цоя также способствовал этому восприятию. Поклонники и журналисты часто описывали его как искреннего, скромного, независимого и устойчивого к институциональному давлению[20]. В отличие от многих публичных фигур позднесоветского времени, его редко связывали с открытым политическим активизмом. Более того, сам Цой неоднократно отвергал попытки представить его политическим лидером или выразителем какой-либо программы. В интервью он подчеркивал, что его песни посвящены скорее личному, чем политическому опыту, и сопротивлялся попыткам превратить «Кино» в политическое движение[21].

Внезапная смерть Цоя в августе 1990 года в автомобильной аварии еще больше укрепила его символический статус. Его гибель произошла в тот момент, когда советские институты стремительно теряли авторитет, и вызвала немедленную волну публичного траура по всему Советскому Союзу. Со временем

18. Troitsky A. Back in the USSR…

19. Yurchak A. Everything Was Forever, Until It Was No More…; Fürst J. Flowers through Concrete…

20. Бурлака А. Кино: иллюстрированная история группы. СПб.: Амфора, 2014; Барабанов Б. Кино против всех [подкаст] // Чей Цой? 2025. 23 января. URL: https://www.votvot.tv/a/33285077.html.

21. Интервью на кинофестивале «Золотой Дюк» (сентябрь 1988) [видео] // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=h7XZ1Wwujz0; Виктор Цой в передаче «Взгляд» (27 октября 1989) [видео] // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=LxkvUn8EgVk.

Цой занял уникальное место в «постсоветской» культурной памяти: одновременно как музыкант, культурный герой, символ позднесоветской свободы и фигура, на которую разные поколения могли проецировать собственные представления о прошлом[22].

Парадоксальным образом именно отказ от прямой политизации стал одной из причин столь высокой политической адаптивности его песен. Их значения оставались открытыми. Отсылки к переменам, борьбе, ответственности и выбору могли интерпретироваться по-разному, не будучи связанными с конкретной идеологической позицией. Эта символическая открытость стала одной из ключевых характеристик посмертной жизни Цоя.

Присвоение «Перемен»: политическая карьера песни

Наиболее показательным примером политического присвоения наследия Виктора Цоя является история песни «Перемен!». Немногие культурные тексты позднесоветского периода приобрели столь устойчивое символическое значение в настолько разных политических контекстах. На протяжении последних четырех десятилетий к этой песне обращались либеральные реформаторы, оппозиционные движения, националистические организации, государственные институты и антиавторитарные протестующие по всему «постсоветскому пространству».

Хотя в 1990–2000-е годы «Перемен!» оставалась популярной среди уличных музыкантов и продолжала циркулировать как часть повседневной популярной культуры, ее политическое значение стало особенно заметным во время протестных движений конца 2000-х — начала 2010-х годов[23]. На демонстра-

22. Запорожец О., Колесник А. Долгая жизнь мест Цоя: география памяти // Laboratorium: Russian Review of Social Research. 2019. Т. 11, № 2. С. 70–102; Колесник А. Ленинградский рок-клуб в Санкт-Петербурге: от памяти — к культурному наследию // Quaestio Rossica. 2023. Т. 11, № 4. С. 1338–1354.

23. Ганкин Л. «Хочу перемен!»: как песня «Кино» превратилась в главный политический лозунг в России — и почему Цой этого вообще-то не хотел // Медуза. 2017. 20 июня. URL: https://meduza.io/feature/2017/06/20/hochu-peremen-kak-pesnya-kino-prevratilas-v-

циях «За честные выборы» и протестах на Болотной площади в Москве песня стала неофициальным протестным гимном, ассоциировавшимся с требованиями политических перемен и сопротивлением авторитаризму[24]. Ее использование в качестве протестного символа распространилось и за пределы России. В период белорусских протестов 2011 года и особенно 2020 года «Перемен!» стала одним из наиболее узнаваемых музыкальных выражений несогласия. Ее включали на демонстрациях, из окон квартир и в общественных пространствах, несмотря на попытки властей этому препятствовать[25]. В Минске так называемая Площадь Перемен, получившая название в честь песни «Кино» и отмеченная протестными муралами, стала местом концертов, дискуссий и коллективной солидарности[26]. Песня вошла и в символический репертуар протестов Евромайдана в Украине в 2013–2014 годах, где исполнялась как на русском языке, так и в украинском переводе[27]. Это демонстрировало ее способность приобретать локально специфические политические значения, преодолевая языковые и национальные границы.

Однако оппозиционные движения никогда не были единственными акторами, претендовавшими на эту песню в России. Уже к концу 2000-х годов «Перемен!» можно было услышать как на антиправительственных демонстрациях, так и на мероприятиях прокремлевских молодежных движений. В 2011 году Дмитрий Рогозин, на тот момент постоянный представитель России при НАТО, а ныне сенатор Совета Федерации от оккупи-

glavnyy-politicheskiy-lozung-v-rossii-i-pochemu-tsoy-etogo-voobsche-to-ne-hotel.

24. Болотная без «болота» // Интерфакс. 2011. 10 декабря. URL: https://www.interfax.ru/russia/221285.

25. Крутов М. «У людей открылись глаза»: интервью с диджеями, включившими «Перемен!» // Радио Свобода. 2020. 18 августа. URL: https://www.svoboda.org/a/30789759.html.

26. Basik S. Vernacular Place Name as a Cultural Arena of Urban Place-Making and Symbolic Resistance in Minsk, Belarus // Urban Geography. 2023. Vol. 44. No. 8. P. 1825–1832.

27. S.K.A.Y. Ми прагнемо змін [видео] // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=jVqRoSxBAFU.

рованной Россией Запорожской области, процитировал слова Цоя в речи ко Дню Конституции, призывая к «переменам»[28]. После аннексии Крыма в 2014 году эта тенденция усилилась. Официальные нарративы всё чаще интерпретировали перемены не в категориях демократизации, а через национальное возрождение, историческую справедливость, геополитическое усиление и восстановление российского величия. Цоя трудно было превратить в открыто националистическую фигуру, однако семантическая открытость его песен позволяла адаптировать их к патриотическим нарративам.

Политическая карьера «Перемен!» хорошо демонстрирует описанный выше парадокс. Семантически открытые песни вроде «Перемен!» — и, шире, значительная часть репертуара «Кино» — легко присваиваются конкурирующими политическими акторами, но одновременно сопротивляются устойчивой идеологической фиксации. По той же причине наследие Цоя в целом трудно встроить в единый последовательный политический нарратив. Поэтому оно чаще подвергается не тотальному, а селективному присвоению и перекодированию: отдельные песни, образы и эпизоды биографии извлекаются из первоначального контекста и наделяются новыми политическими значениями.

От авторизации к милитаризации: Виктор Цой после февраля 2022 года

Полномасштабное вторжение России в Украину в феврале 2022 года стало поворотным моментом в политическом присвоении наследия Виктора Цоя. Хотя его музыка уже давно циркулировала в различных политических и культурных контекстах, после 2022 года предпринимаются беспрецедентные попытки включить его образ и песни в официальные нарративы патриотизма, национального единства и военной жертвенности. Важно, однако, что эта трансформация началась не с открытой милитаризации. Ей предшествовал более широкий процесс постепенного превращения советского рока из формы верна-

28. Ганкин Л. «Хочу перемен!»…

кулярного наследия в авторизованное культурное наследие[29]. Прежде чем Цоя можно было мобилизовать в поддержку военных нарративов, его необходимо было сначала переопределить как национально признанную культурную икону, символический авторитет которой государство могло присвоить.

Авторизация Цоя: наследие и «культурный код»

Виктор Цой остается одной из центральных фигур российской популярной музыки, а его наследие продолжает занимать заметное место в современной музыкальной культуре. Другие исполнители регулярно записывают каверы на его песни, продолжают выходить трибьют-альбомы, а памятные концерты собирают многочисленную аудиторию. Однако в конце 2010-х — начале 2020-х годов институционализация наследия Цоя заметно ускорилась. Государственно поддерживаемые музеи, выставки, документальные фильмы и коммеморативные инициативы всё чаще представляли его не столько как представителя конкретной молодежной культуры или исторического периода, сколько как национально признанную культурную фигуру, наследие которой можно включить в более широкие нарративы российского культурного наследия.

Помимо нескольких выставок, посвященных изобразительному творчеству Цоя и проходивших в Санкт-Петербурге в 2019–2021 годах, наиболее значительным примером такой институционализации стала масштабная выставка «Виктор Цой: Путь героя»[30], проходившая в московском Манеже в 2022–2023 годах к шестидесятилетию со дня его рождения. Выставка, поддержанная прежде всего Президентским фондом культурных инициатив, привлекла сотни тысяч посетителей

29. Колесник А. Ленинградский рок-клуб в Санкт-Петербурге…; Kolesnik A., Maximova A. Popular Music Heritage in Ekaterinburg: From Seeking Authorisation and Nostalgia for Soviet Rock to Participatory Place-Making // Worlds of Imagination: Media, Place and Tourism / ed. by S. Reijnders, E. Martens, D. Castro, D. Póvoa, A. Nanjangud, R. Schiavone. Abingdon; New York: Routledge, 2024. P. 168–182.

30. Виктор Цой: Путь героя [сайт выставки]. 2022. URL: https://tsoyhero.com/.

и из-за своей популярности дважды продлевалась[31], став одним из крупнейших поддержанных государством проектов по наследию советского рока в современной России.

Само название выставки отражало логику такого переосмысления образа Цоя. Вместо того чтобы прежде всего помещать его в конкретный социальный и культурный ландшафт позднесоветского времени, выставка представляла его через более универсальный архетип героя. На пресс-показе, который я посетила в январе 2022 года, представитель Президентского фонда культурных инициатив назвал Цоя частью «культурного кода России». Эта формулировка показательна: она отделяла его культурное значение от исторического контекста, в котором оно возникло, и переопределяла его как вневременную фигуру национальной культуры.

Сама выставка была чрезвычайно амбициозной. Она объединяла концертные костюмы, гитары, рукописи, личные вещи, письма поклонников, реконструкции кинопроектов, а также иммерсивные реконструкции знаковых песен и мест, связанных с Цоем, включая ленинградскую котельную, где он работал кочегаром в середине 1980-х годов и которую шутливо называли «Камчаткой». Однако при столь пристальном внимании к биографическим деталям более широкий исторический контекст практически отсутствовал. Посетители почти не встречали информации о позднесоветской культурной политике, перестройке, гласности или особой роли рок-музыки в последнее десятилетие существования Советского Союза. Вместо этого на первый план выходили его художественная индивидуальность, личная аутентичность и культурная значимость. Советский рок оставался важной частью рассказа, но включался в более широкий нарратив, который поднимал Цоя над конкретной исторической средой, из которой он вышел.

Такое переосмысление поддерживалось масштабной рекламной кампанией с участием политиков, медийных фигур и блогеров. Куратор Дмитрий Мишенин прямо описывал вы-

31. Продление выставки «Виктор Цой: Путь героя» // Манеж. 2022. 12 апреля. URL: https://moscowmanege.ru/ru/prodlenie-vystavki-viktor-coj-put-geroya/.

ставку как опыт мифотворчества, вдохновленный конвенциями музыкального байопика — жанра, построенного вокруг героического нарратива и потому склонного упрощать сложность конкретного исторического периода[32]. Однако было бы ошибкой интерпретировать этот проект исключительно как пример государственной пропаганды. В его создании участвовали многие близкие соратники Цоя: его друг и промоутер в США Джоанна Стингрей, французский продюсер Жоэль Бастенер, казахстанский режиссер Рашид Нугманов, снявший фильм «Игла» (1988) с Цоем в главной роли, сын Цоя Александр, его вторая жена Наталья Разлогова и участники группы «Кино». Проект стремился не просто реконструировать биографию Цоя, но, по словам Мишенина, создать «Цойленд» — иммерсивную культурную вселенную, демонстрирующую разные стороны его личности[33].

Тем не менее именно благодаря своей насыщенности и кажущейся инклюзивности выставка хорошо демонстрирует более широкий механизм культурного присвоения. Вместо прямого политического послания она превращала Цоя в консенсусный национальный символ, минимизируя историческую и культурную специфику его наследия. В результате такой деполитизации символический авторитет Цоя становился доступным для последующего политического переосмысления. Сформированный таким образом образ хорошо вписывается в российскую политику памяти, которая героизирует советское прошлое и превращает амбивалентные или прежде оппозиционные культурные фигуры в национальных героев, легитимируя их и включая в санкционированный государством нарратив национальной истории.

Визуальная милитаризация и патриотическое перекодирование

Полномасштабное вторжение России в Украину в феврале 2022 года обозначило новый этап политического присвоения

32. Рыжкова А. «Цой на самом деле — трушный стрит-артист» // Медуза. 2022. 10 апреля. URL: https://meduza.io/feature/2022/04/10/tsoy-na-samom-dele-trushnyy-strit-artist.

33. Там же.

советского рока. Если предшествующие годы характеризовались прежде всего авторизацией и канонизацией наследия Виктора Цоя, то в военный период его милитаризация стала значительно более явной. Советский рок, прежде связанный с молодежной культурой, перестройкой и неформальными социальными сетями, начал включаться в официальные нарративы патриотизма, военной жертвенности и национального единства.

Эта трансформация стала частью более широкой переориентации российской культурной политики. С 2022 года музеи, школы, медиаорганизации и культурные учреждения всё активнее согласовывают свою деятельность с военными нарративами, подчеркивающими патриотизм, историческую преемственность и защиту страны. Одновременно усилилось регулирование культурного производства. Зарубежная музыка, особенно произведения украинских исполнителей, сталкивается со всё большим количеством ограничений, тогда как российские музыканты могут подвергаться маргинализации, если их публичные позиции считаются оппозиционными или недостаточно патриотичными[34]. В то же время поддерживаемая государством патриотическая популярная музыка, представленная такими исполнителями, как Shaman, Олег Газманов, Полина Гагарина и Григорий Лепс, получила беспрецедентную институциональную видимость.

В этом контексте советский рок занимает особое положение. Некоторые бывшие советские рок-музыканты, например группа «Чайф», поддержали войну, тогда как многие другие резко выступили против нее, покинули Россию, столкнулись с публичным осуждением или были объявлены «иностранными агентами» — например Юрий Шевчук и группа «ДДТ» или Борис Гребенщиков и группа «Аквариум». В отличие от новых продвигаемых государством патриотических исполнителей, Виктор Цой — посмертная культурная фигура, чей авторитет не был создан государством. Его музыка остается узнаваемой для разных поколений и обладает мощным эмоциональным

34. Ganskaya E. Back in the U.S.S.R.: Russian Popular Music in the Times of Military Censorship // IASPM Journal. 2024. Vol. 14. No. 2. P. 30–51.

воздействием, что превращает его наследие в особенно ценный символический ресурс военной патриотической мобилизации. Один из наиболее ярких примеров такого переосмысления — песня «Группа крови». Выпущенная в 1988 году, она рассказывает о солдате, ожидающем отправки на войну и сталкивающемся с возможностью собственной смерти. Хотя песню часто интерпретируют как антивоенную, ее текст намеренно остается неоднозначным: он не героизирует военную службу, но и не осуждает ее напрямую. Такая семантическая открытость сделала возможными последовательные политические переинтерпретации. После 2022 года «Группа крови» всё чаще появляется в видеороликах в поддержку российской армии, военных медиапроектах, памятных мероприятиях и публичных выступлениях, связанных с продолжающейся войной против Украины. Песню даже включали в репетиции парадов Победы в 2024 и 2025 годах[35]. Отделенные от первоначального исторического контекста, мотивы жертвы и военного опыта перекодируются в языке патриотического долга. Этот процесс усиливается благодаря циркуляции песни на цифровых платформах: согласно данным «Яндекс Музыки», одного из крупнейших российских стриминговых сервисов, после российского вторжения в Украину число прослушиваний песен Цоя удвоилось, а «Группа крови» стала самой прослушиваемой его композицией на платформе[36]. Строка «Пожелай мне удачи в бою» приобрела особый резонанс среди российских военнослужащих и их семей во время продолжающейся войны в Украине.

Милитаризация репертуара Цоя заметна и в образовательной сфере. Документальный фильм Павла Таланкина и Дэвида Боренштейна «Господин Никто против Путина» (Mr. Nobody Against Putin, 2025), посвященный милитаризации российских школ, включает показательную сцену, в которой

35. Воронежский М. Солдаты спели «Группу крови» Виктора Цоя на Красной площади // Газета.Ru. 2025. 9 мая. URL: https://www.gazeta.ru/culture/news/2025/05/09/25738286.shtml.

36. Дроздова А. «Яндекс Музыка» изучила популярность песен культовой группы «Кино» // Buro 24/7. 2023. 15 августа. URL: https://www.buro247.ru/news/culture/15-aug-2023-yandex-music-popularity-group-kino.html.

дети маршируют строем под песню «Звезда по имени Солнце»[37]. Выпущенная в 1989 году, эта песня стала одной из самых узнаваемых композиций группы. Ее текст представляет собой философское размышление о современном мире, насилии, индивидуальном выборе и человеческой уязвимости и часто интерпретируется как несущий антивоенный смысл. Саму сцену в документальном фильме можно прочитать иронически или даже как тонкую форму сопротивления обязательным построениям и военной подготовке, ставшим частью повседневной жизни многих российских школ. Однако школьникам младших классов, показанным в фильме, исторический контекст песни и ее интерпретационная неоднозначность не объясняются. Вне этого контекста песня может функционировать просто как эмоционально сильное сопровождение военного ритуала. Наряду с «Группой крови», «Звезда по имени Солнце», таким образом, становится частью формирующегося патриотического репертуара, в котором советский рок используется как саундтрек военного воспитания и гражданской мобилизации.

Похожая трансформация произошла с песней «Кукушка» (1991). Хотя она вновь приобрела популярность благодаря многочисленным кавер-версиям, ее политическая переинтерпретация в значительной степени была связана с исполнением Полины Гагариной в качестве саундтрека в российско-украинском фильме «Битва за Севастополь» (2015). Аранжировку подготовил грузинско-украинский продюсер Константин Меладзе, ставший чрезвычайно популярным в России в 2000-е годы. Парадоксально, что фильм рассказывает историю Людмилы Павличенко — знаменитой украинской снайперки времен Второй мировой войны. Изначально «Кукушка» представляла собой рефлексивную композицию об экзистенциальном выборе, внутренней свободе и ответственности, однако благодаря кинематографической интерпретации приобрела отчетливо патриотическое и военное звучание. Кульминации этот процесс достиг после полномасштабного вторжения России в Украину: 18 марта 2022 года Гагарина исполнила песню на митинге-кон-

37. Mr. Nobody Against Putin [фильм] / dir. by D. Borenstein, P. Talankin. Made in Copenhagen; Pink Productions, 2025.

церте в «Лужниках», посвященном годовщине аннексии Крыма. Мероприятие проходило под лозунгом «За мир без нацизма» и было визуально оформлено вокруг буквы Z, ставшей одним из символов «специальной военной операции». На Гагариной была георгиевская лента, сложенная в форме символа Z. Таким образом, жесты, первоначально встроенные в эмоциональную структуру исполнения песни, были превращены в визуальные утверждения военного патриотизма[38].

Сам образ Цоя также вошел в откровенно милитаризированные визуальные режимы. С 2022 года социальные сети и провоенная визуальная культура всё чаще изображают его в современной военной форме или рядом с символами, связанными с российской войной против Украины, ретроспективно помещая его в политический контекст, которого не существовало при его жизни. Показателен пример выставки художника Алексея Сергиенко, прошедшей в июне 2022 года в Санкт-Петербурге, на которой он представил картину с изображением Цоя в современной военной форме и включил его образ в символическое пространство «специальной военной операции»[39]. Семантическая открытость песен Цоя распространяется, таким образом, и на его посмертный образ: отдельные мотивы, связанные с мужеством, борьбой и аутентичностью, могут быть отделены от первоначальных контекстов и перекодированы в откровенно патриотических и милитаризированных терминах.

Цой между новым патриотическим консенсусом и коммерциализацией

Современный проект «Кино» остается вместе с тем коммерчески весьма успешным. После получения исключительных

38. Полина Гагарина спела «Кукушку» на концерте к годовщине присоединения Крыма // Канобу. 2022. 18 марта. URL: https://kanobu.ru/news/polina-gagarina-spela-kukushku-na-kontserte-po-sluchayu-prisoedineniya-kryima-449632/.

39. Родионова В. В Санкт-Петербурге презентовали портрет Виктора Цоя с Z-нашивкой // Ридус. 2022. 22 июня. URL: https://www.ridus.ru/v-sankt-peterburge-prezentovali-portret-viktora-coya-s-z-nashivkoj-383413.html.

прав на произведения Цоя и «Кино» сын музыканта Александр Цой стал продюсером группы и полноправным участником возрожденного проекта[40]. В 2019 году «Кино» объявило о возвращении на сцену, используя на концертах архивные записи голоса Цоя. С тех пор группа активно гастролирует по России и «постсоветскому» региону. На 2022 год были запланированы концерты и в Украине, однако после полномасштабного российского вторжения они были отменены. Возрождение группы сопровождалось ремастерингом и переизданием многочисленных альбомов, а также публикацией ранее не издававшихся записей.

При этом участники «Кино» в основном воздерживаются от комментариев относительно политического присвоения песен и образа Цоя и последовательно придерживаются деполитизированной публичной позиции. В интервью они подчеркивают, что творчество Цоя не было политическим, часто ссылаясь на собственные высказывания музыканта. Особенно последовательно эту интерпретацию формулирует гитарист группы Юрий Каспарян[41]. Отец Цоя — единственный близкий родственник, публично предположивший, что его сын поддержал бы войну против Украины, аргументируя это тем, что тот был патриотом[42]. Однако более широкое молчание группы оставляет значительное пространство для политических акторов, коммерческих посредников и аудиторий, которые могут интерпретировать наследие Цоя в собственных целях. Таким образом, деполитизированная позиция позволяет возрожденному проекту «Кино» сохранять широкую коммерческую при-

40. Басманный суд встал на сторону сына Виктора Цоя // InterMedia. 2017. 9 июня. URL: https://www.intermedia.ru/news/310859.

41. Быков Д., Балашов Е. Юрий Каспарян: «Песню „Перемен!“ политизировал Борис Ельцин» // MAXIM. 2021. 31 октября. URL: https://www.maximonline.ru/entertainment/yurii-kasparyan-pesnyu-peremen-politiziroval-boris-elcin-id688839/.

42. Пучкарев А. Отец Цоя заявил, что его сын был патриотом и поддержал бы спецоперацию на Украине // Daily Storm. 2022. 16 мая. URL: https://dailystorm.ru/kultura/otec-coya-zayavil-chto-ego-syn-byl-patriotom-i-podderzhal-by-specoperaciyu-na-ukraine.

влекательность и одновременно облегчает циркуляцию образа Цоя между конкурирующими политическими контекстами.

Эта неоднозначность особенно ярко проявилась в сентябре 2023 года, когда появилась информация о том, что группа «Кино» претендует на президентский грант в размере 26,5 млн рублей для организации патриотического тура[43]. Предполагалось, что тур пройдет по городам, где расположены крупные российские военно-морские базы: Санкт-Петербургу, Североморску, Калининграду, Астрахани, Владивостоку и Севастополю в аннексированном Крыму. Заявленной целью было поднятие морального духа военнослужащих. Проект под названием «Кино и флот» был подан в Президентский фонд культурных инициатив. В заявке делался заметный акцент на патриотических целях: слова «патриотизм» и «патриотический» повторялись несколько раз, а «Кино» описывалось как «патриотическая группа», способная продемонстрировать значение общественного единства, укрепить моральный дух и передать энергию, которая некогда символизировала духовность. Таким образом, «Кино» ретроспективно приписывалась последовательная патриотическая идентичность, которой ни группа, ни Цой в советский период не формулировали. Как позднее объяснил журналист Борис Барабанов в подкасте «Чей Цой?», предложение исходило не непосредственно от «Кино», а от людей, связанных с группой в настоящее время. Он предположил, что эта инициатива могла быть способом проверить лояльность группы властям[44]. Комментируя сообщения, Александр Цой заявил на официальном сайте группы, что все подтвержденные концерты публикуются там и что никакого тура по городам с военно-морскими базами запланировано не было. Его ответ дистанцировал группу от конкретной инициативы, но не за-

43. Петрова Е. Группа «Кино» с виртуальным Цоем просится в патриотический тур за 26,5 млн рублей // Новые Известия. 2023. 9 сентября. URL: https://newizv.ru/news/2023-09-09/gruppa-kino-s-virtualnym-tsoem-prositsya-v-patrioticheskiy-tur-za-26-5-mln-rubley-418851.

44. Барабанов Б. Звезда или Zвезда? [подкаст] // Чей Цой? 2025. 6 марта. URL: https://www.votvot.tv/a/33338350.html.

трагивал более широкий вопрос политического присвоения репертуара «Кино».

Одновременно новые проекты, связанные с «Кино», демонстрируют значительный коммерческий потенциал наследия Цоя. В 2024 году коммерческая циркуляция его образа получила новый импульс благодаря масштабной коллаборации «Кино» со Сбербанком, крупнейшим банком России. 12 октября в петербургском «Севкабель Порту» открылась выставка-байопик «Виктор Цой: Легенда», созданная бюро Planet9 как продолжение предыдущей выставки «Цой: Путь героя». Сбербанк выступил генеральным партнером проекта[45]. В рамках сотрудничества банк выпустил СберКарты, оформленные в виде аудиокассет, с изображениями звезд и солнца и цитатами из песен «Кино»[46].

Таким образом, милитаризация и коммерциализация предстают не как противоречащие, а как взаимно усиливающие процессы: оба способствуют постоянной циркуляции и воспроизводству образа Цоя. Подчеркнутая деполитизация его фигуры со стороны группы, членов семьи, музыкального сообщества и поклонников дополнительно облегчает этот процесс, отделяя его наследие от конкретного исторического и политического контекста позднесоветского рока и возвращая его в обращение как легко узнаваемый символ национальной культуры. Такая деконтекстуализация делает образ Цоя доступным для различных форм присвоения, включая пропагандистское.

Заключение

Как отмечает Джейд Макглинн, современная российская пропаганда часто встраивает политические послания в знакомые культурные рамки, а не представляет их в форме прямых идеологических директив[47]. Наследие Цоя наглядно демонстрирует

45. Виктор Цой: Легенда [сайт выставки]. 2024. URL: https://tsoylegend.ru/.

46. Тимошенко А. Группа «Кино» для клиентов Сбера: банковская карта в виде кассеты, стикеры, ожившие картины // INFOKAM. 2024. 10 октября. URL: https://infokam.su/gruppa-kino-dlya-klientov-sbera-bankovskaya-karta-v-vide-kassety-stikery-ozhivshie-kartiny.html.

47. McGlynn J. Russia's War. P. 25–26.

этот механизм. Его песни и публичный образ обладают эмоциональной и культурной легитимностью, которую официальные патриотические нарративы не способны легко создать самостоятельно. После 2022 года этот уже существующий авторитет сделал возможной более явную милитаризацию: отдельные песни и образы вошли в военные коммеморации, патриотические выступления, образовательные ритуалы и провоенную визуальную культуру, где были переосмыслены через темы мужества, жертвенности, единства и воинственного патриотизма.

Однако превращение Цоя из символа позднесоветской альтернативной культуры в официально признанную фигуру национальной культуры началось не с полномасштабного вторжения России в Украину. Основа для этого была заложена в предыдущее десятилетие посредством постепенной канонизации, деполитизации и коммерциализации его наследия. Музеи, выставки, коммеморативные мероприятия, коммерческие проекты и возрожденная группа «Кино» способствовали отделению образа Цоя от исторического контекста перестройки и его помещению в более широкий нарратив национальной культурной преемственности. Эту трансформацию можно понимать как процесс присвоения и легитимации: включение фигуры, прежде ассоциировавшейся с альтернативной культурой, в официально санкционированный репертуар национального наследия. Такое присвоение не требовало единой политической интерпретации. Напротив, его эффективность была связана именно со способностью Цоя восприниматься как знакомая, доступная, разделяемая множеством людей и как будто находящаяся вне политики фигура. Коммерциализация усиливала этот процесс, повышая узнаваемость и эмоциональную доступность его образа, тогда как деконтекстуализация делала отдельные элементы его наследия более доступными для новых политических значений.

Присвоение не означает полного контроля. Культурный авторитет Цоя отчасти основан именно на тех качествах, которые препятствуют его устойчивой идеологической фиксации: аутентичности, независимости, неоднозначности и дистанции от институциональной власти. Семантическая открытость его песен позволяет им циркулировать среди оппозиционных дви-

жений, государственных институтов, патриотических организаций и сменяющих друг друга поколений слушателей. Спустя более трех десятилетий после смерти Цой остается культурной иконой, на которую претендуют конкурирующие акторы, но которая не принадлежит полностью никому.

DOI: 10.55167/ced1fbedf5ce

Университетская жизнь

Конец математики?

Доктор физико-математических наук, профессор Свободного университета

Встревоженные граждане сообщают: после того как искусственный интеллект начал работать на полную катушку, занятия математикой начинают терять смысл. Ну вот не далее как вчера, прошлой ночью, было опубликовано — уже не одна, не две, а 722 проблемы, которые решила какая-то хитрая экспериментальная модель от OpenAI, недоступная для широкого пользователя.

Среди прочих есть и несколько проблем, относящихся к моей науке. В частности, решили проблему Капланского — о том, что групповое кольцо не имеет делителей нуля. Есть и несколько других важных проблем, в частности про группу Томпсона. Но это детали.

Штош! Сюрприз: математика изменилась, и она стала совсем другой буквально за пару лет. И, увы, все люди, которые много лет занимались решением сложных именных проблем, могут теперь не беспокоиться: их дозор закончен. Их любимые гробы, скорее всего, скоро расколят.

Иными словами, такой (условно) олимпиадный подход к математике — как к решению сложных, многосоставных головоломок — больше не актуален. То же самое случилось с людьми, умевшими лихо вычислять, после появления математического софта типа Sage и Wolfram. То же случилось с людьми, обладавшими сверхъестественной планиметрической интуицией, после появления GeoGebra.

Точно так же пропали люди, которые умели долго и много ходить, — появились машины. Пропали куда-то люди, которые умели стрелять из лука, пользоваться астролябией и так далее. Многие вещи, которые относятся к скиллам математика, скажем так, XX века, имеют такое же отношение к скиллам математика современного, как фехтование к боевому делу.

Это плохо? Это так. Отныне роль человека математического стала совсем другой. Сформулировать её чётко сейчас ещё трудно. Но понятно, что это человек, который обязан обладать скиллами в области искусственного интеллекта, должен уметь сопоставлять разные разделы математики, должен заниматься исследованием не узких вопросов, а широких. И очень хорошо понимать, чем (и зачем) он интересуется.

Когда Гёдель доказал свою великую теорему, многие считали, что математика закончилась, потому что отныне нельзя быть уверенным в том, что ты сможешь что-то доказать. Сейчас же трясёт от обратного: многим кажется, что математика закончилась, потому что теперь всё что угодно можно доказать при помощи машин, только промпт напиши.

И тогда это было не так, и сейчас это не так. Это не конец математики, а начало чего-то совершенно нового. А вот как мы будем к этому приспосабливаться и кто из действующих учёных с новой реальностью уживётся, а кому пора писать заявление и искать себе новую работу, — вот это большой вопрос.

DOI: 10.55167/cc8a7cfdbd55